

АЛЕКСАНДР МИХАЛЕНКО
МАРИНА КОЛЕСНИЧЕНКО

СПРАЧЕ
диалог о словах и языке

лингвистика
компаративистика
этимология

Александр Михаленко
Марина Колесниченко

ДИАЛОГ О СЛОВАХ И ЯЗЫКЕ

Лингвистика. Компаративистика. Этимология

Красноярск
2020

Оглавление

От авторов.....	4
Глава 1. Язык слов.....	8
Глава 2. Этимология.....	110
Глава 3. Языковое родство и праязыки.....	165
Глава 4. Фонетические закономерности.....	268
Глава 5. Заимствования и кальки.....	342
Глава 6. Семантика.....	420
Вместо заключения.....	462

От авторов

Здравствуйтесь, уважаемый читатель! Меня зовут Марина. Я работаю журналистом-фрилансером, печатаю небольшие статьи для различных журналов и сайтов. Объектом моего исследования часто становятся люди малоизвестные, но по-своему уникальные. Это и начинающие писатели, и актёры, и музыканты, в которых я вижу большой потенциал. В век интернета разыскать таких людей не составляет особого труда. Но эта книга будет вовсе не о человеке.

В 2014 году, гуляя по страницам интернета, я совершенно случайно наткнулась на паблик в соцсети ВКонтакте под названием «Интересная этимология». Александр Михаленко, создатель этого сообщества, выкладывает там свои статьи о происхождении слов и выражений в различных языках мира, а также свои рассуждения о языках и их истории. Мне захотелось пообщаться с ним, побольше узнать о его увлечении, но он оказался скрытным человеком и на контакт шёл неохотно. Моя навязчивость в конце концов дала свои плоды, и я смогла уговорить его дать небольшое интервью о его творчестве. И началось...

Общение растянулось на три месяца, переписка составляла сотни страниц текста. Мы общались на самые разные темы, связанные с языком и словами, и всё это было так интересно и занимательно. Сложнейшие вопросы лингвистики и этимологии становились такими понятными и доступными в объяснениях Александра, что хотелось углубляться всё дальше и дальше. Большая часть нашей переписки легла в основу небольшой

книжки «Интересная этимология, или почему слова такие разные», опубликованной в 2015 году в интернете. Но этим дело не закончилось. В 2016 году мы решили продолжить работу над книгой и сделать переиздание. И вот, уважаемый читатель, оно перед вами.

Марина Колесниченко (М.К.)

Здравствуйте, мой дорогой читатель. Меня зовут Александр. Я работаю учителем истории в общеобразовательной школе, но большую часть жизни увлекаюсь лингвистикой. Из всех областей этой сложной науки больше всего меня привлекает этимология. Почему? Трудно сказать. Для кого-то она является ключом к пониманию истории отдельных языков, народов, культур. Для меня всё это тоже интересные вещи, но, наверное, не в них дело. Есть что-то магическое в истории слов, что-то очень завораживающее. Слова появляются и исчезают, меняют форму и значение. Вместе со словами меняется и весь язык. Наблюдать этот процесс изнутри для меня особенно интересно.

Первый вариант этой книги, который мы опубликовали в 2015 году, был большей частью посвящён именно этимологии. Мы очень торопились с её изданием, поэтому допустили немало ошибок и неточностей, а значительную часть переписки об общих вопросах лингвистики и вовсе забыли включить. Многие главы переработаны более чем наполовину, добавлены новые данные, приведены ссылки на свежие издания, которые также могли бы заинтересовать любопытного читателя. Работа заняла много времени, но оно того стоило.

Мы полностью изменили концепцию книги. Теперь она состоит из шести глав, но тематически делится на три крупных блока. Названия этих блоков вы могли прочесть в названии самой книги: «Лингвистика. Компаративистика. Этимология».

Блоку «Лингвистика» посвящена вся первая глава книги, которая называется «Язык слов». Мы считаем важным начать наш рассказ об истории слов издавна – с азов лингвистической науки. Важно знать, что такое язык, каковы его функции, какова его история, как классифицируются языки мира. Этимология – это «высшая математика», которую невозможно постичь без «арифметики» и «алгебры», то есть без базовых знаний о языке как таковом.

Незнание основ лингвистики ведёт к грубейшим ошибкам в рассуждениях об истории слов, к которой многие относятся слишком легкомысленно. В последнее время много спекуляций в области исторической науки связано именно с «жонглированием словами», попытками на основе ложных этимологических построений доказать, что та или иная страна имеет более древнюю или более короткую историю, чем это принято считать. Это отвратительное явление в массовой культуре (к счастью, не в официальной науке) мы особенно подробно обсудили в главе второй, которая называется «Этимология».

Второй блок «Компаративистика» раскрывается в главе третьей, которая называется «Языковое родство и праязыки». Тот факт, что все языки мира родственны, известен, наверное, только профессиональным лингвистам. Мало кто знает и о том, что языки, как и люди, создают семьи, которые со временем расширяются, распадаются, иногда сходятся вновь. Языки кочуют по планете, удаляясь друг от друга на большие расстояния,

соседствуют с другими языками, влияют на них и сами испытывают на себе многочисленные влияния извне. История слов может многое поведать о родстве языков, а знания о том, как разрасталось «языковое древо» из единого корня, могут помочь исследовать пути миграций древних людей и ответить на самые сложные вопросы лингвистики: где возник первый человеческий язык и каким он был?

Блоку «Этимология» посвящены главы вторая («Этимология»), четвёртая («Фонетические закономерности»), пятая («Заимствования и кальки») и шестая («Семантика»), в которых говорится о том, откуда происходят слова языка, как они изменяются со временем и почему эти изменения происходят.

Надеюсь, что вы, дорогой читатель, по достоинству оцените наш труд, узнаете много нового и интересного о лингвистике и этимологии. Приятного вам чтения.

Александр Михаленко (А.М.)

Глава 1. Язык слов

М.К. Вопрос о том, что такое язык, насколько я понимаю, уже давно решён. За многие годы существования науки лингвистики, я думаю, уже выработалось какое-то общее определение.

В моём понимании, язык – это определённая система слов и правил, по которым эти слова функционируют. Например, если взять русские слова *он, играть, с, мяч* и поставить их в нужной последовательности и в нужных формах, то выйдет целое предложение: *Он играет с мячом*. Так же дела обстоят в любом другом языке. Грамматика – это «скелет» языка, а лексика – его «набивка». Вместе они составляют целый язык. Но это, так сказать, только моё примитивное понимание языка. Права я хоть в чём-то?

А.М. И да и нет. Понятие язык – центральное в лингвистике, но, как ни странно, именно ему сложнее всего дать более или менее точное определение. Всё зависит от того, как рассматривать язык, с каких позиций. Естественно, что у философов, историков, антропологов взгляды по этому поводу одни, у лингвистов – другие.

Есть обыденное понимание языка, а есть строго научное. Эти два понимания в чём-то совпадают, а в чём-то и различаются. Чтобы нам лучше во всём это разобраться, давай с тобой порассуждаем немного. Как тебе кажется, для чего нужен язык?

М.К. С помощью языка мы общаемся с другими людьми, передаём какую-то важную для нас информацию, делимся сво-

ими переживаниями, приказываем, требуем, жалуемся на соседей и плохих начальников. Основное – это общение. Я так думаю.

А.М. И с этим не поспоришь. Язык, действительно, служит нам для передачи информации. Это его главнейшая функция. Но эта передача может происходить в как бы разных временных планах. Мы можем передавать информацию здесь и сейчас, общаясь на бытовые темы, рассказывая или комментируя что-то. Но язык также позволяет нам передавать информацию из поколения в поколение. Это тоже особая функция языка.

Без языка мы бы не смогли передавать накопленные знания и опыт другим людям, поэтому можно сказать, что язык во многом определил развитие всего человечества.

М.К. Да, это правда. Сложно себе представить, что новое знание было бы утрачено со смертью человека, который его открыл, но не сумел передать остальным. Это бы явно не способствовало прогрессу общества. Выходит, что язык сделал из обезьяны человека, а не труд, как считают марксисты?

А.М. Ну, роль труда нельзя недооценивать. Я думаю, Карл Маркс и Фридрих Энгельс были правы во многих своих рассуждениях, в том числе, кстати, и о языке. Они утверждали, что язык и труд сработали вместе: потребность общения в процессе труда привела к появлению языка. Марксисты вообще на удивление много внимания уделяли языку.

Важно то, что язык позволил человеку сделать рывок вперёд, эволюционировать из существа с примитивными орудиями труда в руках до высокоразвитого существа – современного человека, покоряющего самые крупные горные вершины, запус-

кающего в космос ракеты, создающего прекраснейшие произведения искусства.

Я считаю, в этом смысле язык – это уникальный дар, которым эволюция не наделила другие существа на нашей планете. В то же время это такой же инструмент, как цепкие руки у обезьяны или острые зубы у хищного волка. Если быть ещё точнее, то язык – это исключительный инструмент вида *Homo sapiens*, к которому мы все относимся.

М.К. А у животных разве нет своего языка? А как же язык попугаев или дельфинов?

А.М. То, что иногда называют языком животных, вряд ли можно поставить в один ряд с тем, что представляет собой наш человеческий язык. Некоторые животные издают какие-либо звуки, но набор этих звуков очень ограничен. Когда мы слышим, как шипит кот, чувствуя неприязнь к чему-то, или мычит корова, глядя на другую корову из-за забора, мы не можем сказать, что они разговаривают. С помощью ограниченного набора звуков животные могут выражать свои намерения, привлекать внимание других животных или отгонять их от себя, предупреждать о чём-то. Но они не могут передавать информацию при помощи слов, наделённых смыслом, как это делаем мы. Их звуки не осмыслены, они рефлекторны. Поэтому в отношении животных понятие язык применяют нечасто, в ходу другой термин – коммуникативные системы животных.

С языком человеческим нельзя сравнивать язык попугаев, которые могут произносить целые слова или предложения, иногда даже очень отчётливо. Ведь птица не может осмыслить их. Щебеча *Яшка дурак*, волнистый попугай не понимает того, что он ругает сам себя. Естественная коммуникативная система

птиц – щелбет и свист, а не заученные на человеческом языке фразы.

Вот у дельфинов действительно есть что-то похожее на язык. Они используют большое количество звуков, одних разновидностей свистов у них более сотни. Есть исследования, которые показывают, что дельфины имеют свои имена и откликаются только на них. Это явление по-своему интересное, но пока недостаточно изученное, поэтому на данный момент считать дельфинов «братьями по языку» не спешат.

М.К. Но теоретически всё же дельфины могут иметь очень сложный язык, подобный нашему? Они животные явно умные, высокоорганизованные. Мы тоже часть животного мира, о чём полезно помнить. Странно, что язык появился только у нас.

А.М. Вообще же, если вспомнишь, мы и пытаемся сейчас понять, что такое язык. Если учитывать только то, что язык нужен для передачи информации, пренебрегая тем, о чём нам говорит лингвистика, то почему бы и язык дельфинов не поставить в один ряд с языком человека... Я тоже думаю, что язык может быть и у дельфинов. Но это совсем другой язык, не такой, как у нас.

М.К. Я недавно читала статью об обезьяне по имени Уошо. Её почти научили говорить, но не с помощью звуков речи, а с помощью жестов. Выходит, и приматы способны к языкам?

А.М. Да, это очень любопытная история. Обезьяна Уошо – это далеко не единственный пример. Попытки научить человекообразных обезьян говорить предпринимались едва ли не с

начала прошлого столетия. В большинстве своём они были безуспешными, но кое-что любопытное в этих экспериментах выявить удалось.

В 1950-х годах была предпринята попытка научить шимпанзе по кличке Вики речи, но она едва научилась произносить четыре английских слова: *tata*, *papa*, *ip* и *cip*. Исследователи Кит и Кэтрин Хейз пришли к выводу, что научить обезьян говорить невозможно. Но другие исследователи, Аллен и Беатрис Гарднеры, заметили, что Вики сопровождала свои попытки что-то сказать жестами. В 1966 году они взяли самку шимпанзе по кличке Уошо и принялись обучать её амслену – американскому языку глухонемых (American Sign Language). Результат оказался ошеломляющим: Уошо выучила около 350 «слов» этого языка и умело их использовала. Показательно, что своего детёныша Уошо также обучала этому языку.

Много попыток научить обезьян говорить предпринималось в дальнейшем. Исследовательница Франсин Паттерсон в 1970-х годах обучила гориллу Коко амслену, причём на этом языке Коко шутила и даже обзывалась (то же, кстати, иногда делала и Уошо), используя обычные «слова» своего языка в переносном смысле (например, слово «грязный» было использовано в значении «плохой»).

Также известен эксперимент 1980-х годов с самцом бонобо Канзи, за которым наблюдала приматолог Сью Сэведж-Рамбо. Канзи называли «гением среди приматов». Это детёныш другой испытуемой, самки бонобо Мататы, которую пытались обучить языку лексикограмм йеркишу (Yerkish). Матата не очень хотела учиться, отлынивала, а её смышлёный сынишка, просто наблюдая за мамой, стал активно осваивать этот язык. В итоге ему удалось научиться нескольким сотням лексикограмм.

Получив такое «образование», он даже стал альфа-самцом в своём сообществе бонобо.

М.К. Ничего себе. Образование – сила. Выходит, всё же мы можем говорить о языке обезьян? Ведь если обезьяны воспринимают наш жестовый язык и даже передают его дальше своим детям, то теоретически они могут нам о многом поведать?

А.М. Да, они могут. Но не хотят.

М.К. Почему?

А.М. Наверное, боятся, что тогда их заставят работать.

М.К. Шутка засчитана. И всё же, почему?

А.М. Мне кажется, мы не сможем научить их человеческому языку. Жестами они могут многое передать, это доказывают многочисленные исследования. Но говорить так же, как мы, они не могут из-за иного устройства артикуляционного аппарата, развития мозга. Обезьяны не способны выучить даже жестовый язык на уровне взрослого человека, они задерживаются на каком-то своём уровне, примерно соответствующем уровню двухлетнего ребёнка. В этом языке есть отдельные «слова», но нет «грамматики».

М.К. Ладно, довольно о животных. Давай о нас, о людях. Мы живём в обществе. Очевидно, что язык был необходим людям, чтобы построить это общество. В то же время и без общества, как мне кажется, и сам язык бы не возник. Парадокс какой-то. Что по этому поводу скажешь?

А.М. Тут ты абсолютно права. Учёные отмечают, что без языка едва ли было бы возможно существование нашего общества. Мог бы человек нормально существовать сегодня, не имея возможности говорить? Такие люди, увы, в нашем обществе есть – их называют немыми. Этот недуг очень распространён, поэтому, казалось бы, нет в этом ничего необычного. А что бы было, если бы вдруг все люди на планете перестали говорить? Все до единого! Представить такое сложно. Но можно сказать без всякого сомнения, что тот мир, к которому мы привыкли, стал бы совсем иным. Мы бы очень быстро деградировали, если бы не нашли иного способа общаться. Но любой другой способ, согласись, был бы менее эффективен, так как на данном этапе нашей эволюции вербальная (словесная) коммуникация достойных заменителей не имеет.

С другой стороны, сам язык вне общества не существует. Это утверждение проверить гораздо проще, чем предыдущее, поскольку мы можем выйти за рамки одного лишь мысленного эксперимента. Язык – это дар природы, как было сказано выше, но он не даётся всем от рождения вместе с нашими биологическими способностями. Известно немало историй, когда дети, предоставленные сами себе по воле случая или из-за жестокости людей, не могли научиться говорить. При этом они развивали все свои биологические способности (умение дышать, ходить, бегать). Вырастая, такие дети внешне ничем не отличались от нас с тобой, но едва ли они могли бы ужиться в нашем обществе.

М.К. Да, я слышала о детях-маугли. Правда, я не знаю ни одного реального случая. Мне вообще казалось, что это такой литературный образ, не более того.

А.М. Образ, конечно, нам известен больше из литературы. Но были свои прототипы у таких литературных героев. Судьба их зачастую была более печальной, чем судьба героя Редьярда Киплинга.

Широко известен случай девочки Джини из города Аркадия в Калифорнии. Девочка провела четырнадцать лет своей жизни в отдельной комнате и почти никогда не слышала человеческой речи. Отец жестоко подавлял все попытки ребёнка заговорить в детстве битьём палкой, запрещал матери и брату общаться с ней. Правоохранительные органы узнали об этом в 1970 году. Девочку изъяли из семьи. Отец, пытаясь избежать сурового наказания, покончил с собой. Про других членов семьи мало что известно. Лингвист Сьюзан Кёртис, работавшая с Джини, сумела добиться крохотного прогресса в речевом развитии, но научить её свободно говорить по-английски так и не смогла.

Давно обсуждается в различных кругах другой случай, описанный индийским психологом Ридом Сингхом. В 1920 году недалеко от современного индийского города Мидинипур в Западной Бенгалии были найдены две девочки, которые жили вместе с волками. Одна из них, Амала, вскоре умерла, а другая, Камала, прожила ещё почти десять лет. Некоторые считают эту историю выдуманной или сильно приукрашенной, поскольку прямых свидетельств того, что девочки были воспитаны волками, не существует.

Рид Сингх поначалу отмечал такие особенности поведения девочек: бодрствовали ночью и спали днём, ходили и бегали на четвереньках, ели с пола, лакали воду, рычали на людей, царапались и кусались, выли как волки. За несколько лет жизни Камалы в обществе ей частично удалось отвыкнуть от звериных привычек: она научилась стоять, ходить (но продолжала бегать

на четвереньках), есть из тарелки и пить из стакана. За семь лет она смогла выучить всего сорок пять слов. В итоге заговорить по-настоящему она тоже не смогла.

Не менее печальна и вместе с тем удивительна судьба другого найдёныша – Каспара Хаузера, известного как «дитя Европы». Судьба этого юноши загадочна. Он появился будто из ниоткуда в 1828 году в Нюрнберге. По свидетельствам очевидцев, едва держался на ногах, вёл себя очень странно. Попытки накормить его мясом с пивом не увенчались успехом: ел он только чёрный хлеб, пил только воду. На вид ему было лет шестнадцать или семнадцать. Каспар почти не говорил и не понимал окружающих. Он часто повторял одну и ту же фразу на диалектном немецком: «Я хочу быть кавалеристом, как мой отец». Полицейские решили, что имеют дело со слабоумным. Подсунув ему лист бумаги и чернила, они удивлённо наблюдали, как «слабоумный» вычерчивает своё имя – Kaspar Hauser.

Доктор Прой, наблюдавший за Каспаром по поручению бургомистра Нюрнберга, сделал вывод, что Каспар «был насильственно лишён всякого человеческого и общественного воспитания». Поэт и философ Георг Фридрих Даумер, бывший одним из многих опекунов Каспара, сумел за считанные месяцы научить его сносно говорить и писать. Много интересного мог Каспар нам поведать о «детстве вне общества» в своей автобиографии, если бы его не убили неизвестные через пять лет после его первого появления. Многие историки считают, что Каспар Хаузер был королевских кровей, и кто-то был очень заинтересован в том, чтобы он был изолирован от общества. Не сумев его надёжно изолировать, решили просто физически устранить, испугавшись ответственности перед законом.

Интересно, что в год появления Каспара Хаузера умер другой «дикий ребёнок», известный как Виктор из Аверона. Это

имя дикому мальчику, обнаруженному близ Сен-Сернен-сюр-Ранса (Аверон, Франция), дал врач Жан-Марк Гаспар Итар. В течение пяти лет он пытался научить мальчика говорить, но результата это обучение, конечно же, не дало.

Примеров, подобных тем, что я привёл выше, ещё очень много. Не все они достаточно хорошо исследованы, но даже с учётом имеющейся информации можно говорить о некоторых общих чертах всех детей-маугли. Их объединяет то, что они были лишены общения в детстве, поэтому оказались неспособны разговаривать и очень медленно этому обучались в дальнейшем. Даже после долгого обучения такие дети чаще использовали жесты или нечленораздельные выкрики, когда не могли с помощью языка выразить какую-то мысль. Вот так.

М.К. Ужас. Жалко таких детей. До чего же жестоки те люди, которые всё это делают. Не понимают, что наносят непоправимый урон психике и здоровью детей. А то и вовсе убивают их. Лучше бы в приюты отдавали, если сами не способны воспитывать.

А.М. Согласен. Это жестоко. Но такие были времена, когда гуманизм явно был чужд людям. Сегодня подобных происшествий меньше, а раньше это было обычным явлением. Брошенных детей где только не находили. Некоторых удавалось спасти, но много было и таких, которые оказывались надолго оторванными от общества и зверели. Многие просто не выжидали.

М.К. А были такие случаи, когда взрослые люди, оторванные от общества, отвыкали от речи и превращались во взрослых-маугли? Или взрослые уже не «звереют»?

А.М. Я думаю, и такие случаи были. Встречаются истории и о вполне взрослых людях, которые после долгих лет одиночества (к примеру, на каком-нибудь необитаемом острове) дичали и утрачивали способность к общению. Не будем забывать, что в древности изгнание из общины было страшнейшим наказанием: человек, оказавшийся вне общества, имел низкие шансы на выживание, а если и выживал, то быстро дичал, не найдя себе другого общества. У пиратов было принято высаживать неугодных людей на каких-нибудь островах, обрекая их на гибель. Конкретные случаи не привожу, о них мне мало известно.

Как не вспомнить в этой связи отвратительных еху из страны гуингнмов, описанных Джонатаном Свифтом в «Путешествиях Гулливера», или потерявшего рассудок от одиночества Тома Айртона из «Таинственного острова» Жюль Верна. Всё это, конечно, вымышленные персонажи, но и они имели своих прототипов, подобно воспитанному волками Маугли из «Книги джунглей».

М.К. Из всего этого можно сделать такой вывод: язык возникает в детском возрасте, а потом эта способность утрачивается. Это, видимо, и является причиной того, что дети-маугли уже не могли выучить никакой язык.

А.М. Да, мы все начинаем учить свой язык в младенческом возрасте. Причём начинаем с простых слогов, состоящих из губного согласного и гласного (типа *ма, па, ба* и т. д.), постепенно подставляя в них более сложные для артикуляции звуки. В возрасте от двух до пяти лет дети активно осваивают язык, переходя от выкриков к осмысленным словам, словосочетаниям, предложениям и целым текстам. Порождение текста – конечный

продукт нашего языкового становления. Уже в дошкольном возрасте дети усваивают родной язык и без проблем на нём общаются.

М.К. Разве это не чудо? Как ребёнок за короткий срок осваивает родной язык? И неужели мы не можем сохранить такой темп усвоения языка во взрослой жизни?

А.М. Эта загадка до сих пор не имеет однозначного решения. Тут много разных предположений, много было проведено исследований в этой области. Кандидатские и докторские пишутся на эту тему. Но конечного достоверного знания мы пока не получаем.

Интересна в этой связи теория американского лингвиста Ноама Хомского. В одной из своих первых работ по лингвистике он поставил вопрос о том, как ребёнок «порождает» бесчисленное количество предложений, которые он никогда сам не слышал. Хомский объясняет быстрое усвоение языка детьми врождённой языковой способностью. По Хомскому, существует универсальная грамматика, общая для всех языков и заложенная в нас чуть ли не на уровне генетики. Дети, «извлекают» эту грамматику, «перенастраивают» её под свой родной язык в процессе его усвоения. Для этого нужно всего лишь установить из речи взрослых значения слов и морфем, а остальное уже заложено в наших головах.

В пользу этой теории много аргументов (например, факт существования языковых универсалий – свойств, которые присущи всем языкам), она имеет много сторонников в США, но есть в мире и противники так называемой генеративной (порождающей) лингвистики. С этим направлением лингвистической

мысли можно познакомиться, прочитав работу Хомского «Язык и мышление».

Ответ на второй вопрос проще. Попробуй взять самый полный учебник по аварскому языку, внушительный словарь и с этим набором выучить аварский язык за два-три года так хорошо, что житель Дагестана скажет: «Это наш человек!».

М.К. Думаешь, что не смогу?

А.М. Я думаю, что даже с твоими хорошими способностями к языкам ты не справишься с этой задачей на все сто. Строй аварского языка характеризуется наличием таких грамматических категорий, которые в русском языке отсутствуют, а фонетика изобилует такими звуками, которые нам покажутся «кваканьем» или «кряхтением». Тем не менее, эти структуры и звуки легко осваивает какой-нибудь дагестанский мальчик, который по своим биологическим способностям от тебя ничем не отличается.

А что если детей просто подменить? Годовалого аварского мальчика подселить в русскую семью, скажем, в Волгоград, а годовалого русского мальчика из Волгограда отправить в Махачкалу. Наверное, это мало кого удивит, но к определённом возрасту русский мальчик из Махачкалы будет бесподобно «кряхтеть» по-аварски, а аварский мальчик, свободно и без акцента разговаривая на языке Пушкина, не сможет правильно повторить ни одной аварской фразы.

М.К. Интересно. Я как-то мало задумывалась о таком. Мне казалось, что язык и нация связаны неразрывно. Насколько я помню, ты сам писал в одной из статей, что само слово *язык* когда-то значило «народ».

А.М. Да, помню. Я цитировал Пушкина: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой, и назовёт меня всяк сущий в ней язык». Это из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». В нём слово *язык*, действительно, выступает в таком значении.

Конечно, язык – это атрибут народа, но язык не тождественен народу. Гены – это биология, а язык – это общественное явление. Вот почему по-английски в США одинаково хорошо могут говорить и этнические немцы, и китайцы, и индусы, и африканцы. По-русски одинаково хорошо могут говорить и чеченцы, и армяне, и башкиры, и якуты, и эвенки. Для этого необходимо лишь одно условие: они должны расти в одном обществе, в одной культурной среде. Если имеет место акцент, то, вероятнее всего, ребёнок воспитывался в среде двуязычия и усвоил один язык лучше, чем другой. Это по-своему интересное явление, которое лингвисты называют билингвизмом.

М.К. Я однажды в интернете смотрела лекцию профессора Максима Анисимовича Кронгауза. Он рассказывал, что язык определяет мышление. Иными словами, картина мира человека формируется под воздействием языка. Меня очень заинтересовал этот вопрос. Язык ведь позволил одним народам создать цивилизацию, продвинул их вперёд. Другие народы остались как бы позади. Неспроста? Насколько всё это верно? И является ли формирование мышления ещё одной функцией языка?

А.М. Язык и мышление тесно связаны. Всегда было аксиомой, что язык – это орудие мышления. Язык позволяет выразить мысли, этим самым давая возможность людям общаться. И в некотором смысле это тоже функция.

Максим Кронгауз читал лекции о так называемой гипотезе лингвистической относительности (гипотезе Сепира – Уорфа). С одной стороны, утверждается, что язык чрезвычайно влияет на мышление. Так полагал выдающийся немецкий учёный и дипломат первой половины XIX века Вильгельм Гумбольдт. Его современные последователи (неогумбольдтианцы) уверены, что устройство языка во многом определяет «картину мира», ведь люди, говорящие на разных языках, по-разному понимают действительность. Гумбольдт считал язык «народным духом»: он писал в одном из своих трудов, что «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык».

В первой половине XX века в США идеи Гумбольдта снова стали популярны. Антрополог Франц Боас и его ученик Эдвард Сепир были близки к теории лингвистической относительности, но в той радикальной форме, которую ты озвучила («язык определяет мышление»), эту гипотезу, как считается, отстаивал ученик Сепира Бенджамин Ли Уорф. Он высказал много интересных мыслей, мне нравится его идея о «среднеевропейском языковом стандарте» (Standard Average European). Вместе с тем многие из его утверждений в научном сообществе сочли сомнительными. Уорф тогда подвергся разгромной критике со всех сторон. Его примеры, связанные с названиями снега у эскимосов (кстати, впервые приведённые ещё Боасом) или особенностями восприятия времени индейцами хопи (якобы в этом языке нет слов, обозначающих время), неоднократно отвергались научным сообществом как ложные.

Сегодня отношение к теории лингвистической относительности в среде лингвистов неоднозначное, я бы даже сказал, осторожное. Современные лингвисты склонны считать, что язык в некоторой степени может влиять на мышление человека, его когнитивные способности. Об этом свидетельствуют исследова-

ния последних десятилетий, которые, как правило, связаны с особенностями восприятия цвета носителями разных языков. К примеру, известно, что английское слово *blue* на русский можно перевести как «синий» и «голубой», то есть англичане не различают эти два цвета, называя их одним словом; многие языки делят цветовой спектр по-своему. Также лингвисты и психологи проводят эксперименты, связанные с пространственной ориентацией (аборигены Австралии гуугу-йимитир или тайоре ориентируют объекты не относительно себя, как это делаем мы, а по сторонам света) и способами счёта (например, в языке бразильских индейцев пирахан не развита система числительных, то есть носители языка пирахан попросту не умеют считать и определяют количество чего-либо очень приблизительно; то же самое обнаружено в андаманских языках).

Споры о том, в какой степени язык влияет на мышление, зачастую выходят за рамки лингвистики и уходят куда-то в дебри философии или психологии (тут мне почему-то всё время вспоминается вездесущий Ноам Хомский, который относил лингвистику к психологической науке), но не дают однозначного ответа.

М.К. Всё, о чём мы говорили, действительно, пока как-то мало связано с самой лингвистикой. Пора вернуться к тому, с чего мы начали. Строго лингвистического определения языка, как я поняла, в принципе не существует? Или всё же существует?

А.М. Лингвистика (от латинского *lingua* «язык») возникла относительно недавно, около двухсот лет назад. За это время человек сумел многое узнать о языке, но понять его до конца он ещё не успел.

Только в конце XX – начале XXI столетия лингвисты вплотную подобралась к разгадке некоторых давно интересовавших человека вопросов: как устроен язык? как он порождается? откуда он возник? как он развивался? Эти и многие другие вопросы до сих пор не имеют ответа, но существует масса разных мнений, обоснованных и не очень, по каждому из этих вопросов.

Лингвистика даёт разные трактовки понятию язык, поскольку оно может употребляться в разных смыслах. При этом ни одно определение, как мне кажется, не способно дать полное представление о языке.

Под естественным языком понимают прежде всего язык, возникший не по воле человека и предназначенный для общения между людьми (в отличие от языков жестовых или искусственных, то есть созданных самим человеком). Понятие естественный язык также можно толковать широко или узко.

В широком смысле под естественным языком понимают знаковую систему, то есть систему знаков, которые имеют определённое значение. В узком смысле под языком понимают какой-либо этнический язык (русский, английский, португальский, словенский, туркменский и т. д.). Таким образом, язык – знаковая система представляет собой некоторое общее понятие о языке, а этнический язык – частную знаковую систему.

Знаковые системы изучаются в рамках науки семиотики (от древнегреческого *σημείον*, *sēmeíon* «знак, признак»). Языковой знак – это единица языка, которая указывает на предмет, свойство или отношение. Выдающийся швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр различал две стороны языкового знака: означающее (акустический образ) и означаемое (само понятие). Эти составляющие знака не могут быть отделены друг от друга, как «две стороны одного листа бумаги». Таким образом, де Сос-

сюр определил язык как «систему знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа».

Наиболее типичным языковым знаком можно считать слово, которым мы обозначаем что-либо, что требует номинации (называния, наименования). В словах закрепляется опыт жизни человека, заключаются понятия, к которым мы апеллируем, когда называем слова. Так, произнося последовательность фонем [dom], мы имеем в виду дом – здание, помещение, пригодное для жилья; называя последовательность фонем [kot], мы имеем в виду кота – животное, млекопитающее; англичанин, произнося последовательность фонем [lʌv], имеет в виду такое прекрасное чувство, как любовь (*love*).

Язык глухонемых, как известно, слов вообще не использует. В нём есть набор некоторых знаков, которые что-то означают. Скажем, если мы договоримся, что сжатый кулак, поднятый вверх, будет означать «привет», а кулак, опущенный вниз, будет означать «до встречи», то мы уже сможем без слов приветствовать и прощаться (хотя для этого уже давно придуманы свои знаки). Если мы добавим ещё несколько знаков, то получится небольшая знаковая система, с помощью которой мы сможем передавать друг другу какую-то другую информацию. В случае с человеческим языком всё точно так же, только вместо жестов используются воспроизводимые органами речи и различаемые органами слуха звуки, а сама система во много раз сложнее.

М.К. Итак, есть языковой знак. Например, слово. У него есть две стороны: означаемое и означающее. Слова состоят из фонем. Но мне хорошо известно, что этим дело не ограничива-

ется. Есть же ещё какие-то морфемы. Надо полагать, это всё понятия одного ряда?

А.М. Ну да, это всё так называемые уровни языка. Они образуют чёткую иерархию, где единицы «низшего порядка» включаются в единицы «высшего порядка». Лексический (словесный) уровень, который включает лексемы, слова или словоформы (чем отличаются эти термины, я поясню позже), считается основным.

Слова состоят не только из фонем (от древнегреческого *φώνημα*, *phōnēma* «звук, голос»), составляющих фонемный уровень языковой системы. На промежуточном уровне между словами и фонемами существуют также морфемы и слоги. Важно понимать различие между этими частями слова, так как именно непонимание этого различия является причиной ужасающего невежества многих людей в вопросах происхождения слов.

Морфемы (от древнегреческого *μορφή*, *morphē* «форма») – это значимые единицы слова, составляющие морфемный уровень. Например, слово *грызун* в русском языке может быть разложено на две морфемы: корень *грыз-* и суффикс *-ун*. Корень *грыз-* несёт в себе основное значение слова (ср., *огрызок* – «то, что осталось в результате обгрызания», *грызня* – «драка между животными с применением зубов» и т. д.), суффикс *-ун* придаёт корню значение деятеля (ср. *скакун* – «тот, кто скачет», *молчун* – «тот, кто молчит», *драчун* – «тот, что дерётся» и т. д.). Очевидно, что суффикс *-ун* (равно как приставка *о-* и суффикс *-ок* в слове *огрызок*) имеет обе стороны знака: означающее (последовательность фонем [un]) и означаемое (значение деятеля).

Слог в отличие от морфемы не несёт никакого смысла, являясь всего лишь фонетико-фонологической единицей, занимающей промежуточное положение между звуком и речевым

тактом. Слог – это не просто совокупность фонем, а акустико-артикуляционный комплекс. При произнесении слога речевой аппарат человека порождает единый воздушный поток. Русское слово *грызун* будет разделено на слоги следующим образом: *гры-зун* [grɪ'zun]. Такое деление, как мы видим, не даёт значимых частей.

Морфемное и слоговое деление слов присутствует во всех языках. Например, сложное немецкое слово *Jugendarbeitslosigkeit* «безработица среди молодёжи» можно разделить на составляющие: существительные *Jugend* «молодёжь» и *Arbeit* «работа», промежуточный элемент *-s*, суффикс «отсутствия» прилагательных *-los* (ср. *sinnlos* «бессмысленный», *harmlos* «безобидный») и сложный (сдвоенный) суффикс существительных *-igkeit* (ср. *Fertigkeit* «ловкость», *Gleichgültigkeit* «равнодушие»). Деление этого слова на слоги (*Ju-gend-ar-beits-lo-sig-keit*) не даёт никаких значимых элементов (кроме случайно выделенного в слог суффикса *-keit*, который в немецком является морфемой).

Слова языка могут объединяться между собой, создавая комбинации: словосочетания и предложения. Этот уровень принято называть синтаксическим (от древнегреческого *σύνταξις*, *súntaxis* «строй, построение»). Синтаксис определяет то, каким образом могут быть соединены слова в предложении. Например, мы можем собрать слова *работник*, *офисный*, *отец*, *мой* в единое предложение: *Мой отец – офисный работник*. Можно сказать и иначе: *Отец мой – офисный работник*, *Офисный работник – мой отец*. Но едва ли можно сказать *Мой работник – офисный отец*. В последнем случае мы сталкиваемся с нарушениями семантической сочетаемости, которые создают бессмыслицу.

Всё же синтаксис русского языка весьма свободен. К примеру, в английском или японском такое предложение из со-

ставляющих скомпоновать по-разному уже не выйдет. По-английски не скажешь: *An office worker my father is*; сказать можно только так: *My father is an office worker*. По-японски можно сказать только так: 父はサラリーマンです (*chichi wa sararīman desu*). Иные перестановки приведут к бессмыслице или существенно повлияют на понятность фразы. А вот в классической латыни порядок слов мог быть почти произвольным, даже произвольнее, чем в русском.

Думаю, мне удалось продемонстрировать здесь, что мы имеем дело именно с иерархией языковых подсистем: синтаксические структуры состоят из слов, слова – из морфем, морфемы – из фонем.

При этом бывают случаи, когда уровни как бы пересекаются. Так, латинское слово *ī* «иди» (форма глагола *eō* «идти») может выполнять роль целого высказывания (например, при повелении), при этом состоит из одной фонемы [i:]. Этот пример уже стал классическим. Его использовал советский лингвист Александр Александрович Реформатский в своём классическом учебнике «Введение в языковедение», чтобы продемонстрировать, как единицы разных уровней (фонема, морфема, слово и предложение) могут совпадать. Но это явление скорее исключительное.

М.К. Как же сложен человеческий язык! И столько всего надо знать о нём, чтобы даже просто дать ему какое-то определение. То странное определение, которое я попыталась выдать в самом начале, мне теперь кажется таким ничтожным. Формула «язык = слова + грамматика» мне, в принципе, кажется и сейчас верной, но с учётом того, что я узнала, она очень поверхностна.

А.М. Да, человеческий язык, конечно, нельзя дефинировать такой простой формулой. Язык – это не только слова и грамматика. За этим понятием скрывается ещё много чего.

Мы упустили и такую важную вещь, как семантика (от древнегреческого *σημαντικός*, *sēmantikós* «обозначающий»). Она изучает смысловое значение единиц языка. В том предложении, которое ты привела в самом начале (*Он играет с мячом*), смысл нейтральный. Но я могу сказать это с какой-то долей удивления, иронии, отвращения. В каждом случае слова одни и те же, грамматически всё одинаково, но смысл, который я вкладываю в это высказывание, каждый раз будет отличаться от нейтрального. Иногда интонация даже меняет смысл на противоположный. Например, слово *конечно*, произнесённое нейтрально, выражает согласие, однако его же можно произнести так, что оно будет выражать несогласие. Слово *молодец* можно использовать и для похвалы (*Молодец, пять!*), и для порицания (*Молодец! Сломал телефон!*). Интонацию, мимику мы тоже воспринимаем, ведь они способны влиять на смыслы. И всё это тоже составляющие языка.

Язык – это система невероятно сложная и динамичная. В течение многих тысячелетий язык оттачивался человеком и, наконец, стал таким, каким мы его знаем. Каждый конкретный язык продолжает меняться. Какие-то языки меняются быстро, какие-то медленно. Одни языки исчезают, а другие захватывают всё новые территории и сферы жизни. Столько всего можно сказать о языке. Некоторые даже сравнивают его с живым организмом, что, как мне кажется, уже чересчур. Хотя тут, действительно, имеются аналогии.

Одно маленькое определение языка, которое предлагают различные исследователи, требует пояснений на сотни страниц, а таких определений очень много. И пока не существует определения, которое можно было бы считать самым верным, самым точным. Мы до сих пор не понимаем природу языка, не можем сказать, откуда он взялся, как он порождается. Это вечные вопросы.

М.К. Язык – система сложная и динамичная. Очень интересно сказано. Сложными можно назвать математику, биологию, химию, физику хотя бы потому, что это весьма разветвлённые науки, они подразделяются на множество других самостоятельных поднаук. Математика включает алгебру, геометрию, тригонометрию, всякие исчисления, теорию вероятностей. Я помню немного из школьного курса, что и биология – это эдакая матрёшка, в которой множество разных поднаук. И у всех этих поднаук есть своя история, уходящая в самую древность. А что с лингвистикой? Подозреваю, что всё абсолютно так же, раз сложен и объект исследования лингвистов.

А.М. Твои подозрения небезосновательны. Разделов лингвистики (языкознания, языковедения – всё одно и то же), действительно, очень много, но утверждать, что лингвистика может соперничать здесь с математикой или биологией, не стану.

Верно подмечено, что объект лингвистики – это язык во всём многообразии его свойств и функций. При этом с глубокой древности язык рассматривали с разных сторон. Поэтому можно сказать, что у лингвистики очень давняя предыстория.

В античности и в средние века лингвистику никто в отдельную область знаний не выделял, она была частью философии, как и многие другие науки. Вслед за Аристотелем в Европе язык рассматривали в составе логики, грамматики и риторики. В новое время (особенно в XVII-XVIII веках) европейцы проявляют больший интерес к национальным языкам, применяют уже логико-рационалистические принципы исследования языка. Справедливости ради следует сказать, что европейцы не были здесь впереди планеты всей. Собственные интересные языковедческие традиции были на Востоке, особенно в Индии и Китае, а также в арабском мире. Мне кажется, по своей «зрелости» они ничуть не уступали европейской лингвистической мысли, а в чём-то даже и опережали её. Но эти традиции были зачастую ограничены рамками своих языков: в Индии изучался только санскрит и иногда пракриты (языки и диалекты, возникшие из древнеиндийского языка), в Китае – китайский язык (в особенности китайцев интересовала лексика), в арабском мире – морфология литературного арабского языка и в меньшей степени его диалектов. Однако же это всё только предтечи науки о языке.

Я уже говорил выше, что лингвистика – это молодая наука, насчитывающая примерно двести лет. Она зарождается лишь в XIX веке, но особенно активно развивается в XX-XXI веках, то есть в наше время.

Со второй половины XIX века возникают различные языковедческие направления и школы, которые сменяют друг друга. Какое-нибудь новое направление часто возникает как реакция на старое, предшествующее. Так, логическое направление, начатое в античности и продолженное учёными XIX века, критикуется младограмматиками, которые представляли психоло-

гическое направление. Младограмматики сделали много замечательных открытий, которыми лингвисты пользуются и по сей день, но к XX веку их идеи стали критиковать представители так называемого социологического направления, представленного многочисленными школами Европы и США. На сцену вышли структуралисты, которые, вооружившись идеями предшественников, выдвигают что-то от себя. И так далее. Отсюда мы и имеем такое большое количество разделов языкознания, в которых весьма плодотворно работали выдающиеся представители различных направлений и школ, споря друг с другом до хрипоты, отстаивая свои подходы и теории. Это нормальное явление для любой гуманитарной науки, будь то психология, экономика или социология.

Если же хочешь ознакомиться с историей лингвистики, то очень советую прочитать учебник замечательного лингвиста Владимира Михайловича Алпатова «История лингвистических учений». Также у него есть популярная книжка «Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики», в которой просто и доступно рассказывается об основных вопросах языкознания и его истории.

Обычно лингвистика подразделяется на общую и частную. Общая лингвистика изучает общие законы строения и развития языка. Частная лингвистика изучает отдельные языки (русистика, японистика, китаистика, арабистика и т. д.), группы и семьи языков (славистика, романистика, индоевропеистика, тюркология и т. д.), а также языки отдельных регионов мира (балканистика, кавказоведение, африканистика и т. д.).

К общей лингвистике относятся такие разделы, как фонетика и фонология, грамматика (морфология, синтаксис, мор-

фонология, словообразование), лексикология, семантика, фразеология, стилистика. В рамках общего языкознания особо рассматривают лингвистическую типологию, которая для меня представляет особый интерес, а также сравнительно-историческое языкознание (или компаративистику – от латинского *comparātīvus* «сравнительный») и этимологию, которым главным образом посвящена наша с тобой книга. Сюда же можно отнести социолингвистику, диалектологию, ареальную лингвистику. С последней я тоже довольно активно «сотрудничаю».

Особо выделяют прикладную лингвистику. Это область науки о языке, которая призвана решать какие-либо практические задачи. Сюда относятся лексикография, лингводидактика, переводоведение, компьютерная лингвистика, лингвистическая экспертиза и т. д. Всё это очень перспективные направления лингвистики, в которых работают многие современные учёные.

По названиям некоторых разделов (а я перечислил далеко не все), ты могла увидеть, что лингвистика может тесно соприкасаться с некоторыми другими науками. Лингвистика тесно связана с историей (историческая лингвистика), этнологией (этнолингвистика), антропологией (антропололингвистика), культурологией (лингвокультурология), социологией (социолингвистика), психологией (психолингвистика), философией (философия языка). Конечно же, очень близка к лингвистике и филология, с которой её даже нередко путают. Филологи занимаются изучением духовной культуры через языковой и стилистический анализ текста, но не самим языком. Есть связь и с такими науками, как математика и информатика (компьютерная лингвистика), неврология (нейролингвистика), география (лингвистическая география и ареальная лингвистика). Лингвистика

использует многие наработки в области акустики (в фонетике), генетики (особенно это важно для исторической лингвистики) и многих других наук.

М.К. Просто невероятно, сколько всего есть в лингвистике. Я бы никогда не подумала, что у языка столько «сторон» для изучения.

А.М. И это ещё далеко не всё. Существуют и более специфичные разделы, которые я уже не стал приводить, чтобы не усложнять и без того сложную картину.

М.К. У меня создаётся впечатление, что лингвисты – это какие-то сверхлюди, которые имеют очень вместительный мозг, чтобы всё это знать. Как всё это вообще возможно знать? Меня одни названия этих разделов лингвистики вводят в ступор. А ведь лингвисты должны ещё и языками владеть!

А.М. Это явное преувеличение. Лингвисты не должны знать абсолютно всё. Чаще всего они работают по своей узкой проблематике или распыляются на несколько смежных разделов, не соприкасаясь со всем остальным. Но в целом основы лингвистики знать необходимо, а в некоторых разделах нужно прямо-таки плавать. Занимаясь, например, сравнительно-историческим языкознанием, не обойтись ни без фонетики, ни без грамматики, ни без семантики. Но стилистика или теория речевых актов уже не так важны. Ни к чему и многие прикладные разделы. Как известно, хорошему окулисту не нужно быть хорошим дантистом.

Что касается языков, то, конечно, лингвисты их учат. Считается, что хороший лингвист, должен владеть пятью-шестью языками на довольно хорошем уровне, но здесь всё зависит от специфики работы лингвиста. Если это германист, то он учит английский, немецкий, шведский, норвежский, древние германские языки (древнеанглийский, древневерхненемецкий, готский); романист учит латынь и происходящие из латыни итальянский, французский, испанский, португальский, румынский языки; тюрколог учит турецкий, казахский, татарский, узбекский, киргизский, чувашский, якутский. Каждый лингвист учит те языки, которые ему нужны для работы. Компаративисты и типологи, конечно, тоже должны знать языки, но им приходится сложнее, так как они имеют дело с десятками или даже сотнями самых разных языков. Поэтому чаще всего они изучают их на таком уровне, чтобы разбираться в грамматике и уметь работать со словарём. Говорить на всех этих языках в совершенстве им не обязательно.

М.К. Это уже что-то объясняет. Я давно слышала мнение, что практическое изучение языков и изучение языка лингвистами – это разные вещи.

У меня уже родились вопросы по каждому разделу языкознания. Но я предполагаю, что мы уйдём в страшные дебри, если ты начнёшь истолковывать всё это. Поэтому я спрошу только про некоторые разделы.

Ты особо отметил лингвистическую типологию, сказав, что она для тебя «представляет особый интерес», и ареальную лингвистику, с которой ты «активно сотрудничаешь». Что изучают эти разделы языкознания? И почему они тебе интересны?

А.М. Учёные-лингвисты вот уже два столетия пытаются как-то классифицировать языки. Давно было замечено, что многие языки похожи между собой, но это сходство может быть очень разным. С одной стороны, некоторые языки обнаруживают сходства в лексике и грамматике, иногда даже взаимопонятны. Это обусловлено языковым родством, о котором мы подробнее поговорим в следующих частях нашей беседы. С другой стороны, могут быть похожи не сами языки, а отдельные черты языковой структуры: фонетический строй, характер словоизменения, роль вспомогательных слов, порядок слов в предложении и т. д. Такое сходство не всегда может быть связано с языковым родством.

В этой связи выделяют две основные классификации языков мира: генеалогическую и типологическую. Эти классификации оперируют различными таксономическими категориями. Если генеалогическая классификация использует понятия семья, ветвь, группа, подгруппа, то типология использует понятия тип и класс.

Генеалогическая классификация призвана отнести язык к той или иной языковой семье или группе, внутри которой все языки родственны. Например, русский язык – это язык славянской группы индоевропейской семьи языков; турецкий язык – это язык огузской группы тюркской семьи языков; суахили – это один из языков банту в Африке. Так сложилось, этого не изменить.

С типологической точки зрения, один язык не может быть отнесён навсегда к одному классу, потому что язык меняется, его структура постоянно пребывает в движении. Со временем какие-то грамматические категории (род, число, падеж существительных, время, залог, наклонение глаголов и т. д.) суще-

ственно преобразуются, а то и вовсе отпадают. Скажем, были в языке когда-то падежи (именительный, родительный, дательный, винительный и т. д.), а спустя столетий пять их уже нет; было в древности три рода (мужской, женский и средний), а теперь их либо меньше (например, только мужской и женский), либо они вовсе отсутствуют. Это неминуемо происходит во многих языках.

Промежуточное положение между двумя вышеназванными классификациями занимает ареальная лингвистика (от латинского *ārea* «территория, область»), которая использует понятия ареал и зона.

М.К. То есть ареальная лингвистика, если я правильно понимаю, классифицирует языки по их расположению в пространстве?

А.М. Ну да, примерно так. На нашей планете очень много языков. Учёные до сих пор не могут точно подсчитать, сколько именно их существует. Кто-то насчитывает 5000 языков, кто-то – 6000 или 7000. И все они каким-то образом «расселены» по планете, «соседствуют» и «взаимодействуют» друг с другом, иногда как бы «накладываются» друг на друга. Все эти языковые явления в пространстве и изучает ареальная лингвистика. Часто её путают с лингвистической географией или даже с диалектологией. Это очень близкие области, хотя в каждой из них решаются свои задачи.

Изучение ареальной лингвистики лично для меня представляет интерес не только и не столько в синхронном срезе (распространение языков мира в определённый момент времени), сколько в диахронном срезе (с исторической точки зрения). Языки меняются не только сами по себе, но меняется и карта

языков мира. Языки как бы «кочуют» по планете, ареал одних языков расширяется, других – сужается. Для меня это очень занятная область исследований.

М.К. С ума сойти! На планете столько языков! Одно мне непонятно. Почему учёные не могут точно подсчитать количество языков? Откуда такой разброс в подсчётах? Это же легко: английский – раз, немецкий – два, итальянский – три, французский – четыре, русский – пять, китайский – шесть... Так и считали бы все.

А.М. Так ты насчитаешь не более 2000-3000 языков по всей планете. Может, даже меньше. На практике всё намного сложнее, обычным подсчётом тут дело не ограничивается.

Представь, что ты приехала в Италию с прекрасным знанием литературного итальянского. Литературный итальянский, как ты знаешь, является государственным языком Италии, он понятен большинству населения этой страны. Но в каждом регионе Италии найдётся с десятков своих местных языков и наречий: венецкий, тосканский (флорентийский диалект этого наречия стал основой литературного языка), римский, неаполитанский, сицилийский и т. д. На северо-западе Италии говорят на диалектах, которые можно считать переходными к французскому языку. К таковым, например, следует причислять окситанский (провансальский) язык в Италии. Все эти идиомы являются романскими, поэтому будут частично тебе понятны. Вместе с тем эти самые «итальянские языки» посчитать будет трудно.

Представь, что из Италии ты отправляешься в страны, где говорят по-немецки. В Швейцарии ты столкнёшься с так называемым швейцарским вариантом немецкого языка, а также с швейцарскими диалектами, которые даже немцу будут чужды.

В Австрии тебе будет попроще, но эти типичные для австрийцев словечки будут сбивать тебя с толку, а произношение будет резать слух. В Германии нас поймут везде, если мы хорошо знаем литературный язык (Hochdeutsch), но как раз в Германии в различных землях и городах можно наткнуться на те же самые десятки диалектов: баварский, тюрингский, саксонский, берлинский, нижнесаксонский, мекленбургско-померанский, рипуарский, гессенский и т. д. Все эти диалекты далее подразделяются на поддиалекты. К примеру, баварский диалект в Баварии и Австрии делится на три группы (северную, среднюю и южную), в которых выделяются свои городские и сельские говоры. Если носитель баварского диалекта в Австрии захочет пообщаться с носителем саксонского диалекта в Саксонии, то их взаимопонимание будет очень затруднено.

Ещё один классический пример – китайский язык. Некоторые даже используют понятие «китайские языки». Различия между китайскими диалектами настолько велики, что носители, например, северных и южных китайских диалектов практически не могут понять друг друга. Китайские диалекты, с лингвистической точки зрения, следовало бы рассматривать как самостоятельные языки китайской группы сино-тибетской языковой семьи. Два китайских диалекта фонетически могут отличаться сильнее, чем русский от польского, немецкий от нидерландского, итальянский от испанского. Иероглиф является связующим звеном между всеми китайскими диалектами, на письменном языке китайцы вполне способны общаться, если они не знают единой литературной нормы путунхуа (по-китайски – 普通話/普通话, pǔtōnghuà «общий язык»).

Надеюсь, теперь тебе понятно, что языковая карта мира гораздо сложнее, чем принято считать. Нет единых итальянского и немецкого, как нет единых китайского, японского, фран-

цузского, испанского, португальского, польского, чешского, арабского. Есть их литературные варианты, которыми пользуются в большинстве регионов той или иной страны. А есть многочисленные диалекты разных уровней, которые зачастую настолько смешаны, что два языка (к примеру, французский и итальянский, немецкий и нидерландский) невозможно чётко разделить языковой границей. Есть также национальные варианты (немецкого, английского, испанского, португальского, арабского), которые претендуют на «литературность».

В лингвистике уже давно существует неразрешимая проблема: что считать языком, а что считать диалектом? Не всегда понятно, по каким критериям следует отличать язык от диалекта.

М.К. Это очень странно. Почему нельзя отличить язык от диалекта? Если в стране (как в Италии, Германии или Китае) есть свой литературный язык (итальянский, немецкий, китайский), то его следует считать языком, а всё остальное – диалектами. И проблема решена!

А.М. Тут мы уже углубляемся в социолингвистику. Специалист по идишу Макс Вайнрайх высказывал нечто подобное: «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот». Действительно, если идиом (этим термином социолингвисты иногда объединяют понятия язык, диалект и говор) является официальным в данном государстве, то следует считать его языком. Русский – официальный в России, немецкий – официальный в Германии, французский – официальный во Франции... Рассуждая так, всё языковое разнообразие планеты пришлось бы уменьшить раз этак в тридцать. А отдельными языками в этом случае были бы и швейцарский вариант немецкого, и египетский вари-

ант арабского, и язык урду в Пакистане (который нередко считают диалектом хиндустани), и корейский язык в КНДР (от южнокорейского варианта он почти ничем не отличается).

«Политический» критерий нельзя считать единственно верным. Он плох ещё и тем, что он непостоянен. Если государство едино (к примеру, как бывшая Югославия), то и язык там используется единый (сербохорватский) или почти единый (всё-таки следует признать, что в Югославии выделяли две нормы сербохорватского). Распад государства может определить и распад языков (после распада Югославии возникли сербский, хорватский, боснийский и черногорский, хотя все они основаны на единой штокавской диалектной базе).

И самое сумбурное... Как тогда нам рассматривать башкирский, татарский, якутский, хантыйский, мансийский, ненецкий, бурятский, юкагирский, чукотский, корякский и прочие языки на территории Российской Федерации, которые уж точно диалектами не назовёшь? Они же совершенно самостоятельные. Как быть с каталанским или баскским языками в Испании? Или тибетским и уйгурским языками в том же Китае? Я уже не говорю о десятках языков Индии. Нет, такой критерий точно не подходит.

Среди прочих критериев социолингвистического уровня можно выделить критерий функциональной полноценности. Он трактует язык более широко (явно шире, чем «диалект с армией и флотом»). В соответствии с этим критерием, язык должен использоваться в различных сферах жизни, он должен также иметь письменную норму. Такое понимание языка более справедливо. Тогда не только языки народов, живущих во многонациональных государствах, но и функционально развитые диалекты могут считаться отдельными языками. Можно будет сказать, что кантонский или шанхайский диалекты – это самостоятельные

языки. Отдельными языками можно будет считать баварский диалект в Германии, сицилийский диалект в Италии, эстремадурский диалект в Испании. И национальные варианты английского, немецкого, французского, арабского языков тоже можно будет считать языками.

Но есть ещё одна проблема. В мире, как известно, множество бесписьменных языков. Это языки коренных народов Австралии и Океании, Африки, Америки. Носители этих языков, разумеется, не согласятся с тем, что их языки – это чьи-то диалекты. Некоторые из языков могут считаться изолятами, то есть они в принципе не могут быть отнесены однозначно к какому-то «языку-крыше». И тогда вопрос решается через самоопределение самих носителей языка: если носители языка считают свой язык отличным от других языков, то следует признать, что они говорят именно на языке, а не на диалекте. Если так, то языками придётся назвать немало диалектов, а к диалектам можно будет приписать много языков. Такие противоречия.

Довольно интересно, что молдавский язык, на котором говорят в Молдавии и Приднестровье, использует две системы письма – кириллическую (в Приднестровье) и латинскую (в Молдавии). При этом в Молдавии его иногда называют румынским, поскольку структурно молдавский мало чем отличается от румынского. По одним критериям мы можем назвать его языком, а по другим – только диалектом. И подобных случаев очень много.

Наряду с социолингвистическими критериями следует выделять ещё и структурные критерии. Существует языковая систематика, которая отличает язык от диалекта, учитывая степень взаимопонятности языков и расхождение по базовой лексике (об этом я обязательно ещё расскажу в следующих частях нашего диалога). Систематика стремится чётко определить ме-

сто того или иного идиома в системе языков мира. Если языки очень разные, их родство отдалённое (английский и русский) или не очень близкое (французский и итальянский), то следует говорить о различных языках. Лингвисты установили порог в 89 % совпадений по базовой лексике: если сравнение двух языков даёт значение меньше этого порога, то языки однозначно различные, если больше, то следует говорить об очень близких языках, наречиях, диалектах и говорах. Но и такая точная, казалось бы, методика отделения языка от диалекта не всегда работает по причинам, которые я называл выше.

В современной социалингвистике в последнее время появилось немало новых терминов, в которых сами лингвисты нередко путаются. Так, говорят о диалектных континуумах, языковых комплексах, кластерах, диглоссиях, диасистемах, плюрицентрических языках. Все эти понятия позволяют как-то более системно взглянуть на проблему «язык – диалект», в то же время они очень усложняют всю картину. Проблема по-прежнему остаётся нерешённой. Поэтому мы не подсчитаем точного количества языков в мире. Просто непонятно, как считать.

М.К. Зато теперь мне всё понятно. Весьма непросто подсчитать языки и диалекты, пока не отличишь одно от другого. И я к тому же не учла, что речь идёт не просто о единицах, а именно о языках, на которых говорят люди. Они, конечно же, очень трепетно относятся к своему языку, считают его лучшим, поэтому такой подход к их языку может их обидеть. Даже если этот язык, по сути, является диалектом. В какой-то статье ты писал о том, что было время, когда даже украинский язык называли «малороссийским наречием» и запрещали цензурой в Российской империи. Будь это мой родной язык, то я бы, конечно, оскорбилась.

Меня всё ещё одолевает эта кошмарная цифра – 7000 языков. Ведь, если так подумать, большая часть населения Земли, наверное, говорит по-английски или по-китайски. Есть же языки очень большие, а есть и очень маленькие. Насколько я знаю, какие-то из этих маленьких языков исчезают со временем, вытесняются большими. Мне в голову пришла интересная мысль на этот счёт. Количество языков в мире должно уменьшаться со временем, а их всё ещё так много. Это значит, что раньше было ещё больше? Или откуда-то появляются новые языки? Что лингвистика говорит на этот счёт?

А.М. Мысли твои вполне справедливы. Языки, как я выше сказал, не стоят на месте. Карта языков мира постепенно изменяется. Особенно быстрые изменения мы наблюдаем за последние пять столетий.

Есть языки большие и малые. Это верно. Почти половина всего населения Земли говорит на десяти самых распространённых языках: китайском (со всеми его диалектами), испанском, английском, арабском (также со всеми разновидностями), хинди, бенгальском, португальском, русском, японском, лаханда (западнопанджабские языки). На этих языках говорят сотни миллионов человек. Такие популярные нынче языки, как немецкий, французский, итальянский, турецкий, корейский и вьетнамский, относятся ко второй десятке наиболее распространённых языков. Более точную статистику по числу носителей можно найти в справочнике «Этнолог» (Ethnologue). Он доступен в интернете.

Есть языки, на которых говорят сотни, десятки или даже единицы носителей. Такие языки даже были занесены в своего рода «красную книгу» языков – «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (Atlas of the World's

Languages in Danger). К ним можно отнести дирбал (австралийский), водский (финно-угорский), айнский (изолированный), алюторский (чукотско-камчатский), верхнекускоквимский (атабаскский), ительменский (чукотско-камчатский), тофаларский (тюркский), ижорский (финно-угорский), кетский (енисейский), ульчский (тунгусо-маньчжурский), нивхский (изолированный) и многие другие языки. Некоторые из них уже считаются вымершими. Большое количество языков едва ли не каждый месяц вымирает в Папуа – Новой Гвинее, Австралии, Южной Америке и Африке; на языках автохтонного населения этих регионов мира зачастую говорят разве что старики в каком-нибудь одном маленьком селении.

Вообще «языковая смерть» – странное явление. Это не то же самое, что смерть живых существ, потому что оказывается, что язык можно «воскресить». Самый известный случай воскрешения – иврит. Сегодня это живой и полноценный язык, официальный язык Израиля. Однако ещё в XIX веке его считали мёртвым древним языком, на котором можно разве что вести богослужения (как на латыни или церковнославянском). Реже в этой связи вспоминают чешский язык, который к XVIII-XIX векам имел все шансы сгинуть под натиском немецкого, но его удалось вовремя «реанимировать». Относительно недавно воскресли из мёртвых корнский, мэнский (кельтские) и ливский (финно-угорский) языки, но судьба их пока остаётся под вопросом. Язык жив только тогда, когда он передаётся из поколения в поколение, когда на нём говорят. В случае с некоторыми «воскрешаемыми» языками пока о передаче речи не идёт. Находятся энтузиасты (и хорошо, что они есть), которые пытаются подерживать умирающий или уже вымерший язык на плаву, призывают других людей его изучать. Но этого мало.

Есть ещё такое явление, как пиджины и креольские языки. Они существовали, по всей видимости, и в глубокой древности.

Когда два народа имеют потребность в общении (например, при торговых контактах), они используют язык с упрощённой грамматикой, лексика которого может быть смешана, а может быть взята у одного из контактирующих языков. Это и есть пиджин. Относительно хорошо изучены два «наших» пиджина: кяхтинский (русско-китайский) и руссенорск (русско-норвежский). В кяхтинском пиджине была преимущественно русская лексика и китайская грамматика; именно оттуда происходит фраза «моя твоя понимай нет», которую многие воспринимают как ломаный русский. Руссенорск также известен под названием «моя по твоя» (moja pǎ tvoja), в нём примерно одинаковое соотношение русских и норвежских слов. Оба пиджина вымерли и больше никем не используются, но ещё существуют подобные идиомы в некоторых странах. Пиджином по ряду причин не считается язык мичиф в Канаде (смесь французского и индейского языка кри), но это также смешанный (контактный) язык.

В некоторых случаях пиджины передавались детям, то есть для кого-то такие смешанные языки становились родными. И тогда уже следует говорить о креольских языках. Таких языков довольно много возникло в период колонизации европейцами народов Азии, Америки и Африки. Из Западной Африки в Новый свет, как известно, было вывезено много чернокожих рабов, которые перенимали языки «хозяев», упрощая их и пришивая многое из своих родных языков. Именно так возникли гаитянский креольский язык (на французской основе), кабувердьяну (на португальской основе) или ямайский креольский язык (на английской основе). Эти и многие другие креолы на

французской, испанской, португальской, английской, немецкой, нидерландской основах существуют и сегодня, а некоторые имеют даже очень широкое распространение. Например, язык ток-писин (креол на английской основе) в Папуа – Новой Гвинее является официальным языком, на нём общаются миллионы жителей острова.

Может быть, это покажется кому-то громким заявлением, но и сам английский – это тоже типичная языковая смесь германского и романского языков, только более древняя (хотя, разумеется, английский по-прежнему является германским в своей основе). Более древней смесью является японский язык, который возник в ходе контактов носителей алтайских языков переселенцев с австронезийскими языками коренного населения Японских островов (именно поэтому японский долго не удавалось однозначно отнести к какой-то языковой семье). Ближе к нашему времени возникли такие языки, как еврейский идиш (во многом похож на немецкий) и африкаанс (сильно упрощённый нидерландский язык, на котором говорят преимущественно потомки голландцев в Южной Африке).

А теперь к главному твоему вопросу: уменьшается число языков на планете или увеличивается?

Исторически число языков росло. В процессе расселения человека по планете языки разделялись, расходились, их становилось больше. Но так было до определённого момента. С конца XV – начала XVI века можно говорить о новой эпохе в истории языков мира, когда рост числа языков приостановился, прекратился, а затем процесс пошёл в обратном направлении. Это, напомним, связано с колонизацией, затем с промышленным переворотом и, наконец, с нынешней глобализацией. Многие народы утратили за эти несколько столетий свои языки, перешли на языки бывших колонизаторов, которые насаждали свою

культуру (нередко даже насильно) в Америке, Африке, Австралии, частично в Азии. Территориальная экспансия Российского государства на восток в XVI-XVII веках имела не такие катастрофические последствия для языков коренных народов Сибири и Дальнего Востока (если сравнивать с европейской колонизацией Нового света), но русский язык, имея более сильные позиции и больший престиж, медленно, но верно вытеснял их. Этот процесс продолжается и в наши дни.

Другое важное явление этого периода – начало кодификации норм языка, создание литературных языков. В раннее новое время, когда не было ни единой Италии, ни единой Германии, на этих территориях все говорили на своих диалектах, не имея одной нормы. Даже во Франции, которая к концу средневековья более или менее собралась по кускам в единое централизованное государство, всё ещё наблюдалась диалектная пестрота. Но в XVII-XIX веках литературные языки, которые часто основывались на престижном диалекте столицы (хотя в случае с итальянским и немецким языками это было совсем по-другому), стали вытеснять местные диалекты. В быту их продолжали использовать, используют даже по сей день. Но и этот процесс ведь ещё не закончен.

Выше я уже упомянул о влиянии глобализации. В информационную эпоху искоренение диалектов – вопрос времени. Если ещё в середине XX века в Германии, Италии, западной части РСФСР можно было сплошь и рядом слышать диалектную речь, подмечать особенности произношения, обнаруживать «странные» словечки, то сегодня такое уже редкость. Люди старшего поколения ещё где-то сохраняют свои говоры, но молодёжь, которая слушает радио, смотрит телевидение и во всю пользуется интернетом, уже говорит более или менее литера-

турно. Для языков Восточной Азии это в меньшей степени характерно, однако диалекты и там постепенно отмирают.

Процесс исчезновения «малых» языков и отмирание диалектов, очевидно, происходит быстрее, чем появляются новые языки. Есть, правда, ещё один момент: где-нибудь в труднодоступных районах Папуа – Новой Гвинеи, Африки или Южной Америки исследователи могут неожиданно наткнуться на «новые» языки, о которых раньше ничего не было известно. Такое иногда бывает. Но и такие случаи едва ли способны компенсировать исчезновение языков.

Есть такой прогноз у лингвистов, что к концу XXI столетия (если доживём до того времени) языков на планете будет от силы несколько сотен. Сохранятся «большие» языки, национальные языки. Может быть, появится несколько новых языков (американский, австралийский, бразильский и т. д.), если носители отдельных национальных вариантов тех или иных языков (соответственно, английского, португальского и т. д.) сами того захотят. Но всё остальное языковое разнообразие исчезнет. Поэтому учёные стремятся быстрее изучить малые языки, чтобы хотя бы что-то от них сохранить. Оговорюсь, однако, что этот прогноз не следует воспринимать как суровое предсказание. Каким-то волшебным образом всё может произойти иначе. Но тенденция пока именно такая.

М.К. Интересно получается. Если языков становится всё меньше и меньше, то в конце концов может получиться так, что останется только один язык – единый для всего человечества. Такое возможно?

А.М. Эх, как глубоко копнула! Честно сказать, я сам много думал над этим, хотя лингвистам и не свойственно уxo-

дять глубоко в область футурологии. Прогнозирование в лингвистике – это вообще слабое направление, но мне кажется, что оно должно иметь место. Замечательный российский и советский лингвист первой половины XX века Евгений Дмитриевич Поливанов верил в возможность прогнозировать некоторые языковые явления. Лингвист – это «языковой политик», который в разумных пределах может предсказывать будущее языков, наблюдая за тенденциями их развития.

Чтобы заглянуть в будущее, нам придётся ещё раз вернуться в прошлое. В Средиземноморье в средние века сложился язык, который принято называть лингва франка (*lingua franca*) – франкский язык. Разумеется, он не имеет никакого отношения к тому древнему франкскому (германскому) языку, на котором говорили во Франкском королевстве времён Хлодвига или в империи Карла Великого, но названия эти друг с другом связаны. Франки завоевали значительные территории в Западной Европе после распада Римской империи в V веке, в том числе Галлию, которая уже после раздела империи Карла в IX веке переняла название *Francia*. Нетрудно догадаться, что речь идёт о современной Франции. К тому моменту, когда в Средиземноморье с европейцами активно торговали арабы и турки, о воинственных франках уже давно позабыли. Но название снова всплыло на Ближнем Востоке, где франками именовали всех европейцев (в то же самое время в Европе всех мусульман называли сарацинами). Язык лингва франка был своего рода языком международного общения в этом регионе, основу которого составляли романские языки (итальянский, французский, испанский и др.) с большим количеством арабских, турецких и греческих вкраплений. В сущности, это был пиджин, на котором говорили торговцы вплоть до XIX века. Он помогал наладить общение между носителями разных языков. Сегодня термин лингва франка по-

нимается шире – это любое средство межэтнического общения в определённом регионе. В Восточной Африке таким лингва франка является язык суахили, в Западной Африке – язык хауса, в Индии – английский, на постсоветском пространстве – русский. Но такие контакты ограничены узкой сферой коммуникации.

Расширение коммуникативной сферы превращает лингва франка в так называемое койнэ (от греческого *κοινή διάλεκτος*, *koiné diálektos* «общий язык»). В эллинистическую эпоху под койне понимали упрощённый аттический диалект древнегреческого, который использовался в различных частях бывшей державы Александра Македонского. На этот язык были переведены Септуагинта (первый перевод Ветхого Завета на греческий) и Новый Завет. Сегодня так называют язык, используемый в качестве основного средства общения между людьми, говорящими на разных языках или диалектах в одной стране. Это ещё один «усреднённый» язык, однако он отличается от лингва франка более широкой сферой использования. По ряду признаков к койне можно отнести латинский язык в средневековой Европе. Другой известный пример койне – язык баманá в Мали, где есть официальный французский и около 40 местных африканских (обычно нигеро-конголезских) языков. На языке бамана происходит повседневное общение, ему обучают в школах, на нём создаётся литература (в том числе религиозные тексты), ведётся телевидение. При этом для многих он не является родным.

Очевидно, что с давних пор люди искали возможность контактировать друг с другом, выбирая какой-то один язык в качестве общего. Такие языки были рассредоточены по регионам мира, где происходили точечные политические, торговые, культурные контакты между носителями разных языков. Но сегодня, повторяюсь, мы живём в совсем другом мире. Связи стали

более тесными, международное общение становится необходимостью в условиях глобализации. Обычным лингва франка или койне уже не обойтись.

Сегодня принято говорить о международных (или даже мировых) языках. К мировым часто относят рабочие языки ООН: английский, французский, испанский, русский, арабский, китайский. Они широко распространены, их учат во всём мире. Но очевидно, что лавры первенства переходят к американскому варианту английского языка. И хотя другие языки функционально не уступают английскому, именно он имеет все шансы выбиться в лидеры и стать единым мировым языком в ближайшем будущем. Это не значит, что другие языки тут же начнут массово вымирать под гнётом английского, но они как минимум подвергнутся (и уже активно подвергаются) колоссальному его влиянию. Влияние же, как известно, – это страшная вещь в истории языков, потому что именно «влиятельные» языки имеют больше шансов «победить» в условиях, когда языковое разнообразие планеты стремительно сокращается.

Некоторые философы (и не только) говорят, что глобализация подведёт нас к созданию новой глобальной цивилизации, планетарному сознанию. Люди должны жить дружно, мирно, они могут вместе решать глобальные проблемы, забыв о противоречиях. Но это только в теории. Национальные, экономические, политические, культурные и прочие интересы и различия не позволяют людям по-настоящему объединиться. Зато это даёт возможность сохраниться крупным государственным языкам. Но если все различия удастся преодолеть в будущем, то, вполне вероятно, на планете останется всего один язык.

Допустим, что так и произойдёт. Тогда вопрос в том, что это будет за язык. Выше я сказал, что все шансы есть у английского языка. Но будет ли он единым языком человечества на

самом деле? Когда-то в лидерах были и другие языки. Если бы мы рассуждали об этом в XIX веке, то мы бы назвали лидером французский или немецкий. Когда-то они претендовали на то, чтобы стать международными языками. Но власть, как видим, поменялась. Эти языки своё посильное влияние оказали и тихонько отошли на вторые позиции, уступив место английскому. Английский язык тоже может продолжать свою экспансию до определённых пределов, но ведь никто знает, что станет с США и Британией в будущем. Как долго англосаксонский мир будет удерживать эстафетную палочку? Может быть, когда-нибудь эта палочка достанется китайцам, русским или бразильцам? Всё это, конечно же, вопросы, на которые никто не даст тебе ответа. Только лингвофрики знают все ответы.

Есть ещё одна интересная альтернатива: человечество вообще откажется от национальных языков и перейдёт к языку искусственному. Такие языки начали изобретаться уже давно, только не с целью стать единственными в мире, а с целью помочь людям научиться более логично мыслить (логлан и ложбан, токипона) или стать языками международного общения (волапюк, эсперанто, интерлингва). Есть, конечно, и такие языки, которые придуманы с художественной целью (язык на'ви в фильме «Аватар», дотракийский язык в сериале «Игра престолов», вымышленные языки Толкина), но они уж точно никак не претендуют на универсальность и международный статус.

Самым перспективным из искусственных языков на данный момент считается язык эсперанто. Его в конце XIX века разработал польский врач-окулист Людвиг Заменгоф. Само слово *esperanto* в этом языке значит «надеющийся» (это был псевдоним Заменгофа, который возлагал большие надежды на своё изобретение). Почему именно эсперанто? Во-первых, в нём довольно понятная для европейского человека фонетика, доступ-

ная орфография, простейшая грамматика (всего 16 грамматических правил и нет ни одного исключения) и довольно лёгкая для усвоения лексика (особенно легко её изучать тем, кто знаком с европейскими языками). Во-вторых, этот язык «ничей»; он не принадлежит какому-то одному народу, а это значит, что человек, говорящий на эсперанто, не будет чувствовать себя в чём-то ущемлённым. На эсперанто говорят многие люди, есть даже те, для кого он стал родным. Но его популярность существенно уступает популярности английского. Перспективы эсперанто пока что туманны.

Здесь, как видишь, ещё многое неясно. Мы снова наблюдаем тенденции, делаем на их основе какие-то выводы, но ценность таких выводов пока что сомнительна. Я в них верю, считаю убедительными, однако не все разделяют мои мысли на этот счёт. Есть лингвисты-оптимисты, которые ещё верят в то, что языковое разнообразие будет существовать всегда.

М.К. Мне тоже твои доводы кажутся разумными. Сомнительно для меня лишь то, что люди будут говорить на языке, который кем-то выдуман. Я не очень верю в успех эсперанто. Хотя сама мысль о том, что язык можно создать, меня немножко забавляет. Людям мало своих обычных языков, они выдумывают новые. Разве это не странно?

А.М. Нет, не странно. Примерно пять тысяч лет назад была изобретена письменность, чтобы упростить сохранение и передачу информации. Память иногда подводит. Почему бы тогда не придумать язык, чтобы упростить общение между людьми? Мне вполне понятны устремления лингвистов-конструкторов. Я и сам увлекался такими языками, даже пытался их изобретать. Очень интересная практика.

Если тебе захочется побольше об этом узнать, то рекомендую прочитать книгу Александра Пиперски «Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского». В ней есть отсылки к другим интересным источникам, но для общего ознакомления с классификацией искусственных языков и некоторыми отдельными языками её будет вполне достаточно.

М.К. Мне бы хотелось лучше разобраться с лингвистической типологией. Насколько я поняла, типология как бы противопоставлена сравнительно-историческому языкознанию, в ней языки классифицируются как-то иначе. Но хотелось бы лучше понять, что именно является основой сравнения или сопоставления языков в этой классификации. Ты этот момент как-то пропустил в своём объяснении. Пришла пора пояснить его.

А.М. Как я уже говорил, типология классифицирует языки независимо от степени их родства. Но классификация в типологии не одна. Их довольно много. В 2005 году вышел «Всемирный атлас языковых структур» (The World Atlas of Language Structures, WALS), в котором все более или менее исследованные языки классифицируются по десяткам различных оснований. Мне кажется, что человеку, который от лингвистики далёк, такой атлас мало что даст, но лингвистам-типологам он, конечно, очень интересен.

Типологический анализ может быть фонетическим (на уровне фонем), морфологическим (на уровне слов) и синтаксическим (на уровне словосочетаний и предложений).

Начнём с фонетики. У всех людей одинаковый артикуляционный аппарат, но каждый язык использует свой набор фонем (тут уместно вспомнить наш «эксперимент» с подменой дагестанского мальчика). К примеру, нам сложно правильно про-

изнести без подготовки английские межзубные [θ] и [ð] в словах *think* [θɪŋk] «думать» и *that* [ðæt] «это», французскую [ʒ] в слове *soirée* [swaʁe] «вечер», немецкую гортанную смычку [ʔ] в начале слов на гласный, например, в слове *Apfel* [ˈʔapfəl] «яблоко». В то же время англичанину будет весьма непросто произнести русский звук [ɕ:] в слове *защипать* [zɕɛ:ɪ'ɕ:ætʲ], француз будет не в состоянии выговорить русский звук [x] в слове *хохот* [ˈxoxət], а немец с трудом научится различать в русском языке твёрдые и мягкие (палатализованные) согласные [s] и [sʲ] в словах *вес* [vʲes] и *весь* [vʲesʲ].

Фонетика объясняет, почему так происходит, а фонетическая типология показывает, в каких языках это происходит, как часто встречается то или иное явление. В этой связи языки могут классифицироваться по наличию тех или иных звуков или фонетических явлений. Скажем, немецкий – это германский и индоевропейский язык. Но наличие гортанной смычки ([ʔ]) сближает его с датским (также германский), арабским, ивритом (семитские), гавайским (полинезийский), чеченским (нахско-дагестанский) и некоторыми другими языками. Английский язык – тоже германский, но межзубные согласные ([θ], [ð]) сближают его с испанским (романский), валлийским (кельтский), албанским, греческим (отдельные индоевропейские языки), башкирским, туркменским (тюркские).

Исследования в области фонетической типологии зачастую сводятся к статистическим подсчётам количества звуков и анализу фонетических явлений в языках мира. Так, типологам интересно, какие языки наиболее «бедны» на звуки, а какие наиболее «богаты». Например, самым маленьким инвентарём звуков обладают языки ротокас (восточнопапуасский язык, распространённый на острове Бугенвиль, восточнее Папуа – Новой Гвинеи), пирахан (один из индейских языков Бразилии, о кото-

ром я уже говорил выше) и гавайский (малайско-полинезийский язык, распространённый на Гавайских островах). В них насчитывают чуть более десятка гласных и согласных. В то же время во многих языках Северного Кавказа насчитывается по 70-80 звуков, а в Южной Африке есть и такие языки, где одних только типов щёлкающих звуков (кликсов) насчитывают десятки. Это в первую очередь так называемые койсанские языки, среди которых особо выделяют язык кххонг. В нём некоторые лингвисты насчитывают более 80 типов таких звуков (хотя это, надо сказать, довольно спорно).

В фонетике, разумеется, можно сравнивать языки по другим признакам: особенностям ударения, наличию или отсутствию тонов. Но здесь реже говорят о каких-то чётких классификациях. Это скорее хорошее подспорье для лингвистов, которых привлекает разнообразие звуков или какие-либо фонетические универсалии.

Морфологическая типология тоже весьма интересна. Тут, как и с фонетикой, можно просто подивиться количеству разнообразных грамматических явлений в языках мира.

Приведу один частный пример того, как сравниваются грамматические явления вне контекста языкового родства. Во многих языках, как ты знаешь, есть такая часть речи, как артикль. Мы обычно говорим о препозитивном артикле (определённом или неопределённом): английские *the*, *a(n)*, немецкие *der*, *die*, *das*, *die*, *ein*, *eine*, *ein*, французские *le*, *la*, *les*, *un*, *une*, *des*, португальские *o*, *a*, *os*, *as*, *um*, *uma*, *uns*, *umas* и т. д. Кто изучал эти языки, тот знает, что эти словечки помещаются перед словом, к которому они относятся. Однако существуют языки, в которых артикли странным образом уходят за слово, как бы становясь его частью. Такие артикли называют постпозитивными.

Они есть, например, в славянском болгарском языке. Так, болгарское слово *мъж* «муж» с артиклем имеет вид *мъжът*, слово *град* «город» с артиклем имеет вид *градът*. Тут артикль мужского рода *-ът* соответствует частице *-то* в русском языке (ср. *муж-то уехал, город-то далеко*). Сравни также болгарские артикли у существительных среднего и женского рода: *желязо* «железо» – *желязото*, *лято* «лето» – *лятото*, *жена* «жена» – *жената*, *гора* «лес» – *гората*. Но то же самое ты можешь обнаружить и в германском шведском языке: *hus* «дом» – *huset*, *bok* «книга» – *boken*, *björn* «медведь» – *björnen*. Такое странное сходство в грамматике болгарского и шведского языков абсолютно случайно, поэтому оно больше интересует типологов, чем компаративистов.

Бывает, конечно, и так, что сходство обусловлено длительными контактами языков. Сказать, что болгарский и шведский контактировали друг с другом, мы не можем. Те сходства, о которых речь шла выше, как я и сказал, случайны. Но некоторые сходства болгарского с другими языками объясняются именно конвергенцией (от латинского *convergō* «сходиться»), то есть постепенным «схождением» соседствующих языков (обратный процесс называется дивергенцией – от латинского *divergeō* «расходиться»).

Болгарский язык относят к так называемому балканскому языковому союзу, куда входят македонский, албанский и румынский. По ряду признаков к этому союзу также причисляют греческий, торлакский диалект сербохорватского, цыганский и балканские диалекты турецкого. Оказывается, что возникновение постпозитивного артикля – это общее свойство некоторых балканских языков. Постпозитивный артикль имеется в албан-

ском (*shtëpi* «дом» – *shtëpia*, *tryezë* «стол» – *tryeza*, *kërci* «голень» – *kërçyri*) и румынском (*lup* «волк» – *lupul*, *copil* «ребёнок» – *copilul*, *fereastră* «окно» – *fereastra*). Здесь уже о случайном сходстве говорить не приходится, так как мы имеем дело с результатом конвергенции, сближения этих языков. В балканских языках существуют и иные сходства (в падежной системе, в образовании конструкции будущего времени, в использовании личных форм глагола, в образовании некоторых числительных и т. д.).

Однако всё это частности. Сравнить категории числа, рода, падежа, времени, залога, наклонения и т. д. – это действительно занятно, интересно. Языки демонстрируют здесь поразительное разнообразие. Но систематики как таковой нет.

Наиболее известные классификации в морфологической типологии строятся в соответствии с типом выражения грамматических значений и типом морфологической структуры.

По типу выражения грамматических значений различают синтетические и аналитические языки. По типу морфологической структуры различают флективные, агглютинативные, изолирующие и инкорпорирующие языки. Эти классификации очень близки, они даже часто пересекаются, но их не следует путать.

Синтетическими (от древнегреческого *σύνθεσις*, *synthesis* «соединение, сочетание») являются те языки, в которых грамматические значения выражены внутри слова при помощи флексий, аффиксов или каких-то изменений внутри корня. К таким языкам можно отнести многие славянские языки (русский, украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, словенский, сербохорватский и др.), балтийские языки (литовский, латыш-

ский), албанский, армянский, исландский, грузинский, тюркские языки (турецкий, азербайджанский, туркменский, казахский, татарский, башкирский, узбекский, киргизский, якутский и др.), уральские (венгерский, финский, эстонский и др.). В меньшей степени сюда можно отнести такие германские языки, как немецкий и нидерландский (в них довольно много черт аналитических языков).

Аналитические языки (от древнегреческого *αναλυτικός*, *analutikós* «расчленённый») чаще используют для выражения грамматического значения вспомогательные слова. Типичными аналитическими языками являются английский, китайский, вьетнамский, тайский, лаосский, хауса. Многие романские (французский, испанский, итальянский) и германские языки (африкаанс, датский, норвежский, шведский) также можно смело назвать аналитическими или близкими к таковым. Из славянских языков к аналитическим можно отнести болгарский и македонский языки, хотя по их сложному глагольному спряжению так не скажешь.

Чтобы было понятнее, приведу несколько примеров. Возьмём такое предложение на русском: *Я вчера не читал книгу*. В нём всего пять слов. Переведём это предложение на английский: *I did not read a book yesterday*. В этом предложении уже семь слов; слова *did* и *a* являются служебными (при использовании других времён таких слов могло быть и больше). По-французски это предложение выглядит так: *Je n'ai pas lu de livre hier*. Даже если не учитывать французское двойное отрицание (*ne ... pas*), то всё равно слов больше, так как значение прошедшего времени выражено конструкцией с глаголом *avoir* «иметь», да к тому же ещё есть частица *de*. Пример из немецкого: *Ich*

habe gestern kein Buch gelesen. Здесь также сложное прошедшее время, образованное с помощью вспомогательного глагола *haben* «иметь». Из приведённых примеров мы можем видеть, что многие европейские языки выражают двумя словами такие грамматические значения, которые по-русски можно выразить только одним словом с нужными суффиксами и окончаниями. Зато как здорово это предложение будет выглядеть по-турецки: *Dün kitabı okumadım.* Форма глагола *okumadım* здесь уже значит «не читал», то есть помимо времени учтено ещё и отрицание. Экономия, да и только!

Синтетизм и аналитизм – это две крайние точки, между которыми можно расположить те или иные языки в зависимости от того, какие типы выражения грамматических значений преобладают. Русский язык не является чисто синтетическим, а английский не является чисто аналитическим. Один язык может сочетать в себе черты того и другого типа. Это легко продемонстрировать.

В русском языке выразить будущее время глагола *делать* мы можем двумя способами: 1) *я сделаю*; 2) *я буду делать*. В первом случае русский язык реализует синтетический тип за счёт совершенного вида глагола. Во втором случае реализован аналитический тип, так как использовано вспомогательное слово *буду*. В английском (*I will do/make*) и немецком (*ich werde tun/machen*) для выражения будущего времени используются вспомогательные глаголы (*will* и *werden*, соответственно), то есть в этих языках будущее время образуется только аналитически. Во французском языке сосуществуют оба типа, как в русском. Может быть использовано простое будущее время: *je ferai*. Однако в разговорной речи преобладает сложное время с ис-

пользованием вспомогательного глагола *aller* «идти»: *je vais faire*.

Есть языки, которые в своём синтетизме несколько «переигрывают», превращая целые предложения в одно слово. Такие языки называются полисинтетическими. К ним относятся палеоазиатские (чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские), многие индейские, кавказские (особенно абхазо-адыгские), австралийские и некоторые другие языки. Часто можно встретить такой пример из «Грамматики чукотского языка» лингвиста Петра Яковлевича Скорика: *Тымэйнулевтпыгтыркын* «У меня сильно болит голова». А вот пример из индейского языка науатль: *Nimitztētlamaquiltīz* «Я заставлю кого-нибудь дать тебе что-нибудь». Думаю, одного взгляда на такие слова-предложения достаточно, чтобы понять, что полисинтетизм предполагает заключение всех возможных грамматических значений в одном слове.

Во второй классификации, которая делит языки по типу морфологической структуры (флективные, агглютинативные, изолирующие и инкорпорирующие), различия между типами сводятся к степени самостоятельности морфем: сливаются ли они крепко друг с другом (так называемая фузия – от латинского *fūsiō* «слияние»), просто ли приклеиваются друг к другу или вовсе независимы друг от друга. У истоков этой классификации стояли Фридрих Шлегель, его брат Август Шлегель, а также уже известный нам Вильгельм Гумбольдт.

Флективные языки характеризуются наличием флексий (от латинского *flexiō* «сгибание»), то есть таких частей слова, которые несут грамматическое значение. К примеру, глагольная форма *летала* имеет суффикс прошедшего времени *-л*, а также

окончание женского рода *-а*; форма существительного *самолётами* имеет окончание творительного падежа множественного числа *-ами*; форма прилагательного *летательную* имеет окончание *-ую*, которое одновременно подразумевает три граммы: винительный падеж, единственное число и женский род. Часто на стыках корня и флексии происходит какое-либо морфологическое чередование, которое будто бы «сваривает» две части в единое слово: *река – речной, мужик – мужицкий, пух – пушистый*.

Агглютинативные языки (от латинского *agglutinatio* «склеивание») также предполагают присоединение к корню каких-либо аффиксов (префиксов и суффиксов), но эти аффиксы однозначны, а на стыке корня и аффикса, как правило, не возникает никаких чередований (исключение составляет явление сингармонизма в ряде языков). К примеру, азербайджанское слово *ağac* «дерево», присоединяя суффикс множественного числа *-lar*, превращается в *ağaclar* «деревья». Чтобы поставить слово в определённый падеж, нужен уже другой суффикс, который будет стоять после *-lar*: *ağacları* «деревья» (винительный падеж), *ağaclara* «деревьям» (дательный падеж), *ağaclarda* «в деревьях» (местный падеж), *ağaclardan* «от деревьев» (исходный падеж), *ağacların* «деревьев» (родительный падеж). Притяжательность в азербайджанском тоже выражается аффиксами: *ağaclarımı* «мои деревья», *ağaclarını* «твои деревья», *ağaclarımızı* «наши деревья» и т. д. А если к притяжательным аффиксам ещё следом добавить падежные аффиксы, то получится вот что: *ağaclarımda* «в моих деревьях», *ağaclarında* «в твоих деревьях», *ağaclarımızda* «в наших деревьях» и т. д. Видно, что здесь однозначные морфемы «приклеиваются» к корню или другим морфемам, образуя до-

вольно длинные слова. При этом морфемы в них очень хорошо различимы: слово *ağaçlarımızda* хорошо разделяется на основу *ağac* и суффиксы *-lar*, *-ımız* и *-da*.

Флективные и агглютинативные языки можно отнести к синтетическим, поскольку такой способ соединения морфем позволяет выразить грамматические значения в самом слове. Флективными являются многие индоевропейские (в особенности славянские и балтийские, а также многие древние языки), семитские (например, классический арабский) языки. Агглютинативными являются тюркские, финно-угорские, монгольские языки, языки банту в Африке южнее экватора.

Иногда агглютинативные языки могут вести себя как полисинтетические. Показательна такая турецкая фраза, которая по своему устройству кажется ничуть не проще чукотской фразы, приведённой выше: *Değiştiremediklerimizden misiniz?* «Являешься ли ты одним из тех, кого мы были неспособны изменить?». Всё же турецкий язык следует считать просто синтетическим, такие конструкции встретишь в нём не так часто.

Инкорпорирующие языки (от позднелатинского *incorporātiō* «включение в состав») можно сравнивать с полисинтетическими, хотя это и очень грубое сравнение. Именно включение большого числа морфем в состав одной инкорпорирующей конструкции позволяет получать такие слова-предложения, в которых заключена вся мысль. Примеры таких слов-предложений я приводил выше.

Изолирующие языки (от французского *isolation* «изоляция, разобщение») можно условно соотнести с аналитическими. В таких языках практически нет морфем, то есть отсутствует словоизменение. Есть только самостоятельные слова, ко-

торые могут примыкать друг к другу в нужном порядке, что и определяет значение и роль этих слов в предложении. В таких языках, как говорят лингвисты, почти нет грамматики. В них очень широко представлена конверсия (от латинского *conversio* «вращение, обращение»), то есть одно слово может использоваться как разные части речи. Разумеется, в таких языках весьма велика роль служебных слов.

Одно слово в китайском языке может быть и существительным, и прилагательным, и глаголом. Например, китайское слово 愛/爱 (ài) означает «любить», «любовь» и «любимый»; конкретное значение можно понять только из контекста. Например, предложение 愛兒童 (ài értóng) будет значить «любить ребёнка», 吾愛 (wú ài) – «моя любовь», 愛女 (ài nǚ) – «любимая дочь». Время в китайском также выражается часто при помощи специальных указателей времени: 昨天 (zuótiān) «вчера», 今天 (jīntiān) «сегодня», 現在/现在 (xiànzài) «сейчас», 明天 (míngtiān) «завтра»; moreover, имеется и интересная частица 了 (le), которая образует конструкцию прошедшего времени.

Английский язык сегодня приближается к изолирующему строю. Во многом он уже напоминает китайский, хотя в нём ещё сохраняются некоторые флексии. Однако конверсия хорошо знакома каждому, кто учил английский. Слово *love* означает «любить» и «любовь»: *I love you* «я тебя люблю», *a mother's love* «материнская любовь». Слово *like* мы можем использовать в качестве глагола: *I really like you* «Ты мне действительно нравишься», существительного: *Tell me your likes and dislikes* «Расскажи мне о своих симпатиях и антипатиях», прилагательного: *We have like minds* «У нас похожий склад ума», наречия: *He runs*

like crazy «Он бежит как сумасшедший», предлога: *Do it like this* «Делай вот так». Разумеется, наличие вспомогательных глаголов, артиклей, частиц (вроде показателя инфинитива *to*) тоже выдаёт изоляцию в английском.

Третье направление в типологии, которое сегодня развивается довольно активно, – это синтаксическая типология. Здесь тоже можно говорить о большом количестве оснований для классификации. Я приведу лишь две из них, которые считаются наиболее общепринятыми.

Одна классификация различает языки номинативного (аккузативного) и эргативного строя. Реже встречаются другие типы (например, активный строй). Всё это способы синтаксического оформления именных групп – участников ситуации, которая описывается сказуемым. Это довольно сложные понятия, разобраться в которых с опорой на привычные для нас термины было бы непросто. Поэтому я позволю себе упрощённо (насколько это вообще возможно) раскрыть суть этой классификации, пренебечь некоторыми существенными деталями.

Номинативный тип (от латинского *nōminātīvus* – название именительного падежа) называют также аккузативным (от латинского *accūsātīvus* – название винительного падежа), что более правильно. К этому типу относятся многие индоевропейские, афразийские (к ним относятся семитские языки и многие языки Северной и Восточной Африки), уральские (финно-угорские и самодийские), дравидийские (языки телугу, тамильский, каннада, малаялам в Южной Индии), алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские) и некоторые другие языки. В них имеется противопоставление субъекта (кто или что производит действие) и объекта (на кого или на что направлено это

действие), причём субъект стоит в именительном падеже, а объект – в винительном.

Например, рассмотрим такое предложение: *Мужчина съел яблоко*. В этом предложении *мужчина* – субъект, поэтому слово использовано в номинативе, а *яблоко* – это объект, стоящий в аккузативе. Всё просто. Точно так же дела обстоят, например, в немецком: *Der Mann hat einen Apfel gegessen*, в английском: *The man ate an apple*, во французском: *L'homme a mangé une pomme*. Хотя в немецком аккузатив по форме не отличается от номинатива, а в английском и французском языках падежей вовсе нет, противопоставление субъекта и объекта очевидно.

В эргативных языках (от древнегреческого *ἐργάτης*, *ergátēs* «рабочий; деятель») роли субъекта и объекта меняются. Вообще лингвисты в отношении эргативных языков используют понятия агентив (производитель действия) и фактитив (носитель действия), но, в сущности, речь об одном и том же. В предложениях с непереходным глаголом, где нет объекта, в таких языках всё примерно так же, как в русском. Но в предложениях с переходным глаголом, где появляется объект, происходит небольшая метаморфоза. Вместо *Мужчина съел яблоко* носители таких языков сказали бы примерно так: *Мужчиной съедено яблоко*. Только в русском языке мы используем пассивный залог, чтобы передать эту мысль, а носители эргативных языков ставят субъект в специальный эргативный падеж, тогда как объект стоит в абсолютном падеже.

Эргатив можно наблюдать в грузинском языке: *კაცმა ვაჭარი ჭამდა* (*қастма ваџли џама*). Слово *კაცმა* (*қастма*) стоит в эр-

гативе, на что указывает суффикс *-ძა* (*ta*); в именительном падеже – *კაცი* (*qaci*) «человек; мужчина». Но в грузинском так происходит разве что в прошедшем времени, тогда как в настоящем времени всё стандартно: *კაცი ვაშლს ჭამს* (*qaci vašls čams*) «Мужчина ест яблоко». Слово *კაცი* (*qaci*) теперь снова в именительном падеже.

Классический эргативный язык – баскский, на котором говорят баски на северо-востоке Испании и частично во Франции. Этот язык – «белая ворона» на фоне других европейских языков, потому что он совершенно не похож ни на один из них. Наличие эргативного падежа сближает его с языками Северного Кавказа, языком бурушаски в Пакистане, чукотско-камчатскими, эскимосско-алеутскими, а также с некоторыми австралийскими и индейскими языками. Переведём на баскский язык уже рассмотренное нами предложение: *Gizonak sagar bat jaten du* «Мужчина ест яблоко». Эргатив здесь выражен окончанием *-ak* в слове *gizon* «мужчина; человек», а слово *sagar* «яблоко» стоит в абсолютиве. Таким образом, и у басков «мужчиной яблоко съедается».

Вторая классификация касается порядка слов в предложении. Это чистый синтаксис. Ранее я уже говорил о том, что порядок слов в предложении может быть жёстким и свободным. Однако надо понимать, что не бывает языков, где все слова жёстко привязаны к своему месту в соответствии со своими ролями, так же как не бывает языков, где слова блуждали бы в абсолютно произвольном порядке в предложении или внутри синтаксической группы без искажения смысла. Это две крайние точки, между которыми можно расположить те или иные языки.

Русский и латинский языки на этом отрезке занимают позицию ближе к свободному порядку, английский или французский – ближе к жёсткому.

Из школьного курса многие помнят, что главными членами предложения являются подлежащее (выраженное чаще всего существительным или местоимением) и сказуемое (обычно это глагол); второстепенные члены предложения – это дополнение (объект действия, отвечает на вопросы падежей), определение (обозначает признак предмета), обстоятельство (обозначает время, место или способ действия). Лингвисты тоже изучают порядок всех этих членов предложения, но особенно их интересуют три из них: подлежащее (в типологии его часто обозначают заглавной буквой S, от английского *subject* «субъект»), сказуемое (обозначается буквой V, от английского *verb* «глагол») и прямое дополнение (обозначается буквой O, от английского *object* «объект»).

Выдающийся американский лингвист XX века Джозеф Гринберг, сравнивая различные языки, обнаружил, что в языках мира встречаются все возможные типы базового порядка этих членов предложения. Базовым считается порядок, который является нейтральным (в повествовательном предложении без стилистических перестановок) и наиболее свойственен тому или иному языку. Всего таких порядков шесть: SOV, SVO, VSO, VOS, OVS, OSV.

Русский язык относится к типу SVO (субъект – глагол – объект); сюда же следует отнести и многие европейские языки (английский, немецкий, шведский, норвежский, датский, исландский, французский, испанский, итальянский, португальский, румынский, польский, чешский, болгарский, сербохорватский,

словенский, украинский, белорусский, литовский, латышский, греческий, албанский, венгерский, финский, эстонский и т. д.), а также современный иврит, индонезийский, малайский, вьетнамский, китайский, тайский, хауса, суахили и некоторые другие языки.

Чтобы это проверить, достаточно взять какое-нибудь простое русское предложение, в котором есть все три члена предложения, и начать его переводить на другие языки. Возьмём такое предложение: *Кошка поймала мышку*. Конечно, мы можем сказать и иначе: *Мышку кошка поймала*, *Поймала мышку кошка* и т. д., но такие примеры не отражают базового порядка, поэтому мы их игнорируем. Переводим на английский: *The cat caught the mouse*. Всё на своём месте: сперва подлежащее *cat* «кошка», затем глагол в прошедшем времени *caught* «поймал(а)», затем прямое дополнение *mouse* «мышь». На французский мы это переведём так: *Le chat a attrapé la souris*; на португальский так: *O gato pegou o rato*; на венгерский так: *A macska megfogta az egeret*; на китайский так: 猫捉到了老鼠 (*māo zhuō dào le lǎoshǔ*), где слово 猫 (*māo*) означает «кошка» (очень похоже на русское *мяу* или английское *meow*), 老鼠 (*lǎoshǔ*) – «мышь; крыса», 到 (*dào*) – многозначный глагол (здесь использован в значении «ловить»), 了 (*le*) – частица, с помощью которой образуется прошедшее время (уже встречалась нам ранее). И тот же самый порядок будет встречаться нам в других языках, которые я перечислил выше.

Кажется, что порядок SVO встречается чаще всего, но это не совсем так. Ещё более распространённым является порядок SOV (субъект – объект – глагол). Такой порядок представ-

лен в хинди, бенгальском, персидском, таджикском, курдском, армянском, турецком, азербайджанском, казахском, татарском, узбекском, киргизском, монгольском, тамильском, японском, корейском, тибетском, бирманском, баскском, а также в древнегреческом и латыни. Таких языков очень много, причём они разбросаны географически.

Возьмём то же самое предложение и переведём его на японский: 猫はネズミを捕まえました (neko wa nezumi o tsukamaemashita). В этом предложении слово 猫 (neko) «кошка» стоит на первом месте, за ним следует ネズミ (nezumi) «мышь; крыса» и только в самом конце расположился глагол 捕まる (tsukamaru) «быть пойманным» в форме прошедшего времени. Для японского языка это самый обычный порядок слов. То же самое в турецком: *Kedi fareyi yakaladı*; в баскском: *Katuak sagua harrapatu zuen* (обрати внимание на форму *katuak* – старый добрый эргатив).

Типы порядка слов SVO и SOV встречаются в подавляющем большинстве языков мира, что вполне объяснимо. Человек, говорящий на таких языках, начинает как бы с главного – называет субъект, а затем переходит к деталям. Тип VSO (глагол – субъект – объект) – третий по распространённости, он встречается в кельтских (ирландский, гэльский, валлийский и т. д.), семитских (классический арабский, древнееврейский, геэз, берберские языки в Северной Африке), австронезийских (тагальский, гавайский, маори и т. д.) и некоторых довольно экзотических языках Центральной Америки. Там как раз предложение начинается с глагола, а всё остальное следует за ним. Оставшиеся три порядка слов, которые распространены в меньшей степе-

ни, я позволю себе не разъяснять вовсе. Мне кажется, редкий лингвист вообще вспомнит о них.

Пожалуй, на этом я остановлюсь в части типологии. Как ты видишь, здесь очень много всего, даже иногда не знаешь, за что взяться. Если хочешь узнать обо всём этом подробнее, то очень рекомендую научно-популярную книгу профессора Владимира Александровича Плуногяна «Почему языки такие разные». В ней довольно просто и доступно объясняются те моменты, о которых я здесь умолчал, очень много хороших примеров, которые помогут тебе лучше разобраться в типологии. Также очень рекомендую почитать «Атлас языков мира» (The Atlas of Languages: The Origin and Development of Languages Throughout the World), в работе над которым принимали участие такие современные лингвисты, как Бернард Комри, Стивен Мэттьюс и Мария Полински. Есть хороший перевод этого издания на русский язык.

М.К. Итак, я попробую ещё раз для себя всё это резюмировать. Существует типология, которая изучает сходства и различия языков без учёта их родства. Фонетическая типология изучает звуковой состав языков и то, какие фонетические особенности в них представлены. Морфологическая типология изучает грамматику: с одной стороны, языки бывают синтетические и аналитические, с другой – флективные, агглютинативные, изолирующие и инкорпорирующие. Синтаксическая типология делит языки на номинативные (аккузативные) и эргативные, а также различает шесть типов порядка слов. Ничего не упустила?

А.М. Да, всё так и есть.

М.К. Вот и замечательно. Теперь вбить бы в голову эту информацию. Через примеры мне вроде всё ясно, но я себе это потом схематично зарисую, чтобы наверняка запомнить.

Типология заставила меня кое о чём задуматься. Какие-то языки имеют очень сложную структуру, они более развиты: в них есть много падежей, времена, наклонения всякие. В других языках этого всего либо нет совсем, либо с этим всё очень скудно. Мне кажется, что русский язык в этом отношении более развитый, чем английский или итальянский. Я изучала оба языка, мне было не очень трудно их учить. В них нет ни падежей, ни такой развитой системы склонения существительных и прилагательных. Немецкий кажется мне более развитым, потому что в нём грамматика труднее. Я долго зубрила эти слабые и сильные типы склонения прилагательных, типы образования множественного числа существительных. По сравнению с английским это был ад. В то же время я понимаю, что русский, не будь он мне родным, мне было бы учить ещё труднее, чем английский, итальянский и немецкий вместе взятые. Выходит, сложность и развитость языка определяется вот этими самыми типами, о которых ты говорил выше?

А.М. Должен сказать, что этот предрассудок о «развитости» языка не имеет под собой никаких оснований, хотя многие об этом пишут и говорят, перекрикивая друг друга. Понятие «языковая сложность» существует, но его не следует приравнивать к «развитости». Количество падежей, наличие рода и других грамматических категорий могут сделать язык более сложным с точки зрения его изучения, но никак не более развитым.

В XIX веке представление о том, что сложность языка определяет его развитость и даже развитость культуры народа, который говорит на нём, было довольно популярным. Когда-то сам Вильгельм Гумбольдт высказывал подобные мысли. Величайший немецкий лингвист XIX века Август Шлейхер, вклад которого в науку о языке просто колоссален, был одним из авторов так называемой теории стадильности, которую сегодня лингвисты считают еретической. Шлейхер верил, что изолирующие, агглютинативные и флективные языки – это на самом деле следующие друг за другом стадии развития языков; флективный тип – это самый совершенный, самый сложный тип, который был присущ древним индоевропейским языкам, но сохранился разве что в языках славянских и балтийских. Шлейхер сокрушался по поводу того, что индоевропейские языки деградируют, что происходит «распад языка в отношении звуков и форм».

Действительно, санскрит, латинский и древнегреческий языки, обладавшие очень сложной грамматикой, всегда считались самыми развитыми. Их изучение требовало много времени. В свою очередь, английский или французский языки можно было считать довольно примитивными на их фоне. А ведь ещё в X веке английский язык был сложным флективным языком с такой же развитой системой склонения и спряжения. Со временем он стал очень быстро упрощаться и двигаться в сторону аналитизма. Сегодня ни один англичанин без специальной подготовки не прочтёт древнеанглийский текст – для него он будет выглядеть как исландский. Правда, он сможет угадать значения некоторых слов из-за похожести корней, но вот с грамматикой разобраться он будет не в силах. Итальянский, французский, испанский,

португальский и некоторые другие романские языки тоже сильно упростились в плане морфологии. Все они являются потомками латыни, которую французские и итальянские дети зубрят в школах как иностранный язык. Представь, что современные дети в России изучали бы в школе древнерусский или старославянский. Жуть!

Каждый язык устроен так, чтобы на нём можно было выразить любую мысль. Разве можно считать английский язык ущербным только из-за того, что он утратил падежи и грамматический род? Вовсе нет. Английский очень развит функционально, и его простая грамматика ему никак не мешает. Некоторые видные лингвисты (например, датчанин Отто Есперсен) и вовсе полагали, что упрощение английского языка – это и есть своего рода прогресс. Совсем другая крайность. В этой связи санскрит, который считается «совершенным» языком (само название языка संस्कृत, saṃ-skṛta означает «совершенный»), выходит, слишком перегружен лишними флексиями, без которых вполне можно обойтись.

В общем, ставить цель определить «развитость» языка – это неумно. Можно говорить разве что о «функциональной развитости» языка, то есть о наличии богатой литературы, развитой научной терминологии, активном использовании языка в повседневном общении, в интернете, в средствах массовой информации. Но эта точка зрения возобладали лишь относительно недавно.

М.К. Всё-таки в чём-то эти лингвисты XIX столетия были правы. Ведь языки действительно упрощаются со временем? По-моему, это очень отчётливая тенденция.

А.М. С этим не всё так просто. Многие языки, которые мы чаще всего вспоминаем в этой связи, разумеется, упрощаются с различной скоростью. И это можно видеть, сравнив исторические источники на этих языках с тем, что мы имеем сегодня. Многие языки Европы и отчасти Азии в этом смысле хорошо изучены. Но значительное количество языков изучено плохо. Мы мало знаем об истории языков Африки, Австралии, Америки. Может быть, есть языки, которые мало-помалу усложняются, только обнаружить это бывает непросто.

Знаешь, у меня одно время была такая смелая гипотеза (позже я узнал, что она существует в науке уже давно) о том, что языки в своём развитии проходят путь от аналитизма к синтетизму, а затем двигаются обратно. Это похоже на раскачивание маятника: простой язык, которому уже некуда больше упрощаться, начинает, наоборот, усложняться; он усложняется до определённого момента, но избыточные флексии и трудные формы тянут его назад в сторону упрощения, и происходит очередной разворот в обратную сторону. Так я и объяснял движение языков в рамках шкалы «аналитизм – синтетизм», но причины его (что привело в движение этот «маятник») мне не очень понятны. Свою роль в этом процессе, надо полагать, играет принцип экономии речевых усилий. Его обычно считают «двигателем» языковых изменений, но всего им не объяснишь. Подобных «разворотов» за всю историю языков могло быть очень много, хотя мы их едва замечаем, потому что они происходят медленно – столетия и даже тысячелетия. Письменная история человечества – это пять тысяч лет, а языки существуют намного дольше. Незнание того, что было в древности с языками, не поз-

воляет увидеть полной картины таких «маятниковых» изменений.

М.К. Ничего себе! То есть языки постоянно проходят по одним и тем же кругам, циклично? От синтетического типа – к аналитическому, от аналитического – к синтетическому... Это просто предположения или есть доказательства таких «маятниковых изменений»?

А.М. Речь скорее идёт не о цикле, а о некой неровной синусоиде. Какой-то флективный язык может развиваться, скажем, в сторону изолирующего строя, но он может притормозить на полпути и вовсе развернуться обратно, то есть типичным аналитическим языком он может и не стать. В то же время другой такой же язык может пойти дальше, достичь максимальной изолированности и надолго застыть в этом состоянии, тогда его однозначно нужно будет считать аналитическим. Искать тут какую-то математику трудно. Поведение языков довольно непредсказуемо, хотя есть определённая связь между скоростью маятниковых изменений и, скажем, языковыми контактами: язык, на который оказывается определённое влияние другого языка, быстрее упрощается. Собственно, пиджинизация и креолизация языков – это наглядная модель такого изменения.

Доказательств того, что существуют какие-то постоянные «маятниковые» изменения, свойственные всем языкам, я тебе не приведу. Этот вопрос лингвистам ещё предстоит лучше осветить со временем. Но у меня есть своя гипотеза и на этот счёт. Она довольно зыбкая, доказать её по причине неполноты наших знаний невозможно, но мне она кажется вполне логичной

и не противоречащей тому, что известно современной лингвистике.

Я считаю, что древнейший (прамировой) язык человека был очень простым в плане грамматики. Возможно, по своему устройству он напоминал изолированный китайский, но был ещё проще. Слова в нём представляли собой слоги или сочетания из двух-трёх слогов (часто редуцированных) и обозначали конкретные понятия: «камень», «вода», «человек», «дерево», «гора», «палка» и т. д.

Допустим, что слово *dam* в таком языке означало «палка», слово *nan* – «земля», слово *he* – «бить». Конечно, на самом деле таких слов могло и не быть, а если они и были, то могли означать что-нибудь другое; мы сделали простое допущение для мысленного эксперимента. Представь, что один из древних людей, носителей прамирового языка, заострил палку и принялся с её помощью раскапывать землю в поисках чего-нибудь съестного. Как можно назвать действие, которое совершает этот человек, на таком древнем языке? Мне кажется, что выдумывать новый слог для номинации нового предмета или явления не всегда целесообразно. Аффиксов ещё тоже нет, поэтому ничего к уже известному слову не прицепишь. Скорее всего, возникло бы более сложное слово со значением «копать», составленное из уже имеющихся основ: что-то вроде *dam-nan-he* «палка-земля-бить» или *nan-dam-he* «земля-палка-бить». Со временем таких длинных слов для обозначения новых вещей, явлений и даже абстрактных понятий («дух», «любовь», «ложь», «умирать», «знать» и т. д.) должно было становиться всё больше. Словарь увеличивался, сами слова со временем изменялись, утрачивая явное сходство с компонентами, в него входящими. Удлинение

слов способствовало появлению первой примитивной грамматики, в которой возникали аффиксы, флексии, вспомогательные слова. Спустя тысячи лет потомок такого древнейшего языка был бы уже сложным флективным, агглютинативным или даже инкорпорирующим языком с развитыми системами словоизменения. Какие-то потомки такого языка далее упрощались, затем снова усложнялись. Лингвисты такие глубины нащупать пока не могут, поэтому и остаётся только гадать о том, сколько раз тогда маятник качнулся.

Наука застала сложные индоевропейские языки, которые были зафиксированы в письменных памятниках. Древнеперсидские надписи времён Дария и Ксеркса, источники на хеттском, древнеиндийском, авестийском, древнегреческом (в самой его архаичной форме); позже появились латинские записи, а за ними – готские (германские), славянские источники, которые демонстрируют, что эти языки также были очень сложными. Компаративисты, сравнив эти языки, сделали вывод, что и их общий предок (праиндоевропейский язык) был тоже очень сложным с точки зрения грамматики. Зато современные потомки этих языков, как уже выше было сказано, упростились. Современные персидский или таджикский языки намного проще древнеперсидского, современный хинди намного проще древнеиндийского, современный русский проще древнерусского. Многие древние грамматические категории в этих языках утрачены и продолжают утрачиваться.

М.К. Ты очень интересно смоделировал это развитие от простого к сложному, а затем показал, что сложное снова становится простым. И мне всё кажется правдоподобным. Но в язы-

ках современных мы этого проследить не можем, так как те языки, что изучены хорошо, упрощаются, а те, что усложняются, ещё отыскать надо. Ты сам это сказал. Выходит, что нет никаких аналогий такого развития, которые бы подтверждали, что всё именно так и было. И тогда вся модель – это чистая фантазия?

А.М. Я предпочитаю называть это гипотезой. Хотя многое в этой гипотезе можно подвергнуть критике, я всё же уверен, что в общих чертах именно так и было. Но такое видение, конечно, нельзя принимать за чистую правду, всё это довольно умозрительно.

Аналогий, которые бы показывали абсолютно идентичное развитие языка от изолирующего строя к любому другому, более сложному, нет. Но кое-что похожее я наблюдаю в современном китайском. Приведу лишь некоторые примеры.

Известно, что ещё в древнекитайском использовались преимущественно односложные слова, каждое из которых имело своё значение и записывалось, соответственно, одним иероглифом. Сегодня же в китайском языке очень много двусложных слов, которые самими китайцами в общем-то понимаются как единое слово. Например, слово 地板 (dìbǎn) «пол» состоит из слов 地 (dì) «земля» и 板 (bǎn) «доска»; слово 好看 (hǎokàn) «красивый» состоит из слов 好 (hǎo) «хороший» и 看 (kàn) «смотреть; видеть». Двусложные слова стали нормой в более позднее время, а сегодня уже никого не удивит словами, состоящими из трёх или четырёх слогов. Отчасти виной тому ино-

странные заимствования. Тенденция к удлинению слов в китайском прослеживается чётко.

В китайском языке в последнее время стали чаще использоваться продуктивные элементы, которые чем-то напоминают по функциям суффиксы в европейских языках. Так, элемент 主義/主义 (zhǔyì) в составе сложных слов часто соответствует нашему суффиксу *-изм*: 人文主義/人文主义 (rénwénzhǔyì) «гуманизм», 保守主義/保守主义 (bǎoshǒuzhǔyì) «консерватизм», 寫實主義/写实主义 (xiěshízhǔyì) «реализм», 軍國主義/军国主义 (jūnguózhǔyì) «милитаризм», 和平主義/和平主义 (hépingzhǔyì) «пацифизм», 法西斯主義/法西斯主义 (fǎxīsīzhǔyì) «фашизм» и т. д. Есть и такие слова-гиганты: 多元文化主義/多元文化主义 (duōyuánwénhuàzhǔyì) «мультикультурализм», 中國中心主義/中国中心主义 (zhōngguózhōngxīnzhǔyì) «китаецентризм», 馬克思列寧主義/马克思列宁主义 (mǎkèsīlièníngzhǔyì) «марксизм-ленинизм» и др. Само слово 主義/主义 (zhǔyì) означает «идеология», но очень напоминает суффикс в составе названных выше слов. А ведь когда речь шла о морфологической типологии, я подметил, что для языков изолирующего строя наличие таких элементов не характерно.

Вообще говоря, в китайском существует немало полноценных суффиксов. Например, существует суффикс множественного числа местоимений и собирательный суффикс существительных 們/们 (men): 我 (wǒ) «я» – 我們/我们 (wǒmen) «мы»; 人 (rén) «человек» – 人們/人们 (rénmen) «люди»; 孩子 (háizi) «ребёнок» – 孩子們/孩子们 (háizimen) «дети». Есть экспрессивный суффикс 乎乎 (hūhū), который встречается при однослож-

ных прилагательных: 潮乎乎 (cháohūhū) «сырой, влажный», 胖乎乎 (pànghūhū) «пухлый, толстый, жирный», 傻乎乎 (shǎhūhū) «наивный, глупый». Есть даже заимствованный из персидского суффикс 斯坦 (sītǎn), который нам известен как составная часть названий ряда государств Средней Азии: 塔吉克斯坦 (Tǎjíkèsītǎn) «Таджикистан», 巴基斯坦 (Bājīstǎn) «Пакистан», 烏茲別克斯坦/烏茲別克斯坦 (Wūzībiékèsītǎn) «Узбекистан». Немало специфических суффиксов я наблюдал в кантонском диалекте. Да и это вездесущее 了 (le) после глагола по своим функциям напоминает мне обычный суффикс прошедшего времени, хотя это принято именовать грамматическим показателем или частицей. Частиц таких с разными функциями тоже много.

Если помнишь, выше я говорил о том, что нет абсолютно изолирующих языков и нет абсолютно флективных языков; нет абсолютно аналитических и нет абсолютно синтетических языков. Языки могут сочетать особенности различных типов. Если китайский начал прирастать суффиксами, если простые слова стали удлиняться за счёт сложения слогов и присоединения этих продуктивных элементов, то вскоре он может встретиться с английским, который летит навстречу китайскому на полных парах, а затем и вовсе превратится в агглютинативный язык. Если бы китайские тексты записывались не иероглифами, а в системе пиньинь (система транскрипции, которую я даю в скобках к китайским словам), то можно было бы подумать, что этот язык точно не изолированный. Мне кажется, что со временем китайцы всё же откажутся от иероглифов. Это будет то ещё зрелище.

М.К. Интересно, какова будет судьба русского языка? Он ведь тоже упрощается? Выше ты говорил, что русский проще древнерусского.

А.М. Мне и самому было бы интересно посмотреть, что будет с русским языком через несколько сотен лет. Скорее всего, он вслед за остальными индоевропейскими языками упростится, утратит сложное склонение и будет использовать вспомогательные слова. Утрата части падежей уже произошла, двойственное число, которое было в древнерусском языке, тоже исчезло, из четырёх прошедших времён осталось только одно. Конечно, темпы упрощения русского языка не сравнить с темпами изменений в английском или болгарском (хотя болгарский язык и сохраняет сложную систему времён), но тенденция к упрощению есть. Я думаю, русский язык постигнет та же судьба, что и многие европейские языки, и он станет аналитическим через несколько столетий.

М.К. Да уж, любопытно. А английский продолжает упрощаться? И если да, то в чём это проявляется? Мне кажется, со времён Шекспира английский язык ничуть не упростился грамматически, только лексика значительно обновилась.

А.М. Грамматическое упрощение английского языка в основном происходило до XII-XIII веков, что объясняется историческими причинами (завоевания восточных английских земель датскими и норвежскими викингами в IX веке, нормандское завоевание Англии в XI веке). Значительные фонетические изменения приходятся на XV-XVII века, когда произошёл так

называемый великий сдвиг гласных (Great Vowel Shift), из-за которого теперь мы читаем английские слова не так, как пишем. После XVIII века английский так радикально не меняется, хотя некоторые подвижки происходили.

В школьных грамматиках принято делить все английские глаголы на правильные (те, которые образуют форму простого прошедшего времени и причастия прошедшего времени при помощи суффикса *-ed*) и неправильные (которые надо зубрить по спискам). Это характерно для многих германских языков, в том числе, скажем, для немецкого и нидерландского. Поскольку немецкий, нидерландский и английский родственны, то в списках неправильных глаголов мы обнаружим часто одни и те же слова: английская тройка *see* «видеть» – *saw* – *seen* соответствует немецкой тройке *sehen* «видеть» – *sah* – *gesehen* и нидерландской тройке *zien* «видеть» – *zag* – *gezien*; *fall* «падать» – *fell* – *fallen* соответствуют немецким *fallen* «падать» – *fiel* – *gefallen* и нидерландским *vallen* «падать» – *viel* – *gevallen*; но английские *help* «помогать» – *helped* – *helped* соответствуют немецким *helfen* «помогать» – *half* – *geholfen* и нидерландским *helpen* «помогать» – *hielp* – *geholpen*. А ведь ещё во времена Шекспира вместо правильного *helped* использовались формы *holp* и *holpen*. Сегодня, если ты внимательно изучишь весь список неправильных глаголов, то увидишь, что там есть спорные случаи: *knit* «вязать» – *knit/knitted* – *knit/knitted*, *learn* «учить, изучать» – *learnt/learned* – *learnt/learned*, *shine* «светить, сиять» – *shone/shined* – *shone/shined* и т. д. То же, кстати, встречается в немецком и нидерландском списках. Это говорит о том, что глагольная система в этих языках как бы пребывает в движении, стремится сбросить древние нерегулярности, стать более «пра-

вильной». В английском, мне кажется, это происходит намного быстрее, причём происходит прямо у нас на глазах.

В трагедии Шекспира «Кориолан» одна из героинь произносит такую интересную фразу: *Thou art my warrior; I help to frame thee* «Ты мой воин, я создала тебя». От неё так и веет архаикой. Здесь кроме формы прошедшего времени *holp* встречаются и другие интересные словечки: местоимения *thou* «ты» и *thee* «тебя». Сегодня они вытеснены универсальным местоимением *you*, но до XVII века обычным было обращение на *thou*. Грамматически это местоимение вело себя иначе, чем современное *you*. Если с *you* мы используем глагол *be* «быть» во множественном числе (*you are*, как и *we, they are*), то с *thou* использовалась собственная форма: *thou art* (как *I am, he, she, it is*). Местоимение *thou* сопровождалось особой формой глагола, оканчивающейся на *-(e)st*: *thou goest* «ты идёшь», *thou dost* «ты делаешь». В современном английском языке этого уже нет, эти формы исчезли вслед за местоимением.

Более современные изменения касаются прежде всего лексики, а также орфографии. Есть некоторые изменения и в фонетике. Думаю, если ты сравнишь британский и американский варианты английского языка, ты сама их сумеешь хорошо различить.

М.К. Ну что ж, наверное, с грамматическими и прочими сложными штуками пора закончить. От грамматики предлагаю перейти к романтике, а именно к истории языка, его происхождению. Мы уже неоднократно соприкасались с темой истории, ты даже начал говорить про древнейший язык. Уже невозможно

больше тянуть с этими вопросами. Так как же вообще возник человеческий язык?

А.М. Нередко в обществах, которые подвержены большому влиянию религии, господствует мнение, что язык – это дарование бога. Сама идея о том, что язык дан людям высшими существами, обнаруживается во многих культурах и религиях. Есть многочисленные мифы о том, как появлялись и распространялись языки. Часто в этой связи вспоминают о том, как Адам давал имена разным тварям, о вавилонском столпотворении. Хотя такие мифы науке о языке помочь ничем не могут, они показывают нам, насколько важен был для наших предков этот вопрос. Многие мифы исходят из того, что первоначально язык был один, но со временем стал происходить его распад на несколько языков (часто в результате какого-нибудь катаклизма, который разделил людей, или «по воле божьей»), что, надо сказать, довольно любопытно.

Философские и научные дискуссии о том, как и когда возник язык, тоже ведутся очень давно. Об этом спорили ещё философы античности, которые считали, что язык мог появиться либо естественным образом («по природе»), либо с определённым участием человека («по установлению»); об этом спорят и современные учёные, которые придумали немало теорий, правдоподобных и не очень. Все они претендовали на истинность, имели много сторонников, но убедительными их нельзя было назвать. В 1866 году Парижское лингвистическое общество даже перестало рассматривать работы о происхождении языка, поскольку там сочли, что вопрос этот разрешить в принципе невозможно.

Всех когда-либо выдвигавшихся теорий я тебе, конечно, не назову, но основные из них, пожалуй, назвать стоит.

Первая теория – звукоподражательная. Согласно этой теории, древний человек пытался как-то «изобразить» звуками тот предмет или то явление, которое он видел и о котором хотел сообщить кому-то из своих соплеменников. Человек, в принципе, способен передать звуками голоса животных, шумы природы (раскаты грома, журчание воды, шелест листьев и т. д.). Но звукоподражанием невозможно передать цвет, запах, форму – многие качественные характеристики тех или иных предметов. Нельзя таким образом «изобразить» и нечто абстрактное. Например, как ты звуками изобразишь любовь или надежду? Никак.

Вторая теория – это теория выкриков. Согласно ей, наши древние предки подходили к изобретению языка постепенно, начиная с невнятных выкриков, вероятно, сопровождаемых жестами. Иными словами, когда древний человек хотел что-то сообщить своему соплеменнику, он показывал это мимикой и жестами, издавая при этом какие-нибудь нечленораздельные звуки. Со временем эти звуки стали осмысленными, а жесты так и остались вспомогательным инструментом. Как ты знаешь, по сей день жестикуляция активно используется при общении (такое общение называют невербальным). Её роль, мне кажется, сегодня недооценивают. Некоторые учёные и мыслители считали, что первый язык был по преимуществу жестовым, поскольку многие жесты понятны представителям различных культур и носителям различных языков, то есть они универсальны. К тому же даже обезьяны активно используют мимику и какие-то жесты при коммуникации. Это тоже о многом говорит. Но, напри-

мер, Реформатский в своём учебнике эту теорию сбрасывал со счетов как несостоятельную.

Есть ещё одна теория, которую раньше чаще вспоминали в связи с выкриками. Это так называемая теория «трудовых выкриков»: язык возник из произвольных выкриков, сопровождавших труд первобытных людей. Некоторые путают её с теорией Фридриха Энгельса о происхождении языка в результате совместной трудовой деятельности, но между ними есть принципиальная разница. Энгельс о «трудовых выкриках» ничего не говорил; он, как ты помнишь, связывал воедино труд, сознание и язык – три главных стимула развития человека. Язык был необходим в трудовой деятельности, но он не мог развиваться из простых оханий и аханий в процессе труда.

Сюда же я отношу теорию междометий, которая утверждает, что эмоции у древних людей сопровождали какие-то звуки, которые затем стали превращаться в слова. Теория эта древняя, её ещё в античности выдвигали эпикурейцы, которые спорили со стоиками, придерживавшихся теории звукоподражания.

Третья теория, я думаю, тебе хорошо известна из области социально-гуманитарных наук. Это теория общественного договора, которую часто связывают с именем французского философа Жан-Жака Руссо. На самом деле истоки этой теории (как и теории звукоподражания) уходят в античность, но в XVIII веке её переосмыслили в духе набиравшего популярность рационализма. Согласно этой теории, люди договорились, что будут называть вещи теми или иными словами. Парадокс в том, что невозможно договориться о чём-либо, ещё не имея языка.

Ранее мы очень близко подбирались к некоторым теориям. Мы говорили о функциях языка, о связи языка и общества,

языка и мышления. Всё это тоже важно принимать во внимание. Зная функции и роль языка в истории человечества, можно попытаться понять обстоятельства и причины появления языка. Зная кое-что о коммуникативных системах животных, о тех отличиях, которые имеются между ними и человеческим языком, можно лучше понять, чем уникален наш язык, каков механизм порождения речи. Но даже такое философствование сегодня уже мало кого устраивает. В этой области уже проводятся более серьёзные исследования, лингвисты используют данные многих смежных наук (антропологии, археологии, генетики, нейрологии и т. д.).

Сам процесс становления человеческого языка в науке называется глоттогенезом (от древнегреческих слов *γλῶττα*, *glōtta* «язык» и *γένεσις*, *genesis* «происхождение»). Зная многое о происхождении вида *Homo sapiens*, об особенностях развития его мозга, речевого аппарата, о его расселении по планете, уже можно кое-что сказать об этом процессе. Например, данные палеоневрологии и наблюдения за развитием детской речи дают некоторое представление о том, как происходило становление языка: от жестов человек мог перейти к простым слогам и словам, затем к целым предложениям (более или менее чёткий синтаксис формировался в последнюю очередь). Наблюдения за приматами и исследования в области антропологии позволяют сделать предположение о том, что язык возник не сразу у *Homo sapiens*, многие древние предки нашего вида и другие ветви рода *Homo* тоже могли каким-то простым образом общаться (хотя вряд ли это был полноценный язык, как наш). Наконец, генетики связывают языковую способность с геном FOXP2 на 7-й хромосоме, дальнейшее исследование которого может дать

очень интересные результаты. Эволюционные лингвисты (да, существуют и такие) на Западе очень интересуются этим геном, некоторые даже верят, что ответы на все интересующие нас вопросы может дать только этот ген. Но это вряд ли так, потому что, очевидно, появление языка было вызвано не только генетическими мутациями, но и целым рядом иных объективных причин. Такая интересная мутация не закрепилась бы, если бы в ней не было необходимости. Язык дал людям серьёзные эволюционные преимущества: в процессе добывания пищи и приспособления к новым условиям обитания более эффективны были бы те группы древних людей, которые координировали свои действия, общались между собой, делились информацией о местонахождении ручья или стада животных. Как я выше говорил, язык стал уникальным инструментом, который сохранился в ходе естественного отбора и возвысил человека над другими живыми существами.

Вопросы глоттогенеза пока ещё активно разрабатываются учёными, поэтому много теорий, но мало конкретных ответов. Я рискую увязнуть в массе разнообразных теорий, которые будут посложнее всяких звукоподражаний и выкриков, если продолжу углубляться в это. Если сама захочешь познакомиться с этой темой поближе, то рекомендую книгу прекрасного российского лингвиста Светланы Анатольевны Бурлак «Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы». В этой книге много отсылок к другим работам, с которыми также полезно ознакомиться. Обрати особое внимание на таких авторов, как Стивен Пинкер, Майкл Томаселло и Робин Данбар.

М.К. А где и когда возникли человеческие языки? И как они распространялись по планете? Лингвистика что-то может сказать на этот счёт?

А.М. Сегодня представляется возможным описать более или менее правдоподобную географию возникновения и распространения языков. Существуют две теории относительно места возникновения языка. Теория моногенеза (от древнегреческого *μόνος*, *mónos* «один») говорит нам о том, что язык возник в одном месте на планете, и оттуда началось его распространение. Теория полигенеза (от древнегреческого *πολύς*, *polús* «многий») говорит о том, что язык возник примерно в одно время в разных местах планеты. Наиболее обоснованной является теория моногенеза.

По данным антропологии, *Homo sapiens* вышел из Восточной Африки около 100 тысяч лет назад, но обитал там ещё раньше. Переправляясь через Аравийский полуостров, смешиваясь далее по пути с популяциями евразийских «родичей» (например, с теми же неандертальцами) и вытесняя их, человек современного вида в итоге заселил значительные территории планеты: 60 тысяч лет назад он уже присутствовал в Юго-Восточной Азии, 50 тысяч лет назад заселял Австралию, 30-15 тысяч лет назад переправился в Америку через так называемый Берингов перешеек (позднее на этом месте, как известно, образовался пролив между Чукоткой и Аляской). Язык возник, очевидно, там же, где появились наши предки. В Африке начинается история языков – это всё, что нам известно более или менее достоверно.

Точного «дня рождения» языка никто не назовёт, ведь глоттогенез – это очень растянутый во времени процесс. Сказать, что 200 тысяч лет назад языка ещё не было, а 100 тысяч лет назад он уже существовал, просто невозможно. Во-первых, не хватает достоверных данных обо всём этом, а во-вторых – тогда надо более чётко для себя уяснить, что вообще считать языком (как ты помнишь, этот вопрос ещё висит в воздухе). Некоторые учёные и вовсе считают, что язык появился не ранее 40 тысяч лет назад, но это, на мой взгляд, очень поздняя датировка. В этот период на планете уже было достаточно много языков.

Миграции древних людей могут кое-что рассказать о дальнейшем распространении языков после исхода человека из Африки. Чтобы восстановить картину расселения более детально, лингвисты обращаются к археологии – изучают различные археологические культуры и их распространение. Но одних данных археологии маловато. В значительной степени помогает генетика: исследуются Y-хромосомные гаплогруппы и их распространение в мире. Если наложить друг на друга карту распространения гаплогрупп, карту распространения археологических культур и карту распространения языковых групп и семей, то можно сделать некоторые предположения о том, откуда пришли те или иные народы со своими языками.

Казалось бы, это даст нам довольно чёткую картинку. Но есть и здесь свои подводные камни. Нельзя ставить знак равенства между генами и языком. Генетически народы сохраняются даже после их завоевания другими народами, но они могут перейти со временем на язык завоевателей.

Приведу один конкретный пример. Гаплогруппа R1b, которая доминирует в Западной и Центральной Европе, обычно

связывается с доиндоевропейским населением этих территорий, которые говорили на каких-то неизвестных языках (есть предположения, что баскский язык – это единственный уцелевший потомок одного из таких языков). Индоевропейцы, которые были носителями гаплогруппы R1a, пришли с востока и смешались с этим населением. Индоевропейцев было меньше, поэтому их генетический след начинает затухать на западе. Но их культура была более развитой, более «технологичной» (у них были колесницы, одомашнена лошадь, шире использовался металл), поэтому индоевропейские языки стали господствующими в регионе, а со временем они вытеснили почти все местные языки. С активным распространением индоевропейских языков в Азии, Америке, Австралии в более позднюю эпоху происходило приблизительно то же самое: генетически многие коренные народы сохраняются (хотя ареал расселения многих из них сильно сократился и численность существенно уменьшилась), но языки они во многих случаях переняли у завоевателей.

М.К. Очень интересно. Современные теории объясняют, наверное, многое. Но в них я не нахожу ответа на вопрос о том, как говорили наши древние предки на этом самом первом языке. А ты выше очень интересно описывал древнейший язык, мне это показалось более захватывающим, чем генетические и прочие выкладки. Мне кажется, тут ты как раз опирался на более старые теории, которые выдвигались до XX века. Ведь так?

А.М. Не совсем. Когда я описывал древнейший язык, я сделал допущение. Это просто пример того, как могло быть. Я говорил о грамматике такого древнего языка, о его вероятном

типе, не более того. Эти мысли в своё время были навеяны небольшой книжкой Алексея Алексеевича Леонтьева «Возникновение и первоначальное развитие языка», с которой начинается моё знакомство с этой темой. Некоторые его идеи могут показаться устаревшими сегодня, но главные положения лишь подтверждаются новыми данными.

Замечу также, что этот древнейший язык, который я описывал, мог существовать намного позже того момента, когда появился язык как таковой, потому что в нём есть слова со своими значениями и зачатки грамматики. На более ранних стадиях грамматики могло не быть вовсе, в языке мог царить полный хаос. Но стремление человека к упорядочению сделало возможным появление какой-то более или менее чёткой структуры, которая усваивается и обогащается, передаваясь из поколения в поколение. Собственно говоря, так язык приобретает грамматику. Аналогом такого процесса может служить появление в 1970-1980-х годах никарагуанского жестового языка. Глухонемые школьники из Никарагуа, пытаясь как-то общаться друг с другом, спонтанно придумали свой элементарный язык жестов, который со временем развил сложную грамматику (в жестовых языках она тоже имеется). Может быть, это и есть один из механизмов «маятниковых» изменений, который толкает маятник в сторону синтетизма. Кто знает...

Старые теории и новые теории друг друга, мне кажется, не исключают. Просто новые теории ориентированы совсем на другое. Они должны комплексно освещать проблему происхождения языка, а для этого мало лишь представить, как древние люди подражали звукам природы или выкрикивали что-то невнятное во время работы. В то же время многие старые теории

(я бы даже сказал, гипотезы) вполне логичны, хотя и наивны. Они не могут пролить свет на весь процесс глоттогенеза, но отдельные его аспекты в них раскрываются. Например, с их помощью можно объяснить появление определённых классов слов в языке.

М.К. Мне лично по душе теория выкриков. Получается, наши далёкие предки играли в «угадайку» друг с другом: один что-то показывает и стонет, другой пытается его понять. Хотела бы я посмотреть на эти древние шарады.

А.М. Теория выкриков довольно интересна. Может быть, какую-то роль выкрики и прочие звуки, издаваемые древними людьми, сыграли в появлении слов. Но звукоподражание проявляется в языке более чётко. Ведь в языке очень много слов, которые возникли именно как звукоподражания.

М.К. Что это за слова такие? Мне лично в голову ничего подобного не приходит.

А.М. Я задам тебе детский вопрос. Какие звуки издаёт свинья?

М.К. Вопрос и впрямь детский. Свинья хрюкает: «хрю-хрю».

А.М. Слова *хрюкать*, *хрюшка*, *хряк* имеют звукоподражательную природу. Свинья была одомашнена не позднее 5 тысячелетия до нашей эры (может быть, даже намного раньше).

Люди, которые жили в то время, слышали свиней точно так же, как и мы. Вероятно, они использовали похожие слова с теми же значениями. Нам известны поздние примеры такого звукоподражания. Так, у древних греков мы находим слово *γρύζω* (*grúzō*) «хрюкать», у римлян были слова *grundiō*, *grunniō* «хрюкать». Сегодня в английском мы обнаруживаем слово *grunt* «хрюкать», в немецком есть слово *grunzen* «хрюкать». Грузинское *ღრბო* (*γogi*) «свинья» может быть и древним заимствованием, но если это родное слово, то легко понять, как оно возникло. Названия свиней в других языках отличаются, никакого *хрю* там обнаружить не удаётся. Но это, может быть, потому, что другие народы слышали свинью по-своему, а, может быть, и потому, что названия просто не связаны со звуками, которые издаёт свинья.

В ряде языков, скажем, слово со значением «ворона» звучит так, будто это звукоподражание. Например, английское *crow*, немецкое *Krähе*, нидерландское *kraai* происходят от прагерманского **krāwō* «ворона», которое чем-то напоминает звукоподражательное *кар* (ср. *каркуша*, *каркать*). Латинское слово *corvus*, древнегреческое *κόραξ* (*kórax*), армянское *սղախ* (*agřav*), санскритское *काक* (*kāka*), арабское *غراب* (*gugāb*), монгольское *хэрээ*, тайское *ဂ* (*gaa*) вызывают у меня те же подозрения. Мне кажется, что названия вороны и в тюркских языках (турецкое *karga*, казахское *қарға*, азербайджанское *qarğa*, татарское *карга* и т. д.) также могут быть звукоподражаниями.

Мне ещё нравится пример с немецким словом *Uhu* «филин». Оно выглядит как звукоподражание, но при этом восходит к прагерманскому слову **hūwō* «сова», которое родственно русскому *сова* и латинскому *cāvannus* «неясыть». Этимологи отно-

сят эти слова к древнему корню **kaw-*, **kaw-* со значением «кричать». Это значение сохраняют некоторые другие родственные слова: санскритское कौति (*kāuti*) «кричать» и литовское *šaukti* «кричать». Современное же немецкое слово стало звукоподражательным в более позднее время. Появились и такие варианты слова, как *Huhu*, *Schuhu*, *Buhu*.

Всё это довольно поздние примеры звукоподражания. Я думаю, подобные слова могли в большом количестве возникать и раньше, когда существовал этот самый древний язык. Весь лексикон наших древнейших предков такие слова составлять не могли, но какую-то его часть они наверняка составляли.

М.К. Вот оно что! Я даже никогда о таком не задумывалась, хотя вещи это вполне очевидные и понятные. Слова *кукушка* и *хохотать*, наверное, тоже возникли как звукоподражания?

А.М. Да, это всё очень известные звукоподражания. Сравни русское *кукушка* с названиями кукушки в других языках: английское *cuckoo*, немецкое *Kuckuck*, французское *coucou*, испанское *cisco*, польское *kukułka*, чешское *kukačka*, литовское *gegutė*, греческое *κούκος* (*koúkos*), турецкое *guguk*, грузинское *გუგული* (*guguli*), финское *käki*, японское 郭公 (*kakkō*).

Слова *хохотать*, *хихикать* тоже весьма интересны, похожие слова встречаются в ряде языков: латинское *cachinnō*, древнегреческое *καχάζω* (*kakházō*), санскритское *कखति* (*kákhati*), немецкое *kichern*, современное греческое *χαχανίζω* (*chachanízo*), грузинское *ხიხიბები* (*hitxitebs*), финское *kikattaa* и т. д.

М.К. Вспомнила, что ещё в китайском название кошки похоже на наше *мяу*. Интересно, много ли таких же похожих названий кошки в других языках?

А.М. Да, такие названия ещё имеются. Китайское 貓/猫 (*māo*) тебе уже известно из примера, который я приводил выше. Можно сюда же смело отнести вьетнамское *mèo* и тайское *แมว* (*mæo*). Весьма интересное название кота было в древнеегипетском языке – *mjw* (поскольку гласные древнеегипетского языка нельзя восстановить по иероглифическим памятникам, такие слова обычно записываются только согласными), а в коптском языке, потомке древнеегипетского, до сих пор сохраняется слово *emou*. У древних славян кота называли **kotь*, но это слово было заимствовано из латинского *cattus* или прагерманского **kattuz*. В современных южнославянских языках сохраняются потомки звукоподражательного названия **maca*, а также его производных – **mačьka* «кошка», **mačерь* «кот». Отсюда, например, происходят сербохорватские слова *маца*, *мачка*, *мачор* (сразу вспоминается название известного фильма Эмира Кустурицы «Црна мачка, бели мачор», которое переводится как «Чёрная кошка, белый кот»); эти слова известны также в болгарском и македонском.

Некоторые звукоподражательные названия кошек, существующие в популярных для изучения языках Европы, будут мало кому известны. Например, редко кто вспомнит про французское *matou* (обычно французы называют кошку *chat*), итальянское *micio* (чаще *gatto*) или румынское *mâță* (чаще *pisică*).

В ряде языков встречаются названия, которые можно принять за звукоподражательные, но их этимология мне не

очень ясна. Например, в санскрите есть слово **मार्जार** (*mājāra*), в ассамском (также индоарийском) языке есть слово **মেকুরী** (*mekuri*). Обычно их звукоподражаниями не считают. Интересны названия в монгольском – *муур* и *мий*. Известны примеры и из более экзотических языков, которые мне кажутся звукоподражаниями: в малайско-полинезийском ачехском языке – *mië*, в австралийском языке куниянти – *minyawoo*, в алгонкинском (индейском) языке микмак – *miawj*. Как видишь, китайский язык в этом смысле не одинок.

М.К. Просто поразительно. Такие слова действительно могли существовать в ту пору, когда человек охотился на всё, что движется. Но ведь если один человек скажет слово, а второй не согласится с ним, то как быть? Мне кажется, не стоит совсем исключать и теорию договора, ведь когда люди указывали на предмет и издавали какие-нибудь звуки, они могли этим самым договариваться о том, что отныне он будет называться *уга-уга*, *угу-угу* или ещё как-то.

А.М. Да, примерно так. Если под договором понимать не какое-то соглашение о том, что должно означать то или иное слово, а простое принятие некоторой группой древних людей нового слова со своим значением, то такая теория тоже может оказаться отчасти верной. Естественно, что такое возможно только для того общества, где уже существовал какой-то язык.

М.К. Одни слова появляются из каких-то коротеньких выкриков, другие – в результате подражания. Некоторые слова

просто придумываются людьми. Способов включения новых слов в язык, видимо, очень много?

А.М. Да, их очень много. Я даже сомневаюсь, что мне удастся их все тебе назвать. Слова могут возникать порой спонтанно, даже из детского лепета или в результате бессмысленной языковой игры. О некоторых таких способах, я думаю, мы ещё будем говорить в дальнейшем.

М.К. Слова из детского лепета? Это что же за слова такие?

А.М. Да взять хотя бы слова *мама*, *папа*, *баба* и т. д. Все эти слова во многих языках мира, даже очень далёких друг от друга, выглядят одинаково и часто (хотя далеко не всегда) означают одно и то же – ближайших родственников, членов семьи. Лингвисты объясняют это просто: младенцы способны выговаривать простые слоги типа *ма*, *па*, *ба*, состоящие из губных согласных и гласного. Взрослые, слыша каждый день *ма-ма-ма*, *па-па-па* и *ба-ба-ба* от своего чада, почему-то думают, что это ребёнок обращается к ним. Таким образом, люди стали использовать редуцированные (то есть удвоенные) варианты этих простых слогов для обозначения ближайших членов семьи, ведь в первые месяцы жизни ребёнок только их и видит.

Примеров, которые бы это подтверждали, великое множество. Английское *тит*, немецкое *Мата*, французское *татап*, итальянское *татта*, чешское *тáта*, польское *тата*, греческое *μὰτά* (*тама́*) и даже китайское 媽媽/妈妈 (*мáма*) – все эти слова означают «мама». Также слово *тата* в значении «мама» можно

обнаружить в индейских языках кечуа и аймара в Южной Америке, в языках суахили и лингала в Африке. В ряде случаев можно заподозрить европейское влияние (например, японское ママ, мама точно является заимствованием), но часто такие слова являются исконными. В то же время по-грузински «мама» будет დედა (deda), по-аварски – баба.

Аналогичная история со словом *nana*. Ему соответствуют немецкое *Papa*, нидерландское *pappa*, французское *papa*, итальянское *papà*, испанское *papá*. Слово *papa* в том же значении ты отыщешь в языках акан и эве в Африке, в языке индейцев Бразилии каноз. При этом по-английски «отец» будет *dad*, по-грузински – ძაძა (tama), по-китайски – 爸爸 (bàba), по-турецки – *baba*. Во многих славянских языках это значение имеет слово *tata/mama*; слово *tata* в значении «отец» обнаруживается в латыни, себуанском и тагальском (австронезийские), науатле и тарахумара (юто-ацтекские), а также в уже упоминавшихся выше кечуа и лингала.

Как я и сказал, слова, которые фонетически одинаковы, могут различаться по значению (чего только стоят примеры из грузинского языка). При этом сам факт, что слова возникли в разных языках независимо друг от друга и стали использоваться для обозначения членов семьи, поразителен и показателен. Выходит, что дети, которым от роду несколько месяцев, тоже способны порождать слова. Но я считаю, на эти случаи следует взглянуть и иначе: это взрослые способны видеть слова в бессмысленном лепете детей. Дети произносят эти слоги, развивая свой речевой аппарат и не вкладывая в них никакого смысла, а взрослые думают, что дети обращаются к ним. Так и появились

эти и многие другие редуцированные слова в различных языках.

М.К. Так вот почему эти слова так похожи! Я ведь и раньше такое замечала в некоторых языках, но мне казалось, что всё это влияние английского или что-то такое. Всё гораздо интереснее.

А.М. Да, такое и привлекает людей в этимологии.

М.К. Мне бы хотелось ещё немного поразмышлять о словах. Это ведь объект наших с тобой диалогов. Чтобы уже, наконец, перейти к этимологии с чистой совестью, было бы неплохо кое-что уточнить. Мы много говорили о словах как составляющей языка. Но определение этому понятию мы не давали. Я подозреваю, с ним всё тоже не так просто, как и с языком.

А.М. В лингвистике куда пальцем не тыкни – найдёшь одни сложности. Поэтому, конечно, удивляться тому, что многие простые понятия (язык, слово и т. д.), которые мы используем даже вне лингвистического контекста, определить как-то бывает труднее, чем такие лингвистические термины, как аккомодация, дискурс, оптатив, контаминация и т. д.

Никто не знает, как следует чётко определить слово. Попытки такого рода предпринимали и Фердинанд де Соссюр, и Эдуард Сепир, которых я уже успел упомянуть выше. Выдающийся русский лингвист первой половины XX века Лев Владимирович Щерба, который много занимался фонологией и лексикологией, в одной из своих последних статей писал: «В самом

деле, что такое «слово»? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия «слово» вообще не существует». Некоторые лингвистические школы избегали этого понятия, отрицали его в принципе, что мне кажется невыносимым. Ведь мы же отводили слову почётное место в языковой структуре – между морфемой и предложением. Лингвисты, изучающие звуки речи, не могут делать это в отрыве от лексического уровня языковой системы. Невозможно изучать поведение морфем и синтаксические структуры, не прибегая к словам. Такой вот парадокс.

С одной стороны, люди, которые не являются лингвистами, прекрасно знают, что такое слово, интуитивно его выделяют как самостоятельную единицу языка, с другой – сами лингвисты не могут дать этому понятию однозначное определение. Часто можно встретить в лингвистических работах понятия-заменители: лексема, словоформа и т. д. Это всё тоже слова, только в несколько ином понимании. Словоформа – это определённая грамматическая форма слова (*дóма, домá, дому, домом*); лексема – абстрактная единица словарного состава языка, в которой объединяются разные словоформы (*дом* – как в словаре).

Загляни в Лингвистический энциклопедический словарь, там ты увидишь примерно такое определение: «слово – это основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка». Такое определение может устроить нас, если мы не будем вдаваться во все нюансы, но если цепляться за каждое слово в этом определении, то потребуются пояснения на

сотни страниц. Действительно ли все слова служат для именованья? Ведь междометия и местоимения нужны совсем для другого. Что это за грамматические, фонетические, семантические и прочие признаки? Они «специфичны» в разных языках (вспомним, что писал Щерба). Тогда то, что в одном языке может быть словом, в другом языке словом уже не будет.

Всё это лучше продемонстрировать примерами. Будет ли, например, турецкое выражение *anlamıyorum* «я не понимаю» считаться одним словом? По сути, это целое предложение, которое в русском соответствует трём словам (или двум, если опускать местоимение). Во французском языке это же предложение будет уместиться в уже четыре слова: *je ne comprends pas*. Здесь словечки *ne* и *pas* являются отрицательными частицами, которые как бы «обрамляют» глагол *comprends*. В языке хинди для выражения той же самой мысли нам также потребуются четыре слова: मैं नहीं समझता हूँ (*māi nahī samajhtā hū̃*). Тут появляется вспомогательный глагол हूँ (*hū̃*), форма глагола होना (*honā*) «быть», а отрицание всего одно – नहीं (*nahī*). Выходит, что совокупность грамматических признаков может быть выражена одним словом, а может быть и разделена между разными словами, что затрудняет определение понятия слова в свете его грамматических и синтаксических признаков. Когда мы затрагивали тему морфологической типологии, мы встречались с подобными явлениями.

Кстати, даже в близких языках бывают такие различия. Например, чешское слово *nerozumím* «не понимаю» соответствует польскому сочетанию двух слов *nie rozumiem* с тем же значением. При этом в чешском *ne* – это всего лишь отрица-

тельная частица, присоединяемая к слову, но не полноценная часть слова. Или обратный пример: чтобы написать по-польски «(я) был бы», мы используем форму условного наклонения *byłbym*, а по-чешски мы бы написали *byl bych*. Так что же такое слово?

М.К. Я, кажется, поняла. Слово легко опознать именно потому, что оно отделено от других слов пробелами. Если к этому так подходить, то всё становится предельно ясно.

А.М. Этого ответа я и ждал. Слово может состоять из ряда морфем, которые склеены воедино, но оно должно быть отделено от других слов пробелами. С этим не поспоришь. Однако в некоторых системах письма пробелов между словами вообще нет. В тайском, японском и некоторых других азиатских языках на письме слова не разграничиваются. Уже затёртое нами до дыр выражение «я не знаю», написанное по-тайски, выглядит вот так: ผมไม่เข้าใจ (*rǒm mâi khao chai*), где ผม (*rǒm*) означает «я», ไม่ (*mâi*) – «не», เข้าใจ (*khao chai*) «понимать». Если ты взглянешь на письменные памятники древнерусского языка, то обнаружишь, что слова в них также не отделяются пробелами, и наше выражение тоже было бы написано слитно по-древнерусски. Выходит, что целый текст может быть одним словом?

М.К. Ну да, тут уже проблемка возникает. Всё же мы ощущаем, что такое слово, даже не прибегая к письму. Я бы самостоятельное слово никогда не спутала со словосочетанием или предложением. Текст я тем более со словом не перепутаю.

А.М. Об этом я и говорил. Мы определяем слово интуитивно. Так же делают многие другие народы, даже те, что не имеют письма. Когда носителя бесписьменного языка просят продиктовать что-то пословно, он без затруднений это делает, хотя не знает как. А если начнёт задумываться, то, наверное, тут же запутается.

Я об этом задумываться стал, когда ещё не вникал в эти лингвистические тонкости, но уже активно занимался отдельными языками. Мне показалась странной ситуация в современном немецком языке. С 1996 года в немецкоязычных странах проводилась реформа, в результате которой сложные глаголы типа *stehenbleiben* «останавливаться, стоять», *liegenbleiben* «оставаться лежать», *spazierengehen* «гулять», *kennenlernen* «знакомиться» стало принято писать раздельно: *stehen bleiben*, *liegen bleiben*, *spazieren gehen*, *kennen lernen*. И вот тогда я задался вопросом: так это теперь два слова или одно? С одной стороны, каждая из частей сложного глагола является самостоятельным глаголом, что всегда мне было понятно, но, с другой стороны, в данных сочетаниях они образуют смысловое единство. Выходит, что помимо графических признаков слова следует выделять ещё структурные и семантические признаки.

В немецком языке есть ещё одно интересное явление – отделяемые приставки (полупрефиксы). Например, глагол *aufstehen* «вставать» при спряжении теряет свою приставку, то есть она отделяется от основы глагола и уходит в конец предложения: *ich stehe früh auf* «я рано встаю», *du stehst spät auf* «ты поздно встаёшь» и т. д. Опять же получается, что одно слово разбивается на два? Или это по-прежнему одно слово? Этот вопрос меня тоже давно занимает, я так и не нашёл на него ответа.

М.К. Мне кажется, что мы забыли ещё кое о чём. Ведь в каждом слове есть ударение. Может быть, было бы разумно отличать слова по ним. Одно слово – одно ударение: *Ма́ма мы́ла ра́му*. Тогда мы можем считать эти немецкие слова и приставки отдельными словами. А почему бы и нет? Пробелами они отделены, в них есть ударение.

А.М. Молодец! Совершенно верно! Мы не вспомнили даже о фонетике, а ведь это очень важно. Разграничителями слов являются ударения. Паузы и интонации тоже позволяют нам чётко очертить границы слов. Всё это так. Но есть и здесь свои нюансы. Ты сказала, что мы забыли «кое о чём». Является ли это *кое о чём* одним словом?

М.К. Если судить по тому, что слова разделены пробелами, то это три слова. Но я не знаю точно, как быть с ударениями. Мне кажется, что ударение здесь одно на всю группу слов.

А.М. Графически это три слова, хотя *кое о чём* – это предложный падеж неопределённого местоимения *кое-что*. В этом «слове» не одно ударение, а целых два: [₁kojə v̄tʲeəm]. Главное ударение падает на последний «слог», а второстепенное – на первый. Это характерно для многих сложных слов в русском языке. Взять, например, такое красивое слово: *сельхозтоваропроизводитель*; в транскрипции это будет выглядеть так: [sɨl'xostv̄, varəprəɪzv̄v'ɫitʲɨl]. В слове теперь три ударения – по одному на каждую основу, входящую в состав сложного слова. Сам факт наличия нескольких ударений в слове заставляет сомневаться в универсальности такого принципа.

Пойдём дальше. В русском языке есть сочетания слов типа *на́ воду*, *но́ воду*, *за́ воду* и т. д. Ударение в этих сочетаниях на предлоге, существительное же становится клитикой (обычно же такое свойственно для предлогов или частиц типа *ли*, *же*); получаются этакие фонетические слова: ['navədɔ], ['rovədɔ], ['zavədɔ]. Сочетание *но́ воду* ты не отличишь от слова *но́воду*, формы дательного падежа существительного *но́вод*. Говоря о клитиках, можно привести ещё один пример, который опять-таки связан с предложным падежом: *ничто* [nʲi'ʂto] – *ни о чём* [nʲi_в_чѐm]. Как видишь, тут три графических слова и одно ударение на слове *чѐм*, так как остальные слова являются клитиками. Параллельно нарушается критерий структурной целостности (непроницаемости): изменение формы слова приводит к его дроблению на несколько слов, что напоминает ситуацию с отделяемыми приставками в немецком.

Наконец, убийственная вещь встречается во французском языке. В нём иногда целую фразу можно принять за фонетическое слово. Например, фразу *j'ai vu de la lumière* «я увидел свет» мы бы вполне могли записать в транскрипции так: [zɛvydɛlalymjɛv]. Ну, так уж произносят эту фразу французы, в одном ритме. Поэтому иногда непросто новичку во французском верно выделить все слова в одной простой фразе.

М.К. Всё очень сложно... Насколько сильно размыты границы в лингвистике – я не подозревала этого раньше. Но я убеждаюсь в этом всё сильнее и сильнее. Раз так, то едва ли можно вообще определить, что такое слово.

А.М. Не всему же в мире есть своё определение. Поэтому, как я говорил выше, некоторые видные лингвисты (например, Шарль Балли и Андре Мартине) даже отказывались от понятия слово. Будем довольствоваться тем, что мы интуитивно понимаем, что это такое. Мы можем определить, что есть слово в русском языке, во многих европейских языках, где критерии определения слова более или менее понятны, ведь мы их называли. Для нашей беседы этого будет вполне достаточно. Рассматривать более экзотические случаи нам вряд ли доведётся.

Слова языка изучает наука лексикология. В учебнике Реформатского, который я уже упоминал выше, ей посвящён весь второй раздел, по объёму сравнимый с разделами по фонетике и грамматике. Это очень интересная область, именно с неё я в основном начал свой путь в этимологию. Этимология – это один из разделов лексикологии наряду с ономаσιологией, фразеологией, стилистикой, лексикографией, поэтому многое, что есть в лексикологии, я подробнее раскрою в ходе нашей дальнейшей беседы, но не сейчас. Сейчас я предлагаю закончить с общими вопросами лингвистики и перейти непосредственно к этимологии.

Глава 2. Этимология

М.К. Итак, что же такое этимология? Что это за наука? И что вообще означает само слово *этимология*?

А.М. Само слово *этимология* является сложным по своему составу, как и названия многих наук. Оно сложено из древнегреческих слов *ἔτιμον* (*étimon*) «истинный» и *λόγος* (*lógos*) «слово; учение». То есть этимология – это учение об истинном происхождении слов.

Заглянув в любой энциклопедический словарь (например, в Лингвистический энциклопедический словарь или в Большую российскую энциклопедию), можно обнаружить несколько различных определений этого термина. Этимология – это: 1) раздел лингвистики, занимающийся происхождением слов; 2) гипотеза о происхождении слова, конкретный результат этимологического анализа.

Лично мне кажется, что лучшее определение даёт внутренняя форма самого термина. Этимология – это наука, которая должна искать истину. Её искали многие ещё в античности и средневековье, но находить стали лишь пару столетий назад.

М.К. А когда вообще человек стал интересоваться словами своего языка? Древние люди могли проявлять интерес к словам, задумываться об их происхождении?

А.М. Этого никто не знает наверняка. Но мне кажется, что и наши далёкие предки могли задаваться вопросами по по-

воду слов своего языка. Мы ведь иногда обращаем внимание на слова, которые имеют общее происхождение, но по форме или по смыслу не очень похожи: *лес* и *леший*, *лягаться* и *лягушка*, *петь* и *петух*, *свет* и *свеча*, *вода* и *водка*. Теоретически наши предки тоже могли обнаруживать какие-то простые связи между отдельными словами своего языка, но они их никогда не систематизировали в какое-то целостное знание. Как я и сказал, это стали делать относительно недавно.

М.К. Но ведь когда-то же начинали заниматься этимологией, пусть даже на самом примитивном уровне?

А.М. Точно можно сказать, что этимологией занимались в Древней Греции. Ведь, как я и сказал, само слово *этимология* греческого происхождения. Его, как считают некоторые исследователи, придумал философ-стоик Хрисипп (III век до нашей эры). Но он был, конечно же, не первым, кто рассуждал о языке и происхождении слов. Рассуждения о происхождении слов мы встречаем у Гераклита Эфесского (VI-V века до нашей эры) и у Платона (V-IV века до нашей эры). В платоновском диалоге «Кратил» высказаны некоторые интересные мысли о том, что имена даны вещам людьми или что звучание слова может быть связано с его смыслом. Однако же это философствование о том, откуда берутся имена вещей и соответствуют ли они этим вещам, никак не продвигало учёных к истине.

Большой шаг вперёд в области этимологии сделал римский учёный-грамматист Марк Теренций Варрон (II-I века до нашей эры). Он понимал, что языки развиваются и что языковые изменения часто обусловлены фонетикой. Он даже был близок к

тому, чтобы определить роль словообразования в этимологии. Однако Варрон не придерживался никакой строгой методологии, его рассуждения были в основном логичными, но иногда он позволял себе вольности. Так, он объяснял происхождение латинского слова *lūna* «луна», раскладывая его на компоненты *lū-* (далее он возводил его к глаголу *lūceō* «светить») и *-na* (от *nox* «ночь»). Надо сказать, что тут Варрон случайно угадал связь слов *lūna* и *lūceō* – они, действительно, родственны. Но в остальном такой анализ не может считаться научным и, следовательно, удовлетворительным.

В средние века и в раннее новое время ничего принципиально нового открыто в этимологии не было. средневековые схоласты иногда придумывали какие-то свои версии происхождения слов, но часто их рассуждения были наивными, невежественными и зачастую даже противоречили здравому смыслу. У лингвиста Юрия Владимировича Откупщикова в книге «К истокам слова: Рассказы о науке этимологии» приводился пример со словом *dominicānī*. Так называли себя братья монашеского ордена доминиканцев, или ордена святого Доминика (*Dominicus*). Но члены ордена, как бы забыв о своём святом, говорили, что на самом деле они – *dominī canēs*, то есть «псы Господни».

Ярким представителем раннесредневековой эпохи был отец Церкви и энциклопедист Исидор Севильский (VI-VII века). Его крупнейший труд, называемый «Этимологии» (*Etymologiae*), был, наверное, единственным средневековым источником, где приводились описания всех известных на тот момент вещей и явлений с объяснением происхождения их названий. Правда, эти описания и объяснения производились через призму христи-

анской догматики. Труд был очень популярен не только в средневековье, но и в новое время.

Научная этимология до конца XVIII века практически никак не развивалась. В России одно время проживал немецкий учёный Август Людвиг Шлёцер, один из авторов «норманской теории». В своих этимологических измышлениях он ушёл не дальше античных и средневековых «этимологов». Основным критерием родства он считал похожесть слов, даже не всегда очевидную. Так, русское слово *князь* он легко связывал с немецким *Knecht* «слуга», слово *дева* он возводил к немецкому *Dieb* «вор». Его совсем не смущало то, что эти слова имеют разные значения, что они исторически совершенно никак не связаны. Таких «Шлёцеров» в России и Европе было довольно много. Например, русский поэт XVIII века Василий Кириллович Тредиаковский утверждал, что название страны *Норвегия* происходит от русского *Наверхия*, *Италия* – от *Удалия* (от слова *даль*), *Британия* – от *Братания* (от слова *брат*). Тредиаковский сам придумывал слова, от которых, по его мнению, могли происходить указанные названия стран. Именно из-за таких горе-этимологов у Вольтера появился повод язвительно заметить, что «этимология – это наука, в которой гласные ничего, а согласные почти ничего не значат».

М.К. Неужели Шлёцер и Тредиаковский были настолько глупы? Об этимологии слова *Норвегия* даже я знаю. Оно переводится как «северный путь». Италия – это «страна телят» (у тебя даже была статья об этом). И слово *князь*, мне кажется, должно быть связано с английским *king* «король» или немецким *König* «король». Так ведь?

А.М. Верно. Древнескандинавское *Norvegr*, *Norðvegr* «Норвегия» хорошо раскладывается на *norðr* «север» (родственно английскому *north* «север» и немецкому *Nord* «север») и *vegr* «путь» (родственно английскому *way* «путь» и немецкому *Weg* «путь»). Даже современное английское слово *Norway* «Норвегия» выдаёт эту этимологию. О происхождении слова *Италия* я, действительно, когда-то писал; латинское название *Italia* взято у греков, где слово *Ἰταλία* (*Italia*), вероятно, происходит от оскского *Viteliú*, с которым связано и латинское существительное *vitulus* «телёнок». Хотя есть и другие, менее достоверные версии происхождения названия *Италия*, уж точно в их число не входит версия Трелиаковского.

Со словом *князь* сложнее угадать, но ты и с этой задачей справилась. Прагерманское слово **kuningaz*, от которого произошли также английское *king* и немецкое *König*, было заимствовано в праславянский язык, где оно превратилось в **kъnędzь*. От него происходят старославянское *къназь*, русское *князь*, болгарское *княз*, сербохорватское *кнез*, чешское *kněz*, польское *ksiądz*; сюда же финское *kuningas* «король».

М.К. Ура! Я верно угадала этимологию! Я умнее Шлёцера и Трелиаковского! Наверное, мне тоже следует стать этимологом.

А.М. Ты, конечно, очень умная и способная, Марина. Но надо понимать, что в те времена, когда жили Шлёцер и Трелиаковский, не существовало ещё такой хорошо разработанной лингвистической базы, которая бы позволила строить верные этимологии. Кто-то интуитивно понимал связи между различ-

ными словами, но чаще всего даже умные и уважаемые люди (а этих господ я никак не назову лишёнными рассудка) могли ошибаться, а то и бред нести. Они, как ты заметила, опирались на схожесть слов, так как не знали иной аргументации.

М.К. Но я тоже опиралась на сходства, не владея этими методами, и ведь была права! Я, кстати, раньше и не задумывалась, что русское *князь* и английское *king* могут быть родственными, эта мысль пришла мне только сейчас, в ходе нашей беседы.

Я давно обратила внимание на то, что некоторые слова в английском (и не только) и русском довольно похожи. Английское *mother* и русское *мать*, английское *brother* и русское *брат*, английское *sister* и русское *сестра*. Немного похожи и итальянские слова с теми же значениями: *madre, fratello, sorella*; и немецкие: *Mutter, Bruder, Schwester*. Это тоже какие-то общие слова из древнейшего языка? Я очень сомневаюсь, что это заимствования.

А.М. Термины родства во многих индоевропейских языках выглядят и звучат похоже. Древние индоевропейцы называли маму **méh₂tēr*, поэтому в языках-потомках мы обнаруживаем очень похожие слова: латинское *māter* (а отсюда французское *mère*, испанское *madre*, португальское *mãe, madre*), древнегреческое *μήτηρ* (*mētēr*), древнеирландское *máthair* (современное *máthair*), санскритское *मातृ* (*mātr, mātṛ*), персидское *مادر* (*mâdar*), армянское *մայր* (*maur*); чего удивляться, что в германских языках похожи те же слова: английское *mother*, немецкое *Mutter*, нидерландское *moeder* и т. д. Мне кажется, ты легко догадаешь-

ся, что праиндоевропейское **b^hréh₂tēr* – это «брат», **swésōr* – это «сестра», **d^hugh₂tēr* – «дочь», **suHnús* – «сын». И потомки этих терминов родства в индоевропейских языках также очень похожи.

М.К. Вот видишь! Ты сам подтвердил, что схожесть является очень важным признаком родства слов в разных языках. И не нужно было никаких этимологических методов и прочего.

А как быть, например, с такими парами: английское *look* «смотреть» и русское *люк*, английское *rule* «правило» и русское *руль*, английское *row* «грести» и русское *ров*? Многие пары слов, в которых я обнаружила сходство, при этом имеют одинаковые или близкие значения: английское *wolf* и русское *волк*, английское *milk* и русское *молоко*, английское *snow* и русское *снег*. Как можно объяснить это сходство? Это тоже родство или что-то другое?

А.М. Марин, ты же понимаешь, что я тебя просто жалею, не вдаюсь пока во все этимологические тонкости, чтобы не травмировать вот так сразу твою журналистскую психику. Но мы и до этого дойдём, ты не переживай.

Сходство – это интересная особенность многих слов. Она должна настораживать этимологов, но стопроцентным критерием родства она служить никак не может. Не всё, что сходно внешне, обязательно взаимосвязано. Ты же можешь на улице увидеть кого-то, похожего на тебя внешне, но это не будет значить, что вы родственники. То же и со словами.

Часто слова похожи совершенно случайно. Чем короче последовательность фонем, тем больше вероятность, что ты

отыщешь её в каком-нибудь другом языке. Например, последовательность типа [tom] (с разными вариациями) встречается в добром десятке самых разных языков: английское *tom* означает «самец» (например, *tomcat* «кот»; от имени собственного *Tom*), шведское, норвежское или датское *tom* значит «пустой», ирландское *tom* – это «холм, бугор; кустарник, заросли», польское *tom* – это «том» (как и русское *том*), вьетнамское *tóm* значит «хватать», а *tôm* – «рак»; в трансногвинейском языке оксипмин *tom* значит «вода». Если пытаться связывать эти слова только на основании сходства, то ничего не выйдет – это всё разные слова, которые в данных языках существуют независимо друг от друга.

С меньшей вероятностью ты встретишь такие же «независимые» слова большей длины. Так, башкирское *язык* и татарское *язык* очень напоминают русское *язык*, но только значение первых двух слов – «грех, проступок». Конечно, любители искать лишь внешние сходства скажут, что «язык до греха довести может», а потом сделают вывод о родстве, но эти слова никак не связаны; башкирское *язык* и татарское *язык* – это исконные тюркские слова.

Монгольское *бандид* похоже на русское *бандит*, но если первое слово применяется монголами в отношении мудрецов, учителей буддизма, то второе слово в русском языке относится к отъявленным преступникам; монгольское *бандид* происходит от санскритского слова पण्डित (*paṇḍitá*) «мудрец» (в русском также есть термин *пандит*), а второе – от итальянского *bandito* «бандит», далее от *bandire* «оглашать; изгонять, ссылать», то есть бандит – это «изгой», «тот, кого изгнали».

Русское слово *шериф*, заимствованное из английского *sheriff* (происходит из древнеанглийского *scīrġerēfa* «управляющий графством»), некоторые любят сравнивать с арабским شريف (šarīf) «знатный, благородный», однако и тут сходство случайно. Русское слово *яма* так и тянет сравнить с японским 山 (*yama*) «гора»; а ведь можно сказать, что *яма* – это «гора наоборот». Греческое *προγόνη* (*progoní*) «падчерица» похоже на русское *прогони*; наверное, греки всегда падчериц «прогоняли», чтобы не мешались.

Но эти примеры вряд ли тебя особо удивят, потому что при всём своём сходстве эти слова имеют различные значения. Но есть и более «завораживающие» примеры, количество которых, конечно, меньше. Так, русское слово *странный* похоже на итальянское *strano* «странный». Помимо схожести форм слов совпадают и значения, но эти слова вовсе не являются родственными. Слово *странный* родственно слову *сторона*, то есть *странный* – это «сторонний». Слово *strano* восходит к латинскому *extrāneus* «внешний, посторонний», далее к *extrā* «вне, снаружи» с суффиксом прилагательных *-āneus*. Отсюда же итальянские слова *estraneo* «посторонний», *straniero* «иностранный», английские *strange* «странный», *extraneous* «внешний, посторонний», французское *étrange* «странный», испанское *extraño* «странный; чужой», португальское *estranho* «странный; чужой». Все эти слова случайным образом оказались похожими на русское слово, но такое сходство обманчиво.

Точно так же случайно сходство английского *bad* «плохой» и персидского بَد (bad) «плохой», латинского *deus* «бог» и древнегреческого θεός (theós) «бог». Интересно, что в индей-

ском языке науатль обнаруживается слово *teōtl* «бог», которое с ними тоже не связано.

Мне однажды бросилось в глаза, что в языке индейцев таос (один из кайова-таноанских языков Северной Америки) буйвола называют *kònépa*, что почему-то сразу вызвало у меня ассоциации со словом *конина*. Само собой, ни русские не могли заимствовать слово у индейцев, ни индейцы не могли заимствовать слово у русских. Всё это примеры чистейших совпадений, точных и не очень.

В случае с парами *wolf* и *волк*, *snow* и *снег* о случайности речи уже не идёт. Эти слова, действительно, родственны на очень древнем уровне (как и термины родства), что давно доказано этимологами. Русское слово *волк* восходит к древнему праиндоевропейскому слову **wĺkʷos* «волк», от которого происходят старославянское *влькъ*, украинское *вовк*, болгарское *вълк*, сербохорватское *вук*, чешское *vlk*, польское *wilk*. По германской ветви от того же древнего слова происходят английское *wolf*, немецкое *Wolf*, шведское *ulv*, норвежское *ulv*, датское *ulv*, исландское *úlfur*. Есть многочисленные когнаты (родственные слова; от латинского *cognātus* «родной, родственный») и в других языках: литовское *vilkas*, санскритское वृक (vṛka), персидское گَورگ (gorg), древнегреческое λύκος (lúkos), латинское *lupus* (отсюда французское *loup*, итальянское *lupo*, испанское *lobo*) – всё это названия волка в соответствующих языках. Русское слово *снег* восходит к праиндоевропейскому слову **snóygʷhos* «снег», откуда происходят старославянское *снѣгъ*, украинское *сніг*, болгарское *сняг*, сербохорватское *снијег*, *снег*, чешское *sníh*, польское *śnieg*, литовское *sniegas*, английское *snow*, немецкое *Schnee*, шведское *snö*, норвежское *snø*, датское *sne*, исландское

snjóʀ. Слово это в основном известно северным народам, южные по понятным причинам его не знают.

В иных случаях сходство объясняется заимствованием. Короткие иностранные слова, состоящие из одного или двух слогов, могут оказаться похожими на многие известные нам слова из русского языка, причём иногда могут быть похожи и значения. Но это ещё не является свидетельством того, что русский то или иное слово заимствовал. В этом ты могла убедиться на примере слов *странный* и *strano*. В случае со словами *rule* и *руль* мы имеем дело со случайным сходством. Английское слово *rule* «правило; управлять» происходит от латинского глагола *regō* «управлять», а слово *руль* в русском языке – это заимствование из нидерландского *roer* «руль», которое в эпоху Петра I могло иметь вид *рурь*. В этом слове *p* сменилась на *л* в результате фонетического процесса диссимилиации; аналогичным образом древнерусское слово *февраль*, восходящее к латинскому *februārius* (ср. с английским *February*, немецким *Februar*, французским *février*, испанским *febrero*), превратилось в современное *февраль*. Может, это тебя удивит, но нидерландское *roer* связано с английским *row* «грести вёслами», которое к слову *ров* не имеет никакого отношения; слово *ров* связано с *рыть*, *рвать*.

М.К. Господи, как же всё сложно! Для меня всегда было аксиомой, что слова *rule* и *руль* как-то связаны между собой. И слово *странный* я считала связанным с итальянским *strano*. А тут такое! Molto strano!¹

¹ Очень странно!

А.М. Это не странно, это закономерно. И этимология вскрывает такие закономерности. Понять их куда сложнее, чем просто сравнить два похожих слова и сделать вывод об их родстве. Напротив, часто непохожие слова являются родственниками, потому что со временем они очень изменяются в силу различных причин, о которых мы тоже ещё будем говорить. Латинское *lupus* и русское *волк* не похожи друг на друга, но они родственны.

М.К. Как можно вообще понять, что они родственны? У этих слов общего столько же, сколько у ворона и письменного стола.

А.М. Довольно непросто было лингвистам разобраться с отношением латинского *lupus* и древнегреческого *λύκος* (*lúkos*) к древнему слову **wǵkʷos*. Если бы действовали только фонетические законы, которые часто изменяют облик слова предсказуемо, то слово «волк» в латыни выглядело бы как **volquus*, а в древнегреческом – **álpos*, но в реальности всё оказывается сложнее. Пока что мне вряд ли удастся представить тебе простой и доступный этимологический анализ, ведь мы с тобой ещё не учили матчасть, но в конце беседы ты обязательно поймёшь это объяснение.

Лингвисты предполагают оскско-умбрское происхождение этого латинского слова (как и слова *Italia*), то есть оно меняло свой облик по иным фонетическим цепочкам, близким к латыни, но в чём-то различающимся. Согласный **kʷ* в слове **wǵkʷos* тогда закономерно даёт *p*, а **w* и **ǵ* меняются местами в результате метатезы. Цепочка для латинского слова в этом слу-

чае выглядит так: **wĺkʷos* → **lúkʷos* → **lupos* → *lupus*. В древнегреческом было похожее развитие: **wĺkʷos* → **lúkʷos* → **lúkōs*. Мне кажется, что свою роль сыграло и то, что греки и римляне хотели как-то устранить путаницу в названиях волка и лисицы. Слово «лисица» по-латыни – *volpēs/vulpēs*, а по древнегречески – *άλώπηξ* (*alórēx*). Сильное искажение слов *lupus* и *λόκος* (*lúkōs*) стало возможным, так как названия эти похожи, а их нужно было хорошо различать. Это всё, конечно, нельзя назвать точной этимологией, но это ближе к истине, чем любое другое объяснение, которое на фактах языка не зиждется.

М.К. С такими вопросами, наверное, я и правда лезу рано. Без матчасти мне трудно понять всё, что ты сказал. Надеюсь, что к концу беседы я пойму это объяснение лучше.

Мы слегка увлеклись конкретными этимологиями. Вообще же мы говорили об истории этимологии и остановились на «глупых» этимологиях, которые предлагались до XVIII века. А после XVIII века, стало быть, начинается научный этап этимологии? То есть появляются учёные, которые сравнивают слова не так, как я или тот же Третьяковский, то есть не по похожему, а в соответствии с теми сложнейшими и недоступными обычному смертному принципами, которых придерживаются нынешние этимологи?

А.М. Да, можно сказать, что после XVIII века этимология становится наукой, что напрямую связано с развитием лингвистики, которая в то время была преимущественно исторической.

Начало было положено английским филологом Уильямом Джонсом, который открыл для Европы древний язык Индии санскрит. Хотя кое-что о санскрите было уже известно в узких кругах и ранее, именно исследования Джонса и его товарищей по Азиатскому обществу позволили привлечь к Индии, её культуре и языкам большее внимание. Сходство санскрита с языками Европы (особенно древними) подвело Джонса к мысли о том, что многие языки от Европы до Индии могут быть родственными. В одной из своих лекций Джонс высказал такую интересную мысль: «Независимо от того, насколько древен санскрит, он обладает удивительной структурой. Он более совершенен, чем греческий язык, более богат, чем латинский, и более изыскан, чем каждый из них, и в то же время он носит столь близкое сходство с этими двумя языками, как в корнях глаголов, так и в грамматических формах, что оно вряд ли может быть случайностью; это сходство так велико, что ни один филолог, который занялся бы исследованием этих языков, не смог бы не поверить тому, что они произошли из общего источника, которого уже не существует».

Практически с этого высказывания Джонса начинается сравнительно-историческое языкознание. В нём уже указывается на то, что существовал общий предок санскрита, древнегреческого и латыни. Хотя родство отдельных языков (тюркских, семитских, германских, славянских, романских и т. д.) ощущалось и было понятно многим людям, родство столь разных и географически разделённых языков, как санскрит, древнегреческий и латынь, едва укладывалось в голове. Это было сенсацией для того времени.

Джонс обнаружил родство языков, но сам он не проводил глубоких сравнительных исследований. Французы, которые переняли у англичан первенство в изучении санскрита после смерти Джонса в конце XVIII века, также сделали на этом поприще немного. Лишь через несколько десятилетий после «открытия» санскрита немецкий учёный Франц Бопп составил первую сравнительную грамматику, привлекая материалы санскрита, древнегреческого, латыни, а также авестийского, армянского, литовского, готского, немецкого и старославянского. Сравнивая строй этих языков, Бопп именно доказал (а не просто констатировал, как Джонс или его последователь Фридрих Шлегель), что названные языки родственны. Позднее свой метод он применил к другим языкам (кельтским, албанскому). Поэтому именно Боппа некоторые индоевропеисты считают основателем сравнительной лингвистики.

Датчанин Расмус Раск и немец Якоб Гримм (один из братьев Гримм) заложили фундамент германского языкознания. Раск исследовал самые разные языки: сравнивал языки германские, романские, славянские, балтийские, занимался также индоиранскими языками. Гримм же был сосредоточен преимущественно на немецком языке и его диалектах. Их имена носит фонетический закон изменения праиндоевропейских смычных согласных в прагерманском языке (закон Раска – Гримма; также известен под названием «первое передвижение согласных», по-немецки – *erste Lautverschiebung*), который имел очень важное значение и для всей индоевропеистики. Думаю, мы ещё с ним встретимся в дальнейшем. Впервые именно Раск заметил, что индоевропейский **p* в германских языках переходит в **f*, **t* переходит в **þ*, **k* переходит в **h*. Но Раск не видел всей картины

изменений, «закономерность в хаосе» обнаружил именно Гримм, который и сформулировал общее правило, выделив все двенадцать переходов. Некоторые исключения из этого закона позднее были выведены в новое правило датчанином Карлом Вернером.

После работ Боппа, Раска и Гримма индоевропеистика стала развиваться вглубь и вширь. Бопп много внимания уделял морфологии, исследуя слова и морфемы, а Раск и Гримм показали важность фонетических сопоставлений, что серьёзно продвинуло вперёд всю лингвистическую науку. Особо подмечу, что теперь мы можем говорить о «фонетических законах», которые работают, как и законы физики. Игнорировать их стало просто невозможно, поэтому дилетантские сравнения по схожести, которые проводили ещё в XVIII веке, ни один мало-мальски грамотный исследователь XIX века всерьёз уже не воспринимал. Да и великий провидец Джонс когда-то прямо об этом говорил: «Схожесть звуков и букв редко несёт сама по себе большую убедительную силу; однако часто, не получая никакой помощи от этих преимуществ, она может быть беспорно доказана внешними данными. А *posteriori* нам известно, что и *fitz* («сын» по-старофранцузски), и *hijo* («сын» по-испански) <...> происходят от *filius* («сын» по-латыни); что *uncle* («дядя» по-английски) происходит от *avus* («дедушка» по-латыни), а *stranger* («странник» по-английски) – от *extra* <...>; но если мы производим английское слово *hanger* (небольшой меч) от персидского, потому что некоторые невежды так записывают слово *khanjar*, хотя оно и обозначает совсем другое оружие <...>, мы нисколько не продвигаемся в деле доказательства родства наро-

дов и только ослабляем те аргументы, которые в противном случае получили бы прочное подтверждение».

Немецкое «засилье» в науке о языке продолжается почти всё XIX столетие. Хотя сравнительные исследования проводились и в других странах, именно немецкоязычные страны дали миру многих именитых лингвистов. Профессор Август Фридрих Потт составлял таблицы фонетических соответствий для индоевропейских языков, с помощью которых ему удалось установить множество верных индоевропейских этимологий. Русский филолог и поэт немецкого происхождения Александр Христофорович Востоков (его настоящее имя – Александр-Вольдемар Остенек) стал основоположником сравнительного изучения славянских языков в России, сделав немало важных открытий в этой области. Август Фик издал первый этимологический словарь праиндоевропейского языка.

Самой значительной фигурой этого периода был Август Шлейхер, которого я упоминал в первой части нашей беседы. Он очень много написал за свою относительно недолгую жизнь, выдвинул массу теорий, изучал самые разные языки (он одним из первых стал привлекать ценный материал литовского языка для своих исследований), составлял сравнительные грамматики. Ему же принадлежит идея родословного древа языков (Stammbaum), которая актуальна и по сей день. Не все его идеи в науке прижились, некоторые из них впоследствии были отброшены, но в то время они сыграли свою положительную роль в развитии компаративистики.

В последние десятилетия XIX – начале XX века на арене лингвистической науки блистали младограмматики, к которым относятся такие видные лингвисты, как Август Лескин, Карл

Бругман, Герман Остхоф, Вильгельм Мейер-Любке, Бертольд Дельбрюк и некоторые другие. Бругман и Остхоф сформулировали в «манифесте» главные принципы младограмматизма: фонетические законы, происходящие в языке, не знают исключений и происходят не по воле говорящего; существует принцип аналогии в фонетических и морфологических изменениях, к которому, однако, следует прибегать только в тех случаях, когда невозможно убедительно объяснить такие изменения; замечательным подспорьем для компаративиста служит диалектология, и понять историю языка сможет только тот лингвист, который «покинет душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются праиндоевропейские праформы, и выйдет на свежий воздух осязаемой действительности», то есть отправится изучать диалекты. Хотя младограмматиков часто критиковали и продолжают критиковать за их бескомпромиссность в вопросе о фонетических законах и по иным причинам, они внесли значительный вклад в сравнительно-историческое языкознание и этимологию.

В конце XIX века фурор произвела работа молодого швейцарца Фердинанда де Соссюра «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках». Выше я уже говорил об этом выдающемся лингвисте. Он стоял у истоков науки семиотики, заложил основы структурализма, был основателем социологического направления в языкознании. В этой своей ранней работе он высказал предположение о наличии в праиндоевропейском языке так называемых «сонатических коэффициентов», в современных языках не сохранившихся, но повлиявших на соседние гласные звуки. Лишь в 1927 году польский лингвист Ежи Курилович, разбирая расшифрованные незадолго

до того тексты на хеттском языке (один из древнейших индоевропейских языков, распространённый в Малой Азии во II тысячелетии до нашей эры), обнаружил в нём такие «коэффициенты», получившие название ларингалов (от древнегреческого *λάρυγξ*, *lárux* «гортань»). Так возникла ларингальная теория, которая имела важное значение для всей индоевропеистики.

Француз Антуан Мейе, один из учеников де Соссюра, привнёс немало нового в индоевропеистику, вооружившись идеями своего учителя. Он подчёркивал социальный характер языка, указывал на то, что праиндоевропейский язык не мог быть единым и неделимым, как у Шлейхера, он непременно должен был делиться на какие-то диалекты. Работая практически со всеми основными индоевропейскими языками, Мейе оказал мощное влияние на следующее поколение индоевропеистов, среди которых были такие крупные учёные, как Жозеф Вандриес, Эмиль Бенвенист, Ежи Курилович, Андре Мартине, Люсьен Теньер. В общем, в первой половине XX века первенство от немцев перешло к французским лингвистам, хотя и немцы продолжали активно работать в этом направлении.

В России в конце XIX – начале XX века работал Филипп Фёдорович Фортунатов, продолжавший развивать младограмматические традиции. Его ученики впоследствии двигали вперёд советскую лингвистику.

Во второй половине XX века сравнительно-историческое языкознание выходит на новый уровень. Знания, которые были накоплены за полтора столетия, позволили построить более масштабные сравнения, причём не отдельных языков, а языков различных семей. Так возникает макрокомпаративистика, в которую значительный вклад внесли советские и российские

лингвисты из Московской школы лингвистической компаративистики. Её основателями были Владислав Маркович Иллич-Свитыч, Арон Борисович Долгопольский и Владимир Антонович Дыбо. Иллич-Свитыч был гениальным и очень работоспособным лингвистом, автором ностратической гипотезы (о ней я ещё буду говорить далее). Долгопольский и Дыбо после трагической смерти Иллич-Свитыча издали его незавершённую работу «Опыт сравнения ностратических языков». Знаменитыми лингвистами этой школы являлись также Вячеслав Всеволодович Иванов, Андрей Анатольевич Зализняк, Сергей Анатольевич Старостин, которые покинули нас относительно недавно, уже в XXI веке. С этими выдающимися людьми и их идеями мы ещё познакомимся в ходе нашего диалога.

В большинстве своём я называл имена учёных, которые были специалистами в области сравнительно-исторического языкознания. Многие из них не были этимологами, хотя и работали в этой области. Особо я бы хотел выделить фигуру Олега Николаевича Трубачёва, советского и российского лингвиста, который избрал своей основной деятельностью именно этимологию. Трубачёв перевёл на русский язык четырёхтомный этимологический словарь Макса Фасмера, по которому справляются практически все любители этимологии. Под его руководством было начато издание многотомного Этимологического словаря славянских языков. Он автор большого количества книг и статей по этимологии. Я считаю его одним из самых выдающихся отечественных лингвистов.

Я бы мог назвать ещё много имён видных лингвистов, которые внесли большой вклад в этимологию. Все они подняли её на уровень науки со своими методами, законами. Но, боюсь,

это уведёт нас далеко от темы. О них можно отдельную книгу писать.

М.К. Выходит, что сегодня этимология – это чисто элитарная наука, доступная только тем, кто обладает определёнными знаниями? Или ей может заниматься кто угодно?

А.М. Этимология научная – это преимущественно занятие лингвистов, которые имеют соответствующее образование, опыт исследований, работы которых признаются в научных кругах. Есть специалисты, которые прекрасно разбираются в лингвистике, сравнительно-историческом языкознании, знают немало языков, но их сфера деятельности несколько иная. Например, прочтение берестяных грамот или иных древних письменных источников не обходится без филологов и лингвистов, но это всё область археологии, истории, культурологии. Например, академик Андрей Анатольевич Зализняк, будучи прекрасным лингвистом, разбиравшимся в этимологии, применял свои обширные знания при анализе текстов берестяных грамот, чем существенно помог историкам. Но Олег Николаевич Трубачёв, которого выше я выделил отдельно, был именно этимологом и занимался только историей слов.

И лингвисты, которые пользуются данными этимологии, и этимологи, которые пользуются данными многих наук, могут считаться авторитетами. Им можно доверять, хотя не всегда и не во всём. К их работам следует относиться критично, ведь иногда и профессионалы могут заблуждаться в своих построениях. К счастью, современная наука саморегулируется, и то, что ложно, быстро отбрасывается. Теории и гипотезы, прошедшие про-

верку временем, не утратившие своей актуальности, можно считать достоверными.

М.К. То есть всю сравнительную лингвистику можно считать достоверной в целом, если она пережила двести лет и на сегодняшний день не отвергается в научном сообществе?

А.М. Да, именно так. Хотя в сравнительно-историческом языкознании и происходили какие-то смены парадигм, были «кризисы», в целом отрицания достигнутого за двести лет не произошло. Эта наука нашла свою базу в XIX веке, вобрала в себя всё самое ценное из того, что было предложено великими лингвистами того времени, отбросила всё то, что было явно ложно, и теперь мы видим стройную систему знаний о законах развития языка, об изменениях в языке, языковом родстве, о происхождении слов. Споры между учёными продолжаются уже по частным вопросам, и в этих спорах, несомненно, рождается новая истина. Столпы же этой системы знаний оспаривать никто не станет... Кроме лингвофриков.

М.К. Лингвофрики – это те люди, которые «гонят туфту», прикрываясь лингвистикой? Я правильно понимаю смысл этого слова?

А.М. В целом всё так. Это понятие применяется в отношении тех людей, которые работают в области лингвистики или используют лингвистические данные в своих целях, но при этом по невежеству или в силу иных причин искажают лингвистиче-

ские факты, а то и вовсе их отбрасывают, обосновывая свои собственные теории.

Учение лингвофриков (или лучше сказать – учения, так как два лингвофрика могут противоречить друг другу больше, чем официальной науке) я называю лингвофрикианством. Есть также понятие псевдолингвистика, которое менее экспрессивно. В каждой науке есть свои фрики: в истории, в астрономии, в физике, в биологии и т. д. В лингвистике лингвофрикианство – это явление не уникальное, но имеющее свои особенности и по своему опасное.

М.К. Опасное лингвофрикианство? Мне кажется, что в этом не может быть чего-то очень опасного. Если наука развивается в одном направлении, а какой-то лингвофрик придумал что-то своё, то правда всё равно будет на стороне официальной науки, а учение лингвофриков быстро забудется. Ведь ты сам сказал, что наука быстро отбрасывает всё ложное.

А.М. Всё это правда, но лингвофрики ведь бывают разные. Если какой-то малоизвестный человек придумал что-то своё, что явно является выдумкой, и рассказал об этом в интернете или поделился своей идеей в кругу друзей, то ничего страшного не произойдёт. Но если лингвофрик – влиятельный человек, учёный, а тем более политик, то это может привести к катастрофическим последствиям. Разумеется, через какое-то время последствия сгладятся, о таких лингвофриках позабудут, но они успеют наломать дров.

М.К. Я почему-то сразу вспомнила о Третьем рейхе. Гитлер и его приспешники наверняка ведь брали на вооружение некоторые лингвистические теории, которые вписывались в рамки немецкого национал-социализма, отсекая при этом всё то, что ему противоречило. Очевидно, были и учёные, которые обслуживали науку нацистской Германии. В этом смысле это может быть опасно.

А.М. Говоря о Третьем рейхе, обычно вспоминают язык пропаганды, хотя нацисты действительно уделяли некоторое внимание и историческому языкознанию. Нацисты были поклонниками всего германского, они изучали германские древности, но часто под своим углом зрения. Это правда. И многие «выгодные» для них теории, которые бы подчёркивали превосходство немецкой нации, они, конечно, брали в оборот. Но это далеко не единственный и не самый яркий пример. Есть примеры и из нашей истории.

В начале XX века востоковед, кавказовед и археолог Николай Яковлевич Марр стал выдвигать сумбурные гипотезы о развитии языка, которые к 1923 году были оформлены в так называемое «новое учение о языке». Сам Марр был прекрасным специалистом по кавказским языкам, он, действительно, немало сделал на этом поприще. Но в целом в советской лингвистике он сыграл отрицательную роль как раз из-за этого своего «учения». Некоторые сегодня сравнивают «марризм» с «лысенковщиной», что не совсем корректно, но сходства между этими явлениями в советской науке, несомненно, есть.

Марровское «новое учение о языке» было учением о «классовой сущности языка», которое отрицало «буржуазное»

сравнительно-историческое языкознание и во многом опиралось на теорию стадиальности (о ней уже речь шла в первой главе). Согласно «учению» Марра, языки возникали независимо друг от друга, проходя путь от жестов к так называемым «диффузным выкрикам», которые включали четыре базовых элемента: *сал*, *бер*, *йон*, *рош*. В результате каких-то непонятных изменений эти базовые корни развились во все известные и неизвестные слова живых и мёртвых языков. Опираясь исключительно на внешнее сходство, Марр мог легко связать слова *красный*, *русский*, *рыжий*, *ручей*, усматривая в них производные от элемента *рош*; слова *смерды*, *шумеры*, *смерть*, *сумерки* он относил к элементу *бер*. Им отрицалась сложившаяся генетическая классификация языков, но «обосновывалось» существование некоей обширной «яфетической семьи» языков; утверждалось родство явно неродственных языков (например, грузинского и армянского); постулировалось, что языки возникают в результате «скрещивания», а не расхождения от единого праязыка; единый для всего человечества язык будущего будет «языком коммунистического общества». В общем, Николай Яковлевич Марр, будучи плохо подкованным в теоретической лингвистике, но обладая неудержимой фантазией, просто катком прошёл по всему нашему языкознанию, развивая такие вот идеи. Владимир Михайлович Алпатов в книге «Языковеды, востоковеды, историки» даже назвал его «громовержцем».

Может быть, не было бы всё так печально в этой истории, если бы не высокое покровительство самого Сталина. На XVI съезде ВКП(б) в 1930 году Иосиф Виссарионович поддержал Марра, а вскоре Марр стал членом компартии, что сделало его весьма влиятельным в научных кругах.

У Марра было много сторонников из числа его учеников, а также других видных учёных (часто лингвистами не являвшихся), которые многие постулаты «нового учения» принимали на веру, восхищаясь глобальными построениями «громовержца». Но были и такие здравомыслящие учёные, которые критически отнеслись к работам Марра, что стоило им карьеры, а иногда и жизни.

Лингвист Николай Сергеевич Трубецкой, находившийся в то время в эмиграции, откровенно считал Марра душевнобольным, говорил, что его работы «рецензировать должен не столько лингвист, сколько психиатр». Трубецкому ничего не было за такую критику, достать его в Европе было трудновато. Но вот Евгению Дмитриевичу Поливанову, который жил в СССР, повезло меньше. Поливанов резко выступал против «марризма», указывая на явную ложность «учения». На открытом диспуте он говорил следующее: «Когда человек говорит: бросьте вашу сравнительную грамматику индоевропейских языков, – я вам объясню все слова индоевропейских языков из четырех элементов, – это же все равно, что какой-нибудь человек пришел на собрание химиков и сказал: «Забудьте, что вода – H_2O . Вода – это нечто другое, это смесь азота с аммонием, – поверьте мне на слово, и я из этого объясню вам весь мир». Это то же самое. Мы можем потребовать объяснения, мы можем потребовать доказательства: докажи эти четыре элемента. Доказательств, однако, нет». После этого, как и следовало ожидать, началась организованная травля Поливанова, он был вынужден уехать работать в Среднюю Азию, но и там его добивали сторонники Марра. В 1937 году, уже после смерти самого «громовержца», Евгения Поливанова арестовали по надуманному по-

воду (шпионаж в пользу Японии), а в начале 1938 года расстреляли в Москве. После этого учёные, опасавшиеся за свою жизнь, до середины века притихли и послушно терпели «марризм» в советском языкознании.

В мае 1950 года началась широкая дискуссия об «учении» Марра в газете «Правда», а в июле вышло «гениальное произведение» Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором «марризм» подвергся окончательному разгрому. Почему Сталин сменил отношение к «буржуазному» сравнительно-историческому языкознанию, до сих пор остаётся тайной. То ли лингвист Арнольд Чикобава сумел на него повлиять, то ли Сталин сам дошёл до того, что учение Марра было антинаучным (да ещё и явно противоречащим марксизму), уже вряд ли кто-то точно скажет. В общем, всё вернулось на круги своя, но это дорого стоило советской науке.

М.К. Про такое я что-то слышала. Марр бы, скорее всего, не был поддержан остальными учёными, если бы не покровительство самого товарища Сталина. Так вышло, что самодур от науки попал под крыло самодура от политики, и вот такая каша заварилась.

А.М. Мне кажется, в этой истории всё сложнее. Марр был человеком очень харизматичным, убеждённым в своих теориях. Эта убеждённость привлекала к нему многих историков и археологов, которые в его идеях пытались найти что-то новое. Покровительство Сталина не было решающим. Марр заработал свой авторитет значительно раньше, он имел других высоких покровителей ещё до конца 1920-х годов. Покровительство Ста-

лина стало лишь апогеем его влияния. Так как он был вообще одним из немногих специалистов по кавказским языкам в то время, не было таких лингвистов, которые бы что-то смогли противопоставить его выкладкам, хотя многие прекрасно понимали, что во многом Марр глубоко заблуждался. Свою роль сыграла сама эпоха: это было начало широкомасштабного коммунистического строительства, революция в мышлении, в том числе и научном. В итоге, как ты верно заметила, «заварилась каша».

М.К. Сегодня такого антинаучного безумия, к счастью, уже нет. Но, насколько я знаю, всё же существуют учёные, которые идут по пути Марра. Что можешь о них рассказать?

А.М. Это особая каста. Большинство лингвофриков не являются учёными, они не имеют никаких научных степеней и званий. Но существует небольшой процент «любителей» (академик Андрей Анатольевич Зализняк так вежливо называл лингвофриков), которые связаны с наукой, причём редко лингвистической. Я попробую вкратце рассказать о некоторых наиболее известных авторах, которые работают в этом «любительском жанре».

В первую очередь мне приходит на ум фигура Анатолия Тимофеевича Фоменко, академика, профессора, доктора физико-математических наук. Он часто печатает свои книги в соавторстве с математиком Глебом Владимировичем Носовским, одним из его последователей. Эта пара учёных разработала так называемую «Новую хронологию» – псевдонаучную теорию, которая ставит под сомнение традиционную («скалигеровскую»)

хронологию всемирной истории и выдвигает взамен свою, «новую».

Согласно Фоменко, вся история человечества сжимается приблизительно до тысячи лет, а всё, что происходило до IX века, нам совершенно неизвестно (то есть древнейшие цивилизации Египта, Междуречья, Индии и Китая на самом деле существовали намного позже); достоверной можно считать историю с XVIII века, так как сохранилось множество документов и артефактов, относящихся к последним двум-тремя векам, а всё, что относится к более раннему времени, либо было датировано неверно, либо просто намеренно фальсифицировано; многие события, описанные разными источниками в разные времена, согласно Фоменко, повествуют об одном и том же: Четвёртый крестовый поход (начало XIII века) – это то же, что Троянская война (XIII век до нашей эры); многие исторические деятели с разными именами – это одна и та же личность: Иисус Христос – это папа римский Григорий VII (XI век), а хан Батый (XIII век) – это Ярослав Мудрый (X-XI века) и Иван Калита (XIII-XIV века) в одном лице.

Аргументацию своей теории Фоменко проводит с опорой на математику и астрономию, но по факту, как и в случае с «новым учением» Марра, данные всегда подгоняются под теорию, причём всё то, что теории противоречит, просто отбрасывается. Методы радиоуглеродного анализа, дендрохронологии, палеографии, которые активно применяются при датировании и дают хорошие результаты, по мнению сторонников «Новой хронологии», просто ложны.

Естественно, сразу же «Новая хронология» стала предметом насмешек в среде учёных, многие считали, что Фоменко

просто насмехается над наукой, его безумные гипотезы в скором времени потеряют свою популярность, но в итоге оказалось, что Фоменко удалось одурачить очень много людей в нашей стране, также далёких от истории и готовых верить громким «сенсациям». Именитые математики, физики, астрономы, историки, археологи, филологи забили тревогу и стали активно противодействовать распространению фоменковской лжи, публикуя свои совместные опровержения, выступая с популярными лекциями, в которых ложность «Новой хронологии» последовательно доказывалась с позиций академической науки. Фоменко и его товарищи от публичной дискуссии с учёными отказались, испугавшись разгрома, но в своих книгах, которые выходили едва ли не каждый год, пытались нелепо оспаривать позицию официальной науки, гнуть свою линию, иногда даже переходя на личности. Любой здравомыслящий человек, который знает и уважает историю, понимает, что Фоменко несёт чушь, но адепты теории предпочитают стоять на своём. Голоса учёных до любителей «фоменковщины», к сожалению, доходят не очень хорошо или вовсе не доходят.

Я позволю себе привести лишь некоторые положения теории Фоменко, которые касаются только лингвистики и истории. В «Новой хронологии» делается немало громких утверждений об истории России и всего мира с опорой как раз на слова языка. Например, Фоменко утверждает, что Россия когда-то владела всем миром, что была «Великая Русская империя» (или «ханство»), где господствовал русский этнос и русская культура, но коварные европейцы якобы однажды сговорились, это господство подорвали и принялись фальсифицировать историю, чтобы русские никогда не вспоминали об этом. В этом «тёмном

деле» им, по мнению Фоменко, охотно помогали даже сами Романовы. Звучит нелепо, но кто-то в это верит.

Аргументы, конечно же, тоже очень забавные. Фоменко и Носовский любят искать «доказательства» в различных географических названиях, которые, по их мнению, являются русскими. Например, русские и ирландцы – один народ, потому что английские слова *Irish* и *Russian* «похожи»; слово *Irish* вообще имеет суффикс *-ish* (как в словах *British*, *Scottish*, *Spanish* и т. д.) и происходит от имени ирландской богини Эриу (Ériu). Название исторического государства Пруссия, согласно Фоменко, происходит от придуманного им же сокращения *Б. Русь*, то есть *Белая Русь* (Белоруссия); на самом деле оно происходит от названия балтского племени пруссов, которое трудно этимологизировать однозначно. Название города *Рим* в русском соответствует названию города *Самара* только потому, что в них присутствуют согласные *р* и *м*, порядок которых вообще может легко меняться; название *Рима* (*Rōma*) обычно связывается с именем основателя города Ромула (*Rōmulus*), тогда как название реки *Самара*, откуда происходит название русского города, имеет индоиранские истоки и означает что-то вроде «летняя река». Оттоманская (Османская) империя – это, оказывается, «*Аттаманская* империя», или империя атаманов; выходит, основатель империи Осман I Гази, имя которого происходит из арабского عثمان (*‘uṭmān*), вообще тут ни при чём. Если взять название древней ассирийской столицы *Aššur*, поменять в нём буквы, то получится что-то похожее на английское *Russia*, а это ведь очень убедительное доказательство того, что Ассирия была русской. Наконец, самый известный аргумент Фоменко: название монголов – это древнегреческое *МЕГАЛИОН* «великие»,

только слегка искажённое; тот факт, что такого слова нет в древнегреческом, а есть только форма *μεγάλοι* (*megáloi*), тоже авторов «Новой хронологии» не особо заботит.

В общем, именно такую лингвистическую аргументацию приводит Фоменко в своих работах. Не зная лингвистики, легко сравнивать похожие слова, как я уже выше говорил, но результаты таких сравнений почти всегда неверны. Фоменко не ограничивается простым сравнением, он делает на их основе далеко идущие выводы об истории целых стран и народов, которые в корне противоречат всему тому, о чём говорит нам наука.

Ещё один яркий представитель лингвофрикианства – философ Валерий Алексеевич Чудинов. Он также является учёным, имеет степень доктора философских наук и звание профессора. По известности он несколько уступает Фоменко, но также имеет свою группу приверженцев, которые не слышат доводов академической науки или с ней не очень знакомы.

В отличие от Фоменко, который сжимает русскую историю до тысячи лет, господин Чудинов, напротив, её расширяет на десятки и сотни тысяч лет. Метод Чудинова – вольная расшифровка надписей на различных памятниках средневековья, античности и даже палеолита, производимая в основном по фотографиям, сделанным во время археологических раскопок. Кажалось бы, Чудинов занимается обычной «кабинетной» эпиграфикой, но не тут-то было... На всех исследуемых артефактах он находит «славянские руны» («руницу»), оставленные якобы самими славянами. Такие «руны» Чудинов одинаково хорошо различает и на палеолитических каменных рубилах из Африки, и на стенах древних пещер, и на камнях, и на старинных монетах, и на предметах быта. Везде он видит одни и те же надписи: *РУСЬ*,

ЯР, МАКОЖЬ, МАРА, МАСКА, МИМ, РОД, ХРАМ, ВАРЯГ, РЮРИК, ВИМАН и прочие слова или их комбинации с другими словами или арабскими цифрами. Но и это ещё не всё... Такие же надписи он находит в рисунках Пушкина, в облаках от взрыва ракеты, на различных ландшафтах Земли, на лунной поверхности, на Солнце, на планетах, на кометах. Он видит надписи там, где обычный человек увидит просто царапины или природные рельефы, а то и вовсе ничего. С тем же успехом можно обнаружить такие «руны» на трещинах в старой стене или даже на своей ладони. Из этих прочтений, естественно, также делаются далеко идущие выводы о том, что русский язык является древнейшим языком человечества, а русский народ, конечно же, владел всем миром (странно, что не всем космосом).

Часто с именем Чудинова связывают прочтение этрусских надписей, которые никто никогда полностью прочитать не мог по той причине, что этрусский язык был изолятом в своём регионе, то есть не имел родственников (как и баскский язык в Испании). Сама идея о том, что этруски – это *«те русские»*, конечно, не так уж оригинальна, ведь само название этрусков (у римлян – *Etruscus*, у греков – *Τυρρηνός*, *Turrhēnós*) у нас вызывает такие ассоциации. Лингвисту или историку сразу понятно, что мы имеем дело со случайным сходством, но любитель увидит здесь прямое доказательство своей теории, причём даже неважно, насколько она противоречит историческим фактам. Попытки прочитать по-славянски этрусские тексты уже предпринимались поляком Тадеушем Воланским и ещё одним нашим любителем Геннадием Гриневским, которые предлагали свои бредовые переводы. Чудинов предложил свои прочтения этрусских букв и свои переводы этрусских текстов, из которых мно-

гие, как он считал, были неявными, то есть зашифрованными в изображениях. Например, на одном бронзовом зеркале с двумя надписями он прочитал такое: *РУСЬ РИМ Е УСТАЛ ЭТРУКС КРИТ ХРАНИ КРИТ КОРМИТ РИМ КРИТ МИРИТ РИМ СТЯК РУСИ ОН СТЯГ С ПЛИТ МИРА РУСЬ МОСКВА*. Что это значит – одному Чудинову понятно. Наука же такое не понимает и не принимает, поэтому подобные построения всё тот же академик Зализняк относил к «любительскому жанру». Что же до этрусского языка, то на сегодняшний день кое-что об этом языке уже известно, есть небольшой словарь и грамматика этого языка, которые ничего русского в себе не содержат.

Есть у Чудинова и некоторые этимологические построения, которые используются им как «доказательная база». Например, название города Рим (как видишь, его очень любят лингвофрики) – это обратное прочтение русского слова *мир* в этрусском; это ли не свидетельство того, что этруски – это «те русские»? Слово *крокодил* следует расшифровывать как «*корковый дил*», где *дил* – это «лошадь»; на самом деле слово в европейских языках возникло через латинское *crocodilus* «крокодил» из древнегреческого *κροκόδειλος* (*krokódeilos*) «ящерица». Оно явно не имеет ничего общего с лошадьми, да и славяне едва ли были знакомы с этими пресмыкающимися. Слово *вино* в одной из своих статей Чудинов этимологизировал через выражение «в иной [мир]»: мол, после вина ты как будто вошёл в иное состояние, в иной мир. На самом деле это слово – очень древний культурный термин, который в германских (английское *wine*, немецкое *Wein*), славянских (болгарское *вино*, чешское *vino*, польское *wino*) и кельтских языках (валлийское *gwin*, ирландское *fiön*) возник из латинского *vīnum* «вино»; последнему родственны

древнегреческое *οἶνος* (*oînos*), армянское *գինի* (*gini*), албанское *verë, venë*, а также (как древнее заимствование) грузинское *ვვობა* (*vvino*). Слово *солнце* у Чудинова раскладывается так: *со-л(ь)н-ц-е*; Чудинов объясняет нам, что «Солнце – это маленькая Луна». Это слово, как любому лингвисту известно, ни с какими лунами не связано, хотя тут Чудинов и попытался провести некое подобие морфологического анализа. В праславянском реконструируется существительное **sьlnьce*, от **sьlnь* с суффиксом **-ьce*, далее из праиндоевропейской формы **sóh₂wl̥*; хотя, действительно, старославянское слово *сльньце* или чешское *slunce* могут навести на такие мысли непрофессионала, реальность оказывается намного сложнее: подобные формы объясняются явлением метатезы, то есть перестановкой фонем (об этом явлении я ещё обязательно расскажу подробнее в дальнейшем).

К числу именитых лингвофриков я бы также причислил сатирика Михаила Николаевича Задорнова. Хотя он и не имел никаких научных степеней и званий, его популярность как писателя и сатирика обеспечивала ему большую аудиторию (читательскую и зрительскую) восприимчивых к маргинальным теориям людей. Когда-то, признаюсь, я тоже смотрел его выступления по телевизору и смеялся над его шутками о «тупых американцах», но со временем эти шутки стали мне нравиться всё меньше. После 2005 года в его выступлениях стали появляться замаскированные под сатиру славянофильские идеи, а в 2012 году им даже был снят фильм о Рюрике и древнейшей истории славян, которую он слишком сильно удреверяет и, откровенно говоря, выворачивает наизнанку.

Если ты смотрела Задорнова по телевидению, то наверняка знаешь о его вездесущем слого *РА*, который он находит

едва ли не во всех русских словах. Приведу самые известные примеры: слово *радуга* – это *ДУГА РА*, *радость* – это *ДОСТАТЬ РА*, *хандра* – это *ХАНА РА*, *разум* – *УМ РА*. Здесь слог *РА*, по мнению Задорнова, означает «свет»; то есть *радуга* – это «световая дуга», *разум* – это «светлый ум» и т. д. Вот ещё некоторые его этимологии: *любовь* – это когда *ЛЮди БОга Ведают*, *славянин* – это *СЛАВЬ ЯНЬ и Инь*, *менеджер* – от *ЗАМАНивать*, а *демократия* – это «власть *ДЕМО*нов». Любому школьнику понятно, что в таких этимологиях нет ни доли правды, так как даже элементарная морфологическая структура слова не берётся в расчёт, не говоря уже об истории появления этих слов в языке. Но Задорнов мало внимания уделял этим тонкостям, а топорно рубил слова на части выделяя в них те «значимые элементы», которые было затем легко истолковывать в свойственной ему манере. В конечном счёте все эти этимологические построения были нужны для доказательства того, что славяне – народ очень древний, мудрый, давший миру столько слов, которые «злые лингвисты» сегодня выдают за заимствования.

Среди лингвофриков среднего звена я бы выделил арабиста и переводчика Николая Николаевича Вашкевича. В центре его теории лежит идея о симбиозе русского и арабского (опять же – РА), которые являются «языками мозга», а слова всех прочих языков уже берутся непосредственно из них. Сравнивая русские и арабские слова, он стал обнаруживать некие «соответствия» между ними. Например, слово *сорока* он связывает с арабским *سرق (saraq)* «воровать» (мол, сорока – она же воровка), *соты* (пчелиные) – с арабским *سنة (sitta)* «шесть» (ячейки сот в виде шестиугольника), *собака* – с арабским *سبق (sabaqa)* «предшествовать» (собака на охоте идёт впереди чело-

века); названия городов *Москва* и *Дамаск* (دمشق, *dimašq*), конечно же, тоже имеют общие истоки. Всё это является «аргументацией» для псевдоисторических теорий Вашкевича.

В своё время были довольно популярны книжки из серии «а-ля быстрый английский для лентяев» за авторством Александра Николаевича Драгункина. В этих книгах он пропагандировал идею о глубокой древности русского языка. Все языки мира происходят из древнерусского, считает Драгункин, потому что слова разных языков похожи на русские слова. При этом сам Драгункин проводит параллели большей частью только с английским языком (как это делают многие любители, редко выходящие за пределы одного-двух языков); основной аргументацией служат вольные фонетические переходы любых согласных в любые другие согласные, при этом гласные звуки якобы не важны вовсе (а тут уже вспоминаются слова Вольтера).

Вот некоторые параллели, о которых писал Драгункин: английское *RE-VOL-T* «переворот» – от русского *ПЕРЕ-ВоP-OT*, английское *SECRET* «секрет» – это русское *СоКРыT*; слово *гарем* происходит не из арабского *حرم* (*ḥaram*) «запрещённый», как мы все думали, а от русского *ХоРоМы*; *Коран* – это *СоХран* (от *сохранять*), а не арабское *قرآن* (*qur'ān*) «чтение»; *Тора* – это *T(в)ора* (от *творить*), а не ивритское *תורה* (*torá*) «учение, закон». Слово *леди* – от русского *лада*, а *негр* – от *НеКРасивый*. Всё это, конечно же, «доказывает», что русский язык дал начало всем языкам мира, иначе и быть не может.

Можно назвать ещё много более или менее известных авторов, которые упражнялись в этимологии, строя различные теории об истории России, русского языка, русского народа, славян. К таким авторам обычно причисляют Геннадия Стани-

славовича Гриневича (автор ряда «славянских» дешифровок древних письменностей), Александра Игоревича Асова (автор вольных переводов «Велесовой книги», признанной учёными фальсификацией, а также многочисленных книг по славянской истории и религии, которые также имеют мало общего с наукой), искусствоведа Светлану Васильевну Жарникову (она искала прародину ариев на Русском Севере, основываясь на санскритско-русских сопоставлениях), писателей Сергея Трофимовича Алексеева, Юрия Дмитриевича Петухова, Андрея Александровича Тюняева, химика Ярослава Аркадьевича Кеслера и многих других.

Может быть, ты обратила внимание на тот факт, что многие из таких фриков руководствуются одними и теми же принципами в своей работе: они все считают, что официальная наука лжива либо заблуждается; все они используют методы примитивного сравнения слов по похожему, причём разные авторы приходят к совершенно различным результатам, сравнивая, казалось бы, одни и те же слова; в большинстве своём лингвистики не интересуются матчастью, не изучают глубоко лингвистику, древние и современные языки, чем объясняется их невежество; многие из таких авторов ссылаются на свой авторитет в других сферах, никак не связанных с лингвистикой.

М.К. Я вот не совсем понимаю, почему так происходит, что любители «атакуют» своей глупостью именно лингвистику и историю? Почему они не атакуют другие науки?

А.М. Одна из самых главных причин, скорее всего, кроется в том, что каждый человек, зная свой родной язык, думает,

что он от природы наделён достаточными компетенциями, чтобы высказывать своё мнение о происхождении слов и истории языков. Некоторые идут дальше и выдают такие идеи за «сенсационные открытия» и «разоблачения». Это довольно странный подход. Будучи человеком, то есть существом биологическим и социальным, я бы не стал высказывать «крамольные» идеи о биологии и социологии, если я не изучал этих наук, и тем более я бы не стал предлагать их широкой публике, выдавая их за реальные научные факты. Лингвисты-любители именно этим и занимаются.

Ещё одна причина такого явления – низкая лингвистическая грамотность в России. К сожалению, в школах лингвистический компонент развит очень слабо. На уроках русского или иностранного языков дети немного соприкасаются с языком, могут ознакомиться с фонетикой, грамматикой, синтаксисом отдельных языков, прежде всего родного. Но этого, очевидно, мало. История языков никак не преподносится в школе, этимологическая справка в учебниках – редкое явление. Поэтому против любительства в народе слабый иммунитет.

Я также уверен, что одной из движущих сил здесь является желание заработать на «сенсациях». Фоменко и Чудинов массовыми тиражами штампуют свои книги, что приносит им неплохой доход. Хотя для них, деньги не главное: они сами, мне кажется, одержимы своими теориями, верят в них. Менее влиятельные лингвофрики чаще ориентируются на популярность и деньги.

По поводу того, что любительство – это явление, свойственное исключительно лингвистике и истории, я не соглашусь. Я уже говорил выше, что такие фрики есть во многих других

науках. Просто лингвистика и история более доступны, если можно так выразиться, для простых обывателей. Рядовой гражданин, не изучавший глубоко историю, но читающий популярные журнальчики или смотрящий документальные фильмы с сомнительным содержанием, формирует своё, часто ложное, представление об истории на основе своих скудных знаний. Он, может быть, и тянется к новым знаниям, но ему не хочется для этого штудировать горы литературы, копаться в архивных документах. Порой даже обычный академический учебник лень открыть. А тут такая подачка – красивая «сенсационная» книжка, которая всё объяснит, всё расставит по полочкам, поднимет забытые вековые тайны, разоблачит «лжеакадемиков» и т. д. Лингвистика же здесь просто инструмент, который может помочь объяснить историю так, как это удобно авторам-лингвофрикам. Издательства, которые стремятся к максимизации своей прибыли и не всегда заботятся о качестве печатной продукции, с удовольствием издают их книги. К сожалению, это всё побочные эффекты массовой культуры.

М.К. Я смотрела выступления Задорнова раньше и слышала об этом таинственном слого *РА*, который, как он утверждает, присутствует едва ли не в каждом втором русском слове. Честно говоря, я когда-то тоже думала, что он говорит правду. Значит, и я была в рядах тех «обывателей», которых было легко обмануть. Но, по правде сказать, для меня эти заблуждения не стали роковыми.

А.М. Интересный случай вспомнился. Как-то давно я стал невольным свидетелем спора между двумя своими знако-

мыми по поводу происхождения слова *культура*. Наслушавшись или начитавшись всяких псевдоэтимологий, один из спорщиков всеми силами стремился доказать другому, что это слово следует расшифровывать как «культ у Ра». Оппонент ему доказывал, что это слово заимствовано (источник слова при этом он не указывал).

Прав был, конечно, тот, кто доказывал заимствованный характер слова. Слово *культура* происходит из латинского *cultūra*, далее от *colō* «возделывать почву» (ср. с латинскими словами *litterātūra* «сочинение; алфавит; грамматика», *scriptūra* «написание, запись», *pictūra* «рисунок» с тем же суффиксом) и никак не может быть разложено в русском языке таким образом. Но убеждённость первого спорщика меня очень удивила. Он, бедняга, чуть ли не орал, был готов об стену биться, доказывая свою правоту. Я тогда обратил своё внимание на такое свойство последователей лингвофриков, как вспльчивость. Когда кто-то критикует «милые славянскому сердцу» псевдонаучные теории, их голос резко повышается, они оживляются и начинают чуть ли не драться за то, во что верят. Если для тебя все эти заблуждения, действительно, не были столь ценны, то для кого-то это настоящий культ, который нужно оберегать от всяких там «академистов».

М.К. Да уж... А история со словами *мерзавец* и *подлец* правдива? Кажется, она тоже принадлежит Задорнову?

А.М. Не слышал, расскажи.

М.К. Якобы на Руси был такой вид наказания: в холодный зимний день того, кого нужно было наказать, привязывали к столбу и затем лили на него воду. Тот, кого привязывали к столбу, назывался мерзавцем, а того, кто подливал воду, называли подлецом.

А.М. Вспомнил. Эту историю я слышал ещё в детстве, но уже вряд ли припомню, кому она принадлежит. Конечно, довольно интересная история, живая, но это тоже выдумка, ничего общего с реальностью не имеющая.

Слово *мерзавец*, действительно, родственно слову *мёрзнуть*, но вообще восходит к слову *мерзкий* (в древнерусском – *мързкъ*) и далее к праславянскому **mьrзькъ*, от которого происходят также старославянское *мръзкъ*, сербохорватское *мрзак* «ненавистный, отвратительный», чешское *mřký* «мерзкий, гадкий». Семантика та же, что у слов *мразь* (церковнославянское слово) или *отморозок*, которые также связаны родством со словом *мёрзнуть*. В украинском в том же значении используется слово *мерзотник* с тем же корнем. Как известно, и от холода, и от отвращения может «бросать в дрожь», отсюда и такое отождествление.

Что касается слова *подлец*, то тут всё проще. Во-первых, в слове *лить* корневой гласный *и*, а в слове *подлец* – гласный *е*, что уже не позволяет связать эти слова. Во-вторых, *-ец* в слове *подлец* – это суффикс, а не часть корня, тогда как первый слог *под* вовсе не является приставкой. Очевидно, выдумщик просто плохо изучал морфемный анализ в школе. Слово *подлец* явно связано со словом *подлый*, которое встречается в ряде других славянских языков (украинское *підлий*, чешское *podlý*, польское

podly и т. д.) и ранее означало «низкий, простонародный». Предполагают, что в русский язык это слово было заимствовано из польского через украинское посредство.

М.К. Интересно. Всё же мне не кажется, что во всех случаях это несёт глобальный вред. Мы живём в век, когда каждый волен верить в то, что хочет. Живём мы уже не в советское время, так что история с марризмом не повторится, а Фоменко, Чудинов и вся их весёлая компания вреда обществу, как мне кажется, не несут. Я, по крайней мере, не вижу какого-то сильного отрицательного эффекта. Ну, допустим, кто-то верит им, злится, когда эти теории пытаются опровергнуть, настаивает на своём. Он разве поменяет этим ход истории, совершит великое преступление? Я так не думаю. Он будет просто носителем своего мнения, которое, кстати, может со временем и измениться под влиянием различных обстоятельств. Например, такой человек прочитает нашу с тобой книжку или статьи, которые ты писал, и под впечатлением от твоей аргументации призадумается: а что если я был неправ?

А.М. Где-то выше ты уже упоминала о Третьем рейхе. Напомню, что Гитлер когда-то был простым ефрейтором, но благодаря своей безудержной энергии, маниакальной убеждённости в своей исторической миссии и в своих идеях, пылкости, которая притягивала других людей, столь же идейных, он сумел захватить власть, начав осуществление своих теорий на практике. Итог тебе известен. А ведь идеи Гитлера берут свои истоки в книгах малоизвестного француза Жозефа Артюра де Гобино, который является автором расовой теории. Его безумные анти-

научные идеи, беллетристика XIX века, были позаимствованы не только нацистами, но даже японскими милитаристами.

К чему я это? Многие идеи, которые пропагандируются лингвофриками, несут в себе опасное зерно нездорового национализма. Фальсифицируя историю, эти люди очень сильно влияют на массы, воспитывают у них ложное понимание как своего прошлого, так и будущего. Если когда-то Россия владела всем миром, то, стало быть, нужно вернуть былое величие; если славяне древнее всяких прочих народов, то, очевидно, необходимо поставить всех остальных на место, возвысить себя над другими. Когда так думает один человек, это ещё не так страшно. Но когда целая толпа каких-нибудь радикальных славянских неоязычников подхватывает такие идеи, это становится угрозой для общества.

Любительство, кстати, уже дало свои результаты на Украине в начале XXI века. Украинские лингвисты-любители также удревняют свою историю, а украинский язык выдают за «матерь всех языков». Некоторые украинцы всерьёз считают, что их предками являются какие-то древние укры, которых никогда не существовало. Само название страны *Україна*, которое в действительности восходит к древнерусскому слову *оукраина* (корневым является слово *край*), некоторые украинские лингвофрики возводят к древнегреческому названию троянцев *Τευκροί* (Teukroí) и его латинской передаче *Teucrí*. Последнее слово они читают как *те укры* (правильная передача в русском – *тевкры*). Такой псевдолингвистический анализ многих убеждает в том, что украинцы, потомки «тех укров», древнее «москалей». На Евромайдане в конце 2013 года было много именно таких ребят, которые по-своему понимали историю своей страны. Многие из

них принимали участие и в военных действиях на востоке Украины.

Надо сказать, что такая «теория» о древних украх – это ещё довольно умный ход. Чаще бывает так, что в книгах (даже в учебной литературе) делаются явно ложные и бездоказательные утверждения, которые вообще ни на чём не базируются: ни на реальной истории, ни на лингвистике, ни даже на здравом смысле.

М.К. А разве в украинских учебниках истории пишут, что были древние укры? Не поверю в жизни. Это как-то слишком.

А.М. Нет, к счастью, я такого не видел. Официальные школьные учебники пока ещё пишут профессиональные историки, хотя есть в их числе и ангажированные. Но в украинских учебниках можно встретить очень спорные утверждения. Например, в учебнике «Історія України. З найдавніших часів до XV століття» для 7 класса за авторством Р. Ляха и Н. Темировой в теме «Стародавня історія України» я прочитал такое вот: «Найдавніший період в історії у країнського народу – стародавній – тривав понад 140 тис. років»². Тут прямо говорится о том, что именно украинский народ жил 140 тысяч лет назад, а не какие-то другие древние народы. И это в те времена, когда *Homo sapiens* ещё из Африки не вышел.

М.К. Какой ужас! А в России такого «срама» нет?

² Древнейший период в истории украинского народа – древний – длился свыше 140 тыс. лет.

А.М. В России дела с этим обстоят намного лучше. В школьных учебниках такого «срама» ты, к счастью, не найдёшь. Лишь изредка я наблюдаю в наших учебниках истории опечатки, ещё реже неправду. Так, в одном учебнике по истории Древнего мира я прочитал, что санскрит – это предок всех индоевропейских языков, в том числе и русского. Это, конечно же, полный бред. Авторы просто плохо разобрались в данном вопросе. Существенных же искажений, как в украинских учебниках истории, я не нахожу. Тем более не видел я таких пассажей, которые бы понравились ярым националистам.

М.К. Я бы очень не хотела, чтобы мои дети учились по учебникам, в которых закладываются подобные установки. Вообще это преступно допускать такие вещи в литературу, тем более учебную. По поводу массовой литературы – ты меня также переубедил. Мнение людей для меня важно, но ещё важнее порядок, стабильность в обществе. Не хотелось бы, чтобы у нас повторялись украинские события.

А.М. То, что происходило на Украине, имело свои более глубокие причины, и лингвофрики внесли лишь малую лепту. Но, как известно, одна маленькая капля не считает себя причиной потопа, но вместе с тем принимает в нём активное участие.

М.К. Теперь я вижу, что это очень серьёзная проблема. Её ведь как-то должны решать на высшем уровне? Неужели никто не контролирует этих лингвофриков и их творчество, как это было в Советском Союзе?

А.М. Некоторые говорят, что в СССР такого бы не допустили, всё творчество лингвофриков пошло бы в спецхран, а самих их ждала бы не лучшая участь. Не знаю, насколько это верно. Цензура тогда была, но довольно избирательная. Ложь печатали, если она соответствовала идеологическим установкам, а правду могли и запретить, если она оказывалась неудобной. Так что цензура не всегда способна удержать такое творчество.

В современной России цензуры нет, поэтому писать можно всё, что не запрещено законом. Это правильно, это справедливо, но это же и позволяет кому угодно печатать любой бред и преподносить его под любой обёрткой. Регулятором выступает само общество и некоторые общественные институты, однако они малоэффективны. Существует у нас в стране Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которая должна отслеживать разного рода псевдонаучные теории и давать им соответствующую оценку. Заметь, всего лишь оценку! Они ничего не могут запретить. Я слышал, что эта Комиссия любит гонять уфологов, астрологов и биоэнергоинформатиков, но эти ребята всё равно чувствуют себя вольготно в России. Бюджетных средств они, конечно, не получают из-за «резолуций» Комиссии, но они научились хорошо шарлатанить в массы и зарабатывать на них большие деньги. Они нашли свою нишу, но всё равно стремятся мимикрировать под серьёзную науку, прикрываться её авторитетом.

М.К. Хочется смеяться и плакать. Лишь бы таким шарлатанам не дали учебники писать, а то будет страшно жить.

А есть какие-нибудь книги, которые направлены именно на разоблачение лингвофриков? Или мы с тобой первые на этом поприще?

А.М. Нет, мы далеко не первые. Я читал довольно много статей и книг на эту тему, но их тиражи очень небольшие. С «трудами» лингвофриков не сравнить. Я бы для выработки иммунитета посоветовал посмотреть видеолекции Андрея Анатольевича Зализняка о любительской лингвистике (их легко найти в интернете). Для более подробного ознакомления с любительской лингвистикой я также рекомендую обратиться к его книге «Из заметок о любительской лингвистике». В ней приведены более подробные рассуждения о том, что такое любительство, какие формы оно приобретает, как любителя отличить от настоящего лингвиста.

М.К. С лингвофриками всё понятно теперь, а как быть с людьми, которые просто для себя придумывают ложные теории? Они, как я думаю, не опасны, пока не возьмутся за перо. Что ты об этом думаешь? Могут ли обычные люди (не профессиональные лингвисты) заниматься «этимологизаторством»?

А.М. Этимологией также занимаются обычные люди, часто не целенаправленно, а, так сказать, из любопытства. При этом многие из них даже не знают о том, что существует наука этимология. Это всё бытовое любительство, которое так серьёзно общественности не вредит. Если ты неправильно объяснишь себе происхождение какого-то слова, то катастрофы не произойдёт. Ну, допустим, решишь ты, что слово *мезонин* происхо-

дит от французского *maison* «дом», а не от итальянского *mezzanino*, далее от *mezzano* «средний, промежуточный». Вряд ли мир от такого перевернётся. Лишь бы ты из таких этимологий выводов в духе «фоменковщины» или «чудиновщины» не делала.

Кстати, дети часто проявляют интерес к словам своего языка, они их даже часто сами изобретают. Меня это всегда поражало. Дети – прекрасные лингвисты, которые очень хорошо чувствуют родной язык в возрасте от двух до пяти лет. Об этом очень убедительно писал в своё время известный детский писатель Корней Иванович Чуковский в книге, которая так и называется – «От двух до пяти».

М.К. Но ведь дети часто коверкают язык. Они могут искажать слова до неузнаваемости. Насколько я понимаю, это происходит тогда, когда они не способны выговорить слово правильно.

А.М. Это не всегда так. Более взрослые дети, которые освоили язык, делают это забавы ради. Чуковский говорит, что дети осмысливают непонятные им слова по-своему. К примеру, *вазелин* они могут назвать *мазелином*, а *помаду* – *помазой*. Ведь идея о том, что эти предметы «мажут», для детей самая очевидная. Слово *вазелин* (по-английски – *vaseline*) было придумано химиком Робертом Чезборо во второй половине XIX века. Оно составлено из немецкого *Wasser* «вода» и древнегреческого *ἔλαιον* (*élaion*) «масло». Но дети же этого не знают. Также они не знаю, что слово *pomade* во французском тоже значит «мазь». Но в обоих случаях они очень хорошо (хотя и без всяких этимоло-

логических штудий) подметили «главную идею». Кстати, такую же этимологию слова *помада* приводил и известный нам товарищ Чудинов.

У Чуковского есть и другие интересные примеры того, как дети коверкают слова: *вентилятор* у них – это *вертилятор*, *бормашина* – *больмашина*, *молоток* – *колоток*, *лопатка* – *копатка*. Из своих собственных наблюдений могу назвать гениальное слово *складулка* – так дети называли шкатулку. Слово это пришло из польского *szkatułka* (уменьшительная форма от *szkatuła*), далее из итальянского *scatola* «ящик». Опять же с идеей дети угадали.

Заметь, что эти примеры в корне отличаются от *мам* и *пап*, о которых мы говорили выше. Если в том случае дети просто развивали свой речевой аппарат и говорили то, что умеют, и так, как умеют, то теперь они пытаются проникнуть в природу слов, понять их суть. Разумеется, они делают это довольно примитивно, но иногда угадывают внутреннюю форму слова.

Часто дети придумывают слова, которые всем нам будут понятны, однако в русском языке их либо нет, либо они встречаются в каких-нибудь диалектах и большинству людей неизвестны. И это тоже удивительная способность юных словотворцев. Так, дети придумывают слова типа *балалайкать* «играть на балалайке», *отскорлупать* «очистить яйцо от скорлупы», *замолоточить* «забить гвоздь», *ещёкать* «часто говорить слово *ещё*», *отмухиваться* «отбиваться от мух» и т. д. Дети могут легко превратить слово *недотёпа* в *дотёпа*, *нельзя* в *льзя*, *невежа* в *вежа*, *нечаянно* в *чаянно*, *ненавидеть* в *навидеть*. Они ведь не знают о том, что без приставки *не-* эти слова не употребляются. То же, кстати, можно сказать и о других морфемах. Дети выду-

мывают слова типа *расгащиваться* «распрощаться с гостями», *распакетить* «разобрать пакеты», *приудобиться* «приспособиться, сделать удобнее», *выпузырить* «надуть большой пузырь», *улазиться* «уставиться, засмотреться» и др.

Если дети способны сами создавать такие слова, глубоко проникая в смысл всех корней и морфем, то, разумеется, они легко могут себе объяснять многие русские слова, которые они слышат от взрослых, хотя такие объяснения не всегда верны и иногда очень забавны.

Некоторые взрослые люди, кстати, тоже способны придумывать такие слова и сходным образом объяснять их происхождение. Такая этимология как раз и называется наивной, или народной (эти понятия не всегда тождественны, но тут я не провожу между ними различий). В народных говорах встречались такие слова, как *полуклиника* «поликлиника», *спинжак* «пиджак» и *полусадик* «полисадник».

Словотворцами всегда были писатели, причём часто у них получалось придумывать слова, прям как у детей. У замечательного писателя Николая Семёновича Лескова, известного любителя народной этимологии, можно найти слово *мелкоскоп* в котором мы довольно легко узнаём переименованное слово *микроскоп*. Чуковский приводит ещё такие примеры: у Жуковского есть слово *обезмышить*, у Державина – *ручьиться*, у Гоголя – *обыностраниться*, у Гончарова – *байронствовать*, у Достоевского – *апельсинничать*, *лимонничать*, *подробничать*, у Чехова – *тараканить*, *окошкодохлиться*, *размокрогодиться*, у Маяковского – *обезночить*, *удить*, *мандалинить*. Такие слова в лингвистике называются окказионализмами (от латинского *occāsio* «случай»).

М.К. Удивительно, что слова, придуманные детьми или взрослыми писателями, в ряде случаев мы легко можем понять. Их этимология довольно поверхностна. Слово *замолоточить* я легко свяжу с молотком, слово *ручьиться* – с ручьём. Так же и с другими словами.

А.М. Не со всеми словами русского языка, как ты видела, всё так просто. Мы часто задумываемся о словах языка и в ряде случаев можем довольно просто определить родство некоторых слов. Например, слова *путник*, *спутник*, *попутчик*, *сопутствовать* мы можем считать производными от слова *путь*. Для этого даже не нужно разбираться в словообразовании, достаточно хорошо знать русский язык. Но само слово *путь* без соответствующих знаний нам к чему-то возвести сложно. Для этого нужно выйти за рамки своего языка и начать поиск по словарям других языков. Человек, который этого не понимает, скорее всего, станет придумывать какую-нибудь ерунду, которая ничего общего с реальностью не имеет.

Этимологи давно нашли соответствующие когнаты для русского слова *путь*: латинское *pōns* «мост, тропинка» (в родительном падеже – *pontis*), древнегреческое *πάτος* (*pátos*) «дорога, путь», санскритское *पथिन्* (*páthin*) «дорога, путь», а также английское *path* «путь» и немецкое *Pfad* «путь». Ему также родственен английский глагол *find* «находить» (прагерманский глагол **finþaną* изначально имел значение «набрести, наткнуться по пути»). Если этимолог-любитель определит этот круг родственных слов и сможет лингвистически обосновать, почему они родственны, то тогда он избежит ошибки.

М.К. Но можно ведь просто интересоваться правильной этимологией? Я думаю, что человеку, который не изучал десятков языков, не штудировал труды по этимологии и сравнительно-историческому языкознанию, достаточно проявлять время от времени интерес к этимологии отдельных слов. Только для этого нужно знать, каким источникам следует верить, а каким нет.

А.М. Да, ты абсолютно права. Для этого достаточно иметь под рукой хороший этимологический словарь. Такие словари содержат информацию о происхождении слов, родственных словах, отражают различные точки зрения на происхождение слов с «тёмной» этимологией. Некоторые я перечислю.

Чаще всего обращаются к четырёхтомному Этимологическому словарю русского языка Макса Фасмера. О нём я уже упоминал выше. Это самый объёмный этимологический словарь русского языка, которым мы располагаем на данный момент. Он и был составлен к середине XX века в Германии (позднее переведён на русский и существенно дополнен этимологом Олегом Николаевичем Трубачёвым), но сохраняет свою актуальность по сей день. Хотя не все слова в нём этимологизированы верно, позднее были найдены ошибки, он всё равно остаётся самым полным и достоверным словарём, верным помощником как лингвиста-профессионала, так и любителя.

Хорош, на мой взгляд, Историко-этимологический словарь русского языка Павла Яковлевича Черных в двух томах. Словарных статей в нём поменьше, но он очень интересно написан. В нём можно найти отсылки на литературу или документы, где впервые фиксируются те или иные слова. Читать его легко и приятно.

Рекомендую также обращаться к Этимологическому словарю русского языка Московского университета под редакцией Николая Максимовича Шанского и Анатолия Фёдоровича Журавлёва. Он ещё не закончен, но то, что уже издано, мне очень пригождается в работе. Это очень качественный словарь.

Словари Фасмера и Черных ты можешь найти на сайте Института русского языка РАН, посвящённом этимологии и истории русских слов (etymolog.ruslang.ru). Есть там и другие интересные материалы.

Существуют также словари реконструированных слов (или корней) праславянского и праиндоевропейского языков. Рекомендую обратить внимание на многотомный «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ), выпускаемый с 1963 года по настоящее время под руководством Олега Николаевича Трубачёва. Для поиска по праиндоевропейским корням можно обратиться к «Индоевропейскому этимологическому словарю» (*Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, IEW) немецкого лингвиста Юлиуса Покорного.

М.К. Итак, мы уже вошли по щиколотку в море научной этимологии, разобрались с прошлым и настоящим данной науки, научились отличать этимологию истинную от лингвофрикантизма и даже вооружились словарями. Но мы всё никак не нырнём глубже. Может, уже пора?

А.М. Нырнуть в это море мы сразу не сможем, Марин. Нам ещё так много предстоит тем разобрать, чтобы поплавать и понырять...

М.К. Я так и думала. Нам нужен маршрут плавания. Каков твой план?

А.М. Для начала следует пояснить некоторые моменты, связанные с языковым родством и праязыками, то есть погрузиться в сравнительно-историческую лингвистику. После этого мы сможем сделать следующий шаг – рассмотреть получше фонетические закономерности. Следом предлагаю остановиться на таких явлениях языка, как заимствования и кальки. Наконец, отдельно мы можем обратиться к семантике. Это главные четыре раздела, которые нам нужно рассмотреть в ходе нашей беседы. Более частные вопросы этимологии мы, возможно, рассмотрим в рамках этих разделов.

М.К. Что ж, отлично! Вперёд!

Глава 3. Языковое родство и праязыки

М.К. Вот, наконец, мы и подобрались к теме языкового родства. Мне в общих чертах понятно, что это такое. Но мне бы очень хотелось, чтобы ты как-то продемонстрировал языковое родство.

А.М. Легко! Ти чула хоч раз, як розмовляють українці?³

М.К. Ха-ха! Да! Они розмовляють на мове.

А.М. Тоді не варто пояснювати, чому ти так швидко відповіла на це питання.⁴ Украинский язык очень похож на русский, его грамматика отличается от русской не так уж существенно, лексика тоже в основном совпадает с русской, хотя есть тут свои подводные камни. Существуют некоторые различия, создающие трудности для взаимопонимания, но в целом мы хорошо понимаем украинскую речь.

Ещё один украинский пример – стихотворение о весне известной украинской поэтессы Леси Украинки. Попробуй его прочитать и перевести.

Знов весна, і знов надії
В серці хворім оживають,
Знов мене колишать мрії,
Сни про щастя навівають.

³ Ты слышала хоть раз, как разговаривают украинцы?

⁴ Тогда не стоит пояснять, почему ты так быстро ответила на этот вопрос.

Весно красна! Любі мрії!
Сни мої щасливі!
Я люблю вас, хоч і знаю,
Що ви всі зрадливі...

М.К. Ой, мамочки! Я, кажется, поняла, что что-то там в «сердце оживает», что-то «навивает сны про счастье» (хотя тут я не совсем уверена). Слова отдельные понятны, даже грамматически всё более или менее ясно, но весь смысл я не передам, потому что есть слова, которые я вообще не могу разгадать.

А.М. Вполне можно догадаться, что *знов* – это «снова», *надії* – «надежды», *хворім* – «больном» (ср. с русскими словами *хворый*, *хворать*), *щастя* – «счастье», *щасливі* – «счастливые» и т. д. Могут показаться непонятными слова *мрії* и *зрадливі*, но по словарю мы можем быстро установить их значения: *мрія* – это «мечта», *зрадливий* – «изменчивый».

Бросается в глаза отличительная особенность украинской фонетики: буква *и* часто встречается там, где в русском было бы *ы* (*колишуть*, *сни*, *ви*); как русская *и* читается украинская *і* (*навівають*), хотя она встречается и там, где в русском мы произнесли бы совсем иные звуки (*надії*, *серці*, *хворім*, *любі*, *щасливі*, *всі*, *зрадливі*).

Может показаться, что слово *весно* написано с ошибкой, но смею заверить, что с ним всё в порядке. Это просто форма звательного падежа, которого в русском языке уже давно нет. Рудименты этого древнерусского падежа наблюдаются лишь в немногих русских словах (*старче*, *отче*, *боже* и т. д.), которые редко связываются со своими изначальными формами (существительные именительного падежа *старец*, *отец*, *бог*) и всё

чаще воспринимаются как самостоятельные. В украинском языке такие формы сохраняются.

Зная значения всех слов, мы с тобой можем легко перевести всё стихотворение (пускай и не совсем литературно, зато дословно): «Снова весна, и снова надежды / В сердце больном оживают, / Снова меня колышут мечты, / Сны о счастье навивают. / Весна красная! Дорогие мечты! / Сны мои счастливые! / Я люблю вас, хоть и знаю, / Что вы все изменчивые...». Можно было бы и более литературно перевести, но для эксперимента достаточно и этого.

М.К. Оказывается, это было не так уж и сложно. А если сравнить русский и белорусский? Ведь эти языки, насколько я знаю, тоже очень похожи. Я слышала однажды белорусскую речь, и мне кажется, тогда я поняла почти всё. Только очень смешной выговор у них. А в остальном, даже понятнее, чем украинский.

А.М. Да, это так. Белорусский язык очень похож на русский. Русский, украинский и белорусский – это всё восточнославянские языки, они составляют одну языковую подгруппу. Отсюда и сходства.

Вот тебе пример белорусского стихотворения пера знаменитого писателя Якуба Коласа. Попробуй теперь сама его перевести.

Ідзе вясна ўжо, дзякуй Богу!
Згінуў снег з сырой зямлі;
Папсавала гразь дарогу,
Перавалы загулі.

Сонца грэе, прыпякае;
Лёд на рэчцы затрашчаў.
Цёплы вецер павявае,
Хмар дажджлівых нам прыгнаў.

М.К. У меня получилось вот что: «Идёт весна уже (?), слава Богу! / Сгинул (?) снег с сырой земли; / <...> грязь дорогу, / перевалы <...>. / Солнце греет, припекает; / Лёд на речке (?) затрещал (?). / Тёплый ветер дует (?), / <...> дождливых нам пригнал».

Очень непривычная орфография. Сбивает с толку. Местами я была не совсем уверена в своём переводе, поэтому я расставила вопросительные знаки в тех местах, которые вызвали у меня сомнения. Но, по логике, должно быть так. Некоторые слова я совсем не поняла, поэтому их я пропустила. Хотя есть на этот счёт какие-то предположения, я их всё же не стала приводить. Не хочу позориться.

А.М. Ну, давай анализировать. Как и в случае с украинским стихотворением, тут могут возникнуть некоторые сложности с установлением значений слов. Некоторые трудности, как ты верно подметила, связаны с особенностями правописания. Белорусский язык характеризуется своеобразной орфографией: слова пишутся в соответствии с фонетическим принципом, то есть так, как слышатся самими белорусами.

К примеру, если в русском («акающем») языке слова *корова* и *молоко* пишутся через *о* в тех слогах, которые не стоят под ударением, то в белорусском (также «акающем») соответствующие слоги пишутся через *а*: *карова*, *малако*. В белорусском ещё существует такое явление, как яканье, отражаемое на письме заменой *е* на *я* в первом предупредном слоге: *зямя* (вме-

сто земля), *плячо* (вместо *плечо*), *вядро* (вместо *ведро*). Отсюда эти странные, кажущиеся «искажёнными» слова: *вясна*, *зямлі*, *павявае* и т. д. На примере стихотворения мы можем обнаружить и другие особенности белорусской фонетики и орфографии: *ў* (вокализация) на месте привычного нам глагольного суффикса *-л* (*згінуў*, *затрашчаў*, *прыгнаў*), дзеканье (*ідзе*, *дзякуй*), цеканье (*цёплы*, *вечер*).

Перевод стихотворения будет следующий: «Идёт весна уже, слава Богу! / Сошёл снег с сырой земли; / Попортила грязь дорогу, / Перевалы загудели. / Солнце греет, припекает; / Лёд на речке затрещал. / Тёплый ветер повеваёт, / Туч дождливых нам пригнал».

М.К. Неужели и тут всё так просто? Я сама почти правильно перевела целый белорусский текст. Вот это да! Чудеса!

А.М. *Věříš na zázraky?*⁵

М.К. А это что за язык? Я поняла первые два слова: «веришь» и «на». А последнее мне почему-то не нравится. Ты сейчас что-то нехорошее сказал?

А.М. Нет. Я просто спросил по-чешски, веришь ли ты в чудеса.

М.К. Ну, в такие языковые чудеса я верю. Не зная языка, никогда его не изучав, ты можешь его понимать и даже легко с него переводить. Это ли не чудо?

⁵ Веришь в чудеса?

А.М. Ещё какое чудо. И на этом чудеса не кончаются. Попробуй теперь перевести с польского: *Zawsze niech będzie słońce, zawsze niech będzie niebo, zawsze niech będzie mama, zawsze niech będę ja!*⁶

М.К. Да это же детская песенка, ещё советская: «Пусть всегда будет солнце...». Только не совсем понятно, как точно перевести слова *zawsze* и *niech*. Слово *zawsze* означает «всегда», слово *niech* – «пусть»?

А.М. Всё верно. Теперь ты можешь в свой арсенал к украинскому и белорусскому языкам добавить ещё и польский язык.

М.К. Ух ты! Сколько же языков я знаю!

А.М. Я немного лукавлю, если честно. Я тебе дал для перевода довольно простые тексты и фразы. Хотя украинский и белорусский выучить будет не очень трудно, чешский и польский покажутся для тебя более трудными. Ты можешь догадываться о значении слов и переводить часто интуитивно с этих языков, но риск допустить ошибку будет выше. Эти языки относятся к западнославянским. Есть ещё южнославянские языки: словенский, сербохорватский, болгарский, македонский. Некоторые из них также могут показаться тебе очень похожими на русский. Но сходство обманчиво. Поэтому то, что я продемонстрировал, не чудо вовсе. Это скорее фокус. Чудо будет дальше.

⁶ Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!

Я приводил примеры из славянских языков. А ведь есть языки более далёкие. Какие-то из них мы учим в качестве иностранного. В России в школах учат английский. Популярны также немецкий, французский, итальянский, испанский. Но есть языки, которые у нас учат очень немногие. Например, греческий. Попробуй перевести вот такую простую греческую фразу: Η ελληνική γλώσσα δεν είναι εύκολη (I ellinikí glóssa den éinai éfkoli)⁷.

М.К. Я вообще ничего не поняла. I didn't understand. Ich habe nicht verstanden. Non ho capito⁸.

А.М. Я сказал, что греческий язык довольно непростой. Он, действительно, непростой и сильно отличается от славянских языков, хотя тоже им родственен на глубинном уровне.

В данном предложении есть слова, которые могут быть тебе известны. Например, греческое слово *γλώσσα* (glóssa) «язык», восходит к древнегреческому *γλῶσσα* (glōssa) «язык», от которого происходят слова *гlossa* и *гlossарий*. Аттическая форма *γλῶττα* (glōtta) присутствует также в слове *полиглот*.

М.К. Точно! Но я бы в жизни не догадалась. Если бы я знала перевод изначально, то, может быть, меня бы посетила мысль о связи слова *γλώσσα* (glóssa) с русским *гlossa*. А так у меня фантазия просто не работает.

Но ведь в этом предложении больше нет слов, которые родственны русскому именно на древнем уровне? Какие ещё

⁷ Греческий язык – непростой.

⁸ Я не поняла!

слова в этом «инопланетянском» греческом могут быть мне известны?

А.М. Ещё как есть, Марин. Просто ты этого не сможешь увидеть без специальной лингвистической подготовки. Слова, которые были заимствованы и похожи на слова в языке-источнике, определить просто. Слова, которые идут из праязыка, определить на глаз довольно сложно, особенно если речь идёт о столь далёких языках, как русский и греческий. Слово *εἶναι* (*eínai*) здесь является родственником одного известного русского глагола. Не догадываешься, о каком глаголе я говорю?

М.К. Нет, что-то никак не могу своим умом дойти.

А.М. Слово *εἶναι* (*eínai*) – это форма 3-го лица единственного числа глагола *εἶμαι* (*eímai*) «быть», который происходит от древнегреческого *εἶμι* (*eimí*) «быть». (Слова *εἶμαι* (*eímai*) и *εἶμι* (*eimí*) вообще являются не инфинитивами, а формами 1-го лица единственного числа, но я эту личную форму обычно перевожу на русский инфинитивом, поскольку у нас эта форма является основной.)

А теперь посмотри на следующую таблицу и найди десять отличий.

Русский	Старослав.	Древнегреческий	Латинский	Санскрит
<i>есмь</i>	<i>юсмь</i>	<i>εἶμι</i> (<i>eimí</i>)	<i>sum</i>	अस्मि (<i>ásmi</i>)
<i>еси́</i>	<i>юси</i>	<i>εἶ</i> (<i>eí</i>)	<i>es</i>	असि (<i>ási</i>)

<i>есть</i>	<i>юсть</i>	<i>ἐστί(ν)</i> (estí(n))	<i>est</i>	अस्ति (ásti)
<i>есмы́</i>	<i>юсмь</i>	<i>ἐσμέν</i> (esmén)	<i>sumus</i>	स्मस् (smás)
<i>э́сте</i>	<i>юсте</i>	<i>ἐστέ</i> (esté)	<i>estis</i>	स्थ (sthá)
<i>суть</i>	<i>сжть</i>	<i>εἰσί(ν)</i> (eisi(n))	<i>sunt</i>	सन्ति (sánti)

Эти формы глагола «быть» в разных языках восходят к одним древним формам, которые существовали много тысяч лет назад. Они частично сохранили свой облик и в некоторых современных языках, но лучше всего их сравнивать в языках древних. Кстати, именно системное сравнение, если помнишь, и лежит в основе сравнительно-исторического языкознания, которое занимается родством языков.

М.К. Ничего себе! Я теперь прозрела немного, но у меня вдруг появилось два вопроса. Во-первых, как же тогда выглядели эти, как ты говоришь, древние формы? Во-вторых, почему формы английского глагола *be* «быть» или немецкого глагола *sein* «быть» так отличаются от тех, которые ты привёл? Ведь английский, насколько я понимаю, тоже состоит в родстве с русским?

А.М. Несомненно, английский состоит в родстве с русским в рамках индоевропейской языковой семьи. Все германские языки также являются индоевропейскими. И соответствующие германские глагольные формы тоже восходят к общей древней парадигме спряжения глагола «быть», но там изменения несколько иного характера.

Вот тебе ещё одна таблица для сравнения. В ней представлены праиндоевропейские (ПИЕ), прагерманские, готские, современные английские и немецкие формы. Сравни также их с данными предыдущей таблицы.

ПИЕ	Прагерманский	Готский	Английский	Немецкий
* <i>h₁ésmi</i>	* <i>immi</i>	<i>im</i>	<i>am</i>	<i>bin</i>
* <i>h₁ési</i>	* <i>izi</i>	<i>is</i>	<i>are</i>	<i>bist</i>
* <i>h₁ésti</i>	* <i>isti</i>	<i>ist</i>	<i>is</i>	<i>ist</i>
* <i>h₁smós</i>	* <i>izum</i>	<i>sijum</i>	<i>are</i>	<i>sind</i>
* <i>h₁sté</i>	* <i>izud</i>	<i>sijuþ</i>	<i>are</i>	<i>seid</i>
* <i>h₁sénti</i>	* <i>sindi</i>	<i>sind</i>	<i>are</i>	<i>sind</i>

Как ты, наверное, уже заметила, ближе всего к древнему состоянию готские формы, так как готский язык – сам древний, он вымер более тысячи лет назад. А вот современные английские и немецкие формы глагола со значением «быть» не очень-то вписываются в общую схему спряжения. Однако тому есть своё объяснение. Английское слово *are* восходит к древнеанглийской форме *earon*, которая связана с праиндоевропейской формой **h₁ésti*, хотя уже мало на неё похожа. Немецкие формы *bin*, *bist* (как, впрочем, и английские *be*, *been*) являются формами прагерманского глагола **beunq*, который, кстати, родственен русскому слову *быть* (оба слова происходят из праиндоевропейской основы **b^huH-* «становиться, появляться»). Лингвисты называют такие подмены супплетивизмом (от латинского *suppleō* «заполнять, наполнять»). В русском языке инфинитив *быть* и его форма *есть* – это такие же различные с точки зрения этимологии формы.

М.К. То есть отсюда следует, что русское слово *есть* родственно английскому *is* и немецкому *ist*? Я правильно поняла?

А.М. Именно. Английское *is*, немецкое *ist*, французское *est*, итальянское *è*, чешское *je*, польское *jest*, персидское است (*ast*), армянское *տ* (*ē*), албанское *është* – всё это слова, которые родственны русскому слову *есть*. Разумеется, не следует смешивать эту глагольную форму с инфинитивом *есть* в значении «кушать, принимать пищу». Это обычные омонимы.

М.К. А нельзя ли считать это одними из случайных сходств, о которых мы говорили в прошлой части нашей беседы? Многие из тех слов, которые ты привёл, я ещё как-то могу сравнить с русским *есть*, но вот итальянское *è* или армянское *տ* (*ē*) меня немного смущают. Тут всего одна буква!

А.М. Такие соответствия являются доказанными, родство перечисленных языков – тоже. Во-первых, мы не просто взяли два похожих слова, а сравнили спряжение глагола, который во всех этих языках имеет практически одно и то же значение, а также выполняет схожие функции. Во-вторых, между этими словами существуют чёткие фонетические закономерности. Но об этом мы ещё поговорим чуть позже.

М.К. Хорошо. Я бы очень хотела узнать про эти фонетические закономерности – слишком уж много объяснений в них упирается. Мы обязательно к этому вопросу вернёмся.

Меня сейчас очень интересует вопрос о том, какие языки вообще считать индоевропейскими. Мы о них уже так много

говорили, но до сих пор не определили круг этих языков. Я поняла, что к ним относятся и русский, и английский, и французский, и армянский, и даже персидский (хотя он всегда почему-то ассоциировался у меня с арабским). Какие языки ещё входят в эту языковую семью?

А.М. Индоевропейская семья языков простирается от Индии на востоке до Исландии на западе – это её исторический ареал. Сегодня индоевропейские языки распространены и на других континентах. Это самая крупная языковая семья в мире, число носителей современных индоевропейских языков – около 3 миллиардов человек, число самих языков – несколько сотен (если учитывать диалекты, то счёт пойдёт на тысячи).

Классификация индоевропейских языков довольно непростая, в ней не всё ещё до конца «устаканилось», но в целом это самая изученная на данный момент языковая семья. Выделяют следующие группы (ветви) внутри индоевропейской семьи: славянскую, балтийскую, германскую, кельтскую, италийскую (из неё далее выводится романская ветвь), индоиранскую, а также отдельные языки: греческий, албанский и армянский; в древности существовали также анатолийская и тохарская группы языков.

Начнём обзор с языков славянских. С русским языком мы знакомы. С украинским и белорусским языками мы в целом тоже уже познакомились. Все три языка относят к восточнославянской подгруппе. Их общий предок – древнерусский язык, который можно условно назвать «православнославянским». Но это только одна из трёх подгрупп большой группы славянских языков. Другие две подгруппы – западно- и южнославянская –

также демонстрируют немало общего с русским языком, хотя говорить о взаимопонятности тут уже не приходится.

К западнославянским языкам относятся такие языки, как польский, кашубский, чешский, словацкий, ниже- и верхнелужицкий. Из них только три языка имеют официальный государственный статус: польский язык является государственным языком Польши; чешский – государственный язык Чехии; словацкий – государственный язык Словакии.

Польский и кашубский языки входят в одну лехитскую подгруппу, в которой выделяют восточно- и западнолехитские языки. Польские диалекты относятся к восточнолехитским языкам, кашубский и некоторые другие вымершие языки – к западнолехитским. Кашубский язык используется как региональный язык в Поморском воеводстве Польши. Хотя он возник на базе древних языков Балтийского Поморья, некоторые лингвисты долгое время рассматривали его как один из диалектов польского языка. К западнолехитским языкам относятся также мёртвые полабский и словинский языки (последний нередко связывают с кашубским).

Чешский и словацкий языки образуют внутри западнославянских языков чешско-словацкую подгруппу, для которой характерны собственные особенности фонетики и грамматики, отличающие её от других западнославянских языков. Вообще эти языки очень похожи, практически взаимопонятны. Долгое сосуществование чехов и словаков в едином государстве сделало возможным сохранение этого взаимопонимания (в официальных документах Чехословакии до 1948 года даже упоминался чехословацкий язык). Однако сегодня ситуация в самой Чехии меняется: новое поколение уже плохо понимает словацкий язык. Словаки понимают чехов чуть лучше.

Ещё одна подгруппа внутри западнославянских языков – серболужицкая, или просто лужицкая. В неё включаются нижнелужицкий и верхнелужицкий языки, распространённые в немецком регионе Лужица (Саксония, Бранденбург). Число носителей этих языков очень невелико – около 40 тысяч человек (или даже меньше). Нижнелужицкий и вовсе считается исчезающим языком. До сих пор нет однозначного представления о характере связей этих языков с лехитскими и чешско-словацкими подгруппами: нередко их называют мостиком от польского к чешскому, поскольку в них находят отражение многие фонетические явления, свойственные этим двум языкам. В то же время лужицкие языки имеют немало существенных отличий.

К южнославянским языкам относятся болгарский, македонский, сербохорватский (сербский, хорватский, боснийский, черногорский) и словенский языки.

Болгарский и македонский языки входят в болгарско-македонскую (восточную, юго-восточную) группу южнославянских языков. Эти языки имеют много общего в фонетике и грамматике, но при этом носителями (болгарами и македонцами) понимаются как независимые друг от друга. Болгарские лингвисты нередко считают македонский язык продолжением болгарских диалектов на западе, но такой подход неверен: болгарский и македонский – это два литературных языка двух народов, проживающих в двух суверенных государствах, а этот критерий, как ты помнишь, имеет большое значение при отделении языка от диалекта. Кроме того, некоторые фонетические различия между болгарским и македонским имеют весьма древний характер. Исторически в эту же группу входил старославянский язык – первый литературный язык славян, который положен в основу древнерусского извода церковнославянского языка – языка бо-

гослужений в Русской православной церкви и литературного языка в России до XVII века. Болгарские и македонские лингвисты и здесь нашли повод повздорить: болгары называют старославянский язык староболгарским, македонцы – старомакедонским.

Сербохорватский и словенский языки составляют сербохорватско-словенскую (западную, юго-западную) группу внутри южнославянских языков. Сербохорватский язык – это литературный язык бывшей Югославии, который сегодня с натяжкой можно назвать единым. Было бы, наверное, правильнее назвать его языком-проектом Вука Караджича, который был принят в качестве стандарта в Сербии, Хорватии, Боснии и Черногории (формально в СФРЮ существовали сербский и хорватский варианты этого языка). Исторически же сербохорватский регион включал три различных наречия: штокавское, чакавское и кайкавское. Штокавское наречие является основой для всех четырёх сербохорватских языков: сербского, хорватского, боснийского и черногорского. Чакавское и кайкавское наречия распространены преимущественно в Хорватии и значительно отличаются от литературной нормы. На стыке ареалов сербского, болгарского и македонского языков распространено так называемое торлакское наречие, сходное по ряду признаков с языками болгарско-македонской группы. Различия между сербохорватскими языками носят фонетический, грамматический и лексический характер, что, однако, никогда не препятствовало взаимопонятности этих языков. Лишь в последние десятилетия накапливаются лексические различия, создаваемые зачастую искусственно. Наиболее яркими «языковыми пуристами» являются хорваты, которые намеренно проводят «очищение» своего языка, стремясь сделать его более далёким от сербского.

Словенский язык отличается сильная раздробленность на диалекты: семь диалектных зон дают несколько десятков говоров. Помимо собственно словенского литературного языка также различают региональные варианты и литературные микроязыки. От сербохорватских словенский отличается наличие двойственного числа, которое в современных славянских языках уже почти не сохранилось.

Чтобы продемонстрировать схожесть славянских языков, приведу некоторые слова из так называемого «базисного лексикона». Обычно такие слова указывают на родство языков, так как они крайне редко заимствуются. Случайные совпадения тут практически невозможны. Думаю, здесь не стоит много рассуждать о фонетических соответствиях, так как связь между словами приведённых языков и без того очевидна.

Русский	Чешский	Польский	Болгарский	Словенский
я	<i>já</i>	<i>ja</i>	<i>аз</i>	<i>jaz</i>
ты	<i>ty</i>	<i>ty</i>	<i>ти</i>	<i>ti</i>
один	<i>jeden</i>	<i>jeden</i>	<i>един</i>	<i>en, eden</i>
два	<i>dva</i>	<i>dwa</i>	<i>две</i>	<i>dve</i>
три	<i>tři</i>	<i>trzy</i>	<i>три</i>	<i>tri</i>
мать	<i>matka</i>	<i>matka</i>	<i>майка</i>	<i>mati</i>
отец	<i>otec</i>	<i>ojciec</i>	<i>баща</i>	<i>oče</i>
голова	<i>hlava</i>	<i>głowa</i>	<i>глава</i>	<i>glava</i>
сердце	<i>srdce</i>	<i>serce</i>	<i>сърце</i>	<i>srce</i>
вода	<i>voda</i>	<i>woda</i>	<i>вода</i>	<i>voda</i>
солнце	<i>slunce</i>	<i>słońce</i>	<i>слънце</i>	<i>sonce</i>

Наиболее близка к славянским языкам балтийская (балтская) группа языков, в которую входят два живых языка – литовский и латышский. Также иногда к живым балтийским языкам причисляют латгальский язык, который распространён в восточной части Латвии (некоторые лингвисты склонны считать его всего лишь диалектом латышского).

Балтийские языки довольно архаичны, то есть они сохранили многое из того, что было в грамматике праиндоевропейского языка (как, собственно, и славянские языки). Самым архаичным считается литовский, грамматика и фонетика которого «мутировала» медленнее. Также в литовском сохранилось подвижное тоническое ударение, тогда как в латышском оно фиксировано на первом слоге. Именно поэтому этимологи и компаративисты чаще всего ссылаются на материал литовского, редко прибегая к помощи латышского.

Ранее существовали и другие балтийские языки, но до наших дней они не дожили. Самый известный из таких древних балтийских языков – прусский (или древнепрусский), который к концу XVII века был вытеснен из Восточной Пруссии немецкими диалектами.

Посмотри на следующий список слов для балтийских языков (даны слова с теми же значениями, что и в таблице для славянских языков). Думаю, что многие из приведённых слов будут напоминать тебе соответствующие русские эквиваленты.

Русский	Литовский	Латышский	Прусский
<i>я</i>	<i>aš</i>	<i>es</i>	<i>as</i>
<i>ты</i>	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tū</i>
<i>один</i>	<i>vienas</i>	<i>viens</i>	<i>ains</i>

<i>два</i>	<i>du, dvi</i>	<i>divi</i>	<i>dwai</i>
<i>три</i>	<i>trys</i>	<i>trīs</i>	<i>trijan</i>
<i>мать</i>	<i>motina, motė</i>	<i>māte</i>	<i>mūti, muti, mothe</i>
<i>отец</i>	<i>tėvas</i>	<i>tēvs</i>	<i>tāws</i>
<i>голова</i>	<i>galva</i>	<i>galva</i>	<i>galwā</i>
<i>сердце</i>	<i>širdis</i>	<i>sirds</i>	<i>sēris</i>
<i>вода</i>	<i>vanduo</i>	<i>ūdens</i>	<i>wundan</i>
<i>солнце</i>	<i>saulė</i>	<i>saule</i>	<i>saūlē</i>

Германская ветвь языков, как и славянская, довольно обширна и включает большое количество живых языков, многие из которых распространились очень широко по планете.

Северная подгруппа германских языков (также называемая скандинавской из-за того, что именно на Скандинавском полуострове существовал общий предок этих языков – древнескандинавский) включает шведский, датский, норвежский, исландский и фарерский языки. В их распространении активно поучаствовали носители древнескандинавского языка – викинги, которые, как известно, в IX-XI веках наводили ужас на всю Европу и немало «наследили» в языках соседей.

Типологически очень близки друг к другу шведский, датский и норвежский, между которыми существует известная взаимопонятность. Все эти языки сильно упростились со временем, стали более аналитическими. Норвежский в этой тройке занимает, если можно так выразиться, промежуточное положение, так как исторически он испытывал на себе колоссальное влияние и датского, и шведского языков, хотя изначально был

ближе к западным скандинавским языкам. В XIX веке, когда возник вопрос о создании литературной нормы для норвежского языка, было создано два проекта – букмол («книжный язык») и нюнорск («новонорвежский»); и тот и другой сегодня официально используются на территории Норвегии.

Исландский и фарерский языки, напротив, отличаются большей сложностью, архаичностью. Они сумели сохранить многие древние формы склонения и спряжения. Это может быть связано с относительной изолированностью островных скандинавских языков. Сохранность исландского языка также объясняется наличием богатейшей литературной традиции XIII-XIV веков («Младшая Эдда», «Старшая Эдда», саги и скальдическая поэзия); свою национальную средневековую литературу современные исландцы могут читать в подлиннике.

Западногерманская группа включает английский, немецкий, нидерландский, люксембургский, африкаанс и фризский языки.

Английский язык среди западногерманских языков занимает особое положение, так как он очень существенно изменился за последнюю тысячу лет и уже мало похож на ближайших «родственников». История английского языка начинается в V веке, когда в Британию с континента переселяются германские племена англов, саксов и ютов. Из их говоров сформировался древнеанглийский (англосаксонский) язык, который был ближе всего к древнефризскому (Фризия) и древнесаксонскому языкам (Северная Германия). До XI века этот язык, принимавший заимствования из латыни (с распространением христианства) и древнескандинавского (в связи с завоеванием Англии викингами), имел довольно сложную морфологию. С XI века,

после завоевания Англии норманнами, начинается среднеанглийский период, на который и приходится сильное упрощение морфологии, а также «засорение» языка словами из старофранцузского, на котором говорила вся английская знать. С XV века можно говорить о ранненованглийском периоде: лондонский диалект, на котором писал Джефри Чосер, положен в основу литературного языка, происходит великий сдвиг гласных; английский язык этого периода уже больше походит на современный. В XVII-XIX веках происходит активное распространение английского языка в мире, его деление на так называемые варианты (британский, американский, канадский, австралийский и др.).

Диалекты континентального западногерманского языкового региона представляют собой сложный континуум, в котором мы наблюдаем постепенный переход от южного швейцарского варианта немецкого языка, который немцам в Германии непонятен, к нидерландскому. Поэтому когда говорят о немецком языке, то имеют в виду литературный язык немцев, формировавшийся в XVI веке на основе восточносреднемецкого диалекта, на котором говорил и писал реформатор Мартин Лютер. В реальности следовало бы говорить о наличии исторически сформировавшихся верхненемецком (южные и центральные немецкие диалекты) и нижненемецком (Северная Германия) языках, как бы плавно переходящих друг в друга. Эти два «немецких» языка далее дробятся на многочисленные диалекты, многие из которых не взаимопонятны и могли бы считаться отдельными языками. Кстати, люксембургский язык как раз и является западным мозельско-франкским диалектом, входящим в средненемецкий подраздел верхненемецкого языка; в 1984 году

его признали официальным в Люксембурге (наряду с литературным немецким и французским), что позволило ему стать полноправным языком.

Нидерландский язык имеет тесную связь с нижненемецким языком: диалекты на северо-востоке Нидерландов плавно переходят в нижнесаксонские диалекты нижненемецкого языка на северо-западе Германии. Поэтому по обе стороны немецко-нидерландской границы люди общаются практически на одном диалекте. Литературный же нидерландский язык возник на основе диалекта Голландии (поэтому его частенько называют голландским), которая в XVI веке стала центром в экономической и культурной жизни Нидерландов. Литературный немецкий и литературный нидерландский в этом смысле можно было бы назвать «братскими языками» (или даже «сестринскими», так как в Нидерландах немецкий иногда называют *zustertaal*), но между ними взаимопонятность уже серьёзно нарушена.

Существуют также два западногерманских языка, которые некоторые неспециалисты любят называть «испорченным немецким» и «испорченным нидерландским». Лингвисты предпочитают такие оценки не давать, называя их по-научному. Речь идёт, конечно же, о языках идиш и африкаанс.

Идиш – это язык евреев-ашкеназов, складывавшийся ещё в средневековье на немецкой основе. До XX века он был очень широко распространён в Европе (прежде всего в странах Восточной Европы) и активно использовался в еврейских общинах как разговорный язык. Но сегодня на нём говорит меньшее число людей, что связывается с геноцидом европейских евреев во время Второй мировой войны и активной ассимиляцией – переходом евреев на языки тех стран, где они проживают.

Африкаанс волею судеб оказался языком Южной Африки. Он сложился в XVII-XVIII веках на основе нидерландских диалектов переселенцев (африканеров, буров), осваивавших Капскую колонию. Сегодня он распространён в Южно-Африканской республике и Намибии. Жители Нидерландов, в принципе, способны понимать этот язык, читать на нём. Но всё же следует признать, что грамматически африкаанс заметно упростился по сравнению со своим непосредственным «прародителем».

Восточная подгруппа германских языков сегодня уже не существует – все языки этой подгруппы вымерли. Когда-то в неё входили готский, вандальский, бургундский и некоторые другие языки. Наиболее хорошо изученным является, безусловно, готский язык со своей интересной письменностью. Именно на него была переведена знаменитая «Библия Вульфилы» (или «Готская Библия»). О других восточногерманских языках дошли очень незначительные сведения.

Русский	Английский	Немецкий	Шведский	Исландский
<i>я</i>	<i>I</i>	<i>ich</i>	<i>jag</i>	<i>ég</i>
<i>ты</i>	<i>you, thou</i>	<i>du</i>	<i>du</i>	<i>þú</i>
<i>один</i>	<i>one</i>	<i>eins</i>	<i>en, ett</i>	<i>einn, ein, eitt</i>
<i>два</i>	<i>two</i>	<i>zwei, zwo</i>	<i>två</i>	<i>tveir</i>
<i>три</i>	<i>three</i>	<i>drei</i>	<i>tre</i>	<i>þrír</i>
<i>мать</i>	<i>mother</i>	<i>Mutter</i>	<i>mamma, mor</i>	<i>móðir</i>
<i>отец</i>	<i>father</i>	<i>Vater</i>	<i>pappa, far</i>	<i>faðir</i>

<i>голова</i>	<i>head</i>	<i>Kopf, Haupt</i>	<i>huvud</i>	<i>höfuð, haus</i>
<i>сердце</i>	<i>heart</i>	<i>Herz</i>	<i>hjärta</i>	<i>hjarta</i>
<i>вода</i>	<i>water</i>	<i>Wasser</i>	<i>vatten</i>	<i>vatn</i>
<i>солнце</i>	<i>sun</i>	<i>Sonne</i>	<i>sol</i>	<i>sól</i>

Кельтская группа языков ещё до начала нашей эры имела широкое распространение: от Пиренейских гор на западе и до Карпат на востоке, от Британии на севере и до Малой Азии на юге. Кельты, искусные умельцы, бесстрашные воины, хранители поражающих воображение мифов, когда-то по праву считались хозяевами Европы, но в новую эру им пришлось уйти с исторической сцены.

Сегодня носители кельтских языков, компактно проживают на острове Великобритания, в Шотландии и Уэльсе, в Ирландии, а также на северном побережье Франции. На самом континенте на кельтских языках уже давно почти никто не говорит: часть кельтов была вытеснена германцами, часть ассимилирована римлянами и другими народами.

Лингвисты сумели зафиксировать некоторые древние кельтские языки и в разной степени изучить их. Так, относительно хорошо изучен галльский язык – язык воинственных галлов, проживавших на территории Франции и подвергшихся культурному влиянию романского мира. Сегодня на нём уже не говорят, но его следы прослеживаются в современном французском языке. Менее изучены близкий к галльскому лепонтийский (часть римской Цизальпинской Галлии, север современной Италии), кельтиберский (Испания), а также лузитанский (Лузитания, современная Португалия), который не все признают кельтским

из-за некоторого сходства с италийскими языками. Все эти языки на сегодняшний день мёртвые. В науке их принято называть континентальными кельтскими языками, так как все они были распространены в континентальной Европе.

Те кельтские языки, которым посчастливилось выжить, относятся к островным кельтским языкам. Эти языки делятся на две группы: бриттскую и гойдельскую.

К бриттским относятся некоторые языки в Великобритании и во Франции. Это в первую очередь валлийский язык – язык жителей Уэльса, который успешно противостоит влиянию английского и используется в общении значительной частью валлийцев. Менее известен корнский язык, какое-то время назад считавшийся мёртвым, но возродившийся вновь совсем недавно. К бриттским относится также бретонский язык, который был распространён на севере Франции и сегодня находится на грани вымирания.

Самым известным гойдельским языком является ирландский – единственный кельтский язык, имеющий статус государственного. Несмотря на обязательное изучение этого языка в школах и мероприятия по его популяризации среди ирландцев, ирландский, наоборот, становится всё менее популярным; в повседневном общении в Ирландии его используют лишь около 70 тысяч человек. Другие гойдельские языки – шотландский (гэльский) и мэнский – являются ответвлениями от древнеирландского и на сегодняшний день также довольно редки.

Несмотря на то что многие кельтские языки вымерли, на территории Европы можно отыскать большое количество кельтских названий городов и рек. Так, топоним *Париж* происходит от названия кельтского племени паризиев, *Британия* – от назва-

ния племени бриттов, *Бельгия* – от названия племени белгов. К кельтским также относятся топонимы *Амьен, Богемия, Галисия, Дублин, Лион, Пуатье, Сена* и др. Не могли бывшие хозяева Европы уйти, ничего после себя не оставив.

Русский	Бретонский	Валлийский	Ирландский	Шотландский
<i>я</i>	<i>me</i>	<i>mi, fi</i>	<i>mé</i>	<i>mi</i>
<i>ты</i>	<i>te</i>	<i>ti</i>	<i>tú</i>	<i>thu</i>
<i>один</i>	<i>unan</i>	<i>un</i>	<i>aon</i>	<i>aon</i>
<i>два</i>	<i>daou</i>	<i>dau</i>	<i>dhá</i>	<i>dà</i>
<i>три</i>	<i>tri</i>	<i>tri</i>	<i>trí</i>	<i>trì</i>
<i>мать</i>	<i>mamm</i>	<i>mat</i>	<i>máthair</i>	<i>màthair</i>
<i>отец</i>	<i>tad</i>	<i>tad</i>	<i>athair</i>	<i>athair</i>
<i>голова</i>	<i>penn</i>	<i>pen</i>	<i>ceann</i>	<i>ceann</i>
<i>сердце</i>	<i>kalon</i>	<i>calon</i>	<i>croí</i>	<i>cridhe</i>
<i>вода</i>	<i>dour</i>	<i>dŵr</i>	<i>dobhar, uisce</i>	<i>uisge</i>
<i>солнце</i>	<i>heol</i>	<i>haul</i>	<i>grian</i>	<i>grian</i>

Италийская ветвь языков была распространена на Апеннинском полуострове, все языки этой ветви сегодня являются мёртвыми. Традиционно они подразделяются на оскско-умбрские (оскский, умбрский, вольский, эквский, южнопиценский) и латино-фалисские языки (собственно фалисский и латинский). Пока невыясненным остаётся отношение к италийской ветви древнего венецкого языка (северо-восток Италии; не путать с современным венецким диалектом итальянского язы-

ка), который некоторые лингвисты по ряду признаков считают самостоятельным индоевропейским языком.

Латинский язык – язык Древнего Рима – стал доминирующим в Италии и вытеснил практически все остальные итальянские (и не только) языки уже к I веку нашей эры. Латинский язык, который использовался римлянами в античности, лингвисты называют классическим. Это язык Цицерона, Цезаря, Вергилия, Горация, Овидия – высокий, стройный, выразительный литературный язык, который в дальнейшем стал эталоном для средневековых авторов. С падением Рима в V веке разговорный латинский язык не исчез – он продолжил своё существование в самой Италии и среди народов Европы, которые испытали мощное влияние римской культуры. Правда, те варианты латинского языка, на которых говорили на Пиренейском полуострове, в Галлии и Дакии, очень отличались от классического образца – это были диалекты так называемой «народной латыни», которые, во-первых, подверглись влиянию субстрата (местных языков, уступивших латыни), а во-вторых, сильно упростились в плане морфологии. Кроме того, латынь долгое время была языком образования, науки и дипломатии во многих странах Европы до XVIII века и по сей день ещё используется в богослужениях у католиков.

Из диалектов народной латыни уже в раннем средневековье развились современные романские языки (от латинского *rōmānis* «римский»). Их классификация на сегодняшний день считается относительно устоявшейся, хотя сам романоязычный регион довольно сложен: множество диалектов являются мостиками от одного языка к другому; некоторые романские языки настолько близки, что следовало бы считать их диалектами од-

ного языка, а некоторые диалекты одного языка настолько далеки друг от друга, что их следовало бы считать разными языками.

Все романские языки делят на две большие подгруппы: восточную (балкано-романскую) и западную; в последней выделяют итало-романские, галло-романские и иберо-романские языки.

Балкано-романские языки весьма немногочисленны. Самым известным романским языком на Балканах является румынский язык. Его удалённость от западных романских языков во многом определила его развитие. В средневековье и новое время румынский подвергается существенному влиянию славянских языков, записывается кириллицей, однако во второй половине XIX века намечается разворот в сторону «очищения» языка от славянизмов, создаётся современная литературная норма и осуществляется переход на латиницу. Диалектом румынского многие учёные считают молдавский язык, который структурно мало чем от него отличается, но в то же время является языком суверенной Молдавии. К балкано-романским относятся также близкие к румынскому арумынский, истрорумынский и мегленорумынский языки (последние два находятся на грани вымирания).

В итало-романскую группу входят многочисленные диалекты и языки Италии, которые сами по себе очень различны. Их принято делить на три группы: североитальянскую (современный лигурский, ломбардский, пьемонтский, эмилиано-романьольский, современный венецкий, истророманский), центральную (тосканский и римский диалекты, корсиканский язык; сюда же относится литературный итальянский язык, основанный на флорентийском диалекте, на котором в XIV веке писали

Данте, Петрарка и Боккаччо) и южную (неаполитанский и апулийский диалекты, сицилийский язык). Ранее к итало-романским относили также так называемые ретороманские языки (ладинский, романшский, фриульский), распространённые на севере Италии и в Швейцарии, но в некоторых классификациях их рассматривают как отдельную подгруппу романских языков. Мостиком от итало-романских к балкано-романским был далматинский язык, вымерший в XIX веке.

Среди галло-романских языков наиболее известен французский язык. Языковая карта Франции исторически была пёстрой (как, впрочем, и в случае с континентальными западногерманскими языками). На севере были распространены языки ойль (*langue d'oïl*), на основе которых в IX-X веках сформировался старофранцузский язык, предок современного французского. На юге Франции были распространены языки ок (*langue d'oc*; отсюда происходит название исторической области на юге Франции – Лангедок), из которых развились современные окситанский («язык трубадуров») и гасконский языки (последний некоторые лингвисты считают диалектом окситанского). Между языками ойль и языками ок существует «мостик», называемый франкопровансальским языком. Все эти языки далее дробятся на множество более мелких диалектов.

Литературный французский язык, возникший на основе франсийского диалекта Парижа, является классическим – его изучают в школах, университетах. Но на французском языке говорят также в Монако, Люксембурге, Бельгии, Швейцарии, Канаде, во многих странах Африки. Везде французский язык имеет свои отличительные особенности в фонетике и лексике, которые иногда затрудняют общение даже с французами. На

Гаити, Сейшельских островах, во Французской Гвиане, на Мартинике, в Гваделупе существуют креольские языки на французской основе.

Иберо-романская подгруппа включает такие языки, как испанский, португальский, каталанский, а также галисийский, арагонский, астурийский и сефардский. Существуют и другие, менее известные языки и диалекты Пиренейского полуострова.

Литературный испанский язык (также называемый кастильским) приобретает современный вид уже в XVI-XVII веках, поэтому знатоки испанского вполне могут читать «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса или «Собаку на сене» Лопе де Вега. Однако прочесть без адаптации староиспанский текст «Песнь о моём Сиде» (XII-XIII века) едва ли удастся так же легко. Изначально тот язык, который мы привыкли называть испанским, конкурировал с другими языками Испании и вполне мог бы оказаться региональным, но именно Кастилия стала центром объединения испанских земель в ходе Реконксты, поэтому кастильский язык сумел потеснить все прочие языки полуострова. Эпоха Великих географических открытий стала новым этапом в экспансии испанского языка в Латинской Америке, где он до сих пор является официальным в большинстве стран; в других регионах мира (например, на Филиппинах) испанский язык теряет свои позиции.

Португальский язык во многом похож на испанский, и речь тут идёт даже не о грамматике или лексике. Португальский язык тесно связан с галисийским, точнее – выделился из галисийско-португальского языка, существовавшего в XII-XIV веках. Галисия впоследствии вошла в состав Испании, а Португалия стала независимым королевством. Как и испанский язык, порту-

гальский подверглся сильному влиянию арабского в средние века, а после изгнания мавров с Пиренейского полуострова сам стал активно распространяться по миру: в Бразилии, в ряде африканских государств португальский является официальным языком, причём в каждой стране (как в случае с испанским или французским) существует свой особенный вариант, отличающийся от языка Португалии фонетически и лексически. Классическим примером может послужить бразильский вариант португальского языка, который имеет отличия от лиссабонского португальского на всех уровнях языковой системы.

Особое положение занимает каталанский язык, распространённый в автономных сообществах Каталония и Валенсия, на Балеарских островах и в Андорре. По ряду признаков он может быть смело отнесён к иберо-романским языкам, но вместе с тем в морфологии и лексике наиболее близок к окситанскому языку во Франции. При этом окситанский язык, относимый к галло-романским языкам, очень существенно отличается от французского. Поэтому некоторые лингвисты выделяют в западнороманском ареале ещё одну подгруппу – окситано-романскую.

Русский	Румынский	Итальянский	Французский	Испанский
<i>я</i>	<i>eu</i>	<i>io</i>	<i>je</i>	<i>yo</i>
<i>ты</i>	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tu</i>	<i>tú</i>
<i>один</i>	<i>uni</i>	<i>uno</i>	<i>un</i>	<i>uno</i>
<i>два</i>	<i>doi</i>	<i>due</i>	<i>deux</i>	<i>dos</i>
<i>три</i>	<i>trei</i>	<i>tre</i>	<i>trois</i>	<i>tres</i>

<i>мать</i>	<i>mată</i>	<i>madre</i>	<i>mère</i>	<i>madre</i>
<i>отец</i>	<i>tată</i>	<i>padre</i>	<i>père</i>	<i>padre</i>
<i>голова</i>	<i>cap</i>	<i>testa</i>	<i>tête</i>	<i>cabeza</i>
<i>сердце</i>	<i>inimă, cord</i>	<i>cuore</i>	<i>cœur</i>	<i>corazón</i>
<i>вода</i>	<i>apă</i>	<i>acqua</i>	<i>eau</i>	<i>agua</i>
<i>солнце</i>	<i>soare</i>	<i>sole</i>	<i>soleil</i>	<i>sol</i>

Значительные территории Среднего Востока и Южной Азии занимают так называемые индоиранские языки, которые подразделяются на индоарийские, иранские и дардские языки. До недавнего времени в рамках этой группы рассматривали нуристанские языки, однако сегодня лингвисты склонны считать их отдельной группой индоевропейской семьи.

Индоарийские языки берут своё начало из древнеиндийского языка, на котором говорили арии, осевшие на северо-западе Индии в середине II тысячелетия до нашей эры и потеснившие местное дравидское население. Древнейшая разновидность этого языка называется ведийским языком, более поздняя литературная разновидность называется санскритом (от संस्कृत, saṃ-skṛta «составленный, сложенный; обработанный»). Дальнейшее развитие и дробление древнеиндийского языка привело к появлению большого количества среднеиндийских языков – праkritов (от санскритского प्राकृत, prākṛta «естественный, природный; обыкновенный»), из которых происходят новоиндийские языки.

Современные индоарийские языки распространены в Северной и Центральной Индии (хинди, урду, бенгальский, ас-

самский, панджабский, маратхи, гуджарати, бихарский, ория, синдхи), Пакистане (урду, панджабский, синдхи), Бангладеш (бенгальский), Непале (непальский), на Шри-Ланке (сингальский) и Мальдивах (мальдивский). Среди всех этих языков наиболее известен, хинди, который сегодня является самым крупным языком Индии. К индоарийским также относятся многочисленные цыганские языки, распространённые по большей части в странах Восточной и Южной Европы.

Иранская подгруппа включает большое количество языков Передней и Центральной Азии. Общим предком всех языков этой группы был древнеиранский язык. Из древних иранских языков наиболее хорошо изучены древнеперсидский и авестийский языки, от которых до нашего времени дошли письменные памятники; менее изучены древние мидийский и скифский языки, которые известны по глоссам из других источников (в основном древнегреческих). Известны также некоторые вымершие среднеиранские языки: среднеперсидский, парфянский, согдийский, бактрийский, хорезмийский, аланский, хотаносакский и др.

Современные иранские языки обычно делятся на западные и восточные; западные языки далее подразделяются на юго-западные и северо-западные. К юго-западным индоиранским языкам относятся персидский (Иран), таджикский (Таджикистан), дари (Афганистан), татский (Северный Кавказ, Азербайджан), ряд малых языков и диалектов. К северо-западным относятся курдский (Турция, Иран, Ирак, Сирия), белуджский (Пакистан, Иран, Афганистан, Туркмения, Оман, ОАЭ), талышский (Азербайджан, Иран), гилянский, мазандеранский (Иран) и некоторые более мелкие языки, многие из которых являются бесписьменными. Восточные иранские языки включают осетин-

ский (Северная Осетия, Южная Осетия), ягнобский (Таджикистан), пушту (Афганистан) и ряд так называемых памирских языков.

Дардские языки, распространённые в некоторых районах Пакистана, Афганистана и Индии, часто причисляют к индоарийской подгруппе, хотя по ряду признаков их можно было бы выделить в самостоятельную подгруппу индоиранских языков. К ним относятся кашмири, шина, кховар, пашаи, калаша и некоторые другие языки.

Самая малочисленная нуристанская подгруппа языков распространена в горных местностях на северо-востоке Афганистана и на северо-западе Пакистана. К ней относятся языки кати, ашкун, вайгали, прасун.

Русский	Хинди	Персидский	Осетинский (иронский)
<i>я</i>	मैं (maĩ)	من (man)	<i>æз</i>
<i>ты</i>	तू (tū), तुम (tum)	تو (to)	<i>ды</i>
<i>один</i>	एक (ek)	یک (yek)	<i>уу</i>
<i>два</i>	दो (do)	دو (do)	<i>дыгуæ</i>
<i>три</i>	तीन (tīn)	سه (se)	<i>æртæ</i>
<i>мать</i>	माँ (mā), माता (mātā)	مادر (mādar)	<i>мад</i>
<i>отец</i>	बाप (bāp), पिता (pitā)	پدر (pedar)	<i>фыд</i>
<i>голова</i>	सर (sar)	سر (sar)	<i>сæр</i>
<i>сердце</i>	दिल (dil)	دل (del)	<i>зæрдæ</i>

<i>вода</i>	पानी (pānī)	آب (âb)	<i>дон</i>
<i>солнце</i>	सूरज (sūraj)	خور (xog, xwar)	<i>хур</i>

Несколько современных индоевропейских языков имеют особый статус – они сами по себе, образуют свою собственную группу. Это греческий, албанский и армянский языки.

Греческий язык имеет очень давнюю историю. Древнегреческий язык существовал ещё во II тысячелетии до нашей эры. Самые ранние памятники на этом языке относятся к микенскому периоду и выполнены так называемым линейным письмом Б (одна из форм древнего критского письма). В VIII веке до нашей эры появляется оригинальный греческий алфавит, буквы которого выводятся из финикийского письма; это было первое консонантно-вокалическое письмо, в котором имелись отдельные буквы для обозначения согласных и гласных звуков, то есть первый алфавит в современном понимании. В архаический период древнегреческого языка (XIV-VIII века до нашей эры) выделяются основные диалекты: дорийский, эолийский, аркадокипрский, аттический, ионийский. Наиболее влиятельным в классический период (VIII-IV века до нашей эры) был аттический диалект, на котором говорили в Афинах, усилившихся в V веке до нашей эры; влияние аттического диалекта в Греции объясняется также тем, что на нём писали виднейшие философы, историки и литераторы: Платон и Аристотель, Фукидид и Ксенофонт, Эсхил, Софокл, Еврипид и Аристофан. В эллинистический период древнегреческой истории на основе аттического диалекта формируется койне, которое распространяется по всему Восточному Средиземноморью, вытесняя другие диалекты.

На основе койне формируется среднегреческий (византийский) язык V-XV веков и затем новогреческий язык. До 1970-х годов соперничали две формы греческого языка – архаичная и мало-понятная кафаревуса (καθαρεύουσα, katharévouσα «очищенный язык»), которая искусственно приближалась к древним нормам, и разговорная димотика (δημοτική γλώσσα, dimotikí glóssa «народный язык»), которая является естественным результатом эволюции греческого языка. Тот греческий, на котором в большинстве своём говорят греки сегодня, является димотикой с элементами кафаревусы.

Как я и сказал, греческий язык составляет особую группу, однако это не значит, что он совсем одинок. В греческую группу часто включают вымерший древнемакедонский язык (не связан с современным македонским), хотя есть мнение, что он был ближе к другим древним балканским языкам (иллирийскому, фригийскому, фракийскому). Также в эту группу можно отнести вымирающие понтийский, каппадокийский, румейский (на основе аттического диалекта), цаконский и итало-румейский (единственные сохранившиеся потомки дорийского диалекта).

Албанский язык также занимает особое положение в классификации индоевропейских языков. Он очень существенно искажился со временем, подвергался влиянию древних языков Балканского полуострова, много слов заимствовал из латыни, греческого и славянских языков. Некоторые лингвисты считают, что албанский язык является потомком иллирийского языка, исчезнувшего к V-VII векам, однако это очень спорная гипотеза. История албанского прослеживается не так хорошо, как для греческого, так как первые письменные памятники на албанском относятся только к XV веку. К концу XIX века существовали

две нормы – на основе тоскского и гегского диалектов; современный литературный албанский язык базируется на тоскском диалекте.

Армянский язык имеет более древнюю и хорошо прослеживаемую по письменным источникам историю, чем албанский, но всё же не такую древнюю, как греческий. Армянский алфавит был создан армянским учёным, просветителем, миссионером и переводчиком Месропом Маштоцем в начале V века. Язык второй половины I тысячелетия нашей эры называют древнеармянским, или грабаром (գրաբար, grabar «письменный»). С XI-XII веков начинается среднеармянский период, с XVII века существует современный армянский язык в двух разновидностях – восточной и западной, сильно отличающихся друг от друга. И восточноармянский, и западноармянский языки сегодня являются функционально развитыми, однако в Армении преобладающим является восточный вариант.

В древности на территории Балканского полуострова существовали и другие языки, которые традиционно называют палеобалканскими. Родственные связи внутри этой ареальной группы языков установить не всегда удаётся из-за скудности материала. Сюда относятся иллирийский, мессапский, фракийский, дакский, фригийский и пеонийский языки. Также в эту группу включается албанский язык, но, как я уже сказал выше, нет уверенности в том, что он связан с иллирийским; возможно, иллирийский язык всего лишь оказывал субстратное влияние на албанский.

Русский	Греческий	Албанский	Армянский
<i>я</i>	<i>εγώ</i> (egó)	<i>unë</i>	<i>ես</i> (es)
<i>ты</i>	<i>εσύ</i> (esý)	<i>ti</i>	<i>դու</i> (du)
<i>один</i>	<i>ένα</i> (éna)	<i>një</i>	<i>մեկ</i> (mek)
<i>два</i>	<i>δύο</i> (dýo)	<i>dy</i>	<i>երկու</i> (erku)
<i>три</i>	<i>τρία</i> (tría)	<i>tre</i>	<i>երեք</i> (erek´)
<i>мать</i>	<i>μητέρα</i> (mitéra)	<i>nënë</i>	<i>մայր</i> (mayr)
<i>отец</i>	<i>πατέρας</i> (patéras)	<i>atë</i>	<i>հայր</i> (hayr)
<i>голова</i>	<i>κεφάλι</i> (kefáli)	<i>kokë, krye</i>	<i>գլուխ</i> (glux)
<i>сердце</i>	<i>καρδιά</i> (kardiá)	<i>zemër</i>	<i>սիրտ</i> (sirt)
<i>вода</i>	<i>νερό</i> (neró)	<i>ujë</i>	<i>ջուր</i> (jur)
<i>солнце</i>	<i>ήλιος</i> (ílios)	<i>diell</i>	<i>արև</i> (arew)

Полностью вымершими на сегодняшний день являются две ветви индоевропейской семьи – анатолийская и тохарская. Об этих языках стало известно относительно недавно, в начале XX века, и они уже успели серьёзно продвинуть сравнительно-историческое языкознание. Ценный материал этих древних языков позволил по-новому взглянуть на историю индоевропейских языков в целом и решить некоторые противоречия в реконструкции праиндоевропейского языка.

Анатолийские (хетто-лувийские) языки были распространены на территории Малой Азии во II-I тысячелетиях до нашей эры. К ним относятся хеттский, лувийский (клинописный и иероглифический), палайский, ликийский, лидийский, карийский, милийский, сидетский и писидийский языки. Из всего это-

го перечня наиболее известен хеттский язык – язык легендарного Хеттского царства.

Интересна история «открытия» хеттского языка. В 1906 году немецкий востоковед-ассиролог Гуго Винклер проводил раскопки недалеко от турецкой деревни Богазкале (Богазкёй), на месте бывшей Хаттусы – столицы Хеттского царства. В ходе этих раскопок был найден так называемый «богазкёйский архив» – собрание древних клинописных текстов на неизвестном языке. Ещё раньше, во время раскопок в Амарне (древний Ахетатон, построенный фараоном Аменхотепом IV в XIV веке до нашей эры), был вскрыт египетский архив, где также были обнаружены таблички с похожими надписями. Неизвестный язык окрестили хеттским, по названию Хеттского царства. Он очень заинтересовал чешского востоковеда и лингвиста Бедржиха Грозного. Грозный, покорпев над клинописью, сумел прочесть текст табличек, исходя из гипотезы, что этот неизвестный язык является индоевропейским. Он рассматривал такое хеттское предложение: *nu NINDA-an e-i-iz-za-te-ni wa-a-tar-ma e-ku-ut-te-ni*. Слово *NINDA* обозначалось идеограммой, означающей в шумерском языке «хлеб». Группу *e-iz-za-at-te-ni* Грозный перевёл как «вы едите», сравнивая с латинским *edō* «есть», древнегреческим *ἔδω* (*édō*) «есть», санскритским अद् (*ad*), अत्ति (*átti*) «есть», древневерхненемецким *ezzan* «есть», литовским *ėsti* «есть», русским *есть* и др.; слово *wa-a-tar* переведено как «вода», так как оно хорошо соответствовало древнегреческому *ῥδωρ* (*húdōr*) «вода», санскритскому उदन् (*udan*) «вода», древневерхненемецкому *wazzar* «вода», литовскому *vanduo* «вода», русскому *вода* и др.; слово *e-ku* переведено как «пить», что, по мысли Грозного, должно было соответствовать латинскому *aqua* «вода». В ре-

зультате всё предложение Бедржих Грозный перевёл следующим образом: «теперь вы едите хлеб, а воду вы пьёте». Таким же образом был переведён остальной хеттский текст. Были установлены фонетические соответствия хеттского и других индоевропейских языков, которые помогали с переводом. Позднее материал хеттского языка позволил установить наличие в праиндоевропейском языке так называемых ларингалов... Но это уже отдельная история.

Сегодня большинство учёных сходятся во мнении, что анатолийские языки раньше всех остальных выделились из праиндоевропейского языка, а некоторые вообще считают анатолийскую ветвь самостоятельной языковой семьёй, которая развивалась параллельно с праиндоевропейским и имела с ним общего предка (индо-хеттская гипотеза американского лингвиста Эдгара Говарда Стёртеванта).

Тохарские языки существовали в I тысячелетии до нашей эры и в I тысячелетии нашей эры на территории Восточного Туркестана (территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая). Различают два идиома: тохарский А (восточный) и тохарский Б (западный). Наиболее распространённым считается тохарский Б, который просуществовал дольше тохарского А; последний на момент создания известных нам сегодня текстов (VI-VIII века), скорее всего, был уже мёртвым языком и использовался в культовых целях. Тохарские языки существенно отличались друг от друга фонетически и грамматически, хотя точно неизвестно, были ли они взаимопонятными. Оба языка происходят из пратохарского, рано отделившегося от остальных индоевропейских языков.

Русский	Хеттский	Тохарский Б
<i>я</i>	<i>īk</i>	<i>ñäś</i>
<i>ты</i>	<i>zīk</i>	<i>tuwe</i>
<i>один</i>	<i>*ās</i>	<i>še</i>
<i>два</i>	<i>dān</i>	<i>wi</i>
<i>три</i>	<i>tēries</i>	<i>traī</i>
<i>мать</i>	<i>annas</i>	<i>mācer</i>
<i>отец</i>	<i>attas</i>	<i>pācer</i>
<i>голова</i>	<i>harsar</i>	<i>āśce</i>
<i>сердце</i>	<i>kir</i>	<i>arañce</i>
<i>вода</i>	<i>wātar</i>	<i>war, āp</i>
<i>солнце</i>	<i>istanus</i>	<i>kaum</i>

Думаю, такого краткого обзора индоевропейской языковой семьи достаточно для того, чтобы сформировать более или менее чёткое представление о географии распространения этих языков в прошлом и настоящем.

М.К. В целом, география и классификация индоевропейских языков мне теперь ясна, хотя я не думаю, что я смогу сразу запомнить все эти группы и их состав. Думаю, мне бы очень помогли какие-нибудь другие источники, более подробно описывающие индоевропейские языки. Ты очень интересно о них рассказывал, но хочется ещё информации.

А.М. Информации о разных языках (не только индоевропейских) довольно много. Можно найти немало интересного в Википедии (довольно хорошо описываются языки в англоязычном разделе, но и в русскоязычной Википедии есть очень хорошие статьи). Не так давно вышла книжка «Сто языков. Вселенная слов и смыслов», задуманная Максимом Кронгаузом, Александром Пиперски и Антоном Соминым (при участии целого коллектива именитых лингвистов) как этакая нескудная «маленькая энциклопедия» о самых интересных языках. Рекомендую полистать также её. Если хочется более продвинутого знакомства, то можно обратиться к серии энциклопедий «Языки мира», создаваемой Институтом языкознания РАН. Там ты найдёшь очень много информации и об истории языков, и об особенностях их фонетического и грамматического строя. Можешь покопаться также в «Большой российской энциклопедии» или «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Было бы желание читать.

М.К. Итак, все индоевропейские языки, как ты говоришь, имеют общего предка. Но ранее ты упоминал также о прагерманском, праславянском и ещё о каких-то праязыках. Они занимают какое-то промежуточное положение между современными языками и древним праиндоевропейским?

А.М. Если вернуться к аналогии с «языковым древом» (в таком виде иногда представляют генеалогическую классификацию языков), то праиндоевропейский – это некий ствол, от которого произрастают большие и малые ветви – группы и подгруппы, а листики – это конкретные языки. Вырисовывается

этакая трёхуровневая система (хотя число уровней может быть и бóльшим). То есть у каждой группы или подгруппы, действительно, был свой праязык – язык-предок, который сам вымер, но породил новые «листки».

Праславянский язык был праязыком для всех современных славянских языков. Он существовал где-то во II-I тысячелетии до нашей эры на территории Восточной Европы и стал распадаться на диалекты уже к середине I тысячелетия нашей эры, когда славяне стали мигрировать на юг и восток. Окончательный распад славянских языков относится к XII веку, когда восточные, западные и южные славянские языки перестали быть абсолютно взаимопонятны.

Прагерманский является праязыком для всех современных германских языков. Он существовал примерно в то же время, что и праславянский, и распространялся с севера (Южная Скандинавия, Дания, частично Северная Германия) на юг, запад и восток, вытесняя носителей кельтских языков.

Для всех современных романских языков праязыком была латынь, а для латыни – праиталийский.

Праиндоевропейский язык, в свою очередь, является праязыком для праславянского, прагерманского, праиталийского, а также пракельтского, праиндоиранского и некоторых других древних праязыков.

М.К. Насколько я понимаю, праязыки «среднего звена» в разное время отпочковывались от праиндоевропейского? Или это был какой-то одномоментный распад?

А.М. Выделение различных индоевропейских языков из общего языка-предка – это довольно растянутый во времени процесс, он происходил тысячи лет. Я уже выше говорил, что некоторые языки являются более древними (например, анатолийские), а другие – совсем молодыми (например, современные славянские). То есть какие-то языки выделились очень рано, успели исчезнуть бесследно или распасться на новые диалекты и языки, а какие-то языки появились уже в историческое время.

Также важно подметить, что некоторые группы языков больше похожи друг на друга, а некоторые меньше. Например, славянские языки больше похожи на балтийские, чем на германские или кельтские, что может свидетельствовать о некой связи этих языков в древности. Кельтские языки, в свою очередь, имеют параллели с италийскими языками, а армянский – с греческим. Это означает, что разделение праиндоевропейских языков происходило постепенно: сперва праиндоевропейский распался на несколько диалектов, внутри которых могли существовать эти балто-славянская, итало-кельтская, греко-армянская и некоторые другие языковые общности, которые вскоре распались на прабалтийский и праславянский, праиталийский и пра-кельтский, протогреческий и протоармянский языки.

М.К. Хмм... Выходит, тогда праславянский не сразу восходит к праиндоевропейскому, а через этот прабалтославянский язык. Эдакая языковая матрёшка получается! И какие сходства позволяют делать подобные выводы?

А.М. Должен сказать, что итало-кельтская, греко-армянская, балто-славянская и другие гипотезы довольно спор-

ны, хотя некоторые сходства между этими группами языков имеются: есть общие инновации в фонетике, морфологии, лексике.

Рассмотрим некоторые лексические параллели между балтийскими и славянскими языками. Услышав, скажем, литовскую речь, ты вряд ли сможешь что-то понять, но при анализе литовской лексики всё «родное» становится очевидным. Так, в литовских словах *žvėris* «зверь», *ragas* «рог», *stalas* «стол», *galva* «голова», *žemė* «земля» ты легко узнаешь славянские аналоги. В других индоевропейских языках такого поразительного сходства со славянскими языками нет. Слова со значением «голова» для разных индоевропейских языков я приводил в таблицах выше – только в балтийских языках имеется такое же слово, как в русском или польском.

Внимание на то, что в балтийских и славянских языках большой процент лексических совпадений, обращают все сторонники и даже противники балто-славянской гипотезы. В балтийских и славянских языках имеются также интересные общие инновации в фонетике и морфологии, которые вряд ли могли развиваться независимо. Поэтому сами сходства никто не отрицает. Вопрос в другом: можно ли отсюда сделать вывод, что балтийские и славянские языки были потомками какого-то более древнего праязыка? Вот тут-то и начинаются споры.

Первым на возможное ближайшее родство балтийских и славянских языков указывал ещё Август Шлейхер. Немецкий лингвист Карл Бругман обосновывал существование прабалто-славянского языка, опираясь на так называемые «восемь признаков», то есть неоспоримых фонетических и грамматических совпадений в этих языках, которые не могут быть случайностью.

Спустя полвека список «признаков» Бругмана почти вдвое расширил венгерский языковед и специалист по балтославянским языкам Освальд Семереньи. Он также считал, что сходства между балтийскими и славянскими языками не могут быть случайностью или результатом обычных контактов, то есть среди западных индоевропейских диалектов прабалтославянский диалект был изначально единым. Француз Антуан Мейе, напротив, полагал, что прабалтийский и праславянский развивались независимо, но в них происходили очень похожие процессы, которые привели к таким совпадениям. Существует также гипотеза о том, что изначально независимые прабалтийский и праславянский языки просто стали вновь сходиться, так как существовали в одном регионе.

М.К. Понятно. А где мог исконно существовать этот самый праиндоевропейский язык? И сколько тысяч лет назад он ещё существовал как единый язык?

А.М. Наиболее общая датировка начала распада праиндоевропейского языка на отдельные диалекты и языки – IV тысячелетие до нашей эры.

Прародина индоевропейцев – это предмет острых дискуссий среди учёных. В этом споре принимают участие не только лингвисты, но также археологи и генетики, которые стремятся связать прародину с теми или иными археологическими культурами.

Различные версии о том, где находилась эта самая прародина, выдвигались ещё со времён Уильяма Джонса, открывшего для европейцев санскрит. Он сам считал, что прародина

должна была находиться где-то в Иране. Фридрих Шлегель полагал, что прародиной является Индия, а санскрит – это, по сути, и есть праязык. Конечно, на сегодняшний день обе теории являются неверными, современные учёные ищут прародину в Европе.

Сторонники североευропейской прародины индоевропейцев часто прибегали к материалу современных и древних индоевропейских языков, чтобы точнее определить то место, откуда они все вышли. Весомым в своё время считался так называемый «буковый аргумент», который постулировал, что прародину следует искать в ареале произрастания бука. В праиндоевропейском языке реконструируется название бука – **b^heh₂ǵos*, от которого происходят английское *beech*, немецкое *Buche*, русское *бук*, латинское *fagus*, древнегреческое *φῆγός* (*phēgós*) «дуб; жёлудь» и албанское *bung* «дуб». Сегодня этот «аргумент» считается несостоятельным, так как потомки слова **b^heh₂ǵos* встречаются только в западных индоевропейских языках, но отсутствуют в восточных. Наряду с «буковым аргументом» был известен также «аргумент лосося»: английское *lax*, немецкое *Lachs*, русское *лосось*, чешское *losos*, осетинское *лассаг* восходят к праиндоевропейскому **loks-os-*. Этот аргумент также оказался слабым, потому что название лосося могло произойти от названия рыбы вообще (в тохарском Б слово *laks* означает просто «рыба»), поэтому необязательно искать прародину там, где обитает лосось.

Два этих «аргумента», конечно, мало что дают, но если таких «аргументов» больше, то вырисовывается более-менее чёткая картина природных реалий, окружавших индоевропейцев, а это даёт нам возможность понять, где они обитали в древности.

Известно, что праиндоевропейцы были знакомы с волком (*w^lk^wos), медведем (*h₂t^lkos), бобром (*b^héb^hrus), оленем (*h₁élh₁ēn), лошастью (*h₁ék^wos); из деревьев им были наверняка известны берёза (*b^herH^gós) и ольха (*h₂é^lisos); они иногда любили полакомиться мёдом (*mélit, *méd^hu).

На сегодняшний день более или менее признанными можно назвать три-четыре гипотезы о прародине индоевропейцев, которые основываются не только на лингвистических данных, но также на данных археологии и генетики.

Самая популярная гипотеза – курганная. Она была выдвинута в 1956 году американским археологом литовского происхождения Марией Гимбутас, которая считала индоевропейцев носителями ямной культуры в южной части Восточно-Европейской равнины. То есть пять-шесть тысяч лет назад индоевропейцы обитали где-то в степях современной Украины и на юге России. Это были кочевники, которые знали мотыжное земледелие (хотя нечасто им занимались), изредка занимались рыболовством, одомашнили лошадь, изобрели колесницу, запрягали в неё волов, выплавляли металлические орудия труда и оружие. Технологическое превосходство индоевропейцев над многими неиндоевропейскими племенами позволило им так быстро распространиться на значительные территории Европы и частично Азии несколькими волнами и уничтожить всё то языковое разнообразие, которое существовало там ранее.

Одним из основных конкурентов Марии Гимбутас является британский археолог Колин Ренфрью, предложивший в 1987 году анатолийскую гипотезу, согласно которой прародина индоевропейцев находится в западной Анатолии (Турция); в частности, Ренфрью считал знаменитое поселение эпохи неолита Чатал-

Хююк индоевропейским, что очень спорно. Если так, то праиндоевропейский язык должен был существовать в VIII-VII тысячелетиях до нашей эры, а это уже входит в противоречие с признанной датировкой начала распада праиндоевропейского языка на диалекты, которую я называл выше. Существуют и другие претензии к этой гипотезе у многих лингвистов и археологов. Впрочем, если помнишь, я выше упоминал, что анатолийские (хеттский, лувийский и другие) и индоевропейские языки могли развиваться параллельно и восходить к какому-то более древнему предку. Если так, то анатолийская гипотеза скорее относится именно к этому предку – праиндо-хеттскому языку, но не праиндоевропейскому.

К гипотезе Ренфрю близка армянская гипотеза замечательных советских лингвистов Тамаза Валериановича Гамкрелидзе и Вячеслава Всеволодовича Иванова, которая была представлена в их совместном фундаментальном труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», изданном в 1984 году. Гамкрелидзе и Иванов локализовали прародину в Армянском нагорье, откуда праиндоевропейцы стали продвигаться и в Анатолию, и в причерноморские и поволжские степи, и на Балканы, и в Переднюю Азию. Хотя армянская гипотеза активно критикуется у нас и за рубежом, я всё же считаю её очень интересной и вполне обоснованной.

Ряд лингвистов и археологов помещают прародину индоевропейцев на Балканах, где в древности было довольно много индоевропейских языков. Также прародину помещали в Центральной Европе, в обширный регион, где существовала культура линейно-ленточной керамики. Некоторые и вовсе считали

прародиной всю Европу, что, конечно, уже чересчур. К этим гипотезам в учёной среде обычно относятся более прохладно.

М.К. То есть самая вероятная гипотеза помещает наших замечательных предков в Восточной Европе?

А.М. Можно и так сказать. Юг Восточной Европы, причерноморские и поволжские степи.

М.К. У меня возник вопрос к датировкам праязыков. Вот у археологов хотя бы имеется нечто материальное, какой-то артефакт, который можно подвергнуть радиоуглеродному анализу и понять, к какому времени он относится. Но язык – это не вещь какая-то. Как в принципе можно понять, когда существовал тот или иной праязык? Как лингвисты определили, что праиндоевропейский существовал в IV тысячелетии до нашей эры, а не раньше или позже?

А.М. Чтобы ответить на этот вопрос, мне необходимо будет ввести два новых термина: метод лексикостатистики и метод глоттохронологии. Если не вдаваться в детали, то можно считать оба метода идентичными, то есть это, по сути, синонимы. По названиям понятно, что речь идёт о некотором подсчёте слов для определения степени родства между исследуемыми языками и времени расхождения этих языков. Можно сказать, что это некий аналог радиоуглеродного анализа, только здесь определяется возраст языков, а роль радиоуглерода играют слова.

В середине 1950-х годов американский лингвист Моррис Сводеш предложил гипотезу, в соответствии с которой в любом языке существует так называемая «базисная лексика», обладающая относительной устойчивостью, то есть она может долго не вытесняться заимствованиями или родными словами с другими корнями. Это, например, существительные, связанные с природой (*небо, земля, камень, ветер, вода, дерево, солнце, звезда, день, ночь*), человеком (*мужчина, женщина, сердце, голова, нога, глаз*), родством (*мать, отец, брат, сестра*), всякой живностью (*зверь, рыба, птица*), а также простые местоимения (*я, ты, мы*), прилагательные (*тёплый, холодный, старый, новый*), глаголы (*есть, пить, дышать, видеть, слышать, знать*), числительные (*один, два, три, четыре, пять*), без которых нам трудно обойтись в обычной жизни. Заметь, что эти слова не связаны с какой-то конкретной культурой или особенностями местной жизни, то есть они известны всем людям (за редкими исключениями). Во многих близкородственных языках такие слова похожи. В тех коротеньких таблицах, которые я приводил, когда рассказывал об индоевропейских языках, были именно такие слова.

Если базовая лексика и вытесняется со временем (а мы знаем, что ничто не вечно), то происходит это крайне редко. По мысли Сводеша, такие слова должны вытесняться за определённый отрезок времени равномерно во всех языках – примерно по 14 слов из 100-словного списка за одну тысячу лет. Если эта гипотеза верна, то легко выяснить, сколько тысяч лет прошло с момента распада той или иной языковой общности, просто подсчитав количество выбывших слов из такого списка для пары языков.

Казалось бы, метод прекрасный, можно взять и построить точную генеалогическую классификацию языков и указать все датировки распада. Но не всё так просто. Сводеш сделал гениальное открытие, попытавшись применить математический аппарат радиоуглеродного анализа в лингвистике, однако его постулат о постоянности выбытия слов совсем не подтверждается. Если мы сравним скорость выбытия слов в исландском и норвежском (риксмол) языках, то обнаружится, что в исландском за тысячу лет выбыло всего 4 слова из 100-словного списка, а в норвежском – целых 20. Это означает, что исландский должен был выделиться где-то 200-300 лет назад, а норвежский – 1400 лет назад. Это явно противоречит тому, что мы знаем из истории: оба языка разделились примерно в одно время. Но такому расхождению есть своё логичное объяснение. Выше я уже говорил, что исландский язык консервативен, он не любит заимствовать, а вот норвежский подвергнулся колоссальному влиянию датского языка, поэтому 11 из 20 выбывших слов – это датские заимствования. Можно провести ряд других сравнений по выбытию слов и убедиться, что скорость выбытия различается от языка к языку. А если так, то модель не может считаться точной.

Увлечение глоттохронологией быстро сошло на нет, появилось много критиков Сводеша, которые справедливо отмечали недостатки его модели. Были на Западе лингвисты, которые пытались модифицировать метод Сводеша, но в целом безуспешно. Однако нашёлся в рядах советских лингвистов такой человек, который сумел просто и изящно разрешить большинство противоречий и построить обновлённую модель, демонстрирующую лучшие результаты. Этим человеком был Сергей

Анатольевич Старостин, гениальный советский и российский лингвист, знаток большого числа языков. Его имя я уже называл, когда рассказывал о Московской школе компаративистики.

Во-первых, Старостин предложил исключить из вычислений заимствования и учитывать только подмены из того же языка; это позволило уменьшить скорость выбытия с 14 слов до 5-6 слов за тысячу лет. Во-вторых, он обратил внимание на то, что различные слова из 100-словного списка Сводеша обладают разной устойчивостью, то есть одни слова выбывают быстрее (например, качественные прилагательные, глаголы, некоторые названия природных явлений), другие – медленнее (например, личные местоимения, числительные). Эти и некоторые другие дополнения к принципам глоттохронологии Сводеша позволили Старостину произвести корректировку первоначальных формул расчёта и построить более точную (хотя и более сложную) модель. В дополнение ко всему этому Старостин предложил методу «корневой глоттохронологии», в соответствии с которой анализироваться должны не слова классического списка с общим значением, а общие корни.

Если тебе захочется получше узнать о методе глоттохронологии и наработках Сергея Старостина, то советую прочитать его статью «Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика» в книге «Труды по языкознанию» (издательство «Языки славянских культур», 2007).

М.К. Если я всё правильно поняла, существует такой универсальный 100-словный список слов для всех языков, из которого очень медленно выбывают слова. Если для пары языков процент совпадений слов по этому списку высокий, то язы-

ки ближе друг к другу, а если невысокий, то они, соответственно, дальше друг от друга. Всё верно?

А.М. В целом всё верно. Только список не совсем универсален. Существуют списки, включающие разное количество слов: 30, 50, 100, 200. Некоторые учёные составляют свои списки (например, лингвист Сергей Евгеньевич Яхонтов пользовался 35-словными списками). Каждый из таких списков включает все те же базовые слова, но чем меньше список, тем более устойчивыми они должны быть.

М.К. Ты выше приводил коротенькие списки, включавшие следующие слова: *я, ты, один, два, три, мать, отец, голова, сердце, вода, солнце*. Они являются самыми «базовыми»?

А.М. Нет, эти слова я приводил просто для примера. На самом деле есть такие языки, в которых система числительных включает только понятия «один», «два» и «много», то есть число «три» есть не во всех языках. И этот, казалось бы, маленький факт уже не делает список универсальным. Хотя в целом именно такие и некоторые другие слова входят в число наиболее устойчивых.

М.К. А можешь привести список других базовых слов для языков разной степени родства, чтобы я смогла увидеть принцип лексикостатистики и глоттохронологии в действии? Ну, скажем, для русского, польского (славянского), литовского (балтийского), немецкого (германского) и французского (романского) языков. Если славянские и балтийские языки более близ-

ки, то я предполагаю, что между ними я увижу больше совпадений, но с немецким и французским их будет чуть меньше.

А.М. Всё правильно. Причём, с польским языком будет наибольший процент совпадений, с литовским – чуть меньше, с немецким – ещё меньше, с французским – самый маленький.

Посмотри на следующую таблицу. В ней даны соответствия для 20 русских слов, которые относятся к перечню базовых, и их переводы на те языки, которые ты назвала. Попробуй посчитать, сколько совпадений с русским в каждой колонке.

Русский	Польский	Литовский	Немецкий	Французский
<i>белый</i>	<i>biały</i>	<i>baltas</i>	<i>weiß</i>	<i>blanc</i>
<i>видеть</i>	<i>widzieć</i>	<i>matyti</i>	<i>sehen</i>	<i>voir</i>
<i>дерево</i>	<i>drzewo</i>	<i>medis</i>	<i>Baum</i>	<i>arbre</i>
<i>есть</i>	<i>jeść</i>	<i>valgyti</i>	<i>essen</i>	<i>manger</i>
<i>женщина</i>	<i>kobieta</i>	<i>moteris</i>	<i>Frau</i>	<i>femme</i>
<i>жить</i>	<i>żyć</i>	<i>gyventi</i>	<i>leben</i>	<i>vivre</i>
<i>земля</i>	<i>ziemia</i>	<i>žemė</i>	<i>Erde</i>	<i>terre</i>
<i>знать</i>	<i>wiedzieć, znać</i>	<i>žinoti</i>	<i>wissen, kennen</i>	<i>savoir</i>
<i>кровь</i>	<i>krew</i>	<i>kraujas</i>	<i>Blut</i>	<i>sang</i>
<i>мужчина</i>	<i>mężczyzna</i>	<i>vyras</i>	<i>Mann</i>	<i>homme</i>
<i>новый</i>	<i>nowy</i>	<i>naujas</i>	<i>neu</i>	<i>nouveau</i>
<i>нос</i>	<i>nos</i>	<i>nosis</i>	<i>Nase</i>	<i>nez</i>
<i>ночь</i>	<i>noc</i>	<i>naktis</i>	<i>Nacht</i>	<i>nuit</i>

огонь	<i>ogień</i>	<i>ugnis</i>	<i>Feuer</i>	<i>feu</i>
пить	<i>pić</i>	<i>gerti</i>	<i>trinken</i>	<i>boire</i>
рыба	<i>ryba</i>	<i>žuvis</i>	<i>Fisch</i>	<i>poisson</i>
стоять	<i>stać</i>	<i>stovėti</i>	<i>stehen</i>	<i>se tenir debout</i>
человек	<i>człowiek</i>	<i>žmogus</i>	<i>Mensch</i>	<i>homme</i>
чёрный	<i>czarny</i>	<i>juodas</i>	<i>schwarz</i>	<i>noir</i>
язык	<i>język</i>	<i>liežuvis</i>	<i>Zunge</i>	<i>langue</i>

М.К. Ох, трудную ты мне задачку задал. Я мозг перегрела, кажется. Для русского и польского я насчитала 19 совпадений, для русского и литовского – 10, для русского и немецкого – 5, для русского и французского – 3. Всё правильно?

А.М. Молодец, почти справилась. Давай теперь разбираться. Я соглашусь с твоими подсчётами для русского и польского, там, действительно, 19 совпадений. Какое слово в польском явно отличается от русского аналога?

М.К. Это слово *kobieta* «женщина». Также отличается польское слово *wiedzieć* «знать» (вероятно, родственно русскому *ведать*). Остальные слова очень похожи, поэтому в них я ошибиться не могла.

А.М. Всё верно. Вот только с остальным ты немного ошиблась. Какие совпадения ты отыскала для оставшихся языков?

М.К. Совпадения с литовским: *белый* и *baltas*, *жить* и *gyventi*, *земля* и *žemė*, *знать* и *žinoti*, *кровь* и *kraujas*, *новый* и *naujas*, *нос* и *nosis*, *ночь* и *naktis*, *огонь* и *ignis*, *стоять* и *stovėti*. Половина совпадений – это, думаю, довольно много, хотя сам литовский язык я бы вряд ли поняла.

С немецким совпадения следующие: *есть* и *essen*, *новый* и *neu*, *нос* и *Nase*, *ночь* и *Nacht*, *стоять* и *stehen*. С французским: *новый* и *nouveau*, *нос* и *nez*, *ночь* и *nuit*. Может быть, французское *blanc* как-то связано с русским *белый*, но в этом у меня нет уверенности.

А.М. Большинство совпадений ты обнаружила, но есть в этом списке такие родственные слова, которые без специальной подготовки вряд ли тебе бы удалось найти. Со временем сходства между ними практически исчезли.

Некоторые похожие слова тебя могут ввести в заблуждение. Например, русское *белый* не связано с французским *blanc*. Последнее унаследовано французским из народной латыни, куда оно было заимствовано из германского франкского языка. В конечном счёте это слово происходит из прагерманского **blankaz* «светлый, яркий», которое родственно праславянскому **blěskъ*, откуда русское *блеск*.

Родственными являются в этом списке русское *видеть* и французское *voir* (от латинского *videō* «видеть»); сюда же немецкое *wissen* «знать» и русское *ведать*. Родственны русское *жить* и французское *vivre* (от латинского *vīvō* «жить»); русское *знать* и немецкое *kennen*; русское *мужчина* и немецкое *Mann*; русское *пить* и французское *boire*. Наконец, родственны все че-

тыре последних слова в списке: русское *язык*, польское *język*, литовское *liežuvis*, немецкое *Zunge* и французское *langue*.

Если мы заново пересчитаем наши совпадения с учётом всего этого, то получается, что между русским и литовским будет 11 совпадений, между русским и немецким – 8, между русским и французским – 7.

М.К. Вот это да! То есть многие соответствия я просто не смогла разглядеть из-за того, что со временем слова сильно изменились! Я как-то не учла этого. Стало быть, тут нам пригодились бы эти самые таинственные фонетические закономерности, которые ты всё никак не хочешь раскрывать?

А.М. Да, здесь ты недосчиталась именно потому, что тебе не известны эти самые пресловутые фонетические закономерности (в случае с соответствиями для русского слова *язык* всё ещё интереснее и сложнее). Но я обещал, что мы их обязательно рассмотрим отдельно и, наверное, вернёмся к некоторым примерам из таблицы. А пока продолжим как-нибудь без погружения в дебри исторической фонетики.

М.К. Знаешь, я очень удивлена и поражена. Мне кажется, я прикоснулась к чему-то очень магическому и сложному, чего я ещё не могу понять. Все эти похожести и непохожести – это очень привлекает в сравнительно-историческом языкознании. Наверное, многие пришли в эту науку, поддавшись такой магии слов.

А.М. Возможно, ты права. Не так интересно иногда было учить языки, как отыскивать совпадения в лексике, удивляясь тому, насколько всё-таки похожи многие из них, если получше приглядеться. А если вооружиться научным знанием, то можно заглянуть ещё глубже в историю слов, понять, почему они изменяются, исчезают, появляются. Нам ещё о многом предстоит поговорить.

М.К. И современные компаративисты, надо полагать, целыми днями исследуют такие списки, считают эти совпадения и кайфуют от этой магии?

А.М. И да и нет. На самом деле, компаративисты сравнивают языки и определяют время расхождения языков несколько иначе. Они задействуют сложный математический аппарат, а не просто считают, сколько слов похожих, а сколько – различных. Мы лишь «пощупали» принцип, поняли суть, но не касались самой математики.

Конечно, многие компаративисты кайфуют от своей работы, особенно когда им удаётся отыскать что-то новое, сравнить малоизвестные языки и определить их родство лексикостатистическим методом. Но это очень напряжённая работа.

М.К. Хорошо, что кайфуют. Вернёмся к нашему замечательному праиндоевропейскому языку. Вот ты приводил какие-то отдельные слова под знаком звёздочки (*), которые якобы были в этом самом праиндоевропейском языке. Во-первых, что это за звёздочка, что она означает? Во-вторых, откуда мы можем знать, что эти слова выглядели именно так, а не иначе? Ведь,

насколько, я понимаю, праиндоевропейский язык вымер, то есть его никто уже тысячи лет не слышал.

А.М. Знак звёздочки (астериск) рядом со словами какого-либо праязыка (не только праиндоевропейского, но также праславянского, прагерманского, пракельтского и т. д.) не обозначает никакой фонемы, а всего лишь указывает на то, что данное слово нигде не было засвидетельствовано и что лингвисты лишь предполагают такую его форму. Эта самая форма является реконструкцией. Компаративисты ставят своей целью понять, как выглядел праязык, реконструируя отдельные слова.

М.К. Как можно реконструировать целый мёртвый язык? Я ещё поверю, что можно хоть как-то определить его возраст или прародину людей, которые на нём говорили. Но воссоздать с нуля то, что когда-то было живым языком, мне кажется, просто невозможно.

А.М. Лингвисты как раз и занимаются тем, что делают невозможное – оживляют мёртвое. Но делают они это не с нуля, ведь от праиндоевропейского языка осталось много «следов» в современных языках. Исследовав все известные древние и современные индоевропейские языки, можно представить себе, как выглядел их общий предок.

Однако должен заметить, что реконструкция праязыка даётся довольно трудно. Очень много противоречивых фактов дают нам разные языки, к тому же многое было утрачено со временем, так что картина во всех отношениях выходит неполная. Поэтому ещё на заре сравнительно-исторического языко-

знания высказывались сомнения в том, что в принципе возможно восстановить язык индоевропейцев. Некоторые лингвисты в прошлом считали, что праиндоевропейский – это всего лишь реконструкт, он не является реальным (сразу вспоминается название известной статьи лингвиста Владимира Петровича Нерознака «Праязык: реконструкт или реальность?»). Лингвист Антуан Мейе говорил, что «путём сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык: сравнение романских языков не может дать точного и полного представления о народной латыни IV века нашей эры, и нет оснований предполагать, что сравнение индоевропейских языков даёт большие результаты». И в этом есть доля правды. Наверное, ни один современный профессиональный лингвист не сомневается в том, что праиндоевропейский язык на самом деле существовал, но то, что удалось реконструировать на сегодняшний день, является лишь рабочей гипотезой, если угодно, приближением к этой реальности. Правдоподобным приближением.

М.К. А как вообще происходит реконструкция лексики? Расскажи хотя бы вкратце, чтобы я поняла, откуда берутся эти слова под звёздочкой. Хотелось бы какой-нибудь пример реконструкции.

А.М. У лингвистов есть хорошая аналогия – латынь. Выше я уже говорил, что это праязык для современных романских языков. Мы знаем, что латинское слово *factum* ['faktum] «факт; сделанное» развилось в современное французское *fait*, итальянское *fatto*, испанское *hecho*, португальское *feito*, румынское *fapt*. Но если бы мы совершенно не знали латыни, если бы

все письменные памятники на этом языке были уничтожены в то далёкое время и до нас бы совсем ничего не дошло, мы бы теоретически могли догадаться, как выглядело слово со значением «сделанное» в этом языке: мы бы знали, что оно начиналось на **f*, за которым шёл бы некоторый гласный (скорее всего, это был **a*), а за гласным бы имелось сочетание некоторого согласного (взрывного **k*) и **t*. Чтобы проверить нашу гипотезу, мы бы могли привлечь заимствования из латыни в других языках: английское *fact*, немецкое *Faktum*, русское *факт*. Всё это позволило бы нам реконструировать гипотетический корень **fakt*-. Сопоставив следующие слова со значением «молоко» в романских языках: французское *lait*, итальянское *latte*, испанское *leche*, португальское *leite*, румынское *lapte*, мы бы по аналогии с предыдущим примером сказали, что их общий корень в латыни выглядел как **lakt*-. Действительно, эти слова происходят от латинской формы *lactem* («молоко» по-латински – *lac*), о чём мы прекрасно знаем.

Похожим образом поступают лингвисты при реконструкции праиндоевропейских основ. Разница лишь в том, что латинский язык нам известен, поэтому мы можем проверить любую свою догадку, обращаясь к латинскому словарю. Однако в случае с праиндоевропейским языком всё намного сложнее – о нём совсем ничего не известно.

Возьмём ряд слов со значением «дверь» из славянских языков: русское *дверь*, украинское *двери*, старославянское *двьрь*, сербохорватское *двери*, болгарское *двери*, польское *drzwi*, чешское *dveře*. На их основе довольно просто реконструируется праславянское слово **dvьrь* «дверь». Это слово по форме и значению напоминает древнегреческое *θύρα* (*thúra*) «дверь», латин-

ское *foris* «дверь, ворота», санскритское द्वार (dvār) «дверь, ворота», английское *door* «дверь», персидское در (dar) «дверь», албанское *derë* «дверь», армянское դուր (dur) «дверь». Можно предположить, что все эти слова родственны.

Чтобы определить, как выглядел общий для всех этих слов праиндоевропейский корень, следует проанализировать каждую фонему в приведённых словах. Начальный **d* мог быть и в праиндоевропейском, однако древнегреческое θ (*th*) и латинское *f* говорят о его придыхательном характере. Таким образом, праиндоевропейский корень начинался с **d^h*. Следом за ним шёл полугласный **w*, сохранившийся в ряде языков; также в корне присутствовал плавный **r*. Между **w* и **r* находился гласный **e* или **o*. То есть весь корень выглядел как **d^hwer-* или **d^hwor-*; здесь мы видим два варианта одного корня, внутри которого происходит чередование (от **d^hwer-* происходит русское *дверь*, а от **d^hwor-* происходит русское *двор*; ср. также латинские слова *foris* «дверь» и *forum* «площадь, форум»).

Индоевропейский корень мог обрастать различными суффиксами, образуя новые слова (как и в русском: *дверь*, *дверной*, *дверка* и т. д.), а гласные внутри корня могли чередоваться (в лингвистике это называется аблаутом), давая различный результат в современных языках, поэтому в словарях праиндоевропейских основ иногда один и тот же корень представляют в разных вариантах.

М.К. Понятно. Ты выше говорил, что слова *ведать* и *видеть* тоже являются родственниками, причём они связаны с латинским *videō* «видеть» и немецким *wissen* «знать». Там тоже было это древнее чередование?

А.М. Да, это тоже чередование. Для праславянского **viděti* «видеть» реконструируется корень **wéyd-*, а для праславянского **věděti* «ведать» – корень **wóyd-*. Но всё это варианты одного праиндоевропейского корня, которые дают разные результаты в языках-потомках, причём с теми же значениями. Например, отсюда же происходят древнегреческие глаголы *εἶδομαι* (*eídomai*) «видеть, видеться; казаться» и *οἶδα* (*oîda*) «знать, ведать».

М.К. А могу ли я сама попробовать что-нибудь реконструировать? Например, слово со значением «ночь» в праиндоевропейском языке?

А.М. Это довольно простое слово. Попробуй. Интересно посмотреть, как у тебя получится.

М.К. Итак. Мы имеем: русское *ночь*, польское *noc*, литовское *naktis*, немецкое *Nacht*, английское *night*, французское *nuit* и итальянское *notte*. Это все слова из индоевропейских языков, которые я знаю (часть из них я позаимствовала из таблички, которую ты привёл выше). Очевидно, что первым в праиндоевропейском языке шёл согласный **n*. За ним следовал гласный **a* (как в литовском и немецком) или **o* (как в славянских языках). Затем согласный **k*, потому что в латыни было сочетание *ct*, давшее в итальянском *tt* (как латинское *factum* из твоего примера дало итальянское *fatto*). Затем шёл согласный **t*. В итоге мы получаем корень **nakt-* или **nokt-*. Всё верно?

А.М. Хорошо постаралась. Аргументация прекрасная. Твоя реконструкция в целом близка к правильной, но есть несколько моментов. Во-первых, ты привлекла очень малое количество когнатов в исходных данных. На их основе ты сможешь провести лишь приблизительную реконструкцию. Во-вторых, твои когнаты в основном из славянских, балтийских, германских и романских языков, но нужно представить по возможности все языковые группы праиндоевропейской семьи (или большую их часть), чтобы выборка была, так сказать, «репрезентативной». В-третьих, реконструкция производится с опорой на знания сравнительной фонологии, в том числе на знание фонетической системы праиндоевропейского языка. Без этого знания легко ошибиться.

Ещё одно важное дополнение. Выше мы реконструировали корень **d^hwer-/ *d^hwor-* довольно быстро и просто. Но, по идее, такая реконструкция должна проводиться «ступенчатым» способом, то есть лучшая реконструкция праиндоевропейского корня или слова та, которая основана на промежуточных реконструкциях для праславянского, прагерманского и других праязыков. Давай попробуем провести ещё более детальную реконструкцию слова «ночь» в праиндоевропейском, подключая промежуточные реконструкции.

Возьмём ряд слов из германских языков: английское *night*, немецкое *Nacht*, нидерландское *nacht*, исландское *nótt*, шведское *natt*, датское *nat*, готское *nahts*. Этой выборки будет вполне достаточно. Какая форма должна была существовать в прагерманском языке?

М.К. Наверное, эта форма была больше похожа на готскую. Ведь готский из всех этих языков – самый древний.

А.М. Совершенно верно. Из всех когнатов следует обращать внимание на самые древние формы, так как они, предположительно, менее всего подверглись каким-либо изменениям. То есть в прагерманском, скорее всего, существовало слово **nahts*.

Идём дальше. Рассмотрим основные славянские когнаты: русское *ночь*, старославянское *нощь*, болгарское *нощ*, сербское *ноћ*, словенское *ноč*, словацкое *nos*, чешское *nos*, польское *nos*. Здесь ситуация немного труднее, потому что без знания истории фонетических переходов в славянских языках мы мало что сможем сделать, и даже древность старославянской формы ничего не даст. Нужно знать, что все эти конечные шипящие и аффрикаты возникли из праславянского мягкого **t'*, и тогда праславянская форма реконструируется как **not'ь*. Сравним их с литовским *naktis* и латышским *nakts*, а также с прагерманским **nahts*. Внешнее (с прагерманским) и внутреннее (внутри славянских и балтийских языков) сравнение даёт нам прабалтославянскую форму **naktis*.

Ещё сложнее дело обстоит в кельтских языках. Рассмотрим следующие слова: ирландское *anocht* «сегодня вечером/ночью» (древнеирландское *innocht*), шотландское *a-nochd* «сегодня вечером/ночью», корнское *haneth* «сегодня вечером/ночью», валлийское *trannoeth* «завтра, на следующий день». В основе этих образований лежит пракельтское **nox*.

Если к уже реконструированным формам мы прибавим санскритское ढक (nák), древнегреческое νύξ (núx) и латинское

nox, то ситуация станет более очевидной – мы бы могли реконструировать корень **nokt-* (здесь корневой гласный устанавливается по латинскому и пракарельтскому, так как в них праиндоевропейская **o* последовательно сохраняется). Но есть одна загвоздка. Согласный **k* мог быть и лабиовелярным – **k^w*, однако понять это на примере приведённых слов довольно трудно. Расставить точки над «*i*» нам поможет хеттская форма *nekuz* «вечер, сумерки», в которой мы обнаруживаем рефлекс праиндоевропейского лабиовелярного **k^w* (*ku*). Тогда следует реконструировать корень **nok^wt-* в праиндоевропейском.

Как видишь, реконструкция предполагает следование многим принципам, учёт многих мелочей, которые могут оказаться решающими. И без знания фонетики, как я сказал, никак не обойтись.

М.К. Сложно, очень сложно. Я следовала твоему шаблону и оказалась в целом близка к истине. Но не знала я ничего об этом лабиовелярном согласном.

Мне стало понятно ещё кое-что. Ведь древние языки гораздо ближе к праязыку, а это значит, что современные языки сравнивать практически бесполезно для реконструкции. Достаточно взять несколько древних языков, сравнить и на их основе произвести реконструкцию словаря. Так ведь?

А.М. Существует принцип приоритетности древних языков над современными при реконструкции, так как древние языки действительно сохраняют многое из того, что утратили их потомки. Взгляни на следующую табличку для четырёх древних письменных индоевропейских языков.

Русский	Древнегреческий	Латинский	Готский	Санскрит
я	ἐγώ (egṓ)	<i>ego</i>	<i>ik</i>	अहम् (ahám)
ты	σύ (sú)	<i>tū</i>	<i>þu</i>	त्वम् (tvám)
один	εἷς (heís)	<i>ūnus</i>	<i>ains</i>	एक (éka)
два	δύο (dúo)	<i>duo</i>	<i>twai</i>	द्वि (dví)
три	τρεῖς (treís)	<i>trēs</i>	<i>þreis</i>	त्रि (trí)
мать	μήτηρ (mētēr)	<i>māter</i>	<i>aiþei</i>	मातृ (mātr)
отец	πατήρ (patēr)	<i>pater</i>	<i>atta, fadar</i>	पितृ (pitṛ)
голова	κεφαλή (kephalé)	<i>caput</i>	<i>haubip</i>	शिरस् (śíras)
сердце	καρδία (kardía)	<i>cor</i>	<i>hairtō</i>	हृदय (hṛdaya)
вода	ὔδωρ (húdōr)	<i>aqua</i>	<i>watō</i>	उदन् (udán)
солнце	ἥλιος (hélíos)	<i>sōl</i>	<i>sauil</i>	सूर्य (súrya)

Формы слов в этой таблице очень архаичны. Многие из них настолько похожи, что создаётся впечатление, будто мы рассматриваем какую-то отдельную группу родственных языков. Это сходство когда-то поразило Джонса, на других лингвистов оно также производило магическое действие и подталкивало к началу реконструкции праязыка, догадку о существовании которого высказал Джонс. Однако впоследствии выяснилось, что одних лишь древних языков мало. Без материала живых языков других групп (например, албанского или литовского) общая картина была бы неполной, мы бы рискнули упустить из виду некоторые детали, которые, как ты могла убедиться, порой имеют важное значение.

М.К. Наверное, реконструкцию на основе древних языков затрудняет и то, что есть замены в списке. Слово со значением «голова», как мне кажется, во всех представленных в таблице языках имеет различное происхождение. Или я снова ошибаюсь?

А.М. Отчасти верно. Латинское *caput* и готское *haubip* происходят из одного источника – праиндоевропейского **káput-*. Древнегреческое *κεφαλή* (*kephalḗ*) происходит от основы **ǵʰebʰl-*. Санскритское *शिरस्* (*śíras*) происходит из основы **kérh₂-*. Русское слово *голова* происходит от **golH-weh₂*. Тут везде разному.

М.К. А как тогда понять, какая основа означала «голова» в праиндоевропейском, если их обнаруживается целых три или четыре?

А.М. В данном случае трудно сказать, какое слово чаще использовалось в таком значении самими индоевропейцами. Я думаю, что основа **káput-* могла быть основной, так как она встречается в целом ряде языков. Так, эта основа обнаруживается в санскритском слове *कपुच्छल* (*karúcschala*) «пучок волос на затылке». Вместе с тем в древности она могла иметь значение «миска, чаша» – такое значение имеет ирландское слово *cuach*, восходящее к той же основе.

Может быть, ты заметила, что и латинское слово *aqua* сильно отличается от прочих когнатов; оно происходит от праиндоевропейского названия воды **h₂ékʷeh₂*, которое встречается довольно редко (некоторые производные обнаруживаются в

германских языках). Большинство же слов со значением «вода» происходит из праиндоевропейского **wódr̥*. Лингвисты, которые занимаются реконструкцией придерживаются принципа большинства: если в большинстве языков встречаются потомки, развившиеся из одной формы, но есть также какие-то редкие исключения, то чаще в качестве основной принимают именно её. Наличие двух или трёх реконструируемых основ с одним значением лингвистов особо не пугает, поскольку это воспринимается как обычная синонимия или приобретение какой-то основой нового значения в одном из диалектов праиндоевропейского языка.

М.К. А если взять и сравнить промежуточные реконструкции для праславянского и прагерманского языков? Они будут ещё больше походить друг на друга и на праиндоевропейские, чем слова из древних языков, которые ты приводил выше?

А.М. В целом они будут очень близки, но не более, чем слова из древнегреческого, санскрита и латыни. Время существования прагерманского языка приблизительно такое же, а праславянский существовал позже древних письменных языков (распад праславянского языка приблизительно совпадает с распадом латыни на современные романские языки), но он близок к праиндоевропейскому из-за своей относительной архаичности.

Сравни слова из таблицы ниже (ПИЕ – праиндоевропейский). Они могут показаться чуть более архаичными, но похожесть, как мне кажется, такая же.

Русский	Праславянский	Прагерманский	ПИЕ
я	*ja, *(j)azъ	*ek, *ik	*égh ₂ (om)
ты	*ty	*þū	*túh ₂
один	*edīnъ	*ainaz	*(H)óynos, *(H)óykos, *(H)óywos
два	*dъva	*twai	*dwóh ₁
три	*trъje	*þrīz	*tréyes
мать	*mati	*mōdēr	*méh ₂ tēr
отец	*otъcъ	*fadēr	*átta, *ph ₂ tēr
голова	*golva	*haubudq	*káput-
сердце	*sъrdъce	*hertô	*kér
вода	*voda	*watōr	*wóđŕ
солнце	*sъlnъce	*sunnō	*sóh ₂ wļ

М.К. Слова из промежуточных реконструированных праязыков очень похожи на праиндоевропейские. Теперь понятно, почему мы не можем обойтись только материалом древних письменных языков. Прагерманский более архаичен, чем готский, а праславянский более архаичен, чем старославянский. И вместе они могут помочь лучше реконструировать праиндоевропейские слова.

Когда ты впервые продемонстрировал мне принцип реконструкции (примеры с *d^hwer-/*d^hwor-), я подумала, что реконструкция – это простое и интересное занятие, которое не требует больших усилий. Но сейчас я вижу, что работа по реконструкции одного единственного слова из праязыка предпо-

лагает исследование большого количества словарей разных индоевропейских языков. Трудная работа. Наверное, лингвисты XIX века из кабинетов не вылазили, когда реконструировали праиндоевропейский словарь.

А.М. Да, много работы было проделано для того, чтобы воссоздать лексику праиндоевропейского языка. Поначалу это были очень приблизительные реконструкции, но с каждым десятилетием они уточнялись, совершенствовались. Сегодня есть компьютеры, которые позволяют составлять базы данных и анализировать списки слов не вручную, как раньше, а машинным способом. Составители первых словарей праиндоевропейских основ в первой половине XX века могли лишь мечтать о таком.

М.К. Зато сегодня благодаря им мы так много знаем о древнейшей истории, опираясь на материал языка. Древние слова ведь о многом нам могут поведать: о прародине, условиях жизни... Кстати, а религия у индоевропейцев была? И можно ли реконструировать имена их богов?

А.М. О религии индоевропейцев мы кое-что знаем, но лишь в общих чертах. Сравнение мифологий различных индоевропейских народов позволяет сделать некоторые общие выводы о том, во что верили наши предки.

Определённо можно сказать, что у индоевропейцев было очень много богов, но главным среди всех был небесный бог *dyéws-ph₂tér, то есть «бог-отец». Ему соответствуют древнегреческий бог-громовержец Зевс (Ζεύς, Zeús; ср. форму вокатива Ζεῦ πάτερ, Zeû páter «Зевс-отец»), римский Юпитер (Iuppiter),

древнеиндийский Дьяус (द्यौष्पितृ, *dyáuṣ-pitṛ*), балтийский Диевас (литовское *Dievas*, латышское *Dievs*). Хотя это и не единственное имя, которое можно реконструировать, по поводу многих других реконструкций имён богов у меня, если честно, есть некоторый скепсис, поэтому позволю себе не приводить их.

У индоевропейцев был развит культ бога-громовержца (славянский Перун, балтийский Перкунас, древнеиндийский Парджанья); согласно теории основного мифа, разработанного Владимиром Николаевичем Топоровым совместно с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, индоевропейский громовержец вступает в противоборство со змеем (поединок Индры с Вритрой в древнеиндийской мифологии, противоборство Перкунаса и Велняса у балтов). Видное место занимала богиня расцвета (древнегреческая Эос, римская Аврора, ведийская Ушас, балтийская Аушрине, германская Остара; имена связаны с праиндоевропейским словом **h₂éwsōs* «заря»). Также бытовало представление о человеке-прародителе (древнегерманский Манн, древнеиндийский Ману), жертве, которая позволила возникнуть миру (скандинавский великан Имир, индуистские боги Пуруша и Яма) или об инцесте божественных близнецов. Загробный мир виделся индоевропейцам пастбищем, отделённым рекой от мира живых. Таких общих мифологических фигур и сюжетов в мифологиях потомков индоевропейцев довольно много.

Праиндоевропейской мифологией занимались немногие исследователи. Помимо наших учёных Вячеслава Всеволодовича Иванова и Владимира Николаевича Топорова я бы также хотел назвать французского лингвиста Жоржа Дюмезиля, который разработал довольно интересную теорию трёх функций, объясняющую деление праиндоевропейского общества с опорой как

раз на мифологический материал. Дюмезиль считал, что у индоевропейцев существовало три касты, для каждой из которых были значимы свои божества: жрецы (аналог брахманов в Древней Индии) почитали громовержцев, богов-судей (древнегреческий Зевс, римский Юпитер, скандинавский Один, древнеиндийский Варуна), воины (кшатрии) почитали богов войны (древнегреческий Арес, римский Марс, скандинавский Тор, древнеиндийский Индра, славянский Перун), а земледельцы (вайшьи) почитали богов плодородия (скандинавский Фрейр, древнеримский Квирин). Низшая каста (шудры) возникла позже, с разложением первобытно-общинного строя.

М.К. А ещё хотелось бы узнать о строе праиндоевропейского языка. Что нам известно о его фонетике и грамматике?

А.М. Говоря о фонетике и грамматике праязыка, необходимо сделать маленькую, но очень важную оговорку. Мы можем лишь приблизительно охарактеризовать поздний праиндоевропейский язык, существовавший незадолго до его распада на ветви. Реконструкция иногда приводит к противоречивым выводам, поскольку зачастую мы имеем дело с диалектными различиями в праиндоевропейском, не сводимым к чему-то единому. Кроме того, в праязыке могли существовать такие грамматические особенности, которые не сохранились ни в одном языке-потомке. Если бы мы, скажем, по современным романским языкам попытались реконструировать латынь, то мы бы столкнулись с похожими трудностями (некоторые грамматические категории латинского языка невозможно было бы восстановить

полностью), хотя очень близко бы приблизились к исходному состоянию.

Я позволю себе лишь вкратце охарактеризовать фонетику и грамматику праиндоевропейского, не углубляясь сильно в детали (если возникнет необходимость подробнее осветить те или иные моменты в ходе нашей беседы, я обязательно дам соответствующие пояснения). Эта тема очень обширна и сложна, для ознакомления с ней следует читать специальную литературу. Особенно рекомендую обратиться к классикам индоевропеистики. Почитай «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» Антуана Мейе и «Введение в сравнительное языкознание» Освальда Семереньи; также рекомендую «Сравнительную грамматику индоевропейских языков» Алексея Ниловича Савченко и «Общеиндоевропейское языковое состояние» Иосифа Моисеевича Тронского.

Фонетика праиндоевропейского языка, как может показаться на первый взгляд, реконструирована полностью, однако это не совсем так. Лингвисты до сих пор спорят о фонетическом строе праиндоевропейского языка, предлагая различные модели. При этом существует компромиссная модель, которая принята большинством учёных как удовлетворительная. Система согласных в этой модели включает губные **m*, **p*, **b*, **b^h*, **w*, зубные **n*, **t*, **d*, **d^h*, **s*, **r*, **l*, средняяязычный **y*, три ряда заднеязычных: палатовелярные **k̑*, **g̑*, **g̑^h*, велярные **k*, **g*, **g^h* и лабиовелярные **k^w*, **g^w*, **g^{w^h}*, а также ларингалы **h₁*, **h₂*, **h₃*. Пять кратких гласных **i*, **e*, **a*, **o*, **u* противопоставлены долгим **ī*, **ē*, **ā*, **ō*, **ī*. Некоторые лингвисты считают, что долгие гласные возникли после выпадения ларингалов и стяжения гласных. Также предполагают наличие четырёх слоговых сонатов **r*, **l*,

ŋ* и **ŋ* (r*, **l*, **m*, **n* в положении между согласными выступали в роли гласных), дифтонгов из сочетаний гласных **e*, **a* и **o* с неслоговыми **j*, **ɥ* (**w*, **y*) и особого редуцированного **ə* (его некоторые лингвисты считают вокализованным ларингалом).

Ударение в праиндоевропейском языке было свободным (могло находиться на любом слоге) и подвижным (при словоизменении могло перемещаться с одного слога на другой). Также существовала система регулярных чередований гласного в корне (аблаут), с которой мы немного соприкоснулись в наших реконструкциях.

Довольно сложной была грамматика праиндоевропейского языка. Он обладал трёхродовой системой (мужской, женский и средний род), существительные и прилагательные изменялись по восьми падежам (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, местный, отложительный) и трём числам (единственное, двойственное, множественное). Особое склонение существовало для местоимений. Глагол обладал категориями лица, числа, времени (настоящее, имперфект, аорист и перфект), залога (активный и средний) и наклонения (индикатив, императив, конъюнктив и оптатив). Существительное, прилагательное и глагол могли быть тематическими (основы оканчивались на гласный **e*, чередующуюся с **o*) и нетематическими (не имели такого гласного).

Кое-что можно сказать о синтаксисе праиндоевропейского языка. Порядок слов в нём был свободным, как во многих флективных языках, но базовым являлся порядок SOV (субъект – объект – глагол), что было характерно для древнегреческого, латыни и санскрита.

М.К. А на сегодняшний день возможно себе представить, каково было склонение существительных или спряжение глаголов в праиндоевропейском языке?

А.М. Представить всё возможно. Я уже выше приводил праиндоевропейские формы глагола «быть», но могу привести и любой другой глагол. Например, рассмотрим основу **b^her-* «нести». От неё происходят русский глагол *братъ* (в старославянском – *брати*), древнегреческий глагол *φέρω* (phérō) «нести» и латинский глагол *ferō* «нести». Сравни их спряжение в таблице.

ПИЕ	Старославянский	Латынь	Древнегреческий
<i>*b^héroh₂</i>	<i>берж</i>	<i>ferō</i>	<i>φέρω</i> (phérō)
<i>*b^héresi</i>	<i>берешу</i>	<i>fers</i>	<i>φέρεις</i> (phéreis)
<i>*b^héreti</i>	<i>береть</i>	<i>fert</i>	<i>φέρει</i> (phérei)
<i>*b^héromos</i>	<i>беремъ</i>	<i>ferimus</i>	<i>φέρομεν</i> (phéromen)
<i>*b^hérete</i>	<i>берете</i>	<i>fertis</i>	<i>φέρετε</i> (phérete)
<i>*b^héronti</i>	<i>бержтъ</i>	<i>ferunt</i>	<i>φέρουσι(ν)</i> (phérousi(n))

Здесь представлено тематическое спряжение глагола в настоящем времени только для единственного и множественного числа (напомню, что в праиндоевропейском есть ещё двойственное число, которое восстанавливается с трудом). Поразительно, насколько похоже спряжение в старославянском, латыни и древнегреческом. Если подключить к сравнению санскрит и готский язык, то мы увидим, что там всё очень похоже. Похожесть флексий позволяет довольно хорошо реконструировать соответствующие глагольные формы в праиндоевропейском. Но

это только для настоящего времени изъявительного наклонения. Прочие глагольные формы реконструируются лишь фрагментарно.

Чтобы продемонстрировать склонение существительного, приведу пример с уже известным тебе словом *w_lʲkʷos «волк» и его потомками в древних письменных языках (только в единственном числе). Основа тематическая.

Падеж	ПИЕ	Санскрит	Старославянский	Латынь
Именительный	*w _l ʲkʷos	वृकः (vṛkaḥ)	влькъ	<i>lupus</i>
Родительный	*w _l ʲkʷosyo	वृकस्य (vṛkasya)	влька	<i>lupī</i>
Дательный	*w _l ʲkʷoey	वृकाय (vṛkāya)	влькоу	<i>lupō</i>
Винительный	*w _l ʲkʷom	वृकम् (vṛkam)	влькъ	<i>lupim</i>
Звательный	*w _l ʲkʷe	वृक (vṛka)	вльчє	<i>lupe</i>
Творительный	*w _l ʲkʷoh ₁	वृकेण (vṛkeṇa)	влькомь	—
Местный	*w _l ʲkʷey, *w _l ʲkʷoy	वृके (vṛke)	вльцигь	—
Отложительный	*w _l ʲkʷead	वृकात् (vṛkāṭ)	—	<i>lupō</i>

Падежная система праиндоевропейского относительно хорошо сохраняется только в древних индоиранских языках, другие языки её утратили. Древнегреческий, например, сохранил только пять падежей из восьми, поэтому его материал я не привожу для сравнения.

М.К. Напрашивается закономерный вопрос. Если мы знаем много о грамматике праиндоевропейского языка, даже можем склонять и спрягать слова, то, получается, нам ничего не стоит на праиндоевропейском языке поговорить или хотя бы какое-то письмо написать?

А.М. Можно и поговорить, и письмо написать. Только для чего это нужно?

М.К. Не знаю. Просто забавы ради. Может, есть даже какие-нибудь практические нужды для этого. Ну, например, для документальных фильмов об индоевропейцах.

А.М. Знаешь, идея воскресить праиндоевропейский язык и начать его использовать в каких-то своих целях не нова. В 1868 году Август Шлейхер попытался написать на реконструированном им праязыке басню, которая вошла в историю под названием «Овца и кони» (*Avis akvāsas ka*). Вот её текст в оригинале:

«*Avis, jasmin varnā na ā ast, dadarka akvams, tam, vāgham garum vaghantam, tam, bhāram magham, tam, manum āku bharantam. Avis akvabhjams ā vavakat: kard aghnutai mai vidanti manum akvams agantam. Akvāsas ā vavakant: krudhi avai, kard aghnutai vividvant-svas: manus patis varnām avisāms karnauti svabhjam gharmam vastram avibhjams ka varnā na asti. Tat kukruvants avis agram ā bhugat*».

Перевод на русский:

«Овца, [на] которой не было шерсти (стриженная овца), увидела коней, везущих тяжелую повозку [с] большим грузом, быстро несущих человека. Овца сказала коням: сердце теснится [во] мне (сердце мое печалится), видя коней, везущих человека. Кони сказали: послушай, овца, сердце теснится [от] увиденного (наше сердце печалится, потому что мы знаем): человек – господин, делает шерсть овцы теплой одеждой [для] себя и [у] овец нет шерсти (у овец больше нет шерсти, они острижены, им хуже, чем коням). Услышав это, овца повернула [в] поле (она удрала)».

Текст Шлейхера, на самом деле, далёк от современной реконструкции праиндоевропейского языка, поскольку он был написан полтора столетия тому назад и отражал в основном особенности санскрита, который сам Шлейхер считал ближайшим к праиндоевропейскому. Поэтому уже в XX веке стали появляться различные «ремейки»: в 1939 году был опубликован вариант немецкого профессора Германа Хирта с добавлением гласных *e и *o, палатовелярных и лабиовелярных заднеязычных согласных, которых не было у Шлейхера; спустя сорок лет появилась версия Уинфреда Лемана и Ладислава Згусты, в которой появляется один ларингал, а некоторые слова заменяются; в 1997 году становится известна версия американца Дугласа Квентина Адамса, а ровно через десять лет свой радикально обновлённый вариант предложил голландец Фредерик Кортландт. Свои версии басни создавали и другие, менее известные лингвисты. Мне, например, приглянулся один из последних вариантов

басни Шлейхера, который предложил в 2013 году американский лингвист Эндрю Майлз Бёрд из Университета Кентукки. Вот его текст:

«h₂á₂e₂i₂ h₁i₂osm₂e₂i₂ h₂u₂lh₁ná₂h₂ né h₁é₂st, só h₁é₂ku₂oms der₂kt. só g^wr₂h₂úm u₂ó₂gh₂om u₂é₂gh₂ed; só mé₂gh₂m₂ b^hórom; só d^hgh₂é₂mon₂ h₂ó₂ku b^hered. h₂ó₂is h₁é₂k^wo₂ib^hi₂os u₂e₂ked: „d^hgh₂é₂mon₂ spék₂i₂oh₂ h₁é₂ku₂oms-k^we h₂á₂eti, k₂ér mo₂i ag^hnutór“. h₁é₂ku₂os tu u₂e₂ukond: „klud^hi, h₂o₂e₂i! tód spék₂i₂omes, ŋsm₂e₂i ag^hnutór k₂ér: d^hgh₂émō, pótis, sē h₂á₂ies h₂u₂lh₁ná₂h₂ g^{wh}érmom u₂éstrom u₂e₂pt, h₂á₂uib^hi₂os tu h₂u₂lh₁ná₂h₂ né h₁esti“. tód ké₂lu₂ós h₂ó₂is h₂agróm b^huged».

Выглядит ужасающе. Очевидно, что со времён Шлейхера реконструкция очень сильно изменилась, она стала более сложной, но в целом она ближе к тому языку, на котором говорили шесть тысяч лет назад индоевропейцы. Нельзя сказать, что они бы поняли эту басню целиком, но, полагаю, для них этот язык был бы близок.

Две эти версии басни, которые были написаны с разницей в 150 лет, имеют много общего, хотя на первый взгляд может показаться, что это два разных языка. Попробуй найти слова, которые у Шлейхера и у Бёрда имеют более или менее похожий вид, и угадать их значения.

М.К. Хмм... Навскидку могу сопоставить слова *ast* и *h₁é₂st* «есть», *kard* и *k₂ér* «сердце» (оба слова всплывали в нашей беседе ранее), но всё остальное я вряд ли расшифрую.

А.М. А вместе с тем здесь много узнаваемых корней. Например, слова *varnā* и *h₂ulh₁náh₂* (в более общепринятой реконструкции – **h₂wǵh₁neh₂*) означают «шерсть»; ср. английское *wool* «шерсть», немецкое *Wolle* «шерсть», латинское *lāna* «шерсть», древнегреческое *λίπος* (*lênos*) «шерсть, руно», санскритское *ऊर्ण* (*ūrṇā*) «шерсть», валлийское *gwlan* «шерсть», ирландское *olann* «шерсть», древнеармянское *ղաղվ* (*gełmn*) «руно, шерсть», а также устаревшее русское *во́лна* «шерсть». Сравни также слова *bharantam* и *b^hered* – всё это уже известный тебе корень **b^her-*, откуда английское *bear* «нести», немецкое *gebären* «рожать», древнегреческое *φέρω* (*phérō*) «нести, приносить», латинское *ferō* «нести», санскритское *भरति* (*bhárati*) «нести», ирландское *beir* «рождать; брать, хватать, ловить», а также русское *брать*. В паре *gharmat* и *g^{wh}érmot* – корень **g^{wh}er-* со значением «тёплый, горячий»; ср. древнегреческое *θερμός* (*thermós*) «тёплый, жаркий, горячий», санскритское *घर्म* (*gharmá*) «жара», армянское *ջերմ* (*ǰerm*) «тёплый», русские *жар, зреть, гореть*. Подобный список когнатов здесь можно привести для каждого слова, многие будут иметь соответствия и в русском языке.

М.К. Действительно, если опустить эти странные значки, то в целом сходство больше. Всегда меня сбивают с толку такие сложные слова с нагромождением диакритики.

Здорово всё-таки придумал Шлейхер. Вошёл в историю тем, что написал басню на языке, которого уже давно нет. Разве он один единственный, кто делал нечто подобное?

А.М. Нет, писать тексты на праиндоевропейском пытались и другие лингвисты, но, как правило, не крупные. Крупные лингвисты как раз понимали, что реконструкция – это что-то условное, что заниматься такими построениями серьёзным профессионалам не стоит. Однако в конце XX века нашлись такие энтузиасты, которые решили повторить опыт Шлейхера. Профессор Калькуттского университета Субхадра Кумар Сен попросил некоторых лингвистов помочь ему с переводом небольшого диалога, основанного на эпизоде из «Айтарея-брахманы». Диалог называется «Царь и бог» (H₃rēks deṵós-kwe). Вот одна из поздних версий этого текста:

«H₃rēks h₁est; só ṛputlós. H₃rēks súhnum uṛnh₁to. Tósjo ḡhₑutorm̃ prēkst: „Súhnum moi ḡnh₁jetōd!“ Ḡhₑutōr tom h₃rēḡm̃ ueṵked: „h₁jáḡesuo deṵóm Uṛunom“. Úpo h₃rēks deṵóm Uṛunom sesole nú deṵóm h₁jáḡeto. „kludh₁ moi, pter Uṛune!“ Deṵós Uṛunos diṵés kmtá ḡwah₂t. „Kwíd uṛlh₁si?“ „Súhnum uṛlh₁mi.“ „Tód h₁estu“, ueṵked leuḡós deṵós Uṛunos. Nu h₃rēks pótnih₂ súhnum ḡḡonh₁e».

Перевод на русский:

«Жил-был царь. У него не было детей. Царь хотел сына. Он попросил жреца: «Пусть родится у меня сын!». Жрец сказал царю: «Молись богу Веруносу». Царь обратился к богу Веруносу с молитвой: «Услышь меня, отец Верунос». Бог Верунос спустился с небес: «Чего ты хочешь?» – «Я хочу сына» – «Да будет так», – сказал сияющий бог Верунос. Жена царя родила сына».

Других текстов, которые бы создавались профессионалами, я не знаю, но уверен, что каждый индоевропеист-самоучка пытался что-нибудь подобное написать на праязыке. Как правило, такие опыты остаются в столе автора.

М.К. А были ли попытки возродить устный праиндоевропейский? Или это уже совсем нечто запредельное?

А.М. Некоторые лингвисты создают свои проекты разговорного варианта праиндоевропейского. В 2005 году, насколько я помню, группой энтузиастов из Университета Эстремадуры (Испания) была начата работа по созданию языка под названием Euforaio (современный индоевропейский). Периодически выходят новые грамматики этого языка, какие-то переводы. Также слышал об искусственном языке Sambahsa с очень упрощённой грамматикой, который появился в 2007 году. Но они не пользуются особой популярностью, число изучающих такие искусственные языки невелико.

М.К. Мне кажется я узнала об индоевропейских языках всё, что только можно было узнать. Это очень интересная и бесконечно глубокая тема, но по ней у меня вопросы пока закончились. Если ещё что-то придёт на ум, потружусь спросить позже.

Сейчас же меня интересует другое. Если обобщить то, о чём мы говорили выше, то получается, что всё языковое разнообразие нашей планеты, если углубляться в далёкое прошлое, сжимается в некий единый праязык. Но мы затронули только незначительную часть этого разнообразия – языки Европы и частично Азии. А как быть с другими языками? Мне, например,

совсем не ясно, где место в этой системе финскому, грузинскому, арабскому, японскому или китайскому. Они состоят в каких-то других языковых семьях?

А.М. Да, в мире насчитывается около полутора (или даже больше) языковых семей, по которым распределяются все языки мира. Размеры отдельно взятой языковой семьи могут быть очень разными: они могут быть большими по числу носителей и широко распространёнными (как индоевропейская) или очень маленькими, локализованными в какой-то отдельной географической области (например, кетский язык составляет вымирающую енисейскую семью языков). Все языковые семьи так или иначе развиваются из какого-то праязыка. На более глубоком уровне они включаются в состав более крупных языковых объединений – надсемей и макросемей.

Ты перечислила пять языков, каждый из которых принадлежит отдельной семье.

Например, финский язык относится к финно-угорской ветви уральской семьи. К той же ветви языков относятся такие языки, как венгерский, хантыйский, мансийский, удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, марийский, мокшанский, эрзянский, ижорский, карельский, вепский, эстонский, водский, ливский, ряд саамских языков и некоторые другие. Вторая ветвь уральской семьи – самодийская; к ней относятся энецкий, ненецкий, нганасанский и селькупский.

Грузинский язык относится к небольшой картвельской (южнокавказской) семье языков, в которую входят также мегрельский, лазский и сванский языки. Их ни в коем случае не стоит роднить с языками Северного Кавказа – абхазо-адыгскими

(адыгейский, кабардино-черкесский, абхазский, абазинский, убыхский) и нахско-дагестанскими (чеченский, ингушский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский и некоторые другие).

Арабский язык – представитель семитской семьи языков. Эта семья изучена довольно хорошо, так как из глубокой древности до нашего времени дошли многочисленные письменные памятники на этих языках. Из современных семитских языков арабский является самым распространённым, на нём говорят во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки; наряду с этим существуют и такие языки, как иврит, мальтийский, амхарский, тигринья и ассирийский новоарамейский. К древним семитским языкам относятся аккадский, эблаитский, угаритский, финикийский, древнееврейский, древние арамейские языки.

Японский язык долгое время считался изолятом, его родственные связи были совершенно не понятны, однако в последнее время всё больше лингвистов связывают его с корейским языком, а далее – с так называемой алтайской семьёй языков, в которую включаются также тюркские (турецкий, азербайджанский, туркменский, татарский, башкирский, казахский, узбекский, киргизский, чувашский, тувинский, хакасский, якутский и многие другие), монгольские (собственно монгольский, бурятский, калмыцкий и другие) и тунгусо-маньчжурские языки (эвенский, эвенкийский, нанайский, удэгейский, маньчжурский и другие).

Китайский язык (китайские языки) относится к сино-тибетской языковой семье, куда входят также тибетский, бирманский и ещё несколько сотен более мелких языков. Эта семья является второй по числу носителей после индоевропейской (преимущественно за счёт китайского).

Можешь себе представить, что было бы, если бы я перечислял все языковые семьи и их состав. Это бы заняло половину нашей книги, что, конечно, уже выходит за рамки нашей беседы.

М.К. Если говорить о языковых семьях, то это, действительно, займёт слишком много времени (все 150 семей мне рассматривать бы не хотелось уж точно), но ты ведь говорил, что существуют ещё более крупные объединения языков – надсемьи и макросемьи. Их должно быть меньше?

А.М. Да, их количество уже поменьше, потому что в одну макросемью может включаться довольно много языковых семей. В Евразии, например, известно четыре макросемьи: ностратическая, афразийская, сино-кавказская и австрическая. Однако статус этих сверхкрупных языковых объединений очень спорный, их состав каждый компаративист определяет по-своему, поэтому о них следует говорить довольно осторожно, как о чём-то очень гипотетическом.

М.К. О ностратических языках ты уже как-то упоминал выше и обещал даже подробнее о них рассказать. Что это за языки? Как сумели до них докопаться?

А.М. Ностратическая макросемья получила своё название от латинского местоимения *noster* «наш»; имеются в виду «языки нашего круга». Оно было придумано замечательным датским лингвистом Хольгером Педерсеном, который впервые упомянул его в 1903 году в одной из своих статей, однако саму идею ностратической макросемьи развил гораздо позже. Надо

сказать, что ещё в XIX – начале XX века существовали попытки сравнить некоторые языковые семьи (уральскую и алтайскую, индоевропейскую и уральскую, индоевропейскую и семитскую), но никто не рискнул выйти за рамки бинарных сопоставлений и предложить что-то более масштабное. Педерсен же предложил считать ностратическими индоевропейские, уральские, алтайские, афразийские и некоторые другие языки. Таким образом, постулировалось, что языковые семьи, такие крупные языковые объединения, сами когда-то были диалектами более древнего праязыка, на котором говорили, вероятно, в конце палеолита – начале мезолита. Идея Педерсена была не менее революционной, чем идея Уильяма Джонса о существовании праиндоевропейского языка, но на тот момент едва ли доказуемой. Лингвисты до середины XX века продолжали цепляться за какие-то поверхностные сходства между семьями, однако реальной работы по поиску фонетических соответствий как таковой не проводилось.

Переломными стали 1960-е годы, когда за более детальную проработку ностратической гипотезы взялся выдающийся советский лингвист Владислав Маркович Иллич-Свитыч. Гениальность и работоспособность этого учёного трудно переоценить: он проанализировал материал шести языковых семей (индоевропейской, уральской, алтайской, картвельской, дравидийской и афразийской), нашёл ряд фонетических соответствий между ними, уточнил некоторые реконструкции и составил картотеку общих корней, которые, как он считал, унаследованы всеми этими языками из праностратического языка. Его работа, к сожалению, была прервана скорой смертью – учёного сбила машина. Коллеги и ученики Иллич-Свитыча продолжили его

работу и в 1970-1980-е годы издали «Опыт сравнения ностратических языков» Иллич-Свитыча в трёх томах, в котором последовательно и с опорой на фонетические соответствия доказывалось, что ностратические языки – это историческая реальность, что существует по меньшей мере несколько сотен общих основ, сохранившихся в языках семей, входящих в эту большую макросемью.

До настоящего времени ностратическую теорию развивали преимущественно советские и российские лингвисты: Арон Борисович Долгопольский, Владимир Антонович Дыбо, Сергей Анатольевич Старостин и некоторые другие представители Московской школы лингвистической компаративистики. В Западной Европе и США ностратикой особо не увлекаются, считая это направление тупиковым или в лучшем случае плохо проработанным. Приверженцев ностратики там по пальцам можно пересчитать. Из крупных лингвистов можно назвать, наверное, только Аллана Бомхарда.

Не все реконструкции Иллич-Свитыча можно считать достоверными, так как его работа проходила в тот период времени, когда ещё не было точных реконструкций праязыков тех шести семей, которые он причислял к ностратическим. Многие были уточнены гораздо позже, поэтому некоторые лингвисты стали предлагать свои собственные реконструкции. Так, Арон Долгопольский, ещё в советское время мигрировавший в Израиль, в 2008 году опубликовал в интернете свой труд – ностратический словарь объёмом около 3000 лексем. Бомхард также предложил свой вариант реконструкции, существенно отличающийся от реконструкции Иллич-Свитыча. Оба труда активно критикуются как у нас (за нестрогость фонетических построе-

ний, вольные семантические толкования), так и за рубежом (где ностратика в принципе считается слишком фантастичной). Поэтому можно сказать, что Иллич-Свитыч ещё никем не превзойдён.

М.К. Если даже с индоевропейскими языками не всё до конца ясно, то как можно быть уверенным в ностратической гипотезе?

А.М. Можно лишь быть уверенным в самом факте существования праностратического языка более 10-12 тысяч лет назад. Относительно точно можно сказать, что к праностратическому восходят индоевропейские, уральские и алтайские языки, так как для них сегодня имеются довольно качественные этимологические словари, анализ которых позволяет утверждать родство. Но по поводу других языковых семей сегодня существуют очень разные мнения. Например, афразийские языки Сергей Анатольевич Старостин и семитолог Александр Юрьевич Милитарёв считали самостоятельной макросемьёй, по своей древности сопоставимой с ностратическими языками. Сегодня многие признают, что связь афразийских и ностратических языков ещё более древняя (здесь можно провести аналогию с индоевропейскими и анатолийскими языками). У некоторых лингвистов также возникают сомнения по поводу принадлежности картвельских и дравидийских языков (преимущественно языки Южной Индии: тамильский, телугу, каннада, малаялам и др.) к ностратической макросемье.

Я бы сравнил нынешнее состояние ностратики с состоянием индоевропеистики к концу XIX века: связь нащупывается,

что-то потихоньку реконструируется, но в целом пока всё очень туманно. Но пройдёт время – всё встанет на свои места.

М.К. То есть никто не сможет в ближайшее время порадовать нас басней на праностратическом языке?

А.М. Басней, наверное, в ближайшее время нас никто не порадует. Но вот один стишок от Иллич-Свитыча уже имеется.

ḲeHä wetei ḲaḲun kähla	Язык – это брод через реку времени,
Ḳalai palh-Ḳl na wetä	он ведёт нас к жилищу умерших;
śa da Ḳa-Ḳl Ḳeja Ḳälä	но туда не сможет прийти тот,
ja-Ḳo pele Ḳuba wete	кто боится глубокой воды.

М.К. Есть что-то философское в этом стишке...

А.М. Тут не только философия, но ещё и вызов учёным (надо полагать, западным коллегам) или даже наставление будущим поколениям лингвистов. Я интерпретирую это так: «язык – это брод через реку времени» – чтобы его понять, нужно перейти эту реку, то есть преодолеть время; «он ведёт нас к жилищу умерших» – он откроет нам тайны древности, даст возможность посмотреть на мир глазами тех, кто говорил на древнем языке; «но туда не сможет прийти тот, кто боится глубокой воды» – кто боится или не желает смотреть и видеть дальше достигнутого уровня, никогда не раскроет этих тайн.

М.К. Интересно. То есть все лингвисты делятся на два лагеря: одни против ностратической теории, а другие за неё?

Первые – это те, кто «боится глубокой воды» и не сможет дойти до истоков праязыка человечества; вторые – это те, кто сии тайны постигает и в итоге совершит открытие. Такова была мысль?

А.М. Ну, можно и так сказать... Говоря упрощённо, лагеря, действительно, два, хотя можно было бы в каждом лагере выявить ещё какие-то свои подгруппы. Западные учёные, которые входят в первый лагерь, не очень жалуют нашу науку (а иногда даже просто не знают о достижениях отечественной компаративистики) и идут своим путём, развивая те направления лингвистики, которые считают приоритетными. Есть и у нас в стране свои скептики, которые примыкают к этому лагерю. Большинство же наших лингвистов верит в возможность таких глубоких сравнений и реконструкций, но только с опорой на фонетические соответствия, методы лексикостатистики и глоттохронологии.

Идея, которую предложил Иллич-Свитыч и его последователи, не несет в себе ничего нового. Это тот же метод ступенчатой реконструкции, когда сравниваются языки отдельных семей, на их основе производятся промежуточные реконструкции (праиндоевропейский, прауральский, праалтайский, пракартвельский и так далее), затем промежуточные реконструкции снова сравниваются между собой, давая реконструкции нового уровня (праностратический). В этом смысле модель рабочая и не вызывает серьёзных нареканий. Проблема часто сводится именно к тому, что чем глубже лингвисты копают, тем более проблематично добиться какого-то чёткого результата, используя стандартные методы. Но это уже всё трудные вопросы методологии, о которых мне самому известно не так много.

М.К. А стишок Иллич-Свитыча насколько близок к реальному праностратическому? Смог бы его понять древний носитель этого языка?

А.М. Это трудный вопрос. Я не смогу сказать определённо, насколько данная реконструкция близка к исторической реальности. Я думаю, что стих Иллич-Свитыча постигнет та же судьба, что и басню Шлейхера, а именно – его ещё не раз пересмотрят, перепишут, когда реконструкция праностратического языка будет усовершенствована. Пока же это всего лишь проба пера, опыт первопроходца.

М.К. Я вот смотрю на этот стишок и вижу только одно слово, которое определённо имеется в индоевропейских языках. Мне кажется, это слово **wete* «вода». Выше мы уже сталкивались с праиндоевропейским словом **wódy*, от которого происходят английское *water* и русское *вода*. А в уральских, алтайских и прочих языках это слово разве похоже?

А.М. Хочу заметить, что сами варианты ностратической реконструкции у разных авторов могут отличаться. Иллич-Свитыч получил в результате реконструкции слово **wete*. Арон Долгопольский в своём словаре приводит близкий вариант **weté*. Сергей Анатольевич Старостин реконструирует в праностратическом слово **wetV* (здесь *V* обозначает некоторый гласный, который нельзя однозначно восстановить). В данном примере различия не очень существенны, но в случае с другими словами очень многое может не совпадать. Я далее буду придерживаться реконструкции Старостина.

Слово **wetV* мы получаем на основе нескольких промежуточных реконструкций. В прауральском надёжно реконструируется слово **wete* «вода», которое присутствует во многих языках (финское *vesi*, эрзянское и мокшанское *ведь*, венгерское *víz* и т. д.). В праалтайском реконструируется основа **udV-* «дождь» (встречается в тунгусо-маньчжурских и корейском). Для прадравидийского была реконструирована основа **jēd-* «вода; река».

Однако в праостратическом могло быть не одно слово со значением «вода». В праиндоевропейском мы уже обнаруживали слово **h₂ék^weh₂* «вода», из которого возникло латинское *aqua* «вода». Ему соответствуют прауральское **joke* «река» (финское *joki*, эстонское *jõgi*, венгерское *jó*) и праалтайское **jək`i* «жидкость; течь» (обнаруживается в тюркских, тунгусо-маньчжурских языках и японском). Отсюда получаем второе ностратическое слово **ʕEku* «вода».

М.К. А слово **K̥elHä* в самом начале стиха значит «язык»?

А.М. Да, слово **K̥ä[lH]ä* (снова реконструкция Старостина) означает «язык», оно восстанавливается преимущественно на основе уральского и алтайского материала. Для прауральского реконструируется слово **kele* «язык» (финское *kieli*, эстонское *keel*, эрзянское *кель*, мокшанское *кяль*), для праалтайского – **k`iali* «язык» (когнаты присутствуют в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках и корейском); в праиндоевропейском им соответствует основа **kelh₁-* «звать, кричать», в прадравидийском – **kil-* «кричать; звучать».

М.К. А может быть такое, что эти глубинные сравнения неверны? Например, в древности все языки, которые называют ностратическими, контактировали друг с другом, поэтому в них возникло некоторое количество похожих слов с близкими значениями.

А.М. Критики ностратической гипотезы как раз ссылаются на то, что именно такая ситуация и имела место, что следует говорить о некотором древнем языковом союзе, а не о макросемье родственных языков. Древние заимствования, конечно, были, а отличить их от слов родственных на такой глубине проблематично, хотя и возможно. Но вдумайся только: уже реконструировано от нескольких сотен до нескольких тысяч корней и слов праностратического языка, причём преимущественно на основе фонетических соответствий. Может быть, не все эти реконструкции в итоге останутся, какие-то будут пересмотрены. Но такое количество фонетически достоверных сопоставлений, мне кажется, случайным быть не может.

Одно их самых убедительных доказательств существования ностратической макросемьи языков является сходство некоторых местоимений: местоимения 1-го лица единственного числа во многих языках (иногда в косвенных падежах) начинаются на **t* (русское *мой*, таджикское *ман*, финское *minä*, нганасанское *мэнэ*, татарское *мин*), местоимения 2-го лица единственного числа – на **t* (русское *ты*, албанское *tí*, марийское *тый*, монгольское *чи*).

Существует база данных, которую начинал разрабатывать Сергей Старостин и некоторые его коллеги (доступна на сайте starling.rinet.ru). В ней можно отыскать множество рекон-

струированных ностратических основ и все их потомки в других языковых семьях. Рекомендую обращаться к этому ресурсу, если возникают какие-то вопросы по глубинным этимологиям. Очень впечатляет масштабность реконструкций и охват языкового материала. По нему можно разобрать весь стих Иллич-Свитыча, если захочется.

М.К. Хорошо, с ностратическими языками понятно. Но есть же ещё и другие макросемьи. В Евразии, как ты сказал, существуют ещё три. Что о них известно?

А.М. Да, на территории Евразии, как выяснилось, макросемей не так много. Кроме ностратической макросемьи я ещё называл афразийскую, сино-кавказскую и австрическую. Есть также языковые семьи и отдельные языки-изоляты, генетические связи которых даже на макроуровне пока что под вопросом. Например, к ностратическим иногда осторожно причисляют чукотско-камчатские (чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский) и эксимосско-алеутские языки (гренландский, инуктитут, центрально-юпикский и др.); нередко к уральским (и, соответственно, к ностратическим) языкам причисляют юкагирские языки на северо-востоке Сибири. Совершенно неясен статус шумерского, эламского, нивхского, айнского, древнего этрусского и многих других языков Евразии. Касаться их я не буду, только скажу, что они могли происходить из каких-то более древних праязыков, о которых нам, к сожалению, совсем ничего не известно. Иногда их сравнивают с уже известными макросемьями, но более или менее надёжного отношения к тем или иным языкам пока что нет.

С афразийской (семито-хамитской) макросемьёй мы сталкивались выше, когда рассматривали ностратическую гипотезу. Иллич-Свитыч считал, что они являются ностратическими, однако последние глоттохронологические подсчёты говорят о том, что это самостоятельная макросемья, которая стала распадаться на ветви примерно в то же время, когда существовал праностратический язык. В эту макросемью входят семитские, берберские, чадские (среди них наиболее известен язык хауса), древнеегипетский (и его последняя ступень развития – коптский язык), кушитские и омотские языки. Связи между ними стали обнаруживать ещё в XIX веке, поэтому можно считать афразийскую гипотезу одной из старейших и наиболее общепризнанных. Местоименная парадигма в афразийских языках – **n* «я» / **t* «ты» (для некоторых ветвей – **k* «я» / **t* «ты»).

Очень интересна сино-кавказская макросемья языков, которая объединяет северокавказские (нахско-дагестанские и абхазо-адыгские), енисейские (кетский), сино-тибетские языки, а также баскский язык в Пиренеях и язык бурушаски в Пакистане. Также иногда в эту макросемью включают языки на-дене в Северной Америке (к ним относятся тлингитский язык и широко известный атабаскский язык навахо), поэтому можно ещё встретить термин дене-кавказские языки. Сино-кавказская гипотеза в мире пользуется меньшей поддержкой, чем афразийская или ностратическая гипотезы, но в России имеет довольно сильные позиции. Её выдвинул Сергей Старостин и его коллеги, которые наметили основные фонетические соответствия и произвели реконструкцию довольно объёмного словаря прасино-кавказского языка. Местоименная парадигма – **z* «я» / **w* «ты».

Австрическая (аустрическая) макросемья активно исследовалась ещё в первой половине XX века, хотя определённый прогресс в её исследовании стал намечаться относительно недавно. В России одним из крупнейших лингвистов, специализирующихся на австрических языках, является представитель Московской школы лингвистической компаративистики Илья Иосифович Пейрос. Вместе со Старостиным ему удалось в некоторой степени проработать эту гипотезу, но она по-прежнему остаётся «сырой». Языки этой макросемьи распространены на большом пространстве Юго-Восточной и Восточной Азии, Океании, а также на острове Мадагаскар. В её состав входят четыре семьи: австронезийская (малайско-полинезийские, тайваньские языки; самые крупные языки малайско-полинезийской подсемьи – тагальский, себуанский, малагасийский, индонезийский, малайский, яванский, гавайский, маори и др.), тай-кадайская (тайские, кам-суйские, кадайские и др.; самые крупные языки – тайский, исанский, чжуанский, лаосский, шанский), австроазиатская (мунда, мон-кхмерские, никобарские; наиболее крупные языки – кхмерский и вьетнамский) и хмонг-мьенская (другое название – мяо-яо). Из всех гипотез макроуровня эта, наверное, наименее обоснованная, так как даже с классификациями на уровне семей ещё не всё до конца понятно. Возможная местоименная парадигма – **k* «я» / **m* «ты».

Все эти четыре макросемьи, как считается, существовали в Евразии примерно в одно и то же время, их распад в основном приходится на начало неолитической эпохи.

М.К. А что можно сказать о макросемьях в других регионах мира? Нам они вообще известны?

А.М. Говорить о макросемьях в других регионах мира труднее, так как языки Африки, Северной и Южной Америки, Австралии, Папуа – Новой Гвинеи продолжают исследоваться, их классификации уточняются как раз в наше время. Кое-что всё же я могу о них рассказать.

Африка является очень проблемным регионом. Количество языков на континенте может достигать двух тысяч, из которых хорошо исследованы, наверное, лишь несколько десятков самых крупных языков, а несколько сотен исследованы удовлетворительно. Всё остальное языковое разнообразие Африки ждёт своих исследователей. Однако даже при таком уровне знаний о языках Африки американец Джозеф Гринберг в 1950-1960-е годы сумел распознать там четыре языковых макросемьи: афразийская (значительная часть языков этой макросемьи распространена именно в Северной Африке), нигер-кордофанская (бенуэ-конголезские, кордофанские, манде, атлантические, иджойдские, догонские, кру, сенуфо, адамава-убангийские, ква; наиболее известны бенуэ-конголезские языки банту – суахили, лингала, руанда, конго, зулу, коса и др., атлантические – волоф, фула и др.), нило-сахарская (фурские, центральносуданские, восточносуданские, каду, кулякские, команские, сахарские, сонгайские, мабанские языки и некоторые изоляты) и койсанская (щёлкающие языки «бушменов» и «готтентотов», живущих в пустыне Калахари, на юге Африки, а также, возможно, изоляты сандаве и хадза в Танзании).

Следует сказать пару слов о том, как Гринберг классифицировал африканские языки, не располагая исчерпывающей информацией по большинству из них. Его метод массового сравнения (*mass comparison*) сильно отличается от классическо-

го сравнительно-исторического метода, который предполагает установление фонетических соответствий и языковую реконструкцию. Он состоит в том, что для какого-то массива языков в большом количестве находятся созвучные слова с близкими значениями или сходные морфемы, что якобы должно указывать на их родство. Так, собственно говоря, опираясь на свою интуицию и такой сомнительный метод, Гринберг и получил эти четыре макросемьи Африки. Научным сообществом такая классификация была принята как предварительная, но она постепенно уточняется.

Используя метод массового сравнения, Гринберг классифицировал и все остальные языки мира. Так, папуасские языки Новой Гвинеи, аборигенные языки Тасмании и Андаманских островов он объединил в индо-тихоокеанскую макросемью (последователи Гринберга причислили к ним также языки-изоляты кусунда и нихали). Позднее Гринберг взялся за языки Американского континента и предложил считать все индейские языки Америки, исключая эскимосско-алеутские и на-дене языки, в одну америндскую макросемью. Наконец, почти все языки Евразии он объединил в евразийскую макросемью (что уже близко к ностратической гипотезе).

Последние три гипотезы Гринберга (индо-тихоокеанская, америндская и евразийская) сегодня активно критикуются, большинство специалистов в мире говорят о том, что эти построения неверны. Может быть, гениальная интуиция Гринберга, действительно, подвела, не все его классификации подтвердятся со временем, однако он всё равно, на мой взгляд, является выдающейся фигурой в лингвистике. Метод, которым пользовался Гринберг может быть полезен только для первичной проработки

языкового материала, но по его тропам пройдут другие лингвисты, которые уточнят все классификации, более точными методами определят степень родства языков в рамках макросемей, постулируемых Гринбергом, и сумеют подтвердить или опровергнуть его масштабные построения. Но всё это в будущем.

М.К. В далёком будущем?

А.М. Надеюсь, что нет. Слишком долго тянуть с этим в любом случае нельзя, поскольку, как я говорил в наших предыдущих беседах, языки вымирают быстро. Многие языки Африки, Австралии или Папуа – Новой Гвинеи, которые застали исследователи ещё в первой половине XX века, к началу XXI века уже вымерли, а информации по ним было собрано крайне мало либо она не всегда может быть достоверной. Сегодня есть оборудование и программное обеспечение, которое позволяет ускорить процесс сбора информации, произвести более точный анализ собранных данных, даже построить классификацию, но и с этим подспорьем учёные не справляются. Языков слишком много, а толковых лингвистов, готовых заняться полевыми исследованиями, слишком мало.

М.К. Мы с тобой рассмотрели кратенько все существующие на данный момент макросемьи. Позволь теперь задать тебе резонный вопрос: а могут ли все эти макросемьи далее восходить к какому-то единому общему предку – «прапрапраязыку» всего человечества?

А.М. Боюсь, что это уже слишком «глубокая вода». Никакие научные методы сейчас не способны дать нам ответ на этот вопрос. По сути, мы возвращаемся к вопросу о моногенезе и полигенезе языков. Если мы будем придерживаться гипотезы моногенеза, которая говорит нам о том, что язык возник в каком-то одном месте и стал распространяться по миру вместе с *Homo sapiens*, то ответ будет утвердительным: все названные макросемьи будут входить в единый прамировый язык, который возник где-то в Африке и, возможно, там же стал дивергировать. Если же верна гипотеза полигенеза (а она, напомним, имеет меньше приверженцев), то ответ на такой вопрос дать просто невозможно.

Многих компаративистов второй половины XX – начала XXI века будоражил вопрос о прамировом языке. В конце XX века американец Гарольд Флеминг выдвинул довольно интересную борейскую гипотезу (от древнегреческого *Boréas*, Βορέας «север»), которая объединяла большинство языков Евразии и Америки. Старостин, который также грезил о «языке Адама», продолжил работу над ней и даже попытался что-то реконструировать на праборейском языке. О турите («протобашенном языке») говорит и наш замечательный лингвист Александр Юрьевич Милитарёв. Но всё это пока очень осторожные гипотезы, не подкреплённые никаким лингвистическим материалом. Как узнать то, что было десятки тысяч лет назад, когда максимальная глубина, на которую учёные смогли пробиться, составляет не более 15 тысяч лет? Я, конечно, верю в то, что метод ступенчатой реконструкции сможет когда-нибудь хотя бы приблизить человечество к разгадке тайны прамирового языка, но

для начала нужно хотя бы разобраться с макросемьями. В общем, ждать этого в скором будущем точно не стоит.

М.К. Очень впечатляет, когда археологи обнаруживают какой-то древний артефакт, показывают его всем, говоря, что ему десять-двадцать тысяч лет. Но то, что делают лингвисты, производит на меня ещё большее впечатление. Вместо древнего топора или рубила они «откапывают» целый древний язык. Разве это не чудо? Пускай это пока всего лишь праностратический или прасино-кавказский, но это уже невообразимая древность! Я присоединюсь к твоему оптимизму и тоже буду верить в то, что когда-нибудь лингвисты всё исследуют, всё откроют, докопаются до «языка Адама», а следом ещё и до «языка Евы», и тогда мы, наконец, узнаем, как говорили наши древние предки в Африке.

А.М. Очень хочется на это надеяться.

М.К. Может быть, порекомендуешь ещё что-нибудь почитать дополнительно по макросемьям?

А.М. Да, конечно. Есть две книги, которые я бы мог посоветовать. О вопросах макрокомпаративистики очень хорошо и понятно рассуждает лингвист Георгий Сергеевич Старостин (сын Сергея Анатольевича Старостина) в своей книге «К истокам языкового разнообразия». Эта книга написана в виде диалога (почти как у нас с тобой) с известным в нашей стране бизнесменом и учёным Евгением Яновичем Сатановским, который выступает в роли интервьюера. Вместе с Георгием Старостиным

на вопросы отвечают и другие известные российские лингвисты: Анна Владимировна Дыбо, Александр Юрьевич Милитарёв и Илья Иосифович Пейрос. Для более продвинутого знакомства со сравнительно-историческим языкознанием также советую обратиться к учебнику для вузов «Сравнительно-историческое языкознание», написанному Светланой Анатольевной Бурлак и Сергеем Анатольевичем Старостиным.

Глава 4. Фонетические закономерности

М.К. Наконец-то мы добрались к фонетическим законам. Выше они уже не раз упоминались, но не было конкретики. Я хочу, чтобы ты как-то продемонстрировал мне на примере, что вообще такое фонетические законы и как они работают.

А.М. Немало примеров, на самом деле, я уже привёл выше. Мы встречали соответствия латинского сочетания *ct* [kt] в других романских языках: в итальянском – *tt*, в испанском – *ch* [tʃ], в румынском – *pt* и т. д. Так, из латинской формы *noctem* (форма винительного падежа существительного *nox* «ночь») происходят итальянское *notte* «ночь», испанское *noche* «ночь» и румынское *noapte* «ночь»; латинское *factum* «факт; сделанное» даёт нам итальянское *fatto* «сделанный», испанское *hecho* «сделанный» и румынское *fapt* «факт; событие»; латинское *lactem* «молоко» (из *lac*) даёт итальянское *latte* «молоко», испанское *leche* «молоко» и румынское *lapte* «молоко». Эти примеры демонстрируют, что латинское сочетание согласных *ct* в определённых условиях всегда даёт один и тот же результат в других романских языках. Собственно, это и есть фонетическая закономерность.

Однако нужно исключать случаи прямого заимствования, в которых эти закономерности уже не соблюдаются. Так, из латинских слов *doctor* «учитель» (от глагола *doceō* «учить») и *actor* «деятель, действующий; актёр» (от *āctus* «действие», далее от *agō* «действовать») происходят итальянские существительные *dottore* «доктор» и *attore* «актёр», но в испанском и румын-

ском мы найдём только слова *doctor* «доктор» и *actor* «актёр», потому что это прямые заимствования из латыни.

Если мы возьмём любые другие родственные языки и сопоставим слова, имеющие общее происхождение, то найдём немало подобных закономерностей. Например, легко обнаружить, что польское *rz* [z] соответствует русскому *p*: *rzeka* ['zɛka] – *река*, *rzecz* [zɛtʂ] – *речь*, *rząd* [zɔnt] – *ряд*, *rzodkiew* ['zɔtkiɛf] – *редис* и т. д. Немецкое *f* часто соответствует английскому *p*: *sleep* – *schlafen* «спать», *deep* – *tief* «глубокий», *ship* – *Schiff* «корабль», *ape* – *Affe* «обезьяна» и т. д. Всё это тоже фонетические закономерности, потому что во всех таких случаях мы наблюдаем строгие соответствия, которые простыми совпадениями быть не могут, так как они не единичны.

М.К. Как интересно. И на уровне более далёких языков такие соответствия так же легко прослеживаются?

А.М. Конечно. Вспомни хотя бы примеры с праиндоевропейским корнем **b^her-* «нести» из предыдущей части нашей беседы. От него в русском языке произошёл глагол *брать* с начальным *б*, но в греческом от него же происходит глагол *φέρω* (*phérō*) «носить» с начальным *φ* (*ph*), а в латыни – *ferō* «носить» с начальным *f* (от того же корня, из формы **b^hrtis*, происходит латинское *fors* «случай», в родительном падеже – *fortis*, от которого образовано слово *fōrtuna* «судьба»). Если выражаться более корректно с фонетической точки зрения, то следовало бы сказать, что русский согласный [b] в данном случае является рефлексом праиндоевропейского придыхательного согласного **b^h*,

от которого в древнегреческом развился глухой придыхательный [p^h], в латыни – [f].

В санскрите праиндоевропейский придыхательный *b^h закономерно даёт bh [b^h], в английском и армянском – [b]. Поэтому к корню *b^her- мы так же легко можем возвести санскритское भरति (bháratī) «носить», армянское բերակ (berem) «носить», английское bear «носить; выносить; рождать».

Один пример такого далёкого соответствия нас, конечно, может не убедить, ведь слова приведённых выше языков уже менее похожи, чем слова близкородственных языков. Но соответствие русского *б*, латинского *f*, древнегреческого *φ* (ph), санскритского *bh*, возводимых к праиндоевропейскому придыхательному *b^h, наблюдается практически во всех случаях. Например, от корня *b^heyh₂- «бояться» происходит русское слово *бояться*, латинское *foedus* «гадкий, отвратительный» и санскритское भयते (bháyate) «бояться»; от корня *b^hleh₃- «цветок» происходят английские слова *bloom*, *blossom* «цветок», латинские *flōs* «цветок», *folium* «лист» и древнегреческое φύλλον (phúllon) «лист»; праиндоевропейское слово *b^hréh₂tēr «брат» закономерно даёт нам русское *брат*, английское *brother*, латинское *frāter* «брат», древнегреческое φράτηρ (phrátēr) «член фратрии, братства» и санскритское भ्रातृ (bhrátṛ). Список можно продолжать.

Русский согласный *б*, однако, может происходить также от праиндоевропейского непридыхательного *b, которому в латыни, древнегреческом и санскрите также соответствует [b]. Например, от корня *bel- «сильный» происходит русское прилагательное *большой*, а также латинское *dēbilis* «слабый» (с пре-

фиксом *dē-* «из-, от-»), древнегреческое *βελτίον* (*beltiōn*) «лучше» и санскритское *बल* (*bala*) «сила». И это не исключение, а всего лишь новое правило, которое касается только рефлексов непридыхательного **b*.

М.К. Насколько я поняла, каждой праиндоевропейской фонеме соответствуют различные фонемы в языках, происходящих из праиндоевропейского. Существует ли какой-нибудь исчерпывающий список таких соответствий, чтобы ими можно было воспользоваться в своей работе этимологу или, может быть, даже обычному любителю, вроде меня?

А.М. Да, таблицы соответствий, конечно, существуют, они очень объёмные, так как включают соответствия всех известных гласных, согласных, дифтонгов, слоговых сонантов и звукосочетаний праиндоевропейского языка фонемам основных языков-потомков. Такими таблицами пользуются профессиональные этимологи или те, кто разбирается в индоевропейской фонологии, копает глубже, чем средний студент-лингвист. Я приведу тебе один фрагмент такой таблицы, где представлены лишь некоторые согласные.

ПИЕ	Санскр.	Ст.-слав.	Литовск.	Др.-греч.	Лат.	Готск.
<i>*p</i>	<i>p</i> <i>ph</i>			<i>p</i>		<i>f</i> <i>b</i> [β]
<i>*t</i>	<i>t</i> <i>th</i>			<i>t</i>		<i>þ</i> [θ] <i>d</i> [ð] <i>t</i>

*k	<i>ś</i> [ɛ]	<i>s</i>	<i>ś</i> [ʃ]	<i>k</i>	<i>c</i> [k]	<i>h</i>	
*k	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>			<i>p</i> <i>t</i> <i>k</i>	<i>g</i> [ɣ]
*k^w	<i>c</i> [tʃ] <i>kh</i>	<i>č</i> [tʃ] <i>c</i> [ts]					<i>qu</i> [k ^w] <i>c</i> [k]
*b	<i>b</i> <i>bh</i>	<i>b</i>				<i>p</i>	
*d	<i>d</i> <i>dh</i>	<i>d</i>				<i>t</i>	
*ǵ	<i>j</i> [dʒ] <i>h</i> [ɦ]	<i>z</i>	<i>ž</i> [ʒ]	<i>g</i>		<i>k</i>	
*g	<i>g</i> <i>j</i> [dʒ] <i>gh</i> <i>h</i> [ɦ]	<i>g</i> <i>ž</i> [ʒ] <i>dz</i>	<i>g</i>	<i>b</i> <i>d</i> <i>g</i>	<i>v</i> [w] <i>gu</i> [g ^w]	<i>q</i> [k ^w]	
*b^h	<i>bh</i> [b ^h]	<i>b</i>		<i>ph</i> [p ^h]	<i>f</i> <i>b</i>	<i>b</i> [b] <i>b</i> [β] <i>f</i>	
*d^h	<i>dh</i> [d ^h]	<i>d</i>		<i>th</i> [t ^h]	<i>f</i> <i>d</i> <i>b</i>	<i>d</i> <i>d</i> [ð] <i>β</i> [θ]	
*ǵ^h	<i>h</i> [ɦ]	<i>z</i>	<i>ž</i> [ʒ]	<i>kh</i> [k ^h]	<i>h</i> <i>h/g</i>	<i>g</i>	
*g^h	<i>gh</i> [g ^h] <i>h</i> [ɦ]	<i>g</i> <i>ž</i> [ʒ] <i>dz</i>	<i>g</i>				<i>g</i> [ɣ] <i>g</i> [x]
*g^{wh}						<i>ph</i> [p ^h] <i>th</i> [t ^h] <i>kh</i> [k ^h]	<i>f</i> <i>g/u</i> [w] <i>gu</i> [g ^w]

Существуют и более простые таблицы соответствий, в которых легко разберётся даже обычный любитель. Например,

неплохая таблица есть в книге Юрия Владимировича Откупщикова «К истокам слова: Рассказы о науке этимологии».

М.К. Связь славянского согласного [b] с латинским [f] или древнегреческим [p^h] ещё можно объяснить. Эти звуки образуются очень похожим образом, почти в одном месте, поэтому меня не удивляет, что древнее *b^h превратилось в латинское f и древнегреческое [p^h]. Но вот соответствия для праиндоевропейского согласного *g^w кажутся мне слишком фантастичными, особенно для древнегреческого. Как *g^w может превратиться в [b] или [d]?

А.М. Ничего фантастичного в этом нет. На самом деле все переходы из таблицы, какими бы странными они не казались, легко объяснимы фонетически. Праиндоевропейский лабиовелярный звонкий *g^w, действительно, даёт очень интересные результаты, но вполне ожидаемые. Лабиализация (от латинского *labiālis* «губной») – это огубление согласного, поэтому, например, согласный *g^w (в отличие от простого велярного *g) произносился индоевропейцами со слабым выпячиванием губ. С распадом праязыка в одном из диалектов (в данном случае в протогреческом языке) это выпячивание могло привести к переносу места образования согласного с заднего нёба к губам, так получается губно-губной (билабиальный) согласный [b]. В латинском языке точно так же получился губно-зубной (лабиодентальный) согласный [v].

Приведу на этот переход такой простой пример. Праиндоевропейский корень *g^weyh₃- «жить» с суффиксом *-wós даёт прилагательное *g^wih₃wós «живой», от которого происходит

праславянское **živъ* «живой» (русское *живой*, старославянское *живъ*, чешское *živý*, польское *żywy* и т. д.). Из того же праиндоевропейского источника происходят литовское *gyvas* «живой» и санскритское जीव (jīva) «живой». Есть соответствия и в германских языках: английское *quick* «быстрый» и исландское *kvikur* «живой; быстрый». Оба слова восходят к прагерманскому **kwikwaz* «живой», где начальное **kw-* [k^w] совпадает с готским соответствием из нашей таблицы. То есть пока таблица нас не обманула. Наконец, самые интересные когнаты мы обнаруживаем в латыни и древнегреческом. Как будет звучать слово со значением «живой» в этих языках?

М.К. Как это слово звучит по-гречески, я знать не могу. А вот по-итальянски это будет *vivo*. В латыни, наверное, тот же корень?

А.М. Мыслишь верно. В латинском есть слово *vīvus* «живой», от которого происходят итальянское *vivo* «живой» и французское *vif* «живой». Древнегреческое слово тебе тоже должно быть известно. Ты ведь изучала биологию в школе?

М.К. Точно! Слово *биология* переводится с греческого как «наука о жизни» или что-то такое. Первая часть *био-* начинается на [b].

А.М. Вот именно. Древнегреческое слово βίος (*bíos*) «жизнь» чем-то похоже на латинское *vīvus*. А в современном греческом, где буква β обозначает звук [v], оно ещё более со-

звучно с латинским когнатом. И всё чётко соответствует нашей таблице.

М.К. Но ведь для древнегреческого приведены разные соответствия. Почему же именно здесь [b], а не [d]? Где же остальные?

А.М. На то, как будет меняться согласный со временем, часто сильное влияние оказывает его окружение. Если в праиндоевропейском слове согласный стоит в начале перед другим согласным или гласными заднего ряда, то может быть один результат, а перед гласными переднего ряда – другой. Могут также влиять долгота соседнего гласного или ударение в слове.

Для древнегреческого языка обычным рефлексом праиндоевропейского согласного *g^w будет [b]. Остальные случаи довольно редки. Так, из праиндоевропейского корня *g^welb^h- «чрево» происходит древнегреческое слово *δελφύς* (delphús) «чрево», а из него далее происходят слово *δελφίς* (delphis) «дельфин» и название города *Δελφοί* (Delphoí) «Дельфы». Из праиндоевропейского *g^wén «женщина» происходит древнегреческое слово *γυνή* (gunē) «женщина; жена» (отсюда же русское слово *гинекология*).

М.К. Вот у химиков есть таблица Менделеева, а у этимологов есть вот такая таблица фонетических соответствий, взглянув на которую можно сразу понять, что родственно, а что нет. Эдакий лингвистический периодический закон.

А.М. Отлично выразилась. Менделеев, руководствуясь своим периодическим законом, мог предсказать, какими характеристиками обладали ещё не открытые учёными химические элементы. Этимологи, руководствуясь фонетическими законами, могут угадывать формы давно исчезнувших слов, не засвидетельствованных ни в одном источнике. Тут некоторая аналогия есть. Хотя я бы не стал чисто механически переносить строгость периодического закона в химии на законы фонетические. В фонетике как раз очень много сложного и непредсказуемого, что иногда выходит за рамки этой таблицы. Эта таблица объясняет многое, но далеко не всё.

М.К. А науке известно, почему происходят такие фонетические изменения, которые мы наблюдаем в этой таблице? Почему одни фонемы заменяются другими? Что заставляет их заменяться?

А.М. На этот вопрос можно ответить очень по-разному. Одни лингвисты считают, что установить причины фонетических изменений невозможно (американский лингвист Леонард Блумфилд прямо заявлял, что причины фонетических изменений неизвестны). Другие же предлагают какие-то простые объяснения, в которых есть определённая правда, но едва ли хоть одно из них может считаться исчерпывающим.

Существует принцип экономии речевых усилий, согласно которому говорящий стремится с минимальными усилиями передать информацию своему собеседнику. Для этого он может редуцировать какие-то звуки, упрощать сложные группы согласных, сливать два гласных в дифтонг, а в беглой речи и вовсе

сокращать целые словосочетания до одного «невнятного» слова. Например, обычное русское приветствие *здравствуйте* ['zdrastvuɔtʲi] у нас сокращается до *здрасьте* ['zdrasʲtʲi], а некоторые и вовсе произносят что-то типа *драсьте* ['drasʲtʲi]. В большинстве своём такие изменения под фонетические законы никак не подстраиваются, хотя кое-где встречаются закономерности, вызванные такими явлениями.

Некоторые лингвисты склонны усматривать причины отдельных изменений в том, что каждое новое поколение усваивает родной язык с едва заметными искажениями в произношении. Ведь известно, что молодёжь всегда привносит в язык что-то новое: меняется ударение, какие-то грамматические конструкции используются чаще, а какие-то реже, быстро обновляется лексика. На фонетическом уровне языковой системы, очевидно, должны происходить точно такие же изменения, но только они не должны быть слишком заметны, иначе мы получим какой-то иной акцент. На временном отрезке в 100-200 лет подобные изменения в произнесении звуков едва ли будут сильно заметны, а вот за 500-600 лет их накопится достаточно много. Это объясняет многие плавные фонетические переходы, то есть те переходы, которые осуществлялись на протяжении многих столетий и приводили к постепенному разделению языков.

Часть фонетических изменений всё же нельзя объяснить обычными плавными искажениями в речи каждого нового поколения. Ряд известных лингвистике фонетических переходов происходил в довольно короткий промежуток времени – два-три столетия. Это касается и верхненемецкого передвижения согласных, которое затронуло современный немецкий язык, и великого сдвига гласных в английском языке. Что стало причиной

таких скачкообразных сдвигов, остаётся только гадать. Надо полагать, в прошлом многие такие переходы были связаны с миграциями населения, субстратным влиянием языков коренных жителей отдельных территорий.

Свою роль, в конце концов, может играть и фактор престижа. Какие-то одни нормы произношения (например, высших слоёв общества) оказывались более престижными, чем другие, привычные и родные, и потому многие люди начинают специально переходить на новую для себя норму. Это быстро входит в привычку, становится обычным, а далее передаётся новому поколению, которое воспринимает искажения как нормальное явление родного языка.

Я думаю, что нельзя сказать, что причина фонетических переходов всего одна, потому что на фонетику оказывают влияние одновременно многие факторы. Это пока открытый вопрос.

Не могу обойти стороной и такое свойство языка, как стремление к упорядочиванию. Язык в силу своих внутренних свойств стремится к порядку, если угодно, к симметрии, и если происходит в каком-то конкретном языке одно частное изменение, одна фонема вдруг переходит в другую под влиянием одного из тех внешних факторов, которые я назвал чуть выше, то вслед за этим начинается цепная реакция, другие фонемы начинают также изменяться, и в конце концов формируется новая фонетическая система.

М.К. Мы в прошлой части беседы уже говорили о том, что русские, украинцы и белорусы некогда использовали один язык – древнерусский. Сегодня у каждого из этих трёх народов есть свой собственный национальный язык: русский, украин-

ский, белорусский. Сколько они существуют порознь? Какие фонетические переходы в украинском или белорусском определили различия в фонетике этих языков?

А.М. Украинский и белорусский языки начали выделяться из древнерусского в XIV веке. Тогда исторические земли Западной и Юго-Западной Руси (территории современных Украины и Белоруссии) попадают в зависимость от Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой. На этой территории происходит формирование так называемого западно-русского языка, который до XVII века был письменным и официальным языком литовской канцелярии и на котором были изданы первые книги на восточнославянском языке. Сами носители скромно называли его «русским языком» или «простой мовой». Именно этот язык современные украинские филологи называют староукраинским, а белорусские – старобелорусским (разделение данных понятий не всегда чёткое, но обычно принято отделять белорусские и украинские говоры западнорусского языка, распространённые, в свою очередь, на различных территориях). В XVIII-XIX веках появляются литературные языки. Нетрудно посчитать, что до нашего времени процесс выделения этих языков занял примерно 600-700 лет.

Некоторые отличия на фонетическом уровне я попробую продемонстрировать на примере украинского. Их всего не так много, изменения в украинской фонетике происходили довольно медленно.

В украинском языке праславянский гласный **ě* развился в *i* [i]. Например, праславянское **sněgъ* «снег» даёт древнерусское и старославянское *snъgъ*, современное русское *снег*, но в

украинском это слово уже имеет вид *сніг* [sɲi'ɦ]. Подобное явление также обнаруживается в северных и среднерусских диалектах. Также в закрытом слоге украинскому *i* [i] соответствуют русские гласные *o* [o] и *e* [e]: праславянское **kotъ* даёт русское *кот* и украинское *кіт*; праславянское **nesti* даёт русское *нести* и украинское *нести*, но формы прошедшего времени *нёс* и *ніс* различаются.

Известная черта украинской фонетики – наличие фрикативного согласного *ɟ* [ɦ], который соответствует русскому взрывному *ɟ* [g]. Так, слово *гора* в украинском произносится как [ɦo'ra], а в русском – как [gɐ'ra]. Подобное явление характерно для южнорусских диалектов, а также для белорусского, чешского, словацкого и верхнелужицкого языков.

Ещё одной чертой украинской фонетики является вокализация согласного *l* [l]. Это явление можно наблюдать на примере таких слов, как *вовк* «волк», *жовтий* «жёлтый», *повністю* «полностью»; его мы можем встретить и на конце форм глаголов в прошедшем времени: *пив* «пил», *думав* «думал», *бачив* «видел».

Существует ещё много других фонетических расхождений с русским языком, которые мы легко можем подметить в речи украинцев. Не меньше расхождений и грамматических. Но не нужно думать, что это украинский ушёл от русского. На самом деле украинский и русский примерно в разной степени удалялись от исконного древнерусского состояния, в этих языках происходили разные переходы. Например, в русском языке существует такое фонетическое явление, как аканье, то есть неразличение [o] и [a] в безударном слоге. Так, в русском слове *корова* [kɔ'rovə] безударный первый слог произносится ближе к [a],

тогда как в украинском слове *корова* отчётливо слышится исконная [o]: [кo'гoвн]. Аканье характерно для северо- и средне-русских диалектов, а для также белорусского языка.

М.К. А русский язык сегодня удаляется от своего исконного состояния? Если да, то мы можем это как-то сами заметить?

А.М. Если мы читаем литературу XIX века, то не обнаружим существенных отличий в фонетике с современным русским языком. Многие различия будут касаться разве что лексики. Обратившись к памятникам русского языка XVII-XVIII веков, мы всё ещё будем способны понять текст, хотя это будет уже чуть-чуть сложнее. Мы даже сможем понять, например, переписку Ивана Грозного и Андрея Курбского XVI века. Но сможем ли мы с такой же лёгкостью без специальной лингвистической подготовки прочитать оригинальный древнерусский текст «Слова о полку Игореве», написанного в конце XII века? Очень сомневаюсь. За восемь с лишним столетий изменений в фонетике, лексике, синтаксисе накопилось так много, что язык этого произведения кажется нам совсем непонятным. Мы ощущаем, что язык «Слова...» и наш современный язык как-то связаны, но в то же время древнерусский язык стал для нас чужим.

Если раньше происходили такие медленные изменения, постепенно накапливавшиеся и разделявшие языки, то почему они не должны происходить сегодня? Они происходят, но через одно или два поколения мы их почти не замечаем. Всё же какие-то мелкие фонетические сдвиги мы можем обнаружить.

Например, раньше сочетание *чн* в словах *булочная*, *прачечная*, *скворечник*, *горчичник* читалось как [ʂn], как того требу-

ет московское произношение. Сегодня в речи молодёжи это же сочетание часто произносится как [tɛn] в приведённых словах, даже слова *конечно* и *яичница* иногда произносятся «по-новому». Если тенденция к произнесению [tɛn] под влиянием письменной нормы станет преобладающей, то можно будет говорить о маленьком фонетическом переходе. Но нужно время, чтобы понять, совершится ли такой переход или всё вернётся в исходное состояние.

Другой пример, касающийся уже морфонологии. Многие десятилетия в среде филологов идёт спор о том, как следует образовывать глаголы несовершенного вида от глаголов совершенного вида *оспорить*, *освоить*, *обустроить*, *удостоить*, *приурочить*, *просрочить* и т. д. Как ты сама их обычно образуеть?

М.К. Ну, обычно так: *оспаривать*, *осваивать*, *обустраивать*, *удостаивать*, *приурачивать*, *просрачивать*. Тут вроде везде происходит замена *о* на *а*, то есть имеется чередование в корне.

А.М. А вот у Пушкина написано следующее: «Веленью божию, о муза, будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно, / И не оспаривай глупца». Почему же у нашего великого поэта мы встречаем слово *оспаривай*, а не *оспаривай*?

М.К. Я не знаю, почему так произошло. Просто все так говорят, я так выучила это слово.

А.М. Вот видишь, последние три-четыре поколения употребляют новые варианты этих глаголов несовершенного вида, совсем не задумываясь, как это делать правильно. А правильно (с точки зрения нормы) будет так: *оспаривать*, *осваивать*, *обустраивать*, *удостаивать*, но: *приурочивать*, *просрочивать*. Колебания относительно выбора некоторых форм были ещё в XIX–XX веках, но сегодня установились такие нормы.

Некоторые преподаватели старой закалки в ярости зачёркивают даже слово *оспаривать* в сочинениях своих учеников – негодуют, когда кто-то «перечит» Пушкину. Я думаю, напрасно. Дети не виноваты в том, что на их век выпало такое серьёзное морфонологическое изменение, свойственное речи их родителей, бабушек и дедушек. В будущем, я думаю, и слова *приурочивать*, *просрочивать* будут произноситься и писаться так, как ты предложила, ведь уже многие так говорят и пишут, не видя в этом никакой ошибки. То есть процесс всё ещё идёт.

В течение нескольких сотен лет в русском языке произойдёт ещё много подобных мелких изменений, которые в сумме приведут к изменению фонетического и грамматического облика русского языка. Когда у тебя будут правнуки, я думаю, ты заметишь, что они будут говорить немного не так, как ты говорила в свои годы, а их правнуки будут говорить ещё менее понятно.

М.К. Наверное, ты прав. Сегодня мы сами коверкаем русский язык, искажаем норму, а через много лет будем детей и внуков своих ругать за порчу языка.

А.М. Я не считаю это порчей языка. Это скорее новая норма, а не искажение нормы. Что правильно или неправильно в языке – это решают не люди и даже не организации, которые регулируют языковую норму, а сам язык.

М.К. Кстати, ударение ведь тоже меняется. Иначе как ещё объяснить то, что принято говорить *звони́т*, а многие говорят *звóнит*? Также режет слух, когда говорят *до́кумент* или *доку́мент*, а не *докуме́нт*. Это, кажется, всё из той же серии? Формируется какая-то новая норма?

А.М. Да, акцентология русского языка также претерпевает изменения. В древнерусском она была более простой, хотя ударение и тогда не было фиксированным на определённом слоге, как в чешском или польском языках. Были строгие правила, которые определяли место ударения в слове. Например, в слове *пра́вда* ударение стоит (и всегда стояло) на первом слоге, а в слове *правди́вый* – на предпоследнем. Но исторической нормой в последнем слове было ударение на корневой гласный. Суффикс *-ив* сегодня просто оттянул его на себя, что прослеживается почти во всей совокупности слов с этим суффиксом (исключения составляют слова *юро́дивый* и *ми́лостивый*). И такого рода примеров регулярных сдвигов ударений много.

По сути дела, происходит разрушение старой системы ударений и переход к новой системе, а на данном этапе мы наблюдаем полный «акцентологический хаос», из-за которого иностранцы, изучающие русский язык, так страдают. Это, как предполагают лингвисты, не просто эпизодические сбои в норме, а очень значительный процесс, который приведёт к появлению

какой-то другой, более простой системы, где всё также будет подчинено определённым правилам. Мы, выбирая между вариантами *звонít* и *звóнит*, *творóг* и *твóрог*, *взяло* и *взяло́*, по сути, просто поддерживаем этот процесс. Из-за наличия строгой литературной нормы это будет происходить долго и, возможно, с некоторыми нарушениями, но старая норма всё равно уйдёт, а новая закрепится.

М.К. Я сейчас по-настоящему задумалась над тем, насколько изменчив язык. Меня завораживают эти масштабные сравнения, где я вижу различные изменения в фонетике и грамматике. И происходит это прямо на наших глазах, только мы этого почти не видим. Правильно сказал один известный поэт: «Большое видится на расстоянии».

А.М. С этим не поспоришь. Правильно сказал один известный философ: «Всё течёт, всё меняется».

М.К. Давай вернёмся к фонетическим соответствиям. Когда мы с тобой изучали ту чудесную табличку, ты говорил, что она объясняет многое, но далеко не всё. Что ты имел в виду? Что есть случаи, когда фонетические законы не работают?

А.М. Фонетические законы работают в большей части слов, где та или иная фонема находится в определённой позиции. Но не бывает ничего идеального в нашем материальном мире. В фонетике различных языков могут наблюдаться такие явления, которые следует объяснять, выйдя за рамки идеальных соответ-

ствий. Например, возьмём английское слово *day* «день». Какому русскому слову оно может быть родственно?

М.К. Я думаю, что оно родственно русскому слову *день*. Если ориентироваться на табличку, то общий предок этих слов в праиндоевропейском языке должен был начинаться на $*d^h$. Непридыхательный $*d$ в готском языке даёт *t*, что, наверное, также справедливо и для английского.

А.М. Соглашусь лишь с тем, что праиндоевропейский корень начинался с придыхательного $*d^h$. Я даже приведу всю цепочку изменений: английское *day* ← древнеанглийское *dæg* ← прагерманское $*dagaz$ ← праиндоевропейское $*d^h o g^{wh} os$, из корня $*d^h e g^{wh}$ - «жечь». Для русского слова *день* цепочка будет иная: русское *день* ← древнерусское *дьнь* ← праславянское $*dънь$ ← праиндоевропейское $*deynos$, из корня $*dyew$ - «небо». Как видишь, слова *day* и *день* никак не связаны. Скажу больше: английское *day* является родственником русского слова *жечь*.

М.К. Но как это возможно? Если следовать таблице, то праиндоевропейское $*d^h$ не может дать *ж* в русском.

А.М. Верно, не может. Русское слово *жечь* восходит к праславянскому $*žegti$ ($*žeti$) «жечь», родственником которого являются литовское *degti* «жечь» и санскритское *दहति* (*dáhati*) «жечь». В праславянском, конечно же, ожидалось бы начальное $*d$; наблюдаемое нами в реальности праславянское $*ž$ могло развиваться только из $*g$, $*g^w$, $*g^h$, $*g^{wh}$, но такого праиндоевропейского корня, который бы нас устраивал, просто нет. Тогда линг-

висты предположили, что в праславянском слове произошёл нерегулярный переход начального *d в *g в результате уподобления звуков – ассимиляции (от латинского *assimulātiō* «уподобление; сходство»). Иными словами, слово *žegti (*žeti) возникло из формы типа *gegti, далее из *degti. Это же фонетическое явление лежит в основе изменения латинского *ct* в итальянское *tt* – согласные уподобляются, но здесь ассимиляция даёт регулярное изменение.

Мы уже обсуждали этимологию русского слова *руль* во второй части нашей беседы, посвящённой этимологии. Впервые оно появилось во времена Петра I в форме *рурь*. Несложно догадаться, что слово голландского происхождения, как и многое другое, появившееся в петровскую эпоху. Нидерландское *roer* в современном понимании – это тоже «руль (корабельный)», а у его предка – прагерманского слова *rōbrą – было значение «весло»; отсюда же английское *rudder* «судовой руль» и немецкое *Ruder* «весло». Также мы затрагивали происхождение слова *февраль*, которое ранее имело вид *феврарь* и происходит из латинского *februārius*. В обоих случаях мы имеем дело с явлением расподобления звуков – диссимиляции (от латинского *dissimulātiō* «сокрытие, утаивание»).

Бывают случаи совсем иного рода. В некоторых словах может происходить «рокировка» фонем, которая называется метатезой (от древнегреческого *μετάθεσις*, *metáthesis* «перемещение; перестановка»). Например, от праиндоевропейского корня *d^heiǵ^h- «лепить, придавать форму» происходят латинское *fungō* «лепить; формировать», английское *dough* «тесто» и немецкое *Teig* «тесто». К тому же корню возводят русские слова *зодчий*, *здание*, *созидать*, а также древнерусское слово *зьдъ* «глина;

стена», восходящее к праславянскому **zidь*. Семантически слово **zidь* легко связать с корнем **d^heiǵ^h-*, но фонетически невозможно, чтобы праславянское **z* произошло из праиндоевропейского придыхательного **d^h*, а праславянское **d* – из праиндоевропейского **ǵ^h*. Лингвисты сделали предположение, что в праиндоевропейском корне **d^heiǵ^h-* произошла метатеза, то есть согласные **d^h* и **ǵ^h* просто поменялись местами. Тогда становится возможным отнесение праславянское **zidь* к данному корню.

Ассимиляция, диссимиляция, метатеза – всё это так называемые комбинаторные изменения звуков, которые время от времени происходят в словах самых разных языков. И они далеко не единственные. Распознавать их лингвисты давно научились, но они всё равно затемняют этимологию, особенно глубинную. Это говорит о том, что лингвистика (в частности, этимология) имеет дело не только с правилами, но и исключениями.

М.К. Выходит, работа этимологов не так проста, как может показаться. Я уже успела обрадоваться таблице, думала, что она знает ответы на все вопросы. А тут ещё додуматься надо, что в корне происходят какие-то посторонние замены.

А.М. В науке всегда так: есть идеальная формула и неидеальная реальность, которая всегда хоть на одну переменную да искажает результат. Этимология тут не является исключением.

М.К. А как можно объяснить эти комбинаторные изменения звуков? Почему они нерегулярны?

А.М. Изменения в языке могут быть автоматическими (регулярными) и неавтоматическими (нерегулярными). Примеры, которые я только что приводил, – это всё случаи неавтоматических изменений, то есть они прослеживаются не на всём массиве слов языка, где имеется определённая фонема в определённой позиции, а только в отдельных словах. Хотя, например, ассимиляция часто является автоматическим изменением в различных языках мира.

Ассимиляция, диссимиляция и метатеза порой даже не осознаются говорящим, особенно если он неграмотный. Иногда мы тоже можем сказать *левольвер* вместо *револьвер*, *колидор* вместо *коридор*, *комбой* вместо *ковбой* и т. д. Ещё я замечал, что далеко не у всех получается с ходу произнести сочетание слов *в расположении части*; многие говорят либо *в ласположении части*, либо *в распоряжении части*.

В принципе, мы можем знать правильную форму слова, но при этом один раз (просто случайно) или часто (по привычке) произносим его неправильно. Когда такие «неправильности» в каком-то слове становятся обычными не для одного человека, а для целых групп людей, а затем для всех носителей данного языка, то может произойти нерегулярное изменение в слове, которое в дальнейшем закрепляется литературной нормой, и тогда новая форма слова считается единственно верной, никаких вариаций не допускается. Так, сегодня форма *феврарь* была бы уже неправильной, ошибочной, хотя раньше она была единственно возможной. Другой пример: в русском языке есть слово

блин, которое в древнерусском имело вид *млинь* (ср. с украинским словом *млинець*) и, очевидно, было связано с глаголом *молоть*. Если современный школьник вместо *блин* напишет *млин*, то он опять-таки допустит ошибку, хотя раньше писали именно так.

В русском литературном языке немало примеров ассимиляции и диссимиляции, однако в диалектах, где норма более подвижная, различные комбинаторные изменения звуков встречаются гораздо чаще. Иногда такие явления хорошо видны, если сравнивать русские слова с когнатами из других родственных языков.

Поразительны и показательны некоторые примеры метатезы, которые мы можем обнаружить, выйдя за рамки русского языка и привлекая материал диалектов и других славянских языков. Например, слово *медведь* в ряде русских диалектов имеет вид *ведьмедь*, а в литературном украинском – *ведмідь*. Русское слово *ладонь* является искажением старой формы *долонь* (ср. со старославянским *длань*, украинским *долоня*, болгарским *длан*, чешским *dlaň*). Слово *крапива* в русском языке соответствует сербохорватскому *коприва* и польскому *pokrzywa* – сразу три разных варианта в трёх литературных славянских языках.

М.К. Как тогда выглядело слово со значением «крапива» в праславянском языке? Какая из этих трёх форм ближе к исходной?

А.М. Если отталкиваться от тезиса младограмматиков о том, что фонетические законы не знают исключений, то выходит, что это вообще три разных слова, так как для них рекон-

струируются три разных праформы: **kropiva*, **kopriwa* и **pokriwa*. Мне наиболее разумной всегда казалась праформа **kopriwa*, так как рефлексы именно этой формы встречаются в большинстве славянских языков: болгарское *коприва*, словенское *kopriwa*, чешское *kopřiva*, а также нижнелужицкое *kopsiwa* и верхнелужицкое *kopřywa*. Но вариант **kropiva* тоже может быть верным, его нередко связывают со словами **kropъ* «укроп» или **kropiti* «кропить». С другой стороны, оно могло возникнуть и от праславянского **kropъ* «укроп». В общем, ясности пока нет.

М.К. Ассимиляция, диссимиляция и метатеза – это единственные нерегулярные изменения в языке или есть ещё какие-то?

А.М. Таких изменений, конечно, много. Ассимиляция, диссимиляция и метатеза – это наиболее частые и известные нерегулярные изменения звуков. О них прежде всего вспоминают, когда говорят о нерегулярностях в фонетике.

Часто встречается явление элизии (от латинского *ēlīsio* «выдавливание, выталкивание») – выпадение фонемы (как правило, гласной). Элизия наблюдаются в поэзии (например, в латинской), где необходимо создать рифму. Также она может иметь чисто практическое значение – для облегчения произнесения какого-либо слова. В ряде случаев выпадения фонем являются регулярными (такое наблюдается во многих романских языках), но могут быть и случайными, то есть их невозможно объяснить никакими фонетическими законами.

Выпадение фонемы может происходить в различных частях слова. Выпадение в начале слова называется аферезой (от

древнегреческого *ἀφαίρεσις*, *apháiresis* «отнятие, лишение»); выпадение в середине слова называется синкопой (от древнегреческого *συνκοπή*, *sunkorḗ* «рубка, сечка, измельчение»); выпадение фонемы в конце слова называется апокопой (от древнегреческого *ἀποκοπή*, *apokorḗ* «отсечение, отрубание»).

Примеров выпадений различных фонем или даже целых слогов в языках мира известно очень много. Например, древнегреческое слово *ἐπίσκοπος* (*epískopos*) «надзиратель, смотритель; хранитель», заимствованное во многие европейские языки, даёт нам слово *епископ* в русском, *եպիսկոպոս* (*episkopos*) в армянском, *ეპისკოპოსი* (*episkoposi*) в грузинском и *bishop* в английском. Все слова имеют одно и то же значение, но вот английское слово совершенно не похоже на изначальную греческую форму и другие когнаты. Это объясняется тем, что оно возникло не напрямую из греческого, а через латинское *episcopus*, которое в вульгарной латыни иногда утрачивало начальный гласный, а в Англии и вовсе превратилось в **biscopo*; отсюда древнеанглийское *biscop*, которое закономерно дало современное английское *bishop*. Без начального гласного также эстонское *piiskop*, финское *piispa*, латышское *bīskaps*, литовское *vyskupas*.

Английское *lord* «хозяин, господин» происходит из древнеанглийского вид *hlāford*, *hlāfweard*, которое хорошо раскладывается на *hlāf* «хлеб» и *weard* «страж, хранитель»; то есть лорд – это, в понимании англичан раннего средневековья, «хлебобохранитель». Превращение *hlāford* в *lord* в принципе объяснимо с опорой на фонетические процессы, происходившие в английском языке на протяжении последней тысячи лет. Не совсем понятным, однако, остаётся то, куда делся согласный *f* в середине слова. С среднеанглийский период ещё можно было

обнаружить формы *lowerd* или *loverd*, но в современном языке согласный в интервокальной позиции исчез. Налицо синкопа.

Всё же наиболее частым явлением является исчезновение конечных фонем, причём оно также может быть регулярным (например, конечные гласные в английском или французском, которые не произносятся) или нерегулярным. Нерегулярным является отпадение гласных в русских словах типа *уж* (*уже*), *чтоб* (*чтобы*), *ж* (*же*) и т. д. В японском глагол *です* (*desu*) и суффикс *ます* (*-masu*) также теряют конечные гласные. В данных случаях, как говорят лингвисты, слово «стирается» от частоты использования.

Особый случай утраты фонем – гаплогогия (от древнегреческих слов *ἀπλός*, *haplós* «простой; одиночный» и *λόγος*, *lógos* «слово; речь»). Она представляет собой утрату повторяющегося слога в слове. Например, слово *близорукий* в древнерусском имело вид *близорькъ*, но повторяющийся дважды слог *зо* выпал, а затем в народной этимологии слово было переосмыслено как сложение слов *близкий* и *рука* (мол, близорукий – это тот, кто не видит дальше своей руки). Подобным же образом сокращены слоги в словах *знаменосец* (вместо *знаменоносец*) и *минералогия* (вместо *минералология*). Английский топоним *England* «Англия» происходит из древнеанглийского словосочетания *Engla land* «страна англов», в котором повторяющийся слог *la* исчез, когда словосочетание стало одним словом. Древнегреческое слово *ἀμφορέυς* (*amphoreús*) «амфора» происходит из *ἀμφιφορέυς* (*amphiphoreús*), в котором также выпал один слог.

Слова различных языков могут не только терять фонемы или целые группы фонем, но также приобретать их. Такое явление называется эпентезой (от древнегреческого *ἐπένθεσις*,

epenthesis «вставка»). Классический пример – испанское слово *hombre* «человек; мужчина». Оно происходит от староиспанского *omne* (налицо ещё одно явление – диссимиляция $m/n \rightarrow m/r$), далее – от латинского *hominem* (форма винительного падежа существительного *homō* «человек»). Французское *homme* «человек; мужчина», португальское *homem* «человек; мужчина» и итальянское *uomo* «человек; мужчина», которые ведут своё происхождение из того же источника, не имеют *b* в середине слова, зато в испанском он возник. Точно так же возник согласный *d* в английском слове *thunder* «гром», которого не было в древнеанглийском *þunor* «гром» (ср. с немецким *Donner* «гром»).

М.К. Ты выше упомянул, что наше приветствие *здравствуй*те сокращается до *здрасьте*. Также мне известно, что русское слово *спасибо* происходит из *спаси бог*. Тут тоже какие-то выпадения нерегулярного характера, надо полагать?

А.М. Для слов, которые используются очень часто, вообще характерно некоторое «упрощение», так как нам порой достаточно одного намёка на слово, чтобы его понять. Я уже говорил, что существует тенденция говорящего экономить речевые усилия. Если мы можем приветствовать друг друга более кратко, то почему бы не сделать это? Почему бы не выбросить часть «лишних» фонем или не «стянуть» целое выражение?

Возможно, ты знаешь, что английское *goodbye* изначально вообще выглядело как *God be with you* «да прибудет с тобой Бог», просто последнее выражение постепенно сокращалось в речи, стягивалось, утрачивало фонемы, и вот получилось современное простое слово. Слово *God* «Бог» было переосмыслено и

стало отождествляться с прилагательным *good* «хороший» (по аналогии с *good morning, good afternoon, good evening*). Испанское местоимение *usted* «Вы» происходит от обращения *vuestra merced* «ваша милость». Всё это аналогично тому, что происходило с русским словом *спасибо*.

М.К. Англичане вообще любят стягивать словосочетания. Вместо *I can not* они говорят *I can't*, вместо *I am going* – *I gonna*, вместо *I would* – *I'd*. Во французском, насколько я знаю, что-то подобное. И это всё также явно нарушает все известные фонетические закономерности.

А.М. Всё так и есть. Стяжение характерно для многих языков. Не могу сказать уверенно, для всех ли, но уж точно ему подвержены те языки, которые активно изучаются в мире и довольно хорошо изучены.

М.К. А выпадения целых слов из устойчивых словосочетаний относится к тому же ряду? Ну, например, когда вместо *салям алейкум* говорят просто *салям*?

А.М. Арабское приветствие *السلام عليكم* (*as-salāmu 'alaikum*) «мир вам» часто сокращается до *سلام* (*salām*), что означает «мир». Аналогичное ивритское приветствие *שלום עליכם* (*shalóm 'aleikhém*) также автоматически сокращается до одного слова *שלום* (*shalóm*) с тем же значением, что и арабское *سلام* (*salām*). Также в английском и немецком вместо *good morning* и *guten Morgen* можно сказать просто *morning* и *Morgen*. В люксембургском языке основным утренним приветствием является

Moien, тогда как полная форма *gudde Moien* употребляется довольно редко.

Всё это, однако, нельзя поставить в один ряд с теми случаями, которые мы рассматривали выше. Здесь речь идёт не о фонетических изменениях, а о синтаксисе.

М.К. Меня уже давно интересует вопрос о связи английского личного местоимения *I* «я» и немецкого *ich* «я». Когда мы говорили о родстве языков и изучали таблички с «базовыми словами», мы говорили о том, что они родственны. Мне тогда пришло на ум, что в английском как будто бы просто так исчез какой-то согласный. Это тоже было такое нерегулярное выпадение?

А.М. Ты абсолютно права. В древнеанглийском это местоимение ещё имело вид *ih* (или *ic*, *iċ*), но последний согласный был утрачен, а затем, в ходе великого сдвига гласных в английском языке, произошёл переход гласного в дифтонг.

Древнеанглийское местоимение *ih* (*ic*, *iċ*) «я» происходит из прагерманского **ek* (**ik*) «я», откуда также нидерландское *ik* «я», немецкое *ich* «я», датское *jeg* «я», норвежское *jeg* «я», шведское *jag* «я», исландское *ég* «я». Хотя на письме в этих словах согласный ещё сохраняется, он произносится далеко не везде. Так, норвежское *jeg* «я» следует произносить [jæɪ]; похожим образом произносится это местоимение и в датском языке. В немецком *ich* «я» произносится [ɪç], но в диалектах встречаются вариации: в берлинском диалекте – *ick*, *icke*, в кёльнском и пфальцском – *isch*, в гессенском – *aisch*, в баварском или швабском – *i*.

Подобное же выпадение мы наблюдаем и в русском личном местоимении *я*. Оно имеет следующие соответствия в других славянских языках: болгарское *аз*, сербохорватское *ја*, словенское *jaz*, чешское *já*, словацкое *ja*, польское *ja*. В старославянском использовалось слово *азь*, в древнерусском – *язь*. Для праславянского реконструируется форма **(j)azъ*, для праиндоевропейского же языка можно реконструировать несколько вариантов местоимения: **éǵ(h₂)*, **éǵHóm*, **éǵóh₂* (различные индоевропейские языки дают разные результаты). Если бы действовали только фонетические законы, то от древнерусской формы должен был отпасть только *ъ*, осталось бы всё остальное – *яз*. Но так случилось, что в русском и во многих других славянских языках конечный согласный *з* (*z*) отпал. Это ещё один случай, когда от частоты использования слово «стирается».

М.К. Вдруг возник вопрос. Как объясняется тот факт, что русское числительное *девять* совершенно не похоже на европейские аналоги: итальянское *nove*, немецкое *neun*, английское *nine*? Ведь числительные индоевропейских языков родственны.

А.М. Это довольно интересный случай нерегулярного изменения. Русское *девять*, украинское *дев'ять*, болгарское *девет*, сербохорватское *девет*, словенское *devet*, словацкое *devät'*, чешское *devět*, польское *dziewięć* происходят из праславянского **devęть*. Латинское *novem* (откуда французское *neuf*, итальянское *nove*, испанское *nueve*, португальское *nove*), древнегреческое *ἐννέα* (*ennéa*), санскритское *नवान्* (*návan*), персидское *نه* (*noh*), а также английское *nine*, немецкое *neun*, нидерландское *negen*

происходят в конечном счёте от праиндоевропейского числительного **h₁néwn̥* «девять». Что могло случиться такого, что праиндоевропейское **h₁néwn̥* превратилось в праславянское **devęť*?

М.К. Ты переадресовал мне мой же вопрос. Ладно, начну с очевидного. Наверное, раньше было **nevęť*, а потом стало **devęť*. Просто **n* перешёл в **d*, хотя в таблице соответствий ничего такого и в помине нет. И ты сам сказал, что это «интересный случай нерегулярного изменения».

А.М. А почему случился нерегулярный переход **n* → **d*?

М.К. Может, это диссимиляция? Фонема **n* перешла в **d*, так как далее идёт глухой **t*, близкий по звучанию.

А.М. Это очень хорошее предположение. Возможно, что это на самом деле диссимиляция. Но есть и другая версия. Это может быть и ассимиляция, только в данном случае происходит уподобление следующему по ряду числительному **desęť* «десять», которое также начинается на **d* (от праиндоевропейского **dék̑n̥* «десять»; ср. древнегреческое *δέκα*, *déka*, латинское *decem*, санскритское *दश*, *dáśa*, древнеирландское *deich* и т. д.). Такое изменение произошло, вероятно, довольно давно, поскольку латышское *deviņi* «девять» и литовское *devyni* «девять» также начинаются на *d*, хотя древнепрусское числительное *newīnjai*, ближайшее к названным балтийским когнатам, начинается на *n*.

Есть и другие интересные нерегулярности в числительных индоевропейских языков. Например, прагерманское числи-

тельное **fedwōr* «четыре» (английское *four*, немецкое *vier*, нидерландское *vier*, исландское *ffórir*), происходящее от праиндоевропейского **k^wetwóres* «четыре» (ср. латинское *quattuor*, древнегреческое *τέσσαρες*, *téssares*, санскритское चतुर, *catur*, персидское چهار, *čahâr*, русское *четыре*, литовское *keturi* и т. д.), приобрело начальный **f* под влиянием следующего числительного **fimf* «пять» (английское *five*, немецкое *fünf*, нидерландское *vijf*, исландское *fiimm*), которое происходит из праиндоевропейского **pénk^we* «пять» (древнегреческое *πέντε*, *pénte*, санскритское पञ्च, *pañcan*, персидское پنج, *panj*, русское *пять*, литовское *penki* и т. д.). Если заглянешь в таблицу фонетических соответствий, то убедишься, что праиндоевропейский **k^w* никогда не даёт в германских языках **f*, поэтому такой переход объясняют ассимиляцией по ряду.

М.К. У меня всё новые и новые вопросы возникают по поводу числительных. Почему русское числительное *восемь* так сильно отличается от итальянского *otto*, английского *eight* или немецкого *acht*? Числительные в европейских языках я ещё могу назвать родственными, но вот русское *восемь* с начальным *в* и всем остальным как-то мало вписывается. Здесь есть нерегулярности?

А.М. Нет, это уже вполне регулярное фонетическое явление – возникновение протетического **v*. Праиндоевропейское числительное **oktōw* «восемь» даёт латинское *octō* (откуда французское *huit*, итальянское *otto*, испанское *ocho*, португальское *oito*), древнегреческое *ὀκτώ* (*oktō*), санскритское अष्ट (*aṣṭa*),

персидское هشت (*hašt*), а также английское *eight*, немецкое *acht*, нидерландское *acht*, исландское *átta* и т. д. В праславянском по всем правилам фонетики должно было существовать числительное **osmь*, но так вышло, что в некоторых языках оно приобрело начальный **v* (русское *восемь*, украинское *вісім*, а также нижнелужицкое *wósyt* и верхнелужицкое *wosom, wósom*), а в других нет (старославянское *осмь*, болгарское *осем*, сербохорватское *осам*, словенское *osem*, чешское *osm*, словацкое *osem*, польское *osiem*).

Протетические согласные **v* и **j* появились в ряде славянских языков и диалектов перед определёнными гласными. Например, появление **v* перед начальными гласными **o* или **i* наблюдается обычно только в украинском, белорусском, лужицких языках, а также в некоторых русских, польских и чешских диалектах. Могут встречаться некоторые исключения, но они всегда объяснимы.

Так, русское слово *огонь*, болгарское *огън*, чешское *оheň*, польское *ogień* (из праславянского **ogŋь* «огонь», далее от праиндоевропейского **h₁ngʷnis* «огонь»; ср. латинское *ignis* «огонь», санскритское अग्नि, *agní* «огонь», литовское *ignis* «огонь») соответствуют украинскому *вогонь*, верхне- и нижнелужицкому *wogeń*; русское *овца*, болгарское *овца*, чешское *ovce*, польское *owca* (из праславянского **owьsa* «овца», далее от **h₂ówis* «овца»; ср. латинское *ovis* «овца», древнегреческое *ὄϊς, οἶς* «овца», санскритское अवि, *ávi* «овца», литовское *avis* «овца») соответствует украинскому *вівця*, нижнелужицкому *wójca*, верхнелужицкому *wowca*; русское *ухо*, болгарское *ухо*, чешское *ucho*, польское *ucho* (из праславянского **ихо*, далее от **h₂óws* «ухо»; ср. латинское *auris* «ухо», древнегреческое *οὐ̄ς, οῦς* «ухо», литовское

ausis «ухо») соответствуют украинскому *вухо*, белорусскому *буха*, ниже- и верхнелужицкому *wucho*.

Перед носовым **o* протетический **v* встречается ещё чаще. Например, русское слово *уголь*, сербское *угаль*, словацкое *uhlie* и чешское *uhlí* (из праславянского **oǵlь* «уголь», далее от **h₁óngʷl̥* «уголь»; ср. санскритское अङ्गार, *áṅgāra* «уголь», литовское *anglis* «уголь») соответствуют украинскому *вугілля*, белорусскому *вугаль*, болгарскому *въглища* и польскому *węgiel*.

Протетический **j* ты могла наблюдать в потомках праславянского местоимения **jazь* «я», которое также можно реконструировать как **azь* (до появления протетического **j*). Здесь только старославянское *azь* и болгарское *az* не имеют протетического согласного. Всё же перед начальным **a* протетический **j* встречается почти всегда. Например, русское *яблоко*, украинское *яблуко*, болгарское *ябълка*, сербское *jabuka*, словенское *jabolko*, словацкое *jablko*, чешское *jablko*, польское *jablko*, ниже- и верхнелужицкое *jabłuko* имеют протетический **j*; для праславянского реконструируется слово **ablьko*, далее происходящее из праиндоевропейского **h₂ébbōl* «яблоко» (ср. английское *apple* «яблоко», немецкое *Apfel* «яблоко», валлийское *afal* «яблоко», литовское *obuolys* «яблоко»).

М.К. Позволю себе задать ещё один вопрос по конкретному слову, которое меня очень интересует. Когда мы рассматривали списки базисной лексики, ты сказал, что русское слово *язык* родственно литовскому *liežuvis* «язык», немецкому *Zunge* «язык» и французскому *langue* «язык» (отсюда же, надо полагать, происходит и английское *language* «язык»). Ты обещал, что объяснишь мне, почему они так отличаются, но при этом счи-

таются родственными. Регулярно или нерегулярно в них то изменение, последствия которого мы наблюдаем?

А.М. Раз обещал, то объясню. Здесь мы можем снова говорить об уподоблении, но оно ещё более странное, чем в русском слове *девять*, о котором мы говорили чуть выше.

Английское слово *language* «язык», действительно, было заимствовано из французского *langue* «язык», которое было унаследовано из вульгарной латыни (форма *linguāticum*). В латинском языке в значении «язык» выступало слово *lingua* (отсюда также итальянское *lingua*, испанское *lengua*, португальское *língua* – все в значении «язык»), которое в древней латыни начиналось на *d*, то есть имело вид **dingua*, а в праиталийском – **denywā*. Лингвисты объясняют замену *d* на *l* влиянием глагола *lingō* «лизать». Иными словами, римляне в какой-то момент решили называть язык «лизыком», и так появилась новая форма слова.

«Латинский случай» не является уникальным. Литовское слово *liežuvis* «язык» приобрело начальный *l* под влиянием глагола *liežti* «лизать». Современное армянское слово *լիզու* (*lezu*) «язык» также в древний период приобрело свой настоящий вид под влиянием глагола *լիզուի* (*lizem*) «лизать».

Для праиндоевропейского языка реконструируется слово **d̥ǵʰwéh₂s* «язык», к которой возводят уже названное мной древнее латинское слово *lingua*, литовское *liežuvis*, армянское *լիզու* (*lezu*), а также праславянское **jęзыкъ* (откуда русское *язык*, болгарское *език*, сербохорватское *језик*, чешское *jazyk*, польское *język* – все в значении «язык»), прагерманское **tungō* (англий-

ское *tongue*, немецкое *Zunge*, нидерландское *tong*, древнескандинавское *tunga* – все в значении «язык») и многие другие слова.

М.К. До чего же, оказывается, сложна работа этимолога. Мне казалось, что всё решает одна табличка, а в итоге выясняется, что нужно учитывать ещё множество различных нерегулярностей, которые встречаются сплошь и рядом. Тезис о том, что фонетические законы не знают исключений, очевидно, в корне неверен. Исключений этих уйма.

А.М. Да, нужно учитывать и такие явления в языке. Ассимиляция, диссимиляция, метатеза, элизия, эпентеза и другие нерегулярности затемняют этимологию, поэтому лингвист Юрий Владимирович Откупщиков называл их «врагами этимолога». Но если знать о таких явлениях, уметь их обнаруживать и объяснять, то всё равно можно установить верную этимологию слова.

Нерегулярные изменения на самом деле затрагивают лишь незначительную часть лексики. Значительный массив слов подчиняется фонетическим законам, в них всё регулярно. Поэтому говорить о том, что фонетические законы не работают, что они выдуманы лингвистами, а фонемы на самом деле ведут себя непредсказуемо (это любимый тезис лингвофриков), нет никаких оснований. Следует признать, что фонетические законы – это реальный факт, но нельзя забывать, что всегда существует небольшой процент исключений из этих законов.

М.К. А что в праиндоевропейских реконструкциях обозначают буквы $*h_1$ (как в слове $*h_1ónǵʷ$ «уголь») и h_2 (как в

**dn̥ǵʰwéh₂s* «язык»)? Я уже давно обратила на них внимание, но не могу понять даже, как это читается.

А.М. В праиндоевропейском предполагают существование так называемых ларингальных согласных, которые обозначаются h_1 , h_2 , h_3 (иногда также выделяют четвёртый ларингал $*h_4$). Их точное произнесение – предмет дискуссий среди лингвистов. В современных индоевропейских языках их уже нет, но следы присутствия таких согласных обнаруживаются в древних анатолийских языках (хеттский, лувийский, ликийский). В ходе нашей беседы я уже упоминал о ларингалах и даже, кажется, говорил, что открытие и развитие ларингальной теории было связано с именами выдающихся лингвистов Фердинанда де Соссюра, Германа Мёллера и Ежи Куриловича.

Ларингалы придали различную окрашенность соседним гласным либо сами вокализовались, то есть стали гласными. В латыни, древнегреческом и санскрите выпавшие ларингалы в позиции после гласного вызвали долготу. В позиции перед гласным в каждом языке произошли какие-то свои переходы. Например, в древнегреческом произошло изменение $*h_1e$ в ϵ (e), $*h_2e$ в α (a), $*h_3e$ в o (o); из праиндоевропейского $*h_1ésti$ «есть» закономерно происходит древнегреческое $\acute{\epsilon}στί$ (estí) «есть», из праиндоевропейского $*h_2ékmō$ «камень» происходит $\acute{\alpha}κμων$ (ákmōn) «наковальня», из праиндоевропейского $*h_3esth_1$ «кость» происходит $\acute{o}στέον$ (ostéon) «кость». В санскрите все три ларингала совпали, поэтому праиндоевропейские слова $*h_1ésti$, $*h_2ékmō$ и $*h_3esth_1$ в этом языке закономерно превратились в अस्ति (ásti) «есть», अश्मन् (ásman) «камень» и अस्थि (ásthi) «кость».

М.К. Знаешь, в вашей науке я нашла одно противоречие, которое пока сама себе объяснить не могу. Может быть, ты сможешь мне помочь с ним разобраться. Ты говорил, что русское местоимение *я* раньше произносилось как *язь*, а ещё раньше – как **éǵ(h₂)*, **éǵHót* или **éǵóh₂*; слово *язык* у славян звучало как **jęzъkъ*, а у праиндоевропейцев – как **dnǵ^hwéh₂s*. В самом начале ещё ты говорил, что слово *волк* происходит от древнего слова **wǫk^wos*, а *снег* – от **snóyug^wos*. Все древние слова длиннее современных. Выходит, что слова языка всегда идут по пути сокращения?

А.М. Твоё наблюдение в целом верно. Слова языка со временем, как правило, сокращаются. Причём это характерно для многих языков.

В русском языке редукция происходила очень медленно, поэтому мы ещё можем узнать в праславянских словах **blъxa*, **golobъ*, **klъiъъ*, **lъgъkъ*, **měsęcъ*, **ognъbъ*, **rěka*, **soldъkъ*, **vъdova* русские слова *блоха*, *голубь*, *ключ*, *лёгкий* (*лёгок*), *месяц*, *огонь*, *река*, *сладкий* (*сладок*), *вдова*. Можешь видеть, что почти все слова такие же длинные, как и их предки, а некоторые даже длиннее. Всё же большинство праславянских слов имеет большее количество слогов, чем их русские соответствия.

Совершенно иначе дело обстоит во французском. Этот язык – рекордсмен по сокращению слов. Даже орфография не поспевает за реальным произношением. Например, от латинского *augustus* [au'gustus] «август» за полторы тысячи лет во французском сохранилось лишь *aouít*, которое в написании в два раза короче, а произносится и вовсе как [u]. Таким образом, из восьми фонем, которые мы насчитываем в латинском слове, во

французском осталась лишь одна. Подобных примеров много: латинское *calidus* ['kalidus] «горячий» превратилось во французское *chaud* [ʃo], *magister* [ma'gister] «начальник; учитель» превратилось в *maître* [metʁ], *campus* ['kampus] «поле» превратилось в *champ* [ʃɑ̃]. Почти все французские слова уменьшились.

Сильно сократились слова в английском языке, который за тысячу лет утратил не только свою сложную грамматику, но и значительную часть многосложных слов. Например, древнеанглийское *lōcian* «видеть; смотреть» превратилось в современное *look* [lʊk] «смотреть», *scēawian* «смотреть, обозревать» превратилось в *show* [ʃəʊ] «показывать», *cnāwan* «знать» превратилось в *know* [nəʊ], *slāpan* «спать» превратилось в *sleep* [sli:p] и т. д. Причём это сокращение привело к тому, что части речи просто стало невозможно различить. Слово *sleep* в современном английском означает не только «спать», но и «сон», а в древнеанглийском существовали два разных слова с одним корнем (глагол *slāpan* и существительное *slāp*).

Такие сокращения отчасти являются причиной тех «маятниковых изменений», о которых я говорил ещё в первой части нашей беседы. Слова сокращаются обычно с конца, а поскольку в индоевропейских языках именно на конце сосредоточены грамматические показатели имён и глаголов, то упрощается и вся грамматика.

М.К. Но раз так, то все слова языка за многие тысячи лет должны были стереться в ноль, просто исчезнуть. Либо древние слова должны были быть настолько гигантскими, что от них остались бы лишь «огрызки». В это мне, однако, что-то с трудом верится. Почему же тогда в языках сохраняются длинные слова?

В этом, собственно говоря, и состояло противоречие, которое я обнаружила.

А.М. Всё дело в словообразовании и словосложении. В древнейших языках (как и в современных) основы слов могли складываться и приобретать аффиксы, которые сегодня нам даже трудно вычленишь. Со временем такие слова сокращались, компоненты переставали различаться и срачивались в единый корень, который затем обрастал новыми аффиксами, и эта борьба между двумя тенденциями – сокращению слов и их увеличению за счёт словообразовательных средств – продолжается по сей день.

Например, в русском слове *луна* мы привыкли выделять корень *лун-* и окончание *-а* (ср. *луны*, *луны*, *лун*, *луна*, *лунам* и т. д.). В латинском слове *lūna* «луна» также выделяется корень *lūn-* и окончание *-a* (*lūnae*, *lūnae*, *lūnārum*, *lūnae*, *lūnīs* и т. д.). Но оба слова восходят к одному праиндоевропейскому слову **lowksneh₂*, где корень **lewk-* означает «светить». Согласный корня **k* и формант **-s* просто со временем исчезли, хотя в других когнатах следы этого **k* легко отыскать. Помнится, когда мы касались истории этимологии, я говорил, что латинское слово *lūna* связано с глаголом *lūceō* «светить» (от **lowkeyo-*); также оно связано со словами *lūx* «свет» (от **lewks*), *lūmen* «свет» (**léwksm̥n̥*), *lūcus* «священная роща» (от **lówkos*). Выйдя за пределы латинского языка, обнаружим ещё немало родственных слов, где этот корневой согласный **k* присутствует: древнегреческое *λευκός* (*leukós*) «светлый, яркий», литовское *laukas* «поле», санскритское *लोक* (*loka*) «мир; вселенная». Таким образом, в праиндоевропейском корень **lewk-* (с чередованием *e/o*) действительно

имел суффиксы *-s и *-neh₂, которые срослись с корнем в современных индоевропейских языках.

Выше я уже говорил о том, что слово *овца* происходит от праславянского **ovьsa*, где часть *-*ьс-а* является формантом. Если бы не было суффикса, то слово бы в русском языке выглядело бы как *овь*, так как, по всем фонетическим законам, праиндоевропейское слово **h₂ówis* должно было бы утратить ларингал **h₂* и *-*is*. Русское слово *солнце*, родственное латинскому *sōl* «солнце», восходит к праиндоевропейскому **sóh₂wl̥* «солнце». В нём тоже присутствует уменьшительный суффикс, уже не выделяемый в составе слова. Современные слова *палка*, *бочка*, *ложка* имеют этот суффикс уже давно и без него не употребляются; слова *ёжик*, *удочка*, *ёлка* и другие в будущем, как мне кажется, тоже будет сложно разложить на составляющие, так как мы уже почти не используем слова *ёж*, *уда*, *ель*, для нас гораздо естественнее использовать в речи производные слова с уменьшительными суффиксами. Это один из способов удлинить короткое слово.

Французский язык также решал проблему сокращения слов из-за выпадения фонем при помощи уменьшительных суффиксов. Например, слово *soleil* [sɔlɛj] «солнце» происходит от латинского слова *sōl* [so:l], но не напрямую, а через позднюю форму **soliculus* «солнышко», которая восстанавливается для вульгарной латыни. Французское слово *sommeil* [sɔmɛj] «сон» происходит из **somniculum*, от латинского *somnus* «сон» с тем же самым уменьшительным суффиксом.

М.К. Я тоже когда-то себя подловила на мысли, что *зонтик* и *бантик* чаще используются в речи, чем более короткие

слова *зонт* и *бант*. Выходит, суффиксы в таких словах просто перестают выполнять уменьшительную функцию и становятся такой же полноценной частью слова, спасая его от «стирания в ноль». Никогда бы не подумала.

А.М. Да, именно так. Но со словом *зонтик* всё несколько сложнее. Мы раскладываем его сегодня на *зонт* и суффикс *-ик*, хотя исторически всё слово является двухосновным. Оно происходит от нидерландского *zondek* (или *zonnedeck*) «навес от солнца», сложенного из слов *zon* «солнце» и *dek* «навес». Этот «суффикс» на самом деле уже имелся в слове изначально, а слово *зонт* было создано по аналогии с другими существительными с уменьшительным суффиксом *-ик*.

М.К. Всё чудесатее и чудесатее... Мне кажется, что нам пора вернуться от нерегулярностей к регулярностям. А если быть конкретнее, то мне бы хотелось поподробнее узнать о каких-нибудь наиболее известных регулярных фонетических изменениях, которые происходили в праязыках и определили их разделение на современные языки. Начнём с праиндоевропейского. Объясни мне что такого могло произойти в фонетике праиндоевропейского, что он начал распадаться на диалекты?

А.М. Одним из самых известных явлений в истории праиндоевропейского языка было его разделение на кентумные и сатемные диалекты. Это разделение связано с судьбой дорсальных согласных (от латинского *dorsum* «спина»; имеются в виду согласные, при произнесении которых передняя часть спинки языка поднимается горбом к нёбу).

Сатемные языки, к которым относятся славянские, балтийские, индоиранские языки, албанский, армянский и некоторые другие, отличается то, что палатовелярные согласные $*k'$, $*g'$, $*g^h$ в них стали сибиллянтами (свистящими и шипящими звуками), а лабиовелярные $*k^w$, $*g^w$, $*g^{wh}$ и велярные $*k$, $*g$, $*g^h$ слились в один велярный ряд.

В кентумных языках, к которым относят итальянские, кельтские, германские языки, греческий и некоторые другие, палатовелярные $*k'$, $*g'$, $*g^h$ слились с велярными $*k$, $*g$, $*g^h$ в один велярный ряд и сохранили в том или ином виде лабиовелярные $*k^w$, $*g^w$, $*g^{wh}$, которые далее развивались в своём направлении в каждом кентумном языке.

В сатемных языках	Дорсальные согласные			В кентумных языках
	$*k^w$	$*g^w$	$*g^{wh}$	
Стали велярными	$*k$	$*g$	$*g^h$	Стали велярными
	$*k'$	$*g'$	$*g^h$	
Стали сибиллянтами	$*k'$	$*g'$	$*g^h$	Сохранились

Деление языков на кентумные и сатемные легко увидеть на примере потомков праиндоевропейского числительного $*kmtóm$ «сто». В сатемных языках праиндоевропейский $*k'$, как можно увидеть по нашей таблице, даёт фрикативные согласные: старославянское *съто* «сто», литовское *šimtas* «сто», санскритское शत (śatá) «сто», а также персидское صد (sad) «сто» и авестийское *satəm* «сто» (форма винительного падежа числительного *sata* «сто»; отсюда название «сатемный»). В кентумных языках сохраняется взрывной согласный, примером чему служит латинское числительное *centum* ['kɛntum] «сто» (в народной и

церковной латыни, однако, произошла палатализация взрывного с [k] и древнегреческое числительное ἑκατόν (hekatón) «сто» (появление явно нерегулярного начального *he- в протогреческом, возможно, объясняется аналогией с ἕν, hén «одно»).

Праиндоевропейский корень *peuk- «вырубать, вырезать; колоть; красить» в кентумном латинском даёт глагол *pingō* «красить, рисовать» (отсюда французское *peindre*, испанское *pintar*, английское *paint* – в значении «красить, рисовать»), в древнегреческом – прилагательные *ποικίλος* (poikílos) «пёстрый, яркий; украшенный; узорчатый» и *πικρός* (pikrós) «острый; горький». В сатемном литовском мы обнаруживаем глагол *piešti* «рисовать, изображать». В праславянском от того же корня происходят глагол **psati* «писать» (отсюда русское *писать*, украинское *писати*, болгарское *пиша*, чешское *psát*, польское *писаć* – все в значении «писать») и прилагательное **psatrъ* «пёстрый» (отсюда русское *пёстрый*, болгарское *пъстър*, чешское *pestrý*, польское *pstry* – все в значении «пёстрый, разноцветный»).

Другой пример. Праиндоевропейский корень **ǵneh₂-* «знать» даёт праславянский глагол **znati* «знать» (отсюда русское *знать*, украинское *знати*, болгарское *зная*, чешское *znát*, польское *znać* – все в значении «знать»), литовское *žinoti* «знать», армянское *ճանաչել* (čanač'el) «знать; узнавать; признавать» и санскритское *जानाति* (jānāti) «знать». С другой стороны, от него происходят древнегреческий глагол *γινώσκω* (gignóskō) «узнавать, познавать; замечать», латинский глагол *gnōscō, nōscō* «знать», а также немецкое *kennen* «знать» и английское *know* «знать».

М.К. В целом всё сходится по нашей таблице соответствий, которую ты привёл в начале главы, но есть одна нестыковочка (или моя непоняточка). Почему же тогда в «кентумном» готском языке, если верить твоей таблице, для праиндоевропейского **k̑* мы встречаем соответствие *h*, а не какое-нибудь *k*? По-английски «сто» будет *hundred*, а не *kundred*. Это какие-то исключения?

А.М. Нет, это никакие не исключения. В ходе дальнейшего расхождения диалектов праиндоевропейского языка взрывные продолжали изменяться, переходить в другие фонемы, и такие изменения происходили уже чётко внутри отдельных праязыков, которые дали начало современным языковым группам.

Переход **k̑* в **h* в германских языках является как раз чисто германским явлением. В них произошло так называемое первое передвижение согласных, которое в своё время описывали и обосновывали Расмус Раск и Якоб Гримм. Помнится, я уже упоминал этих великих учёных в ходе нашей беседы.

Праиндоевропейское числительное **k̑ntóm* «сто» в прагерманском языке совершенно закономерно даёт **hundą* «сто», которое далее за счёт словосложения превратилось в **hundaradą* «сто». Отсюда происходят английское *hundred*, немецкое *hundert*, нидерландское *honderd*, датское *hundred*, норвежское *hundre*, шведское *hundra*, исландское *hundrað*.

Точно так же, например, праиндоевропейское слово **k̑ér* «сердце» превратилось в прагерманское **hertō*, откуда происходят английское *heart* «сердце», немецкое *Herz* «сердце», а также нидерландское *hart* «сердце», исландское *hjarta* «сердце». Этим

словам родственны древнегреческое *καρδία* (*kardía*) «сердце», латинское *cor* «сердце», армянское *սիրտ* (*sirt*) «сердце», литовское *širdis* «сердце» и русское *сердце*. В этих примерах можно наблюдать всё те же кентумные и сатемные рефлексy.

Как видишь, переход праиндоевропейского **k*' в прагерманский **h* является регулярным, и это можно продемонстрировать на множестве подобных примеров.

Первое передвижение согласных предполагает не только переход **k*' в **h*, но и ряд других интересных изменений праиндоевропейских смычных. Например, в рамках того же растянутого во времени процесса праиндоевропейский **p* перешёл в прагерманский **f*, а **t* перешёл в **þ*.

Переход **p* в **f* можно продемонстрировать на примере прагерманского числительного **fimf* «пять» (английское *five* «пять», немецкое *fünf* «пять», исландское *fimm* «пять»), которое далее происходит из праиндоевропейского **pénk^we* «пять». От того же слова происходят русское *пять*, литовское *penki* «пять», древнегреческое *πέντε* (*pénte*) «пять», санскритское *पञ्च* (*pañcan*) «пять», где смычный сохраняется.

Есть хороший пример, который демонстрирует два перехода сразу. Праиндоевропейское слово **péku* «скот» даёт латинское *pecū* «скот» и санскритское *पशु* (*paśu*) «скот; домашнее животное» (обрати внимание – опять сатемизация), но в прагерманском оно превращается в **fehu* «скот», откуда английские *fee* «плата, взнос; сбор; вознаграждение» и немецкое *Vieh* «скот».

Переход **t* в **þ* можно продемонстрировать на примере прагерманского числительного **þrīz* «три» (английское *three* «три», немецкое *drei* «три», исландское *þrír* «три»), которое далее происходит из праиндоевропейского **tréyes* «три». Сюда же

русское *три*, литовское *trys* «три», древнегреческое *τρεῖς* (*treís*) «три», санскритское *त्रि* (*tri*) «три», латинское *trēs* «три».

М.К. Если я правильно поняла, изменения звуков как бы накладываются друг на друга со временем, и то, что изменилось в праиндоевропейском, затем продолжает ещё меняться в прагерманском, а затем и в отдельных германских языках. По крайней мере, как я вижу, английское *three* «три» и немецкое *drei* «три» теперь начинаются вовсе не на это древнее **þ*, а на *th* и *d*.

А.М. Замечание очень верное. Первое прагерманское изменение смычных согласных, произошедшее ещё до нашей эры, здорово «перебило» всю фонетическую систему того праиндоевропейского диалекта, который впоследствии стал прагерманским языком. Но на этом всё не кончилось. Примерно через тысячу лет после первого передвижения произошло второе, которое затронуло континентальные западногерманские диалекты, именуемые сегодня средненемецкими и южнонемецкими (все вместе они составляют верхненемецкий язык). Можно даже сказать, что второе передвижение породило немецкий язык.

Если мы продолжим отслеживать по времени дальнейшую судьбу прагерманских согласных **f* (из **p*), **þ* (из **t*), **h* (из **k*), то обнаружим, что **f* и **h* сохранились, а вот согласный **þ* продолжил меняться дальше и дал *d* в современном немецком. Поэтому английскому *three* «три» соответствует немецкое *drei* «три», английскому *think* «думать» соответствует немецкое *denken* «думать», а английскому *brother* «брат» соответствует немецкое *Bruder* «брат».

ПИЕ		Прагерманский		Английский	Немецкий
*p	→	*f	→	f	f
*t	→	*þ	→	th	d
*k	→	*h	→	h	h

Второе передвижение согласных предполагало целый ряд различных переходов, наиболее ранними из которых были переходы прагерманских глухих *p, *t, *k, возникших из праиндоевропейских звонких *b, *d, *g.

Прагерманский *p в немецком перешёл в f (английское *sleep* «спать» и нижненемецкое *slapen* «спать» по этому признаку отличаются от немецкого *schlafen* «спать», английское *ship* «корабль» и нижненемецкое *Schipp* «корабль» – от немецкого *Schiff* «корабль») или pf (английское *pepper* «перец» и нижненемецкое *Peper* «перец» – немецкое *Pfeffer* «перец», английское *plough* «плуг» и нижненемецкое *Ploog* «плуг» – немецкое *Pflug* «плуг»).

Прагерманский *t перешёл в немецком в s, ss (английское *what* «что» и нижненемецкое *wat* «что» – немецкое *was* «что», английское *eat* «есть, кушать» и нижненемецкое *eten* «есть, кушать» – немецкое *essen* «есть, кушать») или z (английское *tell* «рассказывать; считать» и нижненемецкое *tellen* «считать» – немецкое *zählen* «считать»).

Прагерманский *k в немецком становится фрикативом (английское *make* «делать» и нижненемецкое *maken* «делать» – немецкое *machen* «делать», древнеанглийское *ih, ic, ic̄* «я», нижненемецкое *ik* «я» – немецкое *ich* «я»).

ПИЕ		Прагерманский		Английский	Немецкий
*b	→	*p	→	p	f, pf
*d	→	*t	→	t	s, ss, z
*g, *ǵ	→	*k	→	k	ch

Таким образом, многие различия в системе консонантизма английского и немецкого языков (а также внутри самого немецкого диалектного континуума) объясняются именно вторым передвижением согласных.

М.К. Но ведь не только согласные претерпевают какие-то сдвиги, но и гласные звуки? Выше ты упоминал об английском передвижении гласных, из-за которого англоязычные теперь произносят слова не так, как пишут.

А.М. Разумеется, регулярные изменения претерпевают также гласные звуки. Такие изменения происходили и в праиндоевропейском языке, и в отдельных его диалектах, ставших впоследствии праязыками, и в самих праязыках, которые продолжали дробиться со временем. По ряду причин изменениям гласных уделяется меньше внимания. С ними вообще всё обстоит несколько сложнее, чем с согласными звуками.

В английском языке в XV-XVI веках (эти датировки довольно условны) произошёл так называемый великий сдвиг гласных, в результате которого английские долгие гласные изменили своё качество. Например, среднеанглийские слова *time*, *time* «время», *mys*, *mice* «мыши», *biten*, *byte* «кусать» произносились с долгим [i:], которое в современном английском превратилось в дифтонг [aɪ], поэтому именно его мы слышим в совре-

менных словах *time* [taim] «время», *mice* [maɪs] «мыши», *bite* [baɪt] «кусать». Долгий среднеанглийский [a:] стал дифтонгом [eɪ] в словах *mate* [meɪt] «товарищ», *make* [meɪk] «делать», *lake* [leɪk] «озеро» и др. Среднеанглийские [e:] и [ɛ:] слились в долгий [i:] в словах *meet* [mi:t] «встречать» и *meat* [mi:t] «мясо», которые теперь произносятся одинаково. Были затронуты и многие другие гласные.

Среднеанглийский великий сдвиг был плавным процессом, который, по сути, продолжается и в наши дни, но основные фазы изменений приходятся на раннее новое время. Похожие сдвиги происходили неминуемо (хотя и с разной скоростью) во всех других германских языках. Например, средневерхненемецкие слова *mīn* «мой», *bīzen* «кусать», *rīten* «ездить верхом» с долгим [i:] превратились в современные немецкие *mein* [maɪn] «мой», *beißen* ['baɪsən] «кусать», *reiten* ['raɪtən] «ездить верхом» с дифтонгом [aɪ]. Дифтонг [ɛɪ] в нидерландских словах *bijten* ['beɪtə(n)] «кусать», *lijden* ['leɪdə(n)] «страдать», *tijd* [tɛɪt] «время» тоже возник из долгого [i:].

М.К. Мне кажется, что судьба долгого [i:] в английском и немецком очень похожа, он перешёл в один и тот же дифтонг. Это взаимосвязанные явления или такое совпадение случайно?

А.М. Если в языках происходят похожие изменения, то это не обязательно связанные вещи. В данном случае процессы изменения долгих в английском и немецком вообще никак не связаны и происходили в разное время (в немецком они начались раньше). В немецком и английском были затронуты совершенно разные гласные фонемы, изменения дали очень раз-

ные результаты. В раннем нововерхненемецком языке параллельно происходило превращение долгих [i:], [u:], [y:] в дифтонги [ai], [au] [ɔy] и изменение некоторых старых дифтонгов в монофтонги. Это мало похоже на английский сдвиг гласных, хотя точечные совпадения имеются.

М.К. То есть теоретически может быть такое, что в двух разных языках произойдут какие-то похожие фонетические изменения, но они окажутся независимыми? Удивительно.

А.М. В этом ничего удивительного нет. Напротив, это даже нормально, так как прохождение одних и тех же фонетических изменений в различных языках доказывает типологическую вероятность таких изменений в любом языке вообще. Например, изменения, подобные первому передвижению согласных в германских языках, происходили в армянском, а также в кельтских и анатолийских языках. Позднее такие же фонетические изменения стали обнаруживать и в языках, далёких от индоевропейских.

М.К. Если так подумать, то те же нерегулярные изменения (ассимиляция, диссимиляция, метатеза и т. д.), о которых ты рассказывал раньше, тоже происходили в разных языках независимо, но при этом результаты этих изменений очень похожи. Известны ли лингвистике ещё какие-нибудь интересные независимые фонетические изменения?

А.М. Существуют и другие интересные регулярные и нерегулярные фонетические изменения, которые происходят

независимо в разных языках и дают похожие результаты. Например, в истории некоторых языков наблюдался переход какого-либо согласного (чаще всего альвеолярных [s], [z], [d], [l], [n]) в [r]. Это явление стали называть ротацизмом (от названия греческой буквы ρ «ро»).

Во многих индоиранских языках фонема [l] перешла в [r], поэтому санскритскому सूर्य (súrya) «солнце» или персидскому خور (хор) «солнце» закономерно соответствуют латинское *sōl* «солнце», древнегреческое ἥλιος (hélíos) «солнце» и литовское *saulė* «солнце»; санскритскому रोचते (rocate) «светить, сиять» и персидскому روشن (rowšan) «светлый» соответствуют латинские *lūna* «луна», *lūx* «свет», древнегреческое λευκός (leukós) «светлый, яркий; белый», английское *light* «свет» и русское *луч*; санскритское चक्र (cakrá) «круг; колесо» и персидское چرخ (čarx) «колесо» соответствуют латинскому *colus* «прялка», древнегреческому κύκλος (kúklos) «колесо» и русскому *колесо*.

В романских языках такой же переход наблюдался в латыни, португальском и румынском. В латыни ротацизм часто происходит внутри форм слова в интервокальной позиции. Так, латинское слово *flōs* «цветок» при изменении по падежам демонстрирует замену *s* на *r*: *flōris* (родительный падеж), *flōrem* (винительный падеж), *flōrēs* (именительный падеж множественного числа); то же самое мы видим при склонении слова *genus* «род»: *generis* (родительный падеж), *generī* (дательный падеж), *genera* (именительный падеж множественного числа). В португальском: глагол *empregar* «устраивать (на работу); применять, использовать» происходит от латинского *implicō* «вплетать, впутывать; втягивать»; *obrigado* «спасибо» происходит от латин-

ского *obligō* «связывать; обязывать». В румынском: *fericire* «счастье; удача» происходит от латинского *fēlix* «счастливый; богатый; плодородный»; *fereastră* «окно» происходит от латинского *fenestra* «окно».

Ротацизм легко обнаружить в чувашском языке, который сильно отличается от родственных ему тюркских языков. Общетюркский [z], как было ещё давно замечено тюркологами, соответствует чувашскому [r]. Так, чувашское слово *хур* «гусь» родственно турецкому *kaz* «гусь», азербайджанскому *qaz* «гусь», татарскому *каз* «гусь» и башкирскому *каз* «гусь»; чувашское *хёр* «девушка» родственно турецкому *kız* «девушка», азербайджанскому *qız* «девушка», татарскому *кыз* «девушка» и башкирскому *кыз* «девушка».

Помимо ротацизма существуют и другие фонетические явления, которые свойственны различным языкам: палатализация (встречается в колоссальном числе языков), назализация (возникновение носовых звуков – хорошо прослеживается во французском), йотация, бетацизм, зетацизм и т. д. Думаю, что рассказывать о каждом таком явлении мне не стоит, это уведёт нас слишком далеко от темы.

М.К. Я уже давно обратила внимание на такую странность в английском, французском и итальянском языках, что перед одними гласными согласный *s* читается [k], а перед другими – как-то иначе. При этом ведь английский не связан напрямую с итальянским и французским, а потому эти явления мне кажутся независимыми. Но я всё же хочу спросить тебя, как более компетентное лицо в этих вопросах: связаны они или нет?

А.М. Связь есть. Собственно говоря, тут мы имеем дело с палатализацией согласного *c* [k], которая произошла в поздней латыни и была унаследована всеми романскими языками, а через них – в английский язык. Перед гласными переднего ряда ([e], [i]) согласный палатализуется, то есть смягчается, изменяя своё качество, а перед гласными заднего ряда ([a], [o], [u]) сохраняется.

В качестве примера возьмём уже известное нам латинское слово *centum* «сто», которое, как известно, возникло из праиндоевропейского **k̑ntóm* «сто». Мы отнесли латынь к кентумным языкам, однако потомки латыни свою «кентумность» стали утрачивать. Из латинского *centum* «сто» возникли французское *cent* [sã] «сто», испанское *ciento* ['sjento], португальское *cento* ['sẽtu], итальянское *cento* ['tʃento]. Если мы посмотрим на потомков латинского существительного *cedrus* «кедр» (из древнегреческого *κέδρος*, *kédros* «кедр»), то обнаружим те же самые изменения: французское *cèdre* [sedʁ] «кедр», испанское *cedro* ['sedro] «кедр» (в кастильском варианте вместо [s] слышится [θ]), португальское *cedro* ['sẽdru] «кедр», итальянское *cedro* ['tʃedro] «кедр». То есть во французском, испанском и португальском латинское [k] перед гласными переднего ряда закономерно даёт [s], в итальянском – [tʃ].

В то же время латинское слово *caput* ['kaput] «голова» даёт французское *chef* [ʃɛf] «глава», испанское *cabo* ['kabo] «конец; кончик», *cabeza* [ka'besa] «голова; начало», португальское *cabo* ['kabu] «вождь; капрал; конец, край; мыс» и итальянское *capo* ['kapo] «голова». Латинское *castellum* [kas'tellum] «крепость, укрепление» аналогично даёт французское *château* [ʃato] «замок, крепость; дворец», испанское *castillo* [kas'tiʎo] «замок,

крепость», португальское *castelo* [kas'telu] «замок, крепость» (произнесение с [s] – бразильское, в собственно португальском варианте произносится [ʃ]), итальянское *castello* [ka'stello] «замок, крепость; башня». Тут мы видим, что латинское [k] сохранилось везде, кроме французского.

Английский язык в своё время подвергся колоссальному влиянию старофранцузского и латинского, поэтому в какой-то степени эти правила и были перенесены в английский язык. Например, в английском словосочетании *capital city* ['kæpitəl 'siti] «столичный город, столица» начальный *c* находится перед разными гласными, что определяет различное прочтение слов *capital* ['kæpitəl] «столичный, главный» (от латинского прилагательного *capitālis* «касающийся головы, жизни», далее от *caput* «голова») и *city* (от французского *cit * «город», далее от латинского *civitas* «гражданство; граждане; государство»).

М.К. Очень бы хотелось узнать обо всех известных тебе фонетических изменениях в различных языках, но в то же время я понимаю, что мы просто не сможем физически этот мой заказ осуществить. Давай мы остановимся на славянских языках и поговорим о том, какие изменения происходили в них, как они выделились из праиндоевропейского и продолжали своё независимое развитие.

А.М. Изменения, которые происходили в истории праславянского языка очень многочисленны, не все они ещё до конца изучены, хотя общая картина изменений для славянских языков представляется вполне ясной. Пожалуй, расскажу о некоторых интересных фонетических изменениях.

Одним из древнейших переходов в праславянском языке, только что выделившимся из праиндоевропейского, был переход альвеолярного *s в велярный *x перед *r, *u, *k, *i (это правило перехода также называют правилом «руки» или законом Педерсена, так как одним из первых его описал уже известный нам лингвист Хольгер Педерсен). Этот переход можно пронаблюдать на примере русского слова *сухой*, которое возникло из праславянского **suxъ* «сухой» (отсюда же украинское *сухий*, болгарское *сух*, чешское *suchý*, польское *suchy*). Праславянское слово далее восходит к праиндоевропейскому корню **saus-* «сухой», от которого происходят также литовское *sausas* «сухой», латышское *sauss* «сухой». Другие примеры: русское слово *верх* происходит из праславянского **vrъxъ* «верх» (отсюда же болгарское *врѣх*, чешское *vrch*, польское *wierzch*), далее из праиндоевропейского **wers-* «верх», откуда происходит также литовское *viršus* «верх»; русское *мех* происходит из праславянского **měxъ* «мех» (сербохорватское *мех*, *мијех*, чешское *měch*, польское *miech*), далее из праиндоевропейского **moysós* «овца; мешок», откуда литовское *maišas* «мешок», латышское *maiss* «мешок; куль».

После завершения перехода *s в *x в праславянский язык были заимствованы многие германские слова, где уже присутствовала эта фонема. Например, праславянское слово **xlěbъ* «хлеб» (отсюда русское *хлеб*, украинское *хліб*, болгарское *хляб*, сербохорватское *хлеб*, *хљеб*, чешское *chléb*, польское *chleb*) было заимствовано из готского *hlaifs* «хлеб», далее из прагерманского **hlaibaz* «хлеб». Такие заимствования позволяют определить, что процесс перехода завершился до контактов с германцами,

поскольку ранее описанного перехода праславяне бы не смогли правильно воспринять фонему *x.

Очень известное явление в праславянском языке – первая палатализация. Она чем-то похожа на то, что происходило в сатемных языках. Аналогичные явления происходили также в латыни, армянском и индоиранских языках, поэтому явление это не уникальное. Первая палатализация представляет собой переход заднеязычных *k, *g, *x в мягкие *č', *dž' (позднее в ž'), *š' в позиции перед гласными переднего ряда или перед *j. В дальнейшем рефлексы этих согласных в ряде языков несколько изменились. Последствия палатализации мы можем наблюдать по сей день в русских словах с чередованиями к/ч, г/ж, х/ш (например, *рука/ручка, нога/ножка, соха/сошка*); подобные чередования есть и в других славянских языках.

Переход заднеязычного *k в *č' можно продемонстрировать на примере праславянского числительного *četyre «четыре» (русское *четыре*, болгарское *четири*, чешское *čtyři*, польское *cztery*), из праиндоевропейского *k^wetwóres «четыре» (латинское *quattuor* «четыре», древнегреческое *τέσσαρες*, téssares «четыре», албанское *katër* «четыре»). Примером перехода *g в ž' может служить праславянское слово *želǫdь «жёлудь» (русское *жёлудь*, болгарское *жълѣд*, чешское *žalud*, польское *żołądź*), из праиндоевропейского *g^welh₂- «жёлудь» (латинское *glāns* «жёлудь», *βάλανος*, bálanos «жёлудь», армянское *լլւղիղի*, kałin «жёлудь»). Для демонстрации перехода *x в *š' можно привести пример со словом *mušь «мышь» (русское *мышь*, болгарское *мишка*, чешское *muš*, польское *mysz*), которое развилось из более ранней праславянской формы *mūxi, далее из *mūsi, далее из праиндоевропейского *múh₂s «мышь» (латинское *mūs* «мышь», древне-

греческое *μῦς*, *mūs* «мышь», санскритское *मूष*, *mūṣ* «мышь», английское *mouse* «мышь», армянское *մուկ*, *muik* «мышь»); некоторые этимологи усматривают связь праславянских слов **mušь* «мышь» и **mucha* «муха», хотя это спорный вопрос.

Если ты ещё раз взглянешь на таблицу фонетических соответствий, которую я привёл в начале главы, то увидишь, что для всех веларных и лабиовеларных заднеязычных результаты первой палатализации в ней последовательно отражены. Всё это были также регулярные переходы, и наличие чередований это хорошо подтверждает.

Вслед за первой палатализацией в праславянском языке произошёл процесс монофтонгизации дифтонгов, вызванный тенденцией к возрастающей звучности. В результате в определённой позиции дифтонги **eu* и **ou* перешли в гласные **i* и **ě*, а **ew* и **ow* – в **u*.

В результате монофтонгизации снова возникли сочетания, где заднеязычные оказывались перед гласными переднего ряда, что спровоцировало вторую по счёту палатализацию, при которой согласные **k*, **g*, **x* перешли в **c'*, **dz'* (позднее в **z'*), **s'*; в западнославянских языках, которые к тому времени уже потихоньку удалялись от общего праславянского языка, палатализация дала **c'*, **dz'*, **š'*, соответственно.

Так, праиндоевропейское **k^wouneh₂* «плата» превратилось в праславянское **cěna* (русское *цена* украинское *ціна*, болгарское *цена*, чешское *cena*, польское *cena*), тогда как в литовском ему соответствует слово *kaina* «цена». Праславянское **šěrbь* «серый» (русское *серый*, болгарское *сѣр*, словенское *ser*, польское *szary*), возникшее из более ранней формы **choirь*, далее

происходит из праиндоевропейского **(s)kēh₃-* «тьма; затмевать», откуда также прагерманское **hairaz* «серый; старый».

Вторая палатализация прослеживается в праславянских заимствованиях типа **cěsařь* «царь» (отсюда русское *царь*, болгарское *цар*, сербохорватское *цесар*, чешское *císař*, польское *cesarz*; от латинского имени *Caesar* «Цезарь», через прагерманское **kaisaraz*, откуда происходит также немецкий титул *Kaiser* «кайзер») или **cьrky* «церковь» (русское *церковь*, болгарское *църква*, сербохорватское *црква*, чешское *církev*, польское *cerkiew*; из древнегреческого *κυριακόν*, *kuriakón* «церковь», через прагерманское **kirikō*, откуда немецкое *Kirche* «церковь»).

В южно- и восточнославянских языках вторая палатализация затронула сочетания **kv*, **gv*, **xv*, которые сохранились в западнославянских языках. Этим объясняется отличие русского *звезда*, украинского *звізда*, болгарского *звезда*, сербохорватского *звезда*, *звїезда* от польского *gwiazda* или чешского *hvězda* (все – из праславянского **gvězda* «звезда», далее из праиндоевропейской основы **ǵʰwoy-* или **gʷʰay-*), где следов палатализации вообще не наблюдается. Аналогичным образом праславянское **kvěť* «цвет» (из праиндоевропейского **kʷoytos*) даёт русское *цвет*, украинское *цвіт*, болгарское *цвят*, словенское *cvet* «цвет, цветение», а также чешское *květ* «цветок», польское *kwiat* «цветок».

Примечательно, что вторая палатализация отсутствовала в древненовгородском диалекте, который всегда считали частью восточнославянского языкового пространства. Например, в берестяной грамоте № 247 была обнаружена такая строчка: «а замъке кѣле а двѣри кѣлѣ». Как ты думаешь, как следует перевести слова *кѣле* и *кѣлѣ*?

М.К. Я даже не знаю. Если, как ты говоришь, **k* даёт **c*, то, наверное, это слово *цельй*. Просто больше ничего в голову не приходит.

А.М. Быстро сообразила. А вообще над этой загадкой ломали голову многие учёные. Долгое время считалось, что в грамоте с ошибками было написано слово *келья* (замечу, что в берестяных грамотах практически не бывает ошибок – только очень своеобразные орфографические правила). Андрей Анатольевич Зализняк, который в своё время много работал с берестяными грамотами предложил свой перевод, который сегодня принят практически всеми учёными. Согласно версии Зализняка, это, действительно, родственники древнерусского слова *цль* (современное русское *цельй*), не подвергшиеся второй палатализации. Слависты во всём мире полагали, что она прошла во всех славянских языках, а тут такая нестыковка.

Скорее всего, древненовгородский диалект намного древнее, чем мы привыкли думать, и отделился он от праславянского языка раньше остальных языков, претерпевших вторую палатализацию. Эта смелая мысль высказывалась славистом Борисом Михайловичем Ляпуновым ещё в начале XX века, но тогда она была поставлена под сомнение. Материал берестяных грамот, найденных в Новгороде в середине XX века, позволил подтвердить фактическим материалом его гениальную догадку.

После второй палатализации была ещё и третья палатализация, открытая лингвистом Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ. Относительная хронология этого фонетического явления спорна, но мы в это углубляться, пожалуй, не будем. Характер третьей палатализации несколько иной, но пере-

ходы аналогичные: заднеязычные *k, *g, *x перешли в *c', *dz' (в большинстве языков превратилось в *z'), *s' (в западнославянских языках – *š') после гласных *b, *i, *e, сочетания *br и перед гласными *a, *o.

В результате этого процесса, например, праславянское слово *ovьka «овца» превратилось в *ovьca (с ним мы уже встречались выше). Праславянское *stьga «путь, тропа» превратилось в *stьdza, откуда далее происходят русское *стезя*, сербохорватское *стаза* «путь, тропа» и словацкое *steza* «путь, тропа». Из праславянского *vьхъ «весь», превратившегося в *vьśь, происходят русское *весь*, сербское *сав* «весь; все; всё», словенское *ves*, словацкое *všetok*, чешское *vše* «весь, всё», польское *wszystcy* «все». Праславянское *liko «лицо» превратилось в *lice (ср. со словом *likь «лик»), от которого происходят русское *лицо*, болгарское *лице* «лицо», чешское *líce* «щека», польское *lico* «лик, лицо, облик».

Третья палатализация наблюдается в ряде германских заимствований. Так, прагерманское *kuningaz «правитель, король» (отсюда английское *king* «король», немецкое *König* «король», шведское *konung* «король») превратилось в праславянское *kьnędзь «князь», откуда русское *князь*, болгарское *княз*, чешское *kněz* «ксёндз, священник», польское *ksiądz* «ксёндз, священник»; прагерманское *panningaz «монета» (откуда английское *penny* «пенни», *pence* «пенс», немецкое *Pfennig* «пфенниг») в праславянский было заимствовано в виде *pěnędзь «монета», откуда чешское *peníz* «монета», *peníze* «деньги», польское *pieniądz*, *pieniądze* «деньги».

Вот, собственно говоря, одно из самых известных явлений (или лучше сказать – ряд фонетических процессов, связан-

ных друг с другом), вызванных тенденцией к возрастающей звучности и внутрислоговому гармонизму в праславянском. Эти тенденции вызывали и другие интересные изменения в праславянском языке: утрату слоговых сонантов, появление носовых **ɛ*, **ɔ* и протетических **j*, **v* (о них я уже говорил выше), метатезу плавных, падение редуцированных и многие другие. Если не устала от потока информации, то могу и о них рассказать подробнее.

М.К. От потока информации я не устала. Мне, напротив, очень интересно было узнать о палатализации. Кое-что она мне объяснила. Ещё когда я училась в школе, я спрашивала своего учителя русского языка о том, почему происходят всякие чередования в языке (ты их называл: *рука/ручка, нога/ножка* и т. д.), но он только пробурчал что-то о нормах «великого и могучего», а вразумительного ничего не ответил. Может быть, не хотел грузить. Теперь мне стало понятно, откуда растут «ножки» да «ручки».

Позволю себе немного наглости и ещё кое-что спрошу по теме. Можешь рассказать о носовых **ɛ* и **ɔ*? Они как-то связаны с французскими носовыми звуками?

А.М. С французскими носовыми они, разумеется, напрямую не связаны, если ты имеешь в виду их возникновение в праславянском. Но артикуляция, разумеется, аналогичная. Носовой согласный – это звук, при произнесении которого воздух проходит не только через ротовую полость, но и через полость носа. Такие звуки есть не только во французском, но и в польском, португальском, фризском, хинди. Французские носовые –

классический пример. Например, французское слово *garçon* [gav̥sɔ̃] «мальчик» на письме оканчивается на *on*, но конечный *n* идёт через нос. Кажется, что говорит гнусавый человек.

Праиндоевропейские сочетания **on*, **om*, **en*, **em* и некоторые другие в праславянском языке стали произноситься как носовые **ę* [ɛ̃] и **ǫ* [ɔ̃] (почти как и во французском). В старославянском языке эти звуки обозначались так называемыми юсами *ѧ* (**ę*) и *Ѩ* (**ǫ*). Во многих современных славянских языках носовые развились в полноценные гласные: в русском – в *я* и *у*, в болгарском – в *е* и *ь*, в словенском – в *е* и *о*. В польском языке носовые гласные частично сохранились и обозначаются буквами с диакритическим знаком в виде хвостика под буквой (так называемый *ogónék*).

Праславянское слово **męso* «мясо» (из праиндоевропейского **més* «мясо»; ср. готское *timz* «мясо», прусское *mensa* «мясо», санскритское मींस, *māmsa* «мясо») даёт русское *мясо*, старославянское *мѧсо*, болгарское *месо*, чешское *maso* и польское *mięso* – все в значении «мясо». Праславянское **rǫka* «рука» (ср. с литовским *ranka* «рука») даёт русское *рука*, старославянское *рѧка*, болгарское *ръка*, чешское *ruka* и польское *ręka* – все в значении «рука».

Интересны с точки зрения этимологии современные русские омонимы *лук* (в значении «растение») и *лук* (в значении «оружие»). Первое слово имеет солидный ряд соответствий в других славянских языках: старославянское *лоукъ*, украинское, белорусское *лук*, болгарское *лук*, сербохорватское *лук*, чешское *luk*, польское *luk*. Для них реконструируется общая праславянская форма **lukъ* «лук», которая была заимствована из формы, родственной прагерманскому слову **laukaz* «лук» (ср. англий-

ское *leek*, немецкое *Lauch*, нидерландское *look*, шведское *lök* «лук», датское *løg*, норвежское *løk*, исландское *laukur* – в значении «лук»). Слово *лук* в значении «оружие» также имеет ряд соответствий в других славянских языках, однако они уже отличны от первых: старославянское *лжкъ*, украинское *лук*, болгарское *лък*, сербохорватское *лук*, чешское *luk*, польское *łęk*. Здесь *ж* в старославянском, *ъ* в болгарском и *ę* в польском явно указывают на носовой характер праславянского гласного, и поэтому для праславянского языка следует реконструировать форму не **lukъ*, а **lorkъ*. Ей родственны литовские слова *lankas* «дуга, обрuch» и *lankus* «гибкий».

М.К. Интересно. Выходит, в праславянском возникали звуки, которые сегодня почти во всех славянских языках исчезли. Трудно, наверное, было установить их существование в древности?

А.М. Я бы не сказал, что это было очень трудно. Наличие носовых в праславянском – давнее открытие. Их легко выявить. В некоторых случаях мы и сами можем наблюдать, что эти звуки развились из древних сочетаний гласного с **n* или **m*. Так, праславянское слово **zvorkъ* «звук» (русское *звук*, болгарское *звук*, сербохорватское *звук*, чешское *zvuk*) родственно слову **zvonъ* «звон» (русское *звон*, сербохорватское *звон*, чешское *zvon*, польское *dzwon*). Налицо чередование **o/*on*. Праславянское **jъmę* (русское *имя*, болгарское *име*, сербохорватское *име*, польское *imię*) во множественном числе имело вид **jъmena* (русское *имена*, болгарское *имена*, сербохорватское *имена*, польское *imiona*), где **ę* чередуется с **en*. Такие чередования

явно указывают на то, что некогда на месте гласных были носовые звуки, развившиеся из более древних сочетаний **on* и **en*. Наложив это на особенности польской и кашубской фонологии, а также на «странные» юсы в старославянском, произнесение которых долгое время было загадкой, лингвисты установили довольно правдоподобную картину возникновения и дальнейшего развития носовых гласных в праславянском языке.

М.К. Я тут задумалась над русским словом *гусь*. Оно очень напоминает английское слово *goose* «гусь», а также немецкое *Gans* «гусь». Раньше бы я не придала значения такому совпадению, но сейчас просто не могу обойти стороной этот случай. Я предполагаю, что в праславянском слове, от которого происходит русское *гусь*, тоже был носовой, поскольку в немецком есть *n*. Я ведь верно рассуждаю? И если да, то почему же в английском нет этого *n*?

А.М. Вот видишь, ты уже рассуждаешь как этимолог. Достаточно лишь узнать некоторые закономерности развития звуков, и ты уже делаешь небольшие открытия.

Русское *гусь*, старославянское *гъсь*, болгарское *гъска*, сербохорватское *гуска*, чешское *husa*, польское *geś*, действительно, восходят к праславянскому слову **gъsь* «гусь» с носовым **ǫ*. Об этом можно догадаться и по виду старославянского слова, где присутствует юс большой. В английском слове *goose* согласный *n* был закономерно утрачен в данной позиции, как и в некоторых других германских языках (шведское *gås*, норвежское *gås*, датское *gås*, исландское *gæs*, нижненемецкое *Goos*). Но *n* сохраняется в нидерландском слове *gans* и в немецком *Gans*.

Лингвисты реконструируют общегерманскую форму **gans* «гусь», которую вместе с праславянским **gōsь* «гусь» возводят к праиндоевропейскому **ǵʰh₂éns* «гусь». Отсюда также происходят литовское *žąsis* «гусь», древнегреческое *χῆν* (*khḗn*) «гусь», латинское *anser* «гусь», санскритское *हंस* (*haṃsá*) «гусь».

Кстати, именно в данном слове имеет место некоторый отход от фонетических законов, так как праиндоевропейское **ǵʰ* должно было дать праславянское **z* (в этом можно убедиться, заглянув в таблицу фонетических соответствий), но во всех славянских языках мы наблюдаем **g* вследствие межслоговой диссимиляции, звукоподражания (крик гусей) или, возможно, германского влияния. При этом начальное *ž* в литовском *žąsis* «гусь» прекрасно соответствует данным в нашей таблице.

М.К. Ты выше упомянул о метатезе плавных. Насколько я помню, метатеза – это перестановка согласных местами. А что за «плавные» участвуют в этой перестановке в славянских языках?

А.М. Плавными называют сонорные согласные *l* и *r*. В праславянских сочетаниях **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT*, **orT*, **olT* (где *T* – любой согласный) произошли некоторые подвижки. Этот процесс довольно поздний, поэтому в разных языках он даёт разные результаты.

В восточнославянских языках возникло полногласие, то есть слог **TorT* превратился в *ToroT*, **TolT* – в *ToloT*, **TerT* – в *TereT*, **TelT* – в *ToloT*, *TeleT* или *TeloT* (результат в последней группе зависит от качества второго согласного). Так, праславянские слова **korva* «корова», **moltь* «молот», **bergь* «берег» в

результате метатезы дают нам русские слова *корова*, *молот*, *берег*, украинские *корова*, *молот*, *берег*, белорусские *карова*, *молат*, *бераг*.

В южнославянских языках, а также в чешско-словацкой группе произошла метатеза с удлинением гласного. Таким образом, сочетание **TorT* даёт в этой группе *TraT*, **TolT* – *TlaT*, **TerT* – *TrěT*, **TelT* – *PlěT*. Те же праславянские слова **korva*, **moltъ*, **bergъ* в этих языках дали совершенно иной результат: болгарские *крава*, *млат*, *бряг*, сербохорватские *крава*, *млат*, *брег*, *бријег*, словенские *krava*, *mlat*, *breg*, чешские *kráva*, *mlat*, *břeh*, словацкие *krava*, *mlat*, *breh*.

По отсутствию полногласия и наличию метатезы в русском языке легко распознать слова, имеющие старо- и церковнославянское происхождение. Слова *брег* (вместо *берег*), *град* (вместо *город*), *злато* (вместо *золото*), *млад* (вместо *молод*) – всё это южнославянские заимствования, которые в большинстве своём встречаются разве что в литературе, но редко в разговорной речи. Исключения составляют те южнославянские слова, которые навсегда вытеснили исконные древнерусские полногласные формы: *враг* (вытеснило исконное *ворог*), *шлем* (вытеснило исконное *шелом*), или приняли свои значения, отличные от значений форм с полногласием: *глава* (наряду с *голова*), *страна* (наряду с *сторона*).

В польском и лужицких языках произошла метатеза без удлинения гласного, поэтому сочетание **TorT* в этих языках перешло в *TroT*, **TolT* – в *TloT*, **TerT* – в *TreT*, **TelT* – в *TleT*. Таким образом, всё те же праславянские слова **korva*, **moltъ*, **bergъ* дают в этих языках следующие результаты: польские

krowa, mlot, brzeg, нижнелужицкие *krowa, brjog*, верхнелужицкие *kruwa, brjóh*.

Начальные сочетания типа **orT*, **olT* также давали разные результаты, но это различие диктовалось интонационными особенностями самих сочетаний.

В одних случаях сочетания **orT*, **olT* давали *raT*, *laT* во всех славянских языках. Поэтому, например, праславянское **ordlo* «рало, плуг» в результате даёт русское *рало*, украинское *рало*, болгарское *рало*, сербохорватское *рало*, словенское *ralo*, чешское *rádlo*, словацкое *radlo*, польское *radło*. Другой интересный пример с сочетанием **orT* – праславянское **orbъ* «слуга, раб», которое даёт в русском языке слово *раб* (сюда же слова *работа* и *ребёнок*), в латинском – *orbis* «осиротевший», в древнегреческом – *ὄρφανός* (*orphanós*) «осиротевший», в санскрите – *अर्भ* (*ár̥bha*) «маленький; мальчик», в армянском – *որբ* (*orb*) «сирота». Все эти слова восходят к праиндоевропейскому слову **h₃orb^hos*, которое, вероятно, также означало «сирота».

В других случаях сочетания **orT*, **olT* дают *raT*, *laT* в южнославянских языках и словацком и *roT*, *loT* в восточно- и западнославянских языках. Так, праславянское **orstъ* «рост» даёт в южнославянских языках и словацком: болгарское *раст*, сербохорватское *раст*, словенское *rast*, словацкое *vzrast*, в восточно- и западнославянских языках: русское *рост*, украинское *ріст*, чешское *vzrůst*, польское *wzrost*.

Метатеза плавных в праславянском отмечается также в древнейших заимствованиях. Так, праславянское слово **korljь* «король», образованное от имени императора Карла Великого (*Karl*), в славянских языках даёт точные результаты группы **TorT*: русское *король*, украинское *король*, белорусское *кароль*,

болгарское *крал*, сербохорватское *краљ*, словенское *kralj*, чешское *král*, словацкое *kráľ*, польское *król*.

М.К. Поражаюсь изяществу фонетических изменений. Было **orbъ*, стало – *раб*. И попробуй догадайся, что всё это вообще как-то связанные друг с другом вещи. Снова чудеса, снова *zázraky*.

Я уже не в первый раз обращаю внимание на то, что в некоторых славянских языках (в чешском и словацком, например) русскому *г* соответствует *h*. Это видно хотя бы по примерам со словами *берег* и *гусь*, которые в чешском имеют вид *břeh*, *husa*, в словацком – *breh*, *hus*. Буква *h* в этих языках читается как украинское *г* [h]? Если да, то связаны ли они между собой исторически или это случайные совпадения?

А.М. Да, тут тот же самый звук. Так получилось, что в некоторых центральных диалектах славянского ареала произошла «мутация» взрывного [g], в результате чего он стал фрикативным. Украинский, белорусский, чешский, словацкий и верхнелужицкий языки имеют фрикативный или фарингальный согласный там, где в польском, нижнелужицком, болгарском, сербохорватском, словенском и русском имеется взрывной. Что интересно, языки с инновацией (то есть с «мутацией») как бы разделяют другие славянские языки на северные и южные, находясь в центре.

М.К. То есть это какой-то древний процесс, который затронул центральные говоры праславянского, затем стал особен-

ностью целой группы языков? Эти «мутации» имеют свойство расширяться?

А.М. Совершенно верно. Вероятно, в древности (возможно, уже после распада праславянской общности) начался это процесс фрикативизации и фарингализации, который «волной» стал расходиться от центра к периферии, включая в свою орбиту всё больше и больше соседних говоров. В итоге, когда стали складываться литературные нормы отдельных славянских языков, фрикативный закрепился в одних языках, но не закрепился в других. «Мутация» застыла. Замечу, что и в южных русских диалектах это явление является распространённым, но литературный русский язык сложился на среднерусских говорах, где *z* – взрывной. Его мы и произносим. Фрикативный [ʁ], близкий к украинскому [ɦ], встречается у нас разве что в словах *ага* [v'ʁa] и *господи* ['ʁospɔdʲi].

Говоря о «волнах», уместно вспомнить одну старую теорию, которую выдвигали ещё в XIX веке немцы Гуго Шухардт и Иоганнес Шмидт. Им принадлежит идея о том, что языковые инновации распространяются из центра, где они возникают, к периферии, «подобно кругам, расходящимся по воде от брошенного камня и постепенно затухающим». В предыдущих частях нашей беседы я уже говорил о так называемых языковых союзах и о конвергенции языков. Всё это тоже от «волн». Даже упомянутая в этой части нашей беседы сатемизация – это «волновая» инновация, явно начавшая своё распространение где-то в центре, тогда как по краям, на западе и на востоке, исторически были распространены кентумные языки.

М.К. Задам ещё один наглый вопрос в рамках рассматриваемой темы. Что такое падение редуцированных?

А.М. Я полагаю, тебе известно, что русская орфография до 1918 года была не такой, как сегодня. Может быть, на уроках истории тебе доводилось видеть в учебниках плакаты или денежные знаки с надписями в дореформенной орфографии.

М.К. Да, конечно, я встречала тексты в такой орфографии. Я, кажется, видела одну детскую Библию, в которой на конце каждого слова, оканчивавшегося на согласный, стоял твёрдый знак. Только я не понимаю, причём здесь дореформенная орфография. Разве падение редуцированных произошло недавно? Мне казалось, это какое-то древнее явление, общеславянское.

А.М. В дореформенной орфографии, как ты правильно заметила, слова, оканчивавшиеся на согласный, имели на конце ещё и букву ь («ер»). Лев Васильевич Успенский в книге «Слово о словах» называл её «буквой-разбойником», «буквой-бездельником» и «буквой-паразитом», потому что никакой реальной роли в русском языке она многие столетия уже не играла и на конце слов использовалась просто по традиции. Однако в древнерусском языке до XII века она прекрасно произносилась и читалась. Это был унаследованный из праславянского (и далее, соответственно, из праиндоевропейского) редуцированный (сверхкраткий) звук, точное произнесение которого установить трудно. Буква ь, которую мы теперь называем «мягким знаком»

(в дореформенной орфографии она называлась «ерь»), также обозначала редуцированный гласный в древнерусском языке, а сегодня обозначает мягкость согласного. Оба редуцированных пали, что связано с отменой закона открытого слога, который имел очень важное значение в истории праславянского языка. Появление закрытых слогов оказало существенное влияние на дальнейшую историю отдельных славянских языков.

По общему правилу *ь и *ь исчезли (пали) в «слабой позиции» (на конце слов, в середине слова перед слогом с обычным гласным или с редуцированным гласным в сильной позиции). Редуцированные в «сильной позиции» (перед слогом со слабым редуцированным) постепенно вокализовались.

Например, праславянское слово **сънъ* «сон» (из праиндоевропейского **supnós* «сон»; ср. древнегреческое *ὑπνος*, *húpnos* «сон», санскритское *स्वप्न*, *svárna* «сон») даёт древнерусское *сънъ*, русское *сон*, болгарское *сън*, сербохорватское *сан*, чешское *sen*, польское *sen*. Праславянское **дънь* «день» даёт древнерусское *дънь*, русское *день*, болгарское *ден*, сербохорватское *дан*, чешское *den*, словацкое *deň*, польское *dzień*. Видно, что «слабый» редуцированный на конце слова отпал во всех славянских языках, а результаты вокализации «сильного» редуцированного в середине слова различаются по группам языков.

Существуют при этом случаи, когда общее правило нарушается, на месте, где был «слабый» редуцированный, можно встретить рефлексы «сильных» редуцированных. Например, праславянское **дъно* «дно» (из праиндоевропейского **dʰubʰnós* «глубокий»; ср. литовское *dugnās* «дно» и ирландское *domhain* «глубокий») даёт древнерусское *дъно*, русское *дно*, а также болгарское *дъно*, сербохорватское *дно*, чешское *dno*, польское *dno*.

Праславянское **mьgla* «мгла» (из праиндоевропейского **h₃miǵʰleh₂* «мгла»; ср. древнегреческое *ὀμίχλη*, *omíkhlē* «туман; мгла», литовское *migla* «туман; мгла», албанское *mjegull* «туман; мгла») даёт древнерусское *мъгла*, русское *мгла*, болгарское *мъгла*, сербохорватское *магла*, чешское *mhla*, словацкое *hmla* (с метатезой), польское *mgła*. Видно, что не во всех языках «слабые» исчезли.

М.К. И всё? Это и есть тот самый очень важный процесс, «оказавший существенное влияние на дальнейшую историю славянских языков»? Если метатеза явно меняет облик слова, а палатализация вызывает чередования, то здесь мне не совсем понятно, в чём именно состоит масштабность явления. Одни редуцированные исчезли, другие просто превратились в обычные гласные.

А.М. Я думаю, сейчас для тебя не будет новостью то, что одни изменения в языке влекут за собой другие изменения. Получается цепная реакция, в ходе которой язык «ищет» свой порядок. О подобном уже шла речь выше.

Отмена закона открытого слова, вызвавшая падение слабых редуцированных и вокализацию сильных редуцированных, привела к перестройке всей фонетической и отчасти морфологической систем славянских языков. Возникли закрытые слоги, появились ранее невозможные стечения согласных, стали происходить процессы ассимиляции и диссимиляции согласных по мягкости-твёрдости и глухости-звонкости. Разумеется, возникли и чередования с беглыми гласными (ср. праславянское **sъnъ* «сон» – **sъna* «сна» и русское *сон* – *сна*, сербохорватское *сан* –

сна, польское *sen – sni*; праславянское **otьсь* «отец» – **otьса* «отца» и русское *отец – отца*, сербохорватское *отац – оца*, словацкое *otec – otca*). Всё это также способствовало разделению славянских языков.

М.К. Хочется тебя ещё что-нибудь спросить эдакое, да только не знаю, что именно. Кажется, мой запас вопросов по фонетике исчерпан. Что рекомендуешь почитать по этой теме?

А.М. Если хочешь получше узнать о фонетическом строе праславянского и тех изменениях, которые в нём происходили, то советую почитать классические учебники по славистике. Например, мне нравится учебник «Сравнительная грамматика славянских языков» Самуила Борисовича Бернштейна, хотя неподготовленному человеку его будет трудно осилить. Во всех отношениях интересен курс «История праславянской фонетики» Соломона Юрьевича Адливанкина. Не утратила своей актуальности и книга Антуана Мейе «Общеславянский язык».

М.К. Ну что ж, предлагаю тогда перейти к следующей теме – заимствованиям. Вот тут-то у меня вопросов миллион!

А.М. Не могу обещать, что отвечу на миллион вопросов, но постараюсь поделиться тем, что знаю.

Глава 5. Заимствования и кальки

М.К. Вот мы, наконец, и подошли к заимствованиям. Их мне определить намного легче, чем родственные слова, восходящие к каким-то общим праформам. Особенно хорошо я ощущаю английские и итальянские заимствования. Есть слова, которые просто звучат по-английски: *коучинг*, *сёрфинг*, *ребрендинг*, *драйвер*, *стайлер* и т. д. Итальянские слова типа *ария*, *адажио*, *пицца*, *макароны* просто невозможно не узнать. Даже если бы я никогда не учила итальянский, то всё равно бы назвала эти слова итальянскими. Мне кажется, всё из-за того, что они просто звучат не так, как русские слова. Это их и выдаёт. То же можно сказать обо всех заимствованиях?

А.М. Мы часто ощущаем чужеродность слова по каким-то фонетическим признакам и грамматическим элементам. В простых случаях даже человек, который мало знаком с лингвистикой, но изучал иностранные языки, способен распознать заимствование и даже определить его источник – тот язык, откуда оно пришло. Но бывают случаи более трудные.

Из приведённых тобой слов, скажем, слова *коучинг* (от английского *coaching* «тренировка; подготовка; инструктаж»), *сёрфинг* (от *surfing* «сёрфинг») и *ребрендинг* (от *rebranding* «ребрендинг») выдаёт английский суффикс *-инг* (*-ing*). Слово *коучинг* также легко отнести к заимствованиям по наличию в нём нехарактерного для русского языка дифтонга *ou*. Русские слова *дубляж* (от французского *doublage* «удвоение; дублирование»), *купаж* (от *coupage* «резка; рубка»), *пассаж* (от *passage*

«переход, проход») выдаёт французский суффикс *-аж* (*-age*). Слова *политизировать* (от немецкого *politisieren* «политизировать»), *информировать* (от *informieren* «информировать»), *экспериментировать* (от *experimentieren* «экспериментировать») благодаря сложному суффиксу *-ирова* легко опознать как слова немецкого происхождения.

Некоторые признаки позволяют однозначно отнести к заимствованиям целые группы русских слов. Хорошо известно, что славянские слова никогда не начинались на *а* (исключения составляют разве что союз *а* и некоторые междометия), поэтому все слова на *а* в русском словаре являются заимствованными: *автор* (через европейские языки пришло из латинского *auctor* «создатель, творец»), *алгебра* (от арабского الجبر, al-jabr «восполнение» – Аль-Хорезми использовал слово в названии книги «Китаб аль-джебр ва-ль-мукабала»), *анафема* (от древнегреческого ἀνάθεμα, anáthema «отлучение»), *арбуз* (через тюркские языки происходит из персидского خربز, харбоз «арбуз»), *аркан* (из тюркских языков; ср. башкирское *аркан*, татарское *аркан*, казахское *арқан*) и т. д. Также в славянских языках не существовало звука [f], поэтому все слова на *ф* в словаре тоже заимствованы: *фарфор* (из османского турецкого فغفوری, fağfûrî «китайский фарфор», далее из персидского فغفوری, fağfuri «китайский фарфор», от فغفور, fağfur «китайский император»), *флейта* (из немецкого *Flöte* «флейта», далее от старофранцузского *fleute* «флейта»), *флот* (из французского *flotte* «флот», далее из германских языков), *фонтан* (от итальянского *fontana*, далее от латинского *fontāna aqua* «ключевая вода»), *фантазия* (через европейские языки, из латинского *phantasia* «представление, идея,

мысль», далее из древнегреческого *φαντασία*, *phantasia* «показывание; пышность; фантазия»).

Довольно просто опознать заимствованное слово, если знать его аналоги в других языках. Например, глагол *пробовать* многие считают русским (он не выдаёт себя как заимствованный), но знатоки европейских языков скажут, что он подозрительно похож на польское *próbować* «пробовать, пытаться», немецкое *probieren* «пробовать, пытаться», итальянское *provare* «пробовать; примерять», испанское *probar* «испытывать, пробовать; доказывать; примерять», венгерское *próbál* «пробовать, пытаться», английское *approve* «утверждать» или французское *prouver* «доказывать; обнаруживать». Все эти и некоторые другие однокоренные слова восходят к латинскому *probō* «пробовать; проверять; доказывать; одобрять». Часто именно из европейских языков подобные слова приходили в русский, хотя лингвофрики любят утверждать, что всё было как раз наоборот.

Как я и говорил, бывают случаи простые, когда мы легко опознаём в слове заимствования. Примеры, которые я приводил выше, как раз таковыми и являются. Но в русском языке существует много очень древних заимствований, которые сегодня нам трудно распознать. Каждый ли согласится с тем, что русские слова *кровать*, *свёкла* и *корабль* – это заимствования из греческого? Тем не менее, слово *кровать* происходит от *κράββατος* (*krábbatos*) «кровать», *свёкла* – от *σεῦκλον* (*seûklon*) «свёкла», *корабль* – от *καράβιον* (*karábion*) или *κάραβος* (*kárabos*) «корабль». Слова *диван*, *кирпич*, *туман* – заимствования из восточных языков. Каждый ли знает, что слово *диван* через турецкое посредство происходит из персидского *دیوان* (*divân*) «диван (орган власти в странах Востока)», *кирпич* и *туман* – тюркские

слова (ср. турецкие *kerpiç, duman*, казахские *кірпіш, тұман*, башкирские *кирбес, томан* – с теми же значениями, что и русские слова)? Думаю, в таких случаях уже недостаточно чутья. Нужно иметь ещё немного специальных лингвистических знаний.

М.К. Действительно, слова *свёкла* или *кровать* я бы никогда не отнесла к заимствованиям. Я бы скорее предположила, что слово *кровать* связано со словами *кров, крыть*. Они кажутся такими русскими. Почему мы не можем считать, что это греческие слова произошли из русского, а не наоборот?

А.М. В древнегреческом языке эти слова засвидетельствованы ещё до нашей эры, когда русского языка не было и в помине. Заимствованием из праславянского их тоже считать нельзя, так как другие славянские языки могут этих слов не знать. Важно учитывать реальную историю слова, знать в каком регионе оно было раньше засвидетельствовано.

Например, слово *кровать* известно в русском, есть также слово *кревет* в сербохорватском и македонском языках. Но по-болгарски кровать называется *ложак*, по-словенски – *postelja*, по-чешски – *postel* или *lůžko*, по-польски – *łóżko*. Слова, заимствованные из древнегреческого *κράββατος* (*krábbatos*), встречаются преимущественно на Балканах: ср. греческое *κρεβάτι* (*kreváti*), албанское *krevat*, турецкое *kerevet* – в значении «кровать». Это всё явно свидетельствует о том, что источник русского слова *кровать* нужно искать там же.

С другой стороны, ты обратила внимание на очень важную деталь. Как правило, в слове, которое заимствовано в рус-

ский язык, нельзя обнаружить других значимых частей. Например, слово *катастрофа* в русском языке неделимо, но древнегреческое *καταστροφή* (katastrōphḗ) «переворот; исход; гибель», из которого оно происходит, прекрасно раскладывается на *ката-* (kata-) и *στρέφω* (stréphō) «поворачивать, переворачивать». Для этимологов такие случаи вполне очевидны, поэтому иногда достаточно указать, что в языке, откуда происходит то или иное слово, оно может определённым образом раскладываться на части. В случае со словом *кровать* всё труднее, так как в самом древнегреческом слово *κράββατος* (krábbatos) заимствовано из древнемакедонского языка. А в русском имеются похожие слова *кров* и *крыть*, которые мы можем ассоциировать с кроватью. В таких случаях семантикой приходится пренебречь, так как важнее реальная история слова, а не умозрительные связи между словами. Хотя, повторяюсь, и связи эти тоже нужно принимать во внимание.

М.К. А слово *книга* – это родное слово или тоже заимствование?

А.М. Если говорить о русском языке, то, видимо, можно назвать его исконным, так как оно восходит к праславянскому **кънѣга*, откуда происходят также украинское *книга*, старославянское *кънига*, сербохорватское *књига*, словенское *knjiga*, словацкое *kniha*, чешское *kniha*, польское *księga*. Но если говорить о праславянском слове, то оно, очевидно, пришлое. Правда, по сей день неясно, откуда именно оно пришло. Однозначно источник заимствования тот же, что и у венгерского *könyv* «книга», чувашского *кёнеке* «книга», осетинского *чиньг* (в иронском диа-

лекте), *киунуга* (в дигорском диалекте) «книга». По одной из версий, источником является ассирийское *kinukku* «печать», по другой – среднекитайское 卷 (*күйенН*) «свиток». Обе версии имеют свои слабые места: в виду отсутствия в прошлом прямых контактов славян с носителями аккадского и среднекитайского языков кто-то должен был стать «посредником», но он пока что не обнаружен.

М.К. Что ж такое происходит?! Какое русское слово не возьми – оно «пришлое». Самые любимые вещи – кровать и книга – всё из-за бугра! А ещё я люблю чай. Чай-то хоть наш, родной?

М.К. Конечно, нет. Это один из самых известных китайских. Слово *чай* в русском языке появилось, вероятно, из тюркских языков; ср. турецкое *çay*, туркменское *çay*, узбекское *choy*, киргизское *чай*, татарское *çay*, башкирское *сәй*, казахское *шай*. Похожие слова встречаются в других восточных языках: хинди चाय (*cāy*), चाँ (*cā*), арабское شاي (*šāy*), персидское چای (*čāy*). Все они в конечном счёте восходят к китайскому 茶 (*chá*). Произнесение 茶 (*chá*) характерно лишь для северных китайских диалектов. Именно из Северного Китая это название стало известно в упомянутых выше языках.

В европейских языках чай называется похоже, но несколько иначе: английское *tea*, немецкое *Tee*, нидерландское *thee*, французское *thé*, итальянское *tè*, испанское *té*, шведское *te* и т. д. Все эти слова происходят от того же китайского слова, но

уже в южном произношении – 茶 (tê). Европейцы торговали с Китаем на юге и вывозили товары из южных портов по морю.

М.К. Ничего себе! Никогда бы не подумала, что русское *чай* и английское *tea* – это родственные слова. Хотя они и правда похожи чуть-чуть.

Я тут подумала и решила. Спрашивать о каждом интересующем меня слове было бы долго и, наверное, не так интересно нашему читателю. Может быть, нам с тобой рассмотреть всю историю заимствований в русском языке. Я полагаю, тут есть что обсудить, ведь тема широчайшая и очень интересная. Как я понимаю, в разные периоды истории русского языка сменялись источники заимствований, сами потоки новых слов в русский язык были разной интенсивности. Как думаешь, это хорошая идея?

А.М. Идея хорошая. Поддерживаю.

М.К. Что ж, давай тогда начнём с самого древнего периода – праславянского. Надо полагать, праславяне активно контактировали с соседями, взяли у них много интересного. Даже слово *книга*, как выяснилось, является заимствованием этого периода, хотя я всегда его считала русским словом. Расскажи о других интересных заимствованиях.

А.М. Я бы не стал говорить, что *книга* – это не русское слово. Те слова, которые были заимствованы в язык праславян в древнейшую эпоху из языков соседей (германских, кельтских, иранских и других народов), уже давно являются неотъемлемой

частью русского лексического фонда и не воспринимаются как заимствования. Для нас это родные слова, так как русский язык унаследовал их из языка-предка. Наверняка в праиндоевропейском и праностратическом было множество заимствований. Это не делает такие слова чужими в современных потомках этих языков.

Весьма древними были контакты праславян с германцами. Они происходили ещё до нашей эры, вероятно, в районах Вислы и Одера. Отдельно выделяемый пласт германских заимствований – это готские заимствования, которые относятся к III–IV векам нашей эры.

Так, праславянское слово **xlěbъ* «хлеб» (ср. русское *хлеб*, болгарское *хляб*, сербохорватское *хлеб*, *хълеб*, словацкое *chlieb*, чешское *chleba*, *chlěb*, польское *chleb*) пришло из готского *hlaifs* «хлеб» или напрямую из прагерманского **hlaibaz* «хлеб» (отсюда английское *loaf* «буханка хлеба; булка», немецкое *Laib* «коврига, каравай хлеба», исландское *hleifur* «буханка хлеба, булка»). Слово **melko* «молоко» (русское *молоко*, болгарское *мляко*, сербохорватское *млеко*, *млијеко*, словацкое *mlieko*, чешское *mléko*, польское *mleko*) происходит из прагерманского **meluks* «молоко» (английское *milk* «молоко», немецкое *Milch* «молоко», исландское *mjólk* «молоко»). Праславянское слово **kotьbъ* «котёл» (русское *котёл*, болгарское *котел*, сербохорватское *котао*, словацкое *kotol*, чешское *kotel*, польское *kocioł*) происходит из готского *katils* «котёл» (из прагерманского **katilaz* «котёл», далее из латинского *catillus* «блюдо, миска»; английское *kettle* «котелок», немецкое *Kessel* «котёл», исландское *ketill* «котёл; чайник»). Праславянское **osьbъ* «осёл» (русское *осёл*, болгарское *осел*, сербохорватское *осао*, словацкое *osol*,

чешское *osel*, польское *osiol*) происходит от готского *asilus* «осёл» (из прагерманского **asiluz* «осёл», далее от латинского *asellus* «ослик», *asinus* «осёл»; древнеанглийское *esol*, *eosol* «осёл», немецкое *Esel* «осёл», нидерландское *ezel* «осёл»). Праславянское **рълкъ* «полк» (русское *полк*, болгарское *пѣлк*, сербохорватское *пук*, словацкое *pluk*, чешское *pluk*, польское *pułk*) происходит из прагерманского **fulka* «люди, народ» (ср. английское *folk* «люди, народ», немецкое *Volk* «народ», исландское *fólk* «люди»). Глагол **kupiti* «купить» (русское *купить*, болгарское *купя*, сербохорватское *купити*, словацкое *kúpiť*, чешское *koupit*, польское *kupić*) происходит от готского *kaupōn* «торговать» (из прагерманского *kaupōna* «покупать; торговать», далее из латинского *caupō* «лавочник, торговец»; немецкое *kaufen*, нидерландское *kopen*, исландское *kaupa*). Ранее нам встречались некоторые другие примеры заимствований из германских языков в праславянском: **lukъ* «лук (растение)», **korl'ь* «король», **кънѣдзь* «князь», **сьрку* «церковь». И таких ещё довольно много.

Германские языки зачастую являлись посредниками при заимствовании слов из латыни или древнегреческого. Это хорошо видно на примере слов **kotьlь* «котёл», **kupiti* «купить» и **сьрку* «церковь».

Очень древними заимствованиями являются иранизмы – слова, пришедшие из иранских языков. В силу их древности и из-за сложных путей заимствования распознать их довольно трудно, поэтому попытки некоторых этимологов отнести то или иное праславянское слово к иранским заимствованиям часто наталкивается на сопротивление других специалистов. Француз Антуан Мейе писал, что «мы почти не находим иранских слов в

славянских языках», тогда как чешский лингвист Вацлав Блажек насчитывал несколько десятков таких заимствований.

Наиболее известным и достоверным заимствованием из иранских языков является слово **toporъ* «топор» (русское *топор*, чешское *topor*, польское *topór*), которое может быть связано с персидским *تبر* (*tabar*) «топор» (отсюда же армянское *տիսիւր*, *тарар* «топор»). Также иранским считаются слова **bogъ* «бог» (русское *бог*, болгарское *бог*, сербохорватское *бог*, словацкое *boh*, чешское *bůh*, польское *bóg*), **vatra* «огонь» (украинское *ватра*, сербохорватское *ватра*, чешское *vatra*; с ним связано русское *ватрушка*), **čьrtogъ* «чертог» (русское *чертог*, украинское *чертог*; более позднее заимствование из тюркских языков *чердак* имеет те же истоки) и предлог **radi* «ради» (русское *ради*, сербохорватское *ради*).

Кельтские заимствования также иногда бывает трудно отличить от исконных слов. Наиболее известное из них – праславянское **korva* «корова» (русское *корова*, болгарское *крава*, сербохорватское *крава*, словацкое *krava*, чешское *kráva*, польское *krowa*), которое происходит из пракельтского **karwos* «олень» (валлийское *carw* «олень», древнеирландское *carbh* «олень»); исконным в праславянском языке является родственное пракельтскому **karwos* слово **sьrna* «серна» (русское *серна*, болгарское *сърна*, сербохорватское *срна*, словацкое *srna*, чешское *srna*, польское *sarna*). Также к кельтским заимствованиям иногда относят слова **sluga* «слуга» (русское *слуга*, болгарское *слуга*, сербохорватское *слуга*, словацкое *sluha*, чешское *sluha*, польское *sluga*), **těsto* «тесто» (русское *тесто*, болгарское *тесто*, сербохорватское *тесто*, *мијесто*, словацкое *cesto*, чешское *těsto*, польское *ciasto*), **braga* «брага» (русское *брага*, украин-

ское *брага*) и некоторые другие. Однако по поводу этих слов спорят не меньше, чем по поводу иранизмов.

Большое количество слов в праславянский пришло из романских языков, причём задолго до христианизации. К латинским относится, например, слово **baŋa* «баня» (русское *баня*, болгарское *баня*, сербохорватское *бања*, словацкое *baňa*, чешское *báň*, польское *bania*) – от формы типа **bānea* в вульгарной латыни, от латинского *balneum* «баня, ванна», далее от древнегреческого *βαλανεῖον* (*balaneion*) «баня, купальня». Праславянское **byvolъ* «буйвол» (русское *буйвол*, болгарское *бивол*, сербохорватское *бивол*, *биво*, словацкое *byvol*, чешское *byvol*, польское *bawół*) происходит от формы **būvalus*, от латинского *būbalus* «буйвол; газель», далее от древнегреческого *βοῦβαλος* (*boúbalos*) «буйвол; антилопа»; славянами было переосмыслено как сложение **bujъ* «буйный» и **volъ* «вол». Праславянское **meŋa* «мята» (русское *мята*, словацкое *mäta*, чешское *máta*, польское *mięta*) происходит от латинского *menta* «мята», далее из древнегреческого *μίνθη* (*mínthē*) «мята». Праславянское **ocъŧь* «уксус» (русское *оцет*, болгарское *оцет*, сербохорватское *оцат*, чешское *ocet*, польское *ocet*) происходит от латинского *acētum* «уксус», от *aceō* «быть кислым».

В праславянском языке есть слова, которые на данный момент в принципе не этимологизированы, то есть они точно не являются исконными, не восходят непосредственно к праиндоевропейскому, не имеют параллелей в соседних языках. Такими являются слова **kobyła* «кобыла» (русское *кобыла*, болгарское *кобила*, сербохорватское *кобила*, *кобыла* *kobyła*, чешское *kobyła*, польское *kobyła*), **mъrky* «морковь» (русское *морковь*, болгарское *морков*, сербохорватское *мрква*, словацкое *mrkva*, чешское

mrkev, польское *marchew*), **měď* «медь» (русское *медь*, болгарское *мед*, сербохорватское *мед*, *mjed*, словацкое *meď*, чешское *měď*, польское *miedz*) и, разумеется, уже известное нам слово **kъniga* «книга». Ясно лишь то, что они заимствованы откуда-то, но источник пока неизвестен.

М.К. А как понять, что какое-то заимствование пришло в праславянский, а какое-то – в древнерусский. И с какого момента времени начинается история собственно русского языка, выделившегося из праславянского?

А.М. Начну с ответа на второй вопрос. Точной даты тут быть не может. Наверное, следует вести отчёт от зарождения Древнерусского государства и появления самого слова *Русь*, то есть со второй половины IX века. Но это тоже очень условное разграничение, потому что фактически даже с появлением слова *Русь* восточнославянские диалекты праславянского языка не превратились во что-то единое, что можно было бы назвать русским языком. Я думаю, было бы гораздо более правильным начинать отсчёт с начала русской письменности, а это уже конец X – начало XI века, то есть после крещения Руси при князе Владимире. С этим не все согласятся, но я всё же придерживаюсь именно такой точки зрения.

Ответ на первый вопрос тоже не такой однозначный. Если слово вошло в праславянский, то оно будет известно во всех или в большей части славянских языков. Поэтому те заимствования, которые я приводил выше, можно считать именно заимствованиями в праславянский. Заимствования в древнерусский язык, как правило, сегодня можно обнаружить в восточносла-

вянских языках, но едва ли они встретятся в южных и западных славянских языках (если, конечно, они не появились в других славянских языках уже из самого русского языка). Это всё тоже весьма условно, так как нет ни чётких временных границ, ни чётких пространственных границ, отделяющих одни диалекты от других.

М.К. Меня слегка смутила формулировка «появление самого слова *Русь*». Оно разве не исконно в славянских языках?

А.М. Сегодня можно утверждать с полной уверенностью, что слово *Русь* – тоже заимствование. Как бы не хотелось ревнителям славянства, которые считают «русичей» едва ли не древнейшим народом Земли, верить в то, что оно имеет славянские истоки, это всё же не так.

Название страны *Русь* (как и этноним *русь*), по наиболее достоверной гипотезе, имеет скандинавское происхождение и было перенято славянами, вероятно, через прибалтийско-финское посредство. Оно соотносится с финским названием Швеции *Ruotsi* (из прибалтийско-финского **rōtsi*) как название племени *сумь* соотносится с современным финским названием Финляндии *Suomi*. В финском это слово возникло из древне-скандинавского **rōþskarlar* или **rōþsmannar* «гребцы», где корень **rōþ-* «гребля» связано с прагерманским словом **rōþraq* «весло», о котором уже речь шла выше.

Известно, что «росами» или «русами» называли тех самых варягов из Руслагена (восточное побережье Швеции), которых, согласно «Повести временных лет», в IX веке призвали на княжение словене, кривичи и некоторые финно-угорские пле-

мена, проживавшие на территории будущей Новгородской земли. Об этом прямо повествует сама летопись: «от тех варягов прозвалась Русская земля». Варяги, положив начало княжеской династии Рюриковичей, перенесли название *Русь* на ту территорию, которая попала под их контроль в IX-X веках. Первые князья (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга) носили скандинавские имена, но их потомки постепенно «ославянились» и стали именоваться по-славянски (Святослав, Ярополк, Владимир, Святополк, Ярослав и т. д.).

Ничего странного в этом нет. Истории известны и другие примеры, когда название страны было привнесено извне (например, название *Болгария* принесли с собой на Балканы тюрки) или призывались иноземные правители.

М.К. Эх, ушли мы с тобой в исторические дебри. Давай лучше дальше о словах поговорим. Расскажи, какова дальнейшая история заимствований в русском языке. Какие соседние языки чаще всего влияли на русский? Какие слова пришли к нам оттуда?

А.М. Древним пластом заимствований в русском языке являются слова скандинавского, балтийского и финно-угорского происхождения, что объясняется непосредственными контактами восточных славян с носителями этих языков.

Кроме «варяжского» названия *Русь* и ряда личных имён скандинавы подарили нам слова *акула* (ср. древнескандинавское *hákarl* «акула»), *сельдь* (древнескандинавское *síld* «сельдь»), *ларь* (древнескандинавское *lárr* «ящичек»), *якорь* (древнескандинавское *akkeri* «якорь»), древнешведское *ankari* «якорь», далее

из древнегреческого *ἄγκυρα*, *áγκυга* «якорь»), *стяг* (древнескандинавское *stǫng* «древко, шест»), *ябеда*, *ябедник* (древнескандинавское *embætti* «служба, должность»; изначально в значении «должностное лицо; судья», с XVI века – в значении «клеветник»).

Балтизмы представлены в русском языке словами *янтарь* (ср. литовское *gintaras* «янтарь», латышское *dzintars* «янтарь»), *ковш*, *кувшин* (литовское *kaušas* «ковш, половник»), *дѣготь* (литовское *degutas* «дѣготь», латышское *deguts* «дѣготь»), *пакля* (литовское *pakulos* «пакля», латышское *pakulas* «пакля»).

Финно-угорские заимствования составляют пласт редких в разговорной речи слов, так как финно-угорские народы контактировали преимущественно с носителями северных русских диалектов. Чаще всего это названия рыб и каких-нибудь географических реалий северных широт. Вот некоторые примеры заимствований из данной категории: *камбала* (финское *kampela* «камбала», карельское *kampala* «камбала»), *корюшка* (финское *kuore* «корюшка», карельское *kuoreh* «корюшка», вепское *koreh* «корюшка»), *мойва* (финское *maiva* «ряпушка», карельское *maima* «мелкая рыбёшка», вепское *maim* «мелкая рыбёшка»), *ряпушка* (вепское *räpus* «ряпушка»), *хариус* (финское *harjus* «хариус», карельское *harjus* «хариус», эстонское *harjus* «хариус»), *сорога* (финское *särki* «плотва», эстонское *särg* «плотва»), *нерпа* (финское *norppa* «кольчатый тюлень, нерпа»), *тундра* (кильдин-саамское *тўннтрэ*, форма родительного падежа слова *тўнтар* «гора») и т. д. Самые же известные финно-угорские заимствования в русском языке – это слова *сауна* (финское *sauna* «баня») и *пельмень* (коми и удмуртское *пельнянь* «ушко из хлеба»).

В средневековый период истории Руси основным источником заимствований был греческий язык, что связывается с христианизацией и началом книгописания. Многие греческие слова попадали в русский язык и в более позднюю эпоху через старо- и церковнославянский, а также через европейские языки.

Значительный пласт греческих заимствований – это слова, связанные с религиозным культом: *ангел* – от древнегреческого *ἄγγελος* (ángelos) «вестник, посланник; ангел», *икона* – от *εἰκών* (eikṓn) «образ; изображение», *демон* – от *δαίμων* (daímōn) «божество; дух; демон», *монах* – от *μοναχός* (monakhós) «одиночный, единый; отшельник, монах», *монастырь* – от *μοναστήριον* (monastḗrion) «монастырь» и т. д.

Много греческих заимствований связано с наукой: *история* – от *ἱστορία* (historía) «исследование», *грамматика* – от *γραμματική* (grammatikḗ) «грамматика», *физика* – от *τὰ φυσικά* (tà phusiká), от *φυσικός* (phusikós) «природный, естественный», *математика* – от *μαθηματικός* (mathēmatikós) «познающий; математический; астрономический». Также немало слов, связанных с искусством: *комедия* – от *κωμῳδία* (kōmōidía) «комедия», от *κῶμος* (kōmos) «весёлое шествие; шумная толпа» и *ὄδῃ* (ōidḗ) «песня», *трагедия* – от *τραγῳδία* (tragōidía) «трагедия», от *τράγος* (trágos) «козёл» и *ὄδῃ* (ōidḗ) «песня, пение», *театр* – от *θέατρον* (théatron) «театр; зрелище», от *θεάομαι* (theáomai) «смотреть, глядеть», *музыка* – от *μουσική* (mousikḗ) «музыка», от *Μοῦσα* (Moûsa) «муза». Обычно такие слова заимствовались в русский язык через европейские языки (немецкий, польский, французский и др.).

Выше я уже упоминал о словах *кровать*, *свёкла* и *корабль*. Они являются грецизмами, но в русском языке едва ли

воспринимаются как чужие. Другими укоренившимися заимствованиями из греческого являются слова *идиот* – от *ἰδιώτης* (*idiōtēs*) «гражданин, не принимающий участия в общественных делах; частный человек», *нектар* – от *νέκταρ* (*néktar*) «нектар, напиток богов», *тетрадь* – от *τετράδιον* (*tetrádion*) «четвёрка; четвёртая часть листа», от *τετράς* (*tetrás*) «число четыре», *поэт* – от *ποιητής* (*poiētēs*) «производитель, творец; сочинитель, поэт», *стих* – от *στίχος* (*stíkhos*) «ряд; стих», *фасоль* – от *φάσηλος* (*phásēlos*) «фасоль». Они также пришли в русский язык разными путями и в разное время.

Довольно ранними являются заимствования из тюркских языков. Они наводняли русский язык постоянно, на протяжении всей его истории. С глубокой древности славяне контактировали с различными кочевыми тюркскими племенами на юге и востоке. В домонгольский период истории Руси происходили контакты с булгарами, печенегами, половцами. В период монгольского ига и после него поток тюркизмов в русский язык не прекращался, а только усиливался.

Тюркизмы хорошо распознаются по характерному сингармонизму: *балык* (ср. турецкое *balık*, узбекское *balıq*, татарское *балык*, башкирское *балык*, казахское *балық* – все в значении «рыба»), *башмак* (турецкое *başmak*, татарское *башмак* – «обувь»), *очаг* (турецкое *ocak*, узбекское *o‘choq*, киргизское *очок* – «печь»), *орда* (турецкое *ordu* «военный лагерь»), татарское *урда* «орда»), *башка* (турецкое *baş*, узбекское *bosh*, татарское *баш*, башкирское *баш* – «голова»).

Многие тюркизмы в русском языке, если копнуть чуть глубже, часто являются словами индоиранского или арабского происхождения. Например, слово *сундук*, пришедшее в русский

из тюркских языков (турецкое *sandık*, узбекское *sandiq*, казахское *сандық*, башкирское *һандык* – «сундук, ящик»), далее восходит к персидскому صندوق (*sanduq*) «сундук, ящик» и арабскому صندوق (*ṣundūq*) «сундук, ящик». Интересно, что армянское *սնդուկ* (*snduk*) «сундук» и грузинское ზანდუკი (*zandukī*) «сундук» считаются при этом арабизмами. В тюркских языках – это иранизм, а у нас – тюркизм. Ещё один интересный тюркизм – слово *изумруд*. В русский оно было заимствовано из турецкого *zümürüt* «изумруд», которое возникло из персидского زمرد (*zumúrrud*), далее восходящего к древнегреческому слову *σμάραγδος* (*smáragdos*) «камень зелёного цвета». Армянское *զմրուխտ* (*zmruht*) и грузинское ზურმუხტი (*zurmuxti*) считаются иранизмами, так как слово им стало известно от персов. Названия изумруда в европейских языках (французское *émeraude*, немецкое *Smaragd*, английское *emerald*, чешское *smaragd*, испанское *esmeralda*, итальянское *smeraldo*, польское *szmaragd*, литовское *smaragdas*, финское *smaragdi*) через латинское посредство восходят к древнегреческому *σμάραγδος* (*smáragdos*), поэтому являются латинизмами или грецизмами.

До XVII века русский язык активно заимствовал слова из старославянского (или церковнославянского) языка, который был литературным в допетровской Руси. Я бы даже сказал, что русский язык «оцерковнославянился» настолько, что мы даже не всегда способны отделить чисто русские слова от заимствований. Но лингвисты их прекрасно обнаруживают. Есть много признаков, по которым можно чётко отличить родное от пришлового.

Церковнославянизмами являются такие слова без полногласия, как *брада* (наряду с исконным русским словом *боро-*

да), *град* (*город*), *брег* (*берег*), *глас* (*голос*), *враг* (*ворог*), *злато* (*золото*), *шлем* (*шлом*), *врата* (*ворота*), *глава* (*голова*), *прах* (*порох*), *сладкий* (*солодкий*), *плен* (*полон*) и т. д. Некоторые из таких слов в разговорной речи почти не встречаются, но охотно используются поэтами как слова возвышенного стиля (*глас*, *град*, *брег*, *злато*). Некоторые слова, напротив, вытеснили исконные или используются наряду с ними, приобретя новое значение (*враг*, *шлем*, *прах*, *глава*).

Суффиксы *-ащ/-ящ* и *-ущ/-ющ* в причастиях (*дышащий*, *летающий*, *бегущий*, *поющий* и т. д.) являются церковнославянскими. В древнерусском суффиксы причастий имели *ч*, а не *щ*. Церковнославянские слова как раз легко узнать по наличию этого самого *щ*: *дщерь* (наряду с русским *дочь*), *мощь* (*мочь*), *нощь* (*ночь*) и др. Ещё одним признаком является наличие в слове сочетания *жд* (в русском ему соответствует *ж*): *нужда* (исконное слово в русском – *нужа*), *жажда* (*жажа*), *вождь* (*вожь*), *между* (*межу*, *меж*), *одежда* (*одёжа*), *рождать* (*рожать*) и т. д.

К церковнославянским относятся также слова *агнец*, *благо*, *восторг*, *время*, *длань*, *облако*, *перст*, *пещера*, *тищный*, *чадо*, *чрево*, *яство* и многие другие. Они легко перебирались в русский язык, использовались не только в книжной, но и устной речи, так как не воспринимались как нечто чужое, заимствованное.

Влияние церковнославянского было приостановлено катком петровских реформ начала XVIII века, вместе с которыми в русский язык потоком хлынули новые термины из других языков. Заимствования петровской эпохи – это большей частью слова из немецкого, нидерландского, английского, французского, итальянского, а также польского языков.

Польский язык часто был языком-посредником для многих слов из европейских языков, а те, в свою очередь, происходили из латыни или греческого. Так, слово *музыка*, которое я выше относил к заимствованиям из греческого, пришло к нам как раз через польское посредство. Ударение в этом слове раньше падало на предпоследний слог. Ни французское *musique* «музыка», ни немецкое *Musik* «музыка», ни итальянское *musica* «музыка» не могли бы дать ударный *ы* в русском, он мог возникнуть только при заимствовании польского *muzyka* [mu'zika] «музыка». В дальнейшем ударение сместилось на первый слог. Само слово в европейских языках происходит от латинского *mūsica* «музыка», которое, в свою очередь, заимствовано из древнегреческого. Так что к нам оно попало окольными путями, но считается общеевропейским грецизмом.

Пётр I, как известно, провёл немало военных реформ, построил флот, создал новую армию на основе рекрутской повинности, а также позаимствовал у европейцев слова *армия* и *флот*. Слово *армия* происходит от немецкого *Armee* «армия» или французского *armée* «армия» (в русском засвидетельствована форма *армея*), далее от латинского *armāta* «вооружённая», от *armātus* «вооружённый», от *arma* «оружие». Выходит, что это «заплутавший» латинизм. Совсем иная история у слова *флот*. В Морском уставе 1720 года говорится, что «флот – слово французское». Во французском, действительно, есть слово *flotte* «флот», от которого происходят английское *fleet*, немецкое *Flotte*, нидерландское *vloot*, норвежское *flåte*, польское *flota* – все со значением «флот». Но в самом французском это слово возникло как раз из германских языков, оно связано с древнеанглийскими словами *flēot* «корабль», *flēotan* «плавать» (ср. ан-

глийское *flow* «течь», немецкое *fließen* «течь»). Уже эти примеры хорошо демонстрируют два главных типа заимствований в начале XVIII века – латинизмы и германизмы.

Вот некоторые другие заимствования этой эпохи, пришедшие из европейских языков и восходящие далее к латыни: *амуниция* (латинское *mūnitio* «укрепление, фортификация», от *mūnīō* «укреплять»), *генерал* (латинское *generālis* «родовой», от *genus* «род, происхождение»), *кавалерия* (латинское *caballārius* «конюх», от *caballus* «лошадь»), *капитан* (латинское *capitāneus* «предводитель», от *caput* «голова»), *компас* (латинское *com-* «с-» и *passus* «шаг»), *порт* (латинское *portus* «порт, пристань»). Всё это сплошь военные термины.

Многие «петровские германизмы» являются морскими терминами нидерландского (голландского) происхождения. Слово *балласт* происходит от нидерландского *ballast* «балласт», *бот* – от *boot* «лодка», *верфь* – от *werf* «верфь», *гавань* – от *haven* «гавань, порт, пристань», *дрейфовать* – от *drijven* «гнать, толкать; плыть», *кок* – от *kok* «повар», *лоцман* – от *loodsman* «лоцман», *матрос* – от *matroos* «матрос», *флаг* – от *vlag* «флаг», *штурман* – от *stuurman* «штурман, рулевой», *шхуна* – от *schoener* «шхуна», *яхта* – от *jacht* «яхта». Английскими являются слова *бриг* – от *brig* «бриг», *клипер* – от *clipper* «клипер», *мичман* – от *midshipman* «гардемарин, мичман».

Немецкие слова, которые начали проникать в русский язык ещё до петровских времён и активно продолжали пополнять наш словарь в XVIII-XIX веках, часто относятся к военному делу, технике, придворной жизни. Слово *бруствер* происходит от немецкого *Brustwehr* «бруствер», *гаубица* – от *Haubitze* «гаубица», *душлаг* – от *Durchschlag* «пробоина; решето», *егерь*

– от *Jäger* «охотник», *патронташ* – от *Patronentasche* «патронная сумка», *штанга* – от *Stange* «палка; шест; штанга», *штольня* – от *Stollen* «штольня; туннель», *фейерверк* – от *Feuerwerk* «фейерверк, салют», *флигель* – от *Flügel* «крыло», *фляжка* – от *Flasche* «бутылка», *фрейлина* – от *Fräulein* «девушка», *циферблат* – от *Zifferblatt* «циферблат».

В XVIII-XIX веках в России в моде французский язык. Он постепенно вытесняет немецкий из придворной жизни, на него переходит значительная часть дворянства, а городские обыватели, подражая высшим слоям, всё чаще начинают щеголять французскими словами и фразами, даже порой не разбирая их значений.

Отсюда большое количество французских заимствований, которые прежде всего связаны с модой, придворным бытом и кулинарией. Это слова *анекдот* – от французского *anecdote* «забавная история; любопытный случай», *багет* – от *baguette* «палочка; прут; длинный батон», *ботинок* – от *bottine* «ботинок», *браслет* – от *bracelet* «запястье, браслет», *будуар* – от *boudoir* «будуар», *бульон* – от *bouillon* «бульон; вода, прокипячённая с мясом», *винегрет* – от *vinaigrette* «соус из уксуса», *вуаль* – от *voile* «вуаль; покрывало; покров», *гардероб* – от *garde-robe* «платяной шкаф», *деликатес* – от *délicatesse* «нежность, тонкость, изящество», *желе* – от *gelée* «студень; желе», *жилет* – от *gilet* «жилет», *костюм* – от *costume* «костюм», *котлета* – от *côtelette* «отбивная, котлета», *кушетка* – от *couchette* «постелька, кроватка», от *couche* «постель, ложе», *мармелад* – от *marmelade* «мармелад», *омлет* – от *omelette* «омлет, яичница», *мода* – от *mode* «мода».

Многие французские заимствования связаны с искусством. Так, слово *актёр* происходит от французского *acteur* «актёр», *ампир* – от *empire* «империя», *амплуа* – от *emploi* «употребление; занятость; роль», *ансамбль* – от *ensemble* «совокупность; ансамбль», *артист* – от *artiste* «артист; художник», *афиша* – от *affiche* «объявление, афиша, плакат», *вальс* – от *valse* «вальс», *вернисаж* – от *vernissage* «лакировка», *натюрморт* – от *nature morte* «натюрморт; мёртвая природа», *пейзаж* – от *paysage* «пейзаж, ландшафт», *роман* – от *roman* «роман».

Военная терминология из французского представлена словами *аванпост* – от французского *avant-poste* «форпост; аванпост; сторожевое охранение», *арбитраж* – от *arbitrage* «арбитраж, третейский суд», *арьергард* – от *arrière-garde* «арьергард», *батальон* – от *bataillon* «батальон; войско», *блиндаж* – от *blindage* «защита, броня», *гарнизон* – от *garnison* «гарнизон», *гренадер* – от *grenadier* «гренадер, гранатомётчик», *дезертир* – от *déserteur* «дезертир, перебежчик», *десант* – от *descente* «спуск; снижение», *камуфляж* – от *camouflage* «маскировка, переодевание», *командир* – от *commandeur* «командор», *манёвр* – от *manœuvre* «манипуляция; приём, манёвр», *плацдарм* – от *place d'armes* «плацдарм; площадь для армии», *сапёр* – от *sapeur* «сапёр».

В области экономики, финансов, государственного управления можно встретить такие французские заимствования, как *акциз* – от французского *accise* «акциз», *аллонж* – от *allonge* «надставка; удлинение», *альянс* – от *alliance* «союз, объединение; альянс», *атташе* – от *attaché* «атташе», *дипломат* – от *diplomate* «дипломат», *жандарм* – от *gendarme* «жандарм», *коммерсант* –

от *commerçant* «торговец», *кююра* – от *coupure* «разрез, отрез», *мэр* – от *maire* «мэр, городской голова».

Многие французские заимствования ведут своё происхождение напрямую из латыни, но латинизмами не считаются, так как существует преемственность между этими языками. Некоторые же слова из французского, если копнуть глубже, имеют восточное происхождение. Например, слово *gilet* «жилет» во французский пришло из арабского جلیقة (jalīqa) «жилет», далее от турецкого *yelek* «жилет». Французское *kiosque* «будка», откуда русское слово *киоск*, происходит от турецкого *köşk* «павильон», далее от персидского كوشک (kôšk) «дворец». Французское *girafe*, откуда происходит русское *жираф* (ранее в русском языке существовала также форма *жирафа* – от немецкого *Giraffe* или итальянского *giraffa*), восходит к арабскому زرافة (zarāfa) «жираф».

Итальянские заимствования в русском языке не столь многочисленны, как слова из немецкого или французского. Они появлялись в разное время: какие-то слова пришли ещё в XV–XVI веках, какие-то – в послепетровскую эпоху, какие-то – в прошлом веке.

Чаще всего итальянские заимствования являются терминами музыкального, театрального, изобразительного искусства и архитектуры: *адажио* – от итальянского *adagio* «тихо, медленно; негромко», *барокко* – от *barocco* «причудливый, вычурный», *виолончель* – от *violoncello* «виолончель», *граффити* – от *graffiti* «нацарапанные», *капелла* – от *cappella* «капелла, часовня», *картина* – от *cartina* «тонкая, красивая бумага», *либретто* – от *libretto* «книжечка», *маэстро* – от *maestro* «мастер; учитель», *опера* – от *opera* «опера», *прима* – от *prima* «первая»,

сольфеджио – от *solfeggio* «сольфеджио», *соната* – от *sonata* «соната», *сопрано* – от *soprano* «сопрано», *фортепиано* – от *fortepiano* «фортепиано».

Некоторые слова связаны с кулинарией, что неудивительно, ведь итальянская кухня славится на весь мир. Так, слово *вермишель* происходит от итальянского *vermicelli* «червячки», *конфетти* – от *confetti* «сладости», *лазанья* – от *lasagna* «лазанья», *макароны* – от *maccheroni* «макароны», *пицца* – от *pizza* «пицца», *ризотто* – от *risotto* «ризотто», *спагетти* – от *spaghetti* «спагетти»; итальянскими по происхождению являются названия продуктов *помидор* – от *pomì d'oro* «золотые яблоки» и *цуккини* – от *zucchini* «кабачки».

Итальянскими являются такие термины, как *банк* – от итальянского *banco* «лавка, стол», *валюта* – от *valuta* «стоимость; монета; валюта», *сальдо* – от *saldo* «расчёт, остаток». Другие слова итальянского происхождения: *авария* – от итальянского *avaria* «авария; поломка, повреждение», далее от арабского *عوارية* ('awāīyūa) «ущерб, повреждение», *карьеря* – от *carriera* «поприще», *лоджия* – от *loggia* «лоджия», *мафиози* – от *mafiosi* «члены мафии», *солдат* – от *soldato* «солдат», *фашизм* – от *fascismo* «фашизм», далее от *fascio* «пучок, связка».

В XX-XXI веках главным источником заимствований является английский язык. Его влиянию подвержены почти все языки, что связывается с большой ролью США в мировой политике, экономике и культуре.

Англицизмы и американизмы в русском языке – это часто спортивные термины, названия спортивных игр. Так, слово *аутсайдер* происходит от английского *outsider* «посторонний; аутсайдер», *баскетбол* – от *basketball* «баскетбол», *бокс* – от *box*

«бокс», *волейбол* – от *volleyball* «волейбол», *матч* – от *match* «матч, состязание», *нокаут* – от *knockout* «нокаут», *раунд* – от *round* «круг; раунд», *ринг* – от *ring* «круг; кольцо; ринг», *старт* – от *start* «начало; старт», *тайм* – от *time* «время; тайм», *финиш* – от *finish* «конец; финиш», *форвард* – от *forward* «нападающий, форвард», *футбол* – от *football* «футбол».

Очень многие английские заимствования связаны с экономикой, финансами, управлением: *бартер* – от *barter* «натуральный обмен, бартер», *бизнес* – от *business* «дело, занятие; бизнес», *брокер* – от *broker* «брокер», *ваучер* – от *voucher* «ваучер», *демпинг* – от *dumping* «демпинг», *дефолт* – от *default* «дефолт», *дилер* – от *dealer* «делец, торговец», *дистрибьютор* – от *distributor* «дистрибьютор», *маркетинг* – от *marketing* «маркетинг», *менеджмент* – от *management* «управление; менеджмент», *своп* – от *swap* «мена, обмен; своп», *тендер* – от *tender* «подряд; тендер», *трейдер* – от *trader* «торговец, трейдер», *фьючерс* – от *futures* «фьючерсы».

Новые слова из английского языка часто связаны с компьютерными технологиями, играми и интернетом. Так в русском языке появляются слова *блогер* – от *blogger* «блогер», *браузер* – от *browser* «браузер», *гаджет* – от *gadget* «приспособление; гаджет», *девайс* – от *device* «устройство, приспособление», *джойстик* – от *joystick* «джойстик», *дисплей* – от *display* «дисплей», *интернет* – от *Internet* «интернет», *интерфейс* – от *interface* «устройство сопряжения; интерфейс», *компьютер* – от *computer* «компьютер», *мем* – от *memе* «мем», *мессенджер* – от *messenger* «посланник; вестник; мессенджер», *онлайн* – от *online* «онлайн», *принтер* – от *printer* «принтер», *сканер* – от *scanner* «сканер», *файл* – от *file* «файл», *хакер* – от *hacker* «хакер».

Английский язык дал нам также слова *акваланг* – от *aqualung* «акваланг», *бекон* – от *bacon* «бекон», *бренд* – от *brand* «бренд», *бульдог* – от *bulldog* «бульдог», *вокзал* – от *Vauxhall* «Воксхолл» (место развлечений в Лондоне), *джем* – от *jam* «варенье, джем», *дизайн* – от *design* «проектирование; разработка; дизайн», *зомби* – от *zombie* «зомби», *имидж* – от *image* «изображение; образ; имидж», *интервью* – от *interview* «интервью», *кетчуп* – от *ketchup* «кетчуп», *коктейль* – от *cocktail* «коктейль», *лидер* – от *leader* «ведущий, лидер», *митинг* – от *meeting* «встреча, митинг», *офис* – от *office* «офис», *продюсер* – от *producer* «продюсер», *рейтинг* – от *rating* «рейтинг», *рэп* – от *rap* «рэп», *сервис* – от *service* «служба; обслуживание; сервис», *спорт* – от *sport* «спорт», *тренд* – от *trend* «тенденция, тренд», *триллер* – от *thriller* «триллер», *хулиган* – от *hooligan* «хулиган», *чемпион* – от *champion* «чемпион», *шоу* – от *show* «показ; шоу», *юмор* – от *humour* «юмор».

Рассказать обо всех заимствованиях из разных языков, к сожалению, я не смогу даже при всём желании. Я привёл примеры, которые, как мне кажется, являются самыми известными. Полный список заимствований составил бы целый словарь в несколько томов.

М.К. Это был, пожалуй, самый содержательный рассказ о заимствованиях в русском языке, какой только может быть. Спасибо за такое количество примеров. Некоторые из них, если честно, меня очень поразили.

А.М. Всегда пожалуйста.

М.К. Есть такое мнение, что и матерные слова в русском языке приходят из татарского. Мол, были монголы, нас покорили, забрали дань и пленников, нам же оставили маты. Это правда?

А.М. Это неправильное мнение. Тюркизмы в русском языке, которые бы относились ко времени монгольского ига на Руси, довольно много, но матов среди них точно нет. Маты – это чисто славянское изобретение. Четыре базовых матерных корня, из которых происходит всё «матерное богатство» русского языка, имеют глубокие праиндоевропейские истоки. Если захочешь, посмотри сама в этимологических словарях или в интернете, откуда именно происходят эти корни и каким словам в других индоевропейских языках они родственны. Я позволю себе не углубляться в этимологию этих слов по этическим соображениям.

М.К. Я так и знала, что маты – это наше, родное. Ну не можем мы заимствовать то, что идёт из самой славянской души. Обязательно справлюсь об этих словах.

Ты в своём рассказе о заимствованиях называл термины тюркизм, арабизм, германизм и т. д. А как будет называться заимствование из французского языка? Мне кажется, что понятия францизм (или франсизм) не существует. Или я не права?

А.М. Обычно заимствования из других языков называют по самому названию языка (англицизм, грецизм, испанизм, итальянизм, латинизм, полонизм, русизм, церковнославянизм и т. д.), но в ряде случаев используются устоявшиеся названия, об-

разованные от других корней. Заимствования из французского называются галлицизмами (от латинского *Gallia* – так во времена Римской империи называлась территория современной Франции). Чешские заимствования называют богемизмами (от латинского названия чешской земли *Bohemia*), немецкие – германизмами (от латинского *Germānia*), древнееврейские – гебраизмами (от латинского *hebraeus*, далее от греческого *Ἑβραῖος*, *Hebraïos* «еврейский»).

М.К. Хмм... В русском языке мы встречали много грецизмов, тюркизмов, церковнославянизмов, латинизмов, германизмов, галлицизмов, итальянизмов и англицизмов. Очень мало было арабизмов (несколько примеров всего). Испанизмов и богемизмов я что-то не припомню. Такие вообще есть?

А.М. Сложно сказать, чего только в наш информационный век нету в русском языке. Есть и арабизмы в большом количестве, и испанизмы, и богемизмы, и прочие «измы».

Арабизмами в русском являются такие слова, как *адмирал* (от арабского *أمير البحر*, 'amīr al-baḥr «владыка моря»), *алкоголь* (от *الكحل*, al-kuḥl «порошкообразная сурьма»), *арсенал* (от *دار الصناعة*, dār aṣ-ṣinā'a «дом изготовления»), *газель* (от *غزال*, ḡazāl «газель»), *зенит* (от *سمت الرأس*, samtu r-ra's «путь над головой»), *кайф* (от *كيف*, kauf «удовольствие»), *магазин* (от *مخازن*, maḡāzin «склад»), *тариф* (от *تعرفة*, ta'rifā «тариф, ставка»), *факир* (от *فقير*, faqīr «бедняк»), *халат* (от *خلعة*, ḡil'a «почётное платье»), *эликсир* (от *الإكسير*, al-'iksīr «эликсир») и др. Все эти слова пришли в русский через посредство других языков.

Испанскими являются слова *армада* (от *armada* «флот»), *галеон* (от *galeón* «галеон»), *каннибал* (от *canibal*, искажённое *caribal* «карибец, житель Карибских островов»), *каньон* (от *cañón* «труба; пушка; каньон»), *парад* (от *parada* «остановка, пауза; парад»), *фiesta* (от *fiesta* «праздник»), *хунта* (от *junta* «собрание; совет; объединение») и др. Некоторые испанские слова, обозначающие продукты, происходят из индейских языков: *маис* (от *maíz*, далее из аравакского языка таино), *томат* (от испанского *tomate*, далее из языка науатль), *шоколад* (от *chocolate*, далее из языка науатль).

Из чешского языка у нас слов мало. Самым известным чешским заимствованием, которое проникло во многие языки мира, является слово *робот*. Чешское *robot* придумали совершенно спонтанно писатель Карел Чапек и его брат Йозеф Чапек для научно-фантастической пьесы «R.U.R.» (*Rossumovi univerzální roboti* «Россумские универсальные роботы»). В его основе, как несложно догадаться, лежит слово *robota* «барщина», связанное с русским *работа*. Чешскими по происхождению являются слова *гаубица* (немецкое *Haubitze* «гаубица», которое я называл выше, само заимствовано из чешского *houfnice* «гаубица») и *пистолет* (для многих европейских языков источником заимствования стало французское *pistole* «пистолет», но само оно восходит в конечном счёте к чешскому *pištála* «свисток», родственному словам *пицаль* и *пицать*).

Мне кажется, трудно найти такой язык в Европе, из которого бы в русском не возникло какого-нибудь слова. Ближние азиатские языки также внесли свой посильный вклад. Есть у нас заимствования и из экзотических языков (часто единичные примеры). Например, слово *банан* – из нигеро-конголезского языка

волоф, *макака* – из какого-то языка группы банту в Африке, *минтай* – из вьетнамского, *бамбук* – из дравидийского языка каннада в Южной Индии, *тотем* – из алгонкинского языка оджибве в Северной Америке, *пума* – из языка кечуа в Южной Америке.

М.К. Всё мне ясно стало теперь... То есть заимствования у нас есть отовсюду. Жаль только, что всюду нет заимствований от нас.

Есть ещё одна вещь, которая меня поразила в твоём рассказе о заимствованиях. Многие слова, которые мы считаем заимствованиями из того или иного языка, имеют более глубокую историю. Например, ты говорил, что слово *изумруд* – это заимствование из турецкого, но в конечном итоге оно происходит из греческого. Отсюда же английское *emerald* «изумруд». По виду этих двух слов я бы никогда не поняла, что они связаны между собой, но теперь связь мне стала очевидна, даже их внешнее сходство я начала усматривать. Поражает и то, что это слово «кочевало» из языка в язык и так широко распространилось, затронув даже восточные языки. И так со многими словами.

Почему-то сразу вспомнила о слове *чай*, у которого множество родственников по всей Евразии, и задумалась над словом *сахар*. Оно тоже какое-то «товарное», а ещё очень похоже на английское *sugar* «сахар» и немецкое *Zucker* «сахар». Наверное, список родственников его не заканчивается на этом?

А.М. Есть такие слова, которые на немецкий манер называют «странствующими» или «скитающимися» (по-немецки – *Wanderwort*, от *wandern* «путешествовать, странство-

вать» и *Wort* «слово»). Это часто названия каких-нибудь товаров, которые производятся в одном регионе мира и распространяются торговцами повсюду вместе с их названиями. Русские слова *чай* и *сахар* являются как раз такими «странствующими» словами.

Слова, похожие на русское *сахар*, мы тоже встречаем в очень обширном регионе. Помимо английского *sugar* и немецкого *Zucker*, к родственникам русского слова можно отнести нидерландское *suiker*, шведское *socker*, итальянское *zucchero*, французское *sucre*, испанское *azúcar*, украинское *цукор*, болгарское *захар*, польское *cukier*, чешское *cukr*, литовское *cukrus*, греческое *ζάχαρη* (*záchari*), финское *sokeri*, турецкое *şeker*, армянское *շրիշր* (*šak'ar*), грузинское *შაქარი* (*šakari*), арабское *سكر* (*súkkar*), ивритское *סוכר* (*sukár*), персидское *شکر* (*šekar*), хинди *शर्करा* (*śarkarā*).

Слово появлялось в этих языках в разное время, пришло разными путями. В русском языке слово *сахар* возникло ещё в XII веке из греческого и встречается в ряде древнерусских источников. Для польского и чешского, как можно видеть по форме слова, источником заимствования был немецкий. В самом немецком и ряде других европейских языков слово появилось из латинского *sāccharum*, восходящему к древнегреческому *σάκχαρον* (*sákkharon*). Существует ошибочное мнение, что оно арабского происхождения. На самом деле арабское *سكر* (*súkkar*), пришедшее в Европу, является лишь посредником в этой цепочке. Оно было заимствовано из персидского *شکر* (*šakar*), которое далее восходит к санскритскому *शर्करा* (*śárkarā*) «сахарный песок». Собственно, в Индии начинается история этого слова.

М.К. «Странствующий» сахар. Удивительно. И ведь все слова похожи, что легко позволяет их связать друг с другом. Так со всеми «странствующими» словами?

А.М. Нет, не со всеми. Это всё очень индивидуально для каждого слова. Бывают случаи, когда «странствующие» слова изменяются до неузнаваемости.

М.К. Например?

А.М. Очень различается название риса в разных языках, при этом многие слова со значением «рис» имеют общие истоки.

Известно, что рис люди начали выращивать примерно 9 тысяч лет назад в Юго-Восточной Азии, где и по сей день он является основным продуктом питания. В Китае, Индии, Бангладеш, Вьетнаме, Индонезии и в некоторых других государствах региона рис – это священнейший знак, поэтому нередко зёрна риса использовались в местных ритуалах. У нас, конечно, культура употребления риса совершенно иная. В России само слово *рис* узнали только в XIX веке. Хотя в словарях оно появляется уже в 1820-е годы, до конца века знак называли «сарацинским пшеном».

Слово *рис* в русском возникло из европейских языков, однако до сих пор неясно, из какого именно. Фасмер в своём словаре ссылается на средненижнемецкое *rīs* (ср. немецкое *Reis*). Из старофранцузского *ris* (современное *riz*) происходят английское *rice* и нидерландское *rijst*. Украинское *риж* происходит из польского *ryż*. В круг родственников явно включаются также латышское *rīss*, чешское *ryže*, словацкое *ryža*, словенское

riž, сербохорватское *рижа* (наряду с региональным вариантом *пиринач*), греческое *όρυζα* (*óryza*). Очевидно, что все эти слова имеют общее происхождение.

Все перечисленные слова из европейских языков, как считают этимологи, восходят к итальянскому *riso*, далее к позднелатинскому *risus* и латинскому *orīza*, *oryza*. Латинское слово далее восходит к древнегреческому *όρυζα* (*óryza*). Того же происхождения арабское название риса *أرز* (*'aruzz*), откуда через андалузский вариант арабского в испанском и португальском возникло слово *arroz*. Из греческого слово проникает в арамейский, откуда современное ивритское *רִיז* (*órez*), и в древнеармянский, где существовало слово *որիզ* (*oriz*).

Древнегреческий язык стал источником для многих слов в языках Европы и Передней Азии, но трудно сказать, откуда взялось само древнегреческое *όρυζα* (*óryza*). По одной из версий, следует искать источник в иранских языках. Так, в персидском имеется слово *برنج* (*berenj*), возводимое к древнеперсидскому *blnj*. Отсюда происходят таджикское *биринч*, курдское *birinc*, турецкое *pirinç*, а также адыгейское *пындж*, аварское *пиринч*, осетинское *пырындз*, *пириндз*, грузинское *ბრინჯი* (*brinži*) и современное армянское *բրինձ* (*brinj*) – все слова со значением «рис». Сюда же относится уже встречавшийся нам ранее сербохорватский регионализм *пиринач*. Древнеперсидское *blnj* далее связывают с афганским *وریزه* (*wriže*), которое может быть связано с санскритским названием риса *व्रीहि* (*vīhī*), источником которого считается один из дравидийских языков на юге Индии. В этом месте сложная цепочка заимствований обрывается, хотя и существуют смелые версии, которые уведут дальше, в Юго-Восточную Азию и австроазиатский языковой ареал. Как ви-

дишь, многие слова в этой цепочке очень сильно различаются, и без глубокого анализа едва ли можно как-то их связать.

М.К. В «рисовом» примере я обнаружила такую странность. В сербохорватском существует два слова с одним значением – *рижа* и *пиринач*; в армянском есть слова *ըրիզ* (*origiz*) и *բրինյ* (*brinj*). Эти пары слов родственны, но в соответствующих языках явно воспринимаются как разные. В русском языке тоже есть такие слова, которые как бы дублируются?

А.М. Мне кажется, таких слов мы должны были много встретить ещё в прошлых частях нашей беседы. Какие-то из них внешне различны, но по смыслу похожи, а некоторые, наоборот, очень похожи внешне, но имеют разные значения.

Например, слова *шрифт* и *скрипт* чем-то похожи, есть и некоторая смысловая связь. Но дойти до этой связи без обращения к истории этих слов сложно. Оба слова являются заимствованными, но из разных языков. Слово *шрифт* происходит из немецкого *Schrift* «письмо», а *скрипт* – из английского *script* «письмо». Оба слова восходят к латинскому *scriptum* «написанное», далее к глаголу *scribō* «писать». Таким образом, и в русском оба слова являются родственниками, но совершенно особого типа. Сказав, что они «как бы дублируются», ты оказалась близка к истине. Такие слова этимологи называют дублетами. Обычно это явление возникает при заимствовании.

Дублетов в русском языке великое множество, иногда даже кажущиеся лишь случайно сходными слова могут оказаться дублетами. Скажем, слова *брошь* и *брошюра* в русском сложно связать по смыслу, однако известно, что они пришли из

французского, где общим «родичем» для них является глагол *brocher* «сшивать, скреплять». Слова *гладиолус* и *гладиатор*, пришедшие из латыни, связаны со словом *gladius* «меч». Слова *граната* и *гранула* (из латинского *grānum* «зерно»), *шифр* и *цифра* (из арабского *صفر*, *sifr* «нуль»), *суббота* и *шабаши* (из ивритского *שבת*, *shabát* «суббота, шаббат»), *аптека* и *бутик* (из латинского *apothēca* «склад, хранилище», далее из древнегреческого *ἀποθήκη*, *apothékē* «склад, хранилище») – всё это тоже дублиеты.

Часто бывает и так, что корень заимствованного слова связан родством с исконным корнем в русском языке. Например, заимствованное из среднеперсидского слово *ворс* (ср. современное персидское *گرس*, *gors* «локон») исторически родственно русскому слову *волос*, санскритское слово *чакра* (из *चक्र*, *cakrá* «колесо») родственно исконному русскому слову *колесо*, латинское *госпиталь* (из *hospitālis* «гостевой») родственно словам *гость*, *господин*.

Однако обнаружение дублиетов, как и всё в этимологии, происходит не столько с опорой на сходство двух и более слов, сколько с опорой на словообразование, фонетические закономерности и семантику. Возьмём два похожих слова: *термометр* и *терминал*. Если мы углубимся в их историю, то выясним, что слово *термометр* (из французского *thermomètre* «термометр») происходит в конечном счёте от древнегреческого *θερμός* (*thermós*) «тёплый», а слово *терминал* – от латинского *terminālis* «пограничный», далее от *terminus* «граница, предел». Оба источника никак не связаны друг с другом.

Довольно «хитрыми» являются слова *комплект* и *комплекс*, различающиеся всего одной буквой. Они оба пришли из

латыни, но от разных источников. Первое слово происходит от латинского *complētus* «полный; законченный», далее от *compleō* «наполнять; завершать», далее от *com-* «с-» и *pleō* «наполнять» (связано с *plēnus* «полный», древнегреческим *πλήρης*, *plēgēs* «полный» и русским *полный*). Второе слово происходит от латинского *complexus* «связь, сочетание», далее от *com-* «с-» и *plecto* «плести» (связано с древнегреческим *πλέκω*, *plékō* «плести» и русским *плести*).

М.К. Ого! Я почти попала в точку, сказав, что такие слова дублируются. У меня, наверное, прекрасно развито этимологическое чутьё. Надо дальше развивать.

Когда ты рассказывал о нидерландских заимствованиях в русском языке, я почему-то обратила особое внимание на слово *кок*, которое происходит от нидерландского *kok* «повар». Оно напомнило мне о русском слове *кухня*, английском *kitchen* «кухня», немецком *Küche* «кухня» и итальянском *cucina* «кухня». Сходство последних слов, как я думаю, не может быть случайным, все эти слова родственны. Связано ли с ними слово *кок*?

А.М. Были времена, когда кухню называли совсем иначе: *поварней*, *кашеварней* или *стряпущей*. Этимология этих слов вполне прозрачна. Слово *кухня*, оказывается, не такое старое в нашем языке. Оно пришло к нам лишь в начале XVIII столетия, в петровские времена. В словарях оно отмечается с 1780-х годов. Слово *кок* появилось даже немного раньше – в конце XVII века.

Слова со значением «кухня», действительно, в различных языках похожи: нидерландское *keuken*, норвежское *kjøkken*, шведское *kök*, французское *cuisine*, испанское *cocina*, португаль-

ское *cozinha*, сербохорватское *кухиња*, чешское *kuchyně*, польское *kuchnia*, греческое *κουζίνα* (*kouzína*), эстонское *köök*, ирландское *cistin*, венгерское *konyha*, японское *キッチン* (*kitchin*).

Японское слово *キッチン* (*kitchin*) – это явное английское заимствование. Венгерское *konyha* взялось из славянских языков, эстонское *köök* – в средние века было перенято у немцев. Русское слово *кухня* попало к нам через польский и чешский, далее – из древневерхненемецкого *chuhhina* «кухня». Таким образом, для славян это слово чаще всего является германизмом. В германских языках и диалектах слова со значением «кухня» происходят из прагерманского **kukinō* «кухня» либо напрямую, либо через посредство древненижненемецких диалектов (как в скандинавских языках).

В прагерманском слово возникло из латинского *coquīna* «кулинария; кухня» (в народной латыни – *cocīna*), далее от *coquītus* «поварской», от *coquius* «повар», от *coquō* «варить, готовить». Несложно догадаться, что сюда же относятся такие дублеты, как английское *cook* «повар» и немецкое *Koch* «повар».

Латинское слово *coquō* тоже имеет свои глубинные корни. Что интересно, они подводят лингвистов к русскому слову *печь*. У носителей итальянских языков, по-видимому, существовало слово **k^wek^wō*, но здесь начальный лабиовелярный **k^w* – результат ассимиляции, на праиндоевропейском уровне это слово выглядело как **pek^woh¹*. Вспомни пример с латинским числительным *quīnque* «пять», которое происходит из праиндоевропейского **pénk^{we}* «пять»: та же самая ассимиляция **p/*k^w → *k^w/k^w*. Далее слово происходит от корня **pek^w-* «печь», откуда древнегреческое *πέσσω* (*péssō*) «печь; смягчать, нагревать», сан-

скритское पचति (pácati) «печь», русское *печь* и литовское *kepti* «печь» (с метатезой).

М.К. Я тут задумалась о том, почему некоторые заимствования в русском языке не изменяются по падежам и числам. Например, слова *кофе*, *пальто*, *кино* мы никак не просклоняем. Зато слово *киоск* прекрасно меняется (*киоски*, *киосков*, *киоскам* и т. д.). Такое чувство, что русский язык отторгает некоторые заимствования. Либо сами заимствования так не хотят становиться русскими словами, что не меняются. Почему?

А.М. Такие слова лингвисты называют даже не заимствованными, а иностранными, как бы подчёркивая этим самым их чуждость русскому языку. Почему мы считаем их чужими, сказать трудно. От времени попадания слова в язык это не всегда зависит: некоторые слова быстро осваиваются, начинают делиться на морфемы и становятся родными, а некоторые десятилетиями мы принять не можем.

В некоторых случаях можно сослаться на «неудобные гласные». Действительно, трудно просклонять слова *рандеву* и *рагу*, заимствованные из французского, *кенгуру*, пришедшее через английское посредство из языка австралийского племени гуугу йимитир, а также *тату*, которое происходит из полинезийских языков. Но такое объяснение нельзя считать удовлетворительным для всего массива иностранных слов.

Рассмотрим более тщательно, например, слово *кофе*, которое ты назвала. В русском языке это несклоняемое существительное мужского рода. Во всех падежах и числах оно выглядит одинаково. Многие считают это слово французским заимство-

ванием (из французского пришло родственное ему несклоняемое существительное *кафе*), но на самом деле оно происходит от английского *coffee* «кофе» или нидерландского *koffie* «кофе», а далее через турецкое *kahve* «кофе» восходит к арабскому قهوة (*qahwa*) «кофе». Польское *kawa*, чешское *káva*, сербохорватское *кафа*, возникшие несколько иным путём, при этом легко склоняются в соответствующих языках. Даже немецкое слово *Kaffee* прибавляет флексию родительного падежа и образует множественное число с окончанием *-s*. А в русском языке, богатом на падежные окончания, форму слова изменить нельзя, хотя теоретически это можно было бы сделать: *кофя, кофю, кофем* и т. д. Такой вот парадокс.

М.К. Теперь, когда ты так много поведал мне о заимствованиях в русском языке, я поняла, что у нас чуть ли не весь язык состоит из заимствований. Какое слово ни возьми – оно, оказывается, пришло из другого языка! Поэтому, кипя душой, хочу задать тебе такой закономерный вопрос: не опасно ли иметь такое большое количество заимствований в русском языке?

А.М. Я думаю, что это вовсе не опасно. А ты в чём усматриваешь опасность?

М.К. Ну, в том, что язык засоряется, родного почти ничего не остаётся. Наверное, исконными являются только те базовые слова, о которых мы говорили в прошлых частях диалога. Всё остальное – чужое, «варяжское».

А.М. Во-первых, я не соглашусь с тем, что у нас мало «родного». Большая часть слов, которыми мы пользуемся в повседневной речи, является исконной лексикой. Это в профессиональной сфере, где мы используем терминологию, пропорции могут быть совсем иными, то есть заимствований может быть больше. Во-вторых, заимствования – это неотъемлемая часть лексики любого языка. Даже активный словарь изобилует такими словами. Приняв их в русский язык, мы ничуть не обеднили его, а даже, наоборот, обогатили.

Заимствования позволяют избежать многозначности. Конечно, мы бы могли вместо *импорт* говорить *вывоз*, вместо *хобби – увлечение*, вместо *сервис – обслуживание*, но ведь тогда мы рискуем перегрузить язык многозначными словами. Заимствования делают возможным номинировать новые вещи и явления, для которых нет подходящих слов в русском языке. Они выполняют много других важных функций.

Только мёртвые языки не заимствуют – это лингвистический факт. Если пытаться искусственно подавлять потоки заимствований, то язык перестанет адаптироваться к новым веяниям времени. Ведь общество постоянно меняется, появляется много нового в жизни людей. Почему же вслед за этими изменениями не должен меняться и язык?

М.К. Наверное, ты прав в том, что без заимствований мы бы не обошлись. Я, сама того не замечая, использую в своей речи большое количество заимствований. Но всё же я переживаю за чистоту русского языка. Мне кажется, европейские языки столько не заимствовали, а сами являлись источником заимствований для других языков. Они при этом более «развиты»

(знаю, что ты это слово не любишь употреблять в таком контексте, но всё же), а русский язык находится где-то в конце списка лидеров.

А.М. Да, я не принимаю идею развитости языка и тем более не связываю развитость с количеством заимствований. Развитым может быть то или иное общество, поэтому оно влиятельно, влиятелен язык этого общества.

Что касается европейских языков, то уж они-то в своё время, варясь в «европейском котле», испытывали самые настоящие «бомбардировки» заимствований. В древности европейские народы подвергались субстратному влиянию давно исчезнувших народов, во времена поздней античности они воспринимали лексику из латинского и древнегреческого языков, в средневековье и новое время европейские языки активно обменивались заимствованиями между собой. Поэтому им тоже досталось.

М.К. А можешь для иллюстрации хотя бы кратко рассказать об истории заимствований в английском языке? Неужели он очень много заимствовал?

А.М. Английский язык в своё время заимствовал ничуть не меньше русского. Обращаясь к истории английского языка, мы обнаружим, что он всегда был подвержен влиянию различных языков, особенно в древний период своей истории. Исследователи английского языка обычно выделяют три крупных «волны» заимствований: скандинавскую, французскую и греко-латинскую.

Скандинавский период начался ещё в VIII-IX веках, когда начинал формироваться древнеанглийский язык. Появилось большое количество слов, связанных с бытом, управлением. Так, современное слово *law* «закон» (древнеанглийское *lagu*) произошло от древнескандинавского *log* «закон, право» (ср. исландское *lög*, шведское *lag*, датское *lov* – в значении «закон») и вытеснило исконные слова *ǣ* и *gesetnes* (ср. немецкое *Gesetz* «закон»); современное английское *take* «брать» (древнеанглийское *tacan*) произошло от древнескандинавского *taka* «брать» (ср. исландское *taka*, датское *tage* – в значении «брать») и вытеснило исконное *niman* (ср. немецкое *nehmen* «брать»); глагол *die* «умирать» произошёл от древнескандинавского *deuja* «умирать» (ср. шведское *dö*, датское *dø* – в значении «умирать»), вытеснив исконное *steorfan* (ср. немецкое *sterben*). Такие слова, как *leg* «нога» (от *leggr* «нога»), *skin* «кожа» (от *skinn* «кожа; шкура»), *skull* «череп» (от *skalli* «лысая голова»), *birth* «рождение» (от *burðr* «рождение»), *dirt* «грязь» (от *drit* «испражнения»), *knife* «нож» (от *knifr* «нож»), *happy* «счастливый» (от *happ* «удача; счастье»), *call* «звать; называть» (от *kalla* «звать; называть») – всё это также скандинавские заимствования. Сегодня не каждый англичанин знает об истинном происхождении этих и тысяч других употребляемых им в каждодневной речи слов.

Французский период начался в XI веке, что связано с завоеванием Англии Вильгельмом I в 1066 году. Однако сразу же сделаю оговорку: влияние, которое традиционно называют французским, более правильно было бы назвать нормандским. Нормандский язык – это лишь диалект французского. Вместе с пикардским языком он оказывал влияние на язык законов Англии, хотя оставил свой след и в других сферах, в том числе и

бытовой. Так, слово *catch* «поймать» происходит от нормандского *cachier* «ловить; преследовать; охотиться» (ср. французское *chasser* «охотиться»); слово *car* «автомобиль» происходит от нормандского *carre* «повозка, телега» (ср. французское *char* «повозка, телега»); слово *hour* «час» происходит от нормандского *houre* «час» (ср. французское *heure* «час»); слово *move* «двигать; двигаться» происходит от *mover* «двигать; двигаться» (ср. французское *mouvoir* «двигать»); слово *river* «река» происходит от *rivere* «река» (ср. французское *rivière* «река»). Казалось бы, ничего нет более английского, чем эти слова. Но и они, оказывается, тоже были когда-то заимствованы.

С расширением границ Анжуйской империи Генриха II в XII веке всё больше слов проникает уже не из северных диалектов, а из центрального, то есть парижского. Уже тогда можно было говорить о постепенном вымирании германского английского языка, ведь по-английски говорили одни простолюдины, тогда как при дворе, в судах, в семьях аристократов и даже обычных городских обывателей, стремившихся подражать высшим слоям общества, говорили и писали на французском или латыни. Лишь в середине XIV века, с принятием акта о судопроизводстве на английском языке (написанного, кстати, по-французски), чаша весов вновь качнулась в пользу английского. Свою роль в «возрождении» английского сыграл и известный английский писатель Джеффри Чосер, автор «Кентерберийских рассказов».

Всё же, несмотря на то что английский вернул свои позиции, заимствованная лексика осталась и приспособилась к особенностям английской фонетики. С этого времени стали равноправными французское по происхождению *justice* «правосу-

дие», скандинавское *law* «закон» и исконно английское *right* «право». Каждое заимствованное слово приняло своё специальное значение и вместе с словами стало функционировать в языке на своих правах. Свои ниши заняли английские *king* «король» и *queen* «королева», в то время как французские *prince* «князь», *peer* «пэр», *duke* «герцог», *marquis* «маркиз», *viscount* «виконт» и *baron* «барон» стали использоваться как обозначения прочих титулов. Сохранилась в языке лексика, связанная с управлением, придворной жизнью, модой: *power* «сила, власть» (от французского *pouvoir* «мочь; мощь, сила»), *state* «государство» (от французского *état* «государство»), *court* «суд» (от *cour* «двор; суд»), *lesson* «урок» (от *leçon* «урок») и др.

Одни и те же вещи в языке простолюдинов и высших слоёв общества зачастую получали разные названия, так как простой народ к заимствованиям был менее восприимчив. У Вальтера Скотта в романе «Айвенго» шут Вамба говорит, что «как пришли нормандские аристократы и стали есть мясо домашних животных, которых пасут английские пастухи, названия мясных блюд стали французскими, а названия животных так и остались английскими». Действительно, слова *pig* «свинья» (также *swine*), *sheep* «овца», *bull* «бык», *calf* «телёнок» остались английскими, а *pork* «свинина», *mutton* «баранина», *beef* «говядина» и *veal* «телятина» – французскими.

Заимствованиями объясняется ужасающая по своим масштабам английская синонимия. Французские слова заимствовались так чрезмерно, что сегодня в словарях друг с другом продолжают конкурировать *freedom* и *liberty* «свобода», *come in* и *enter* «входить» и др. Почти на каждое английское слово найдётся какой-нибудь заимствованный французский аналог.

Третий период, греко-латинский, начинается в XV-XVI веках, хотя и ранее, в средние века, латынь и греческий оказывали определённое влияние на английскую лексику, связанную с религиозным культом. В новое время, в связи с ростом интереса к науке и искусству, возникла потребность как-то номинировать всё новое в этой области. Иногда заимствования из латыни пересекались с французскими заимствованиями, массово порождая этимологические дублиеты. Так, слова *chance* «шанс, случай» (из французского) и *cadence* «каденция, ритм» (из латыни) – одного происхождения, равно как *count* «считать» и *compute* «вычислять», *frail* и *fragile* «хрупкий», *poor* «бедный» и *pauper* «нищий», *reason* «причина, разум» и *ration* «рацион», *sure* «уверенный» и *secure* «безопасный, надёжный». Носители английского языка, наверное, даже не всегда осознают этимологическую связь между этими словами.

Интересны греческие заимствования в английском. Чаще всего они приходили в язык через «посредника» (французский или ту же латынь), но есть и некоторые слова, взятые напрямую из греческого. В XVI веке в английском закрепляются слова *drama* «драма» – от древнегреческого *δρᾶμα* (*drâma*) «действие», *theatre* «театр» – от *θέατρον* (*théatron*) «театр; зрелище», *comedy* «комедия» – от *κωμῳδία* (*kōmōidia*) «комедия», *tragedy* «трагедия» – от *τραγῳδία* (*tragōidia*) «трагедия», *catastrophe* «катастрофа» – от *καταστροφή* (*katastrophé*) «переворот; исход; гибель», *episode* «эпизод» – от *ἐπεισόδιον* (*epeisódion*) «эписодий; вставка, прибавка», *scene* «сцена» – от *σκηνή* (*skēnē*) «палатка», *dialogue* «диалог» – от *διάλογος* (*diálogos*) «разговор, беседа» и др. Очевидно, большая часть данных слов относится к сценическому искусству, активно развивавшемуся в то время в Англии.

О заимствованиях из других языков в английском я позволю себе не упоминать, лишь отмечу, что в нём также очень много слов немецкого, испанского, итальянского, арабского происхождения. Английский словарь более чем наполовину состоит из заимствований, существенную часть которых составляют три слоя, названных мною выше. Если английский язык сумел «переварить» их и сам начал делиться своей «многослойной» лексикой с другими языками мира, то почему русский язык должен бояться заимствований?

М.К. Да, английский язык, очевидно, заимствовал много. И даже не вымер. Но почему же тогда многие люди критикуют заимствования, призывают избавляться от них в своей речи?

А.М. Людям свойственно бояться чужого, особенно когда чужое вытесняет родное. Я это прекрасно понимаю. У меня на этот счёт уже давно возникла своя интересная аналогия.

Можно себе представить общество, живущее в стране, которая массово принимает мигрантов. Сегодня в Европе такая проблема как раз стоит очень остро. Местные, когда видят, что их отовсюду вытесняют чужаки, выходцы из других стран, протестуют против этого, растут националистические настроения. Если эти чужаки не вливаются в местное общество, не смешиваются с ним, а образуют изолированные диаспоры, то это угрожает стабильности в таком обществе. Рано или поздно число пришельцев будет больше, чем число коренных жителей, и в конце концов произойдёт самая обычная смена этноса. Такое уже бывало в истории.

В случае с языком может произойти нечто подобное. Если заимствований немного, их наплыв в язык происходит медленно, то мы даже не замечаем этого. Небольшие «волны», которые накрывают язык в короткий период времени, тоже не очень опасны. Если же в языке будет так много заимствований, что полностью сменятся грамматика и лексика языка, то это будет означать лишь то, что один язык сменил другой. Иными словами, если мы все перейдём на английский за сто лет, а русский забудем, то наступит языковая смерть. Такая перспектива порождает «языковой национализм», то есть стремление избавиться от всего чужого в языке.

Даже в наш информационный век смена языка через обычные заимствования практически исключена. Мы не заимствуем всё подряд, без разбору. Язык сам фильтрует поток новых слов, отбрасывает многое из того, что ему не нужно, и сохраняет нужные слова. Заимствованных слов в русском языке многие тысячи, но значительная их часть так прочно вошла в наш лексический фонд, что мы их уже не отличаем от тех слов, которые пришли напрямую из праиндоевропейского. Они теперь «наши». Do you feel the difference now?⁹

М.К. Кажется, я поняла. Всему есть своя мера. Язык может «поглотить» очень много слов и «переварить» их, но если поток будет слишком объёмный в короткий промежуток времени, что в реальности почти исключено, то через два-три поколения язык просто исчезнет.

⁹ Теперь чувствуешь разницу?

А.М. Совершенно верно. Всему есть своя мера.

М.К. А как же мнение Ивана Сергеевича Тургенева о том, что «русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас»? Ты с ним совсем не солидарен?

А.М. Я с этим мнением не согласен, хотя очень уважаю Тургенева и его творчество. Русский язык – «великий, могучий, правдивый и свободный». С этим едва ли можно поспорить. Но мысли Тургенева о том, что «нам нечего брать у тех, кто беднее нас», что «нельзя употреблять иностранных слов», мне кажется несправедливыми. Ведь сам Тургенев в своих произведениях использовал множество заимствований – он бы в принципе не смог их избежать.

Мне почему-то кажется, что Тургенев говорил об иностранных словах в совсем другом смысле. В XIX веке в России многие люди чересчур увлекались иностранщиной и активно вставляли в русские фразы отдельные слова из другого языка. Такие слова, которые режут слух и явно воспринимаются как неуместные, сегодня называются варваризмами. Может быть, его призывы «беречь язык – нашу святыню» и не были столь строги, как мы их сегодня понимаем. Я думаю, он больше протестовал против варваризмов, создающих «смесь французского с нижегородским».

М.К. В наше время ведь тоже есть эти самые варваризмы. В языке отдельных профессиональных групп, в языке компьютерщиков, геймеров. Молодёжь сегодня говорит на своём особом языке. Это не опасно для литературного русского языка?

А.М. Жаргоны и прочие языки различных профессиональных и возрастных групп (социолекты) известны очень давно. Они всегда отличались от литературного и разговорно-обиходного языка, на котором говорит большинство людей.

Когда я слышу, как разговаривают между собой компьютерщики или программисты, у меня «проц» перегревается, мысли «лагают», возникают «баги». В общем, я их с трудом понимаю. Они говорят по-русски, но часто используют искажённые английские слова, изменяемые в соответствии с правилами русского языка. В молодёжной среде часто говорят о «мемчиках», ставят друг другу «лойсы», «кекают» друг над другом, «хайпят» в сетях – полный «треш». И их я тоже иногда понимаю с трудом.

Подобные явления в языке отдельных групп людей мало влияют на литературный язык и быстро себя изживают. На смену одним словам часто приходят другие. Из сотен слов, может быть, остаётся несколько самых частотных в разговорной речи и лишь единицы проникают в литературный язык спустя некоторое время. Поэтому и в таких явлениях опасности я не вижу.

М.К. А как быть с такими словами, как *IT-специалист* или *PR-менеджер*? Они даже пишутся с буквами латиницы. Что же это, если не бесстыдное проникновение варваризмов в русский язык?

А.М. Уверен, через несколько лет такие слова будут переосмыслены и адаптируются к русскому языку (уже есть более «народные» замены этим словам – *айтишник* и *пиарщик*), а

названия с латиницей останутся в ходу разве что в профессиональных кругах.

Вспомни, что произошло со словом *Google* в русском языке, которое вдруг перестало связываться с названием компании Google. Появились слова *гуглить*, *загуглить*, *погуглить*, а сам поисковик уже называют просто *гугл*. Та же история со словом *ксерокс* (ср. *ксерокопия*, *ксерокопировать*, *ксерить*, *отксерить*), которое идёт от названия фирмы Xerox. Все такие слова обычно «русифицируются» и адаптируются под нашу грамматику. Так что ничего страшного и в этом явлении нет.

М.К. Я когда-то давно читала о языке, который называется рунглиш. Это как бы смесь английского и русского. Им пользуются выходцы из России в США. Что ты можешь сказать об этом явлении? Ведь это уже не безобидные искажения?

А.М. Такие языки называются смешанными (в американской лингвистике тоже есть понятие *mixed language*). Явление по-своему интересное, но живут эти языки недолго и быстро исчезают. Влияния на литературный язык они практически не оказывают.

На рунглише я встречал такую фразу: *Вам наслайсовать или писом?* (в английском варианте: *Would you like that sliced or in one piece?*). Английские слова *slice* «нарезать на куски» и *piece* «кусочек» просто приспособили под русский язык без всякой надобности, но это не значит, что эти слова всегда употребляются вместо русских слов *нарезать* и *кусочек*. Такие вкрапления ситуативны даже в речи иммигрантов.

В такой же «гремучей смеси» русского и немецкого я встречал такие слова, как *бевербунг* (от немецкого *Bewerbung* «просьба, заявка; заявление»), *термін* (от *Termin* «встреча, приём»), *фермитовать* (от *vermieten* «снимать квартиру») и т. д. Их также можно изменять в соответствии с привычными нам нормами русского языка: *бевербунга, бевербунги, бевербунгами; фермитую, фермитуешь, фермитует*. Страшный сон филолога. Но едва ли хоть одно такое слово попадёт в литературный язык и закрепится в нём надолго. Разве что глаголы *шпилить* (от немецкого *spielen* «играть») и *дрюкать* (от немецкого *drücken* «давить») попали в нашу речь, но и они, мне кажется, дальше жаргона не уйдут.

М.К. Но ведь такие языки могут входить в моду. И если не только в эмигрантской среде или в среде молодёжи будут использоваться подобные слова, а в речи всех людей, то это уже опасно.

А.М. Мода – всегда временное явление. И ей подвержены далеко не все. Если помнишь, относительно недавно, в начале 2000-х годов, в моде был так называемый «олбанский язык», или «жаргон падонков». Оттуда происходят эти дурацкие фразы: *превед медвед, аицкий сотона, аффтар жжот* и т. д. Все говорили, что это порча языка, что язык такое не переживёт. Язык не только пережил, но ещё и ничего не заимствовал из этого жаргона, хотя почти каждый пользователь интернета в то время сталкивался с этими фразами, а многие и сами прибегали к эрративу, то есть к нарочитому искажению языковой нормы. Мода

на эрратив прошла, интерес к «олбанскому языку» упал, а страшных последствий мы так и не увидели.

М.К. Само название «олбанский язык» мне незнакомо, но фразы эти (особенно *превед медвед*) я хорошо помню. Выходит, что бояться нам нечего, всё наш язык выдержит любой наплыв. Язык наш бессмертен!

А.М. К сожалению, ни один язык не бессмертен.

М.К. Эх... Я всё же буду верить в лучшее. Я русский язык люблю и буду его сохранять, как завещал нам Тургенев. Это моя позиция. Даже если ты говоришь, что заимствования в любом количестве и всякие там искажения нормы не страшны русскому языку, это не значит, что нужно массово использовать в своей речи заимствования и допускать эрративы. Я лично против этого!

А.М. Это правильная позиция. Я её поддерживаю и сам стараюсь не допускать «перегибов» в своей речи. Но есть новые слова, без которых не обойтись, иначе мы рискуем отстать от своего времени.

Почитай книгу Максима Анисимовича Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» в третьем издании. Во многом мои взгляды на чистоту языка сформировались под её влиянием. Я думаю, и тебе она поможет разобраться в этом вопросе лучше.

М.К. Хорошо. Давай снова о заимствованиях. Я уже давно держу на очереди вопрос, который интересует меня с самого начала этой части нашего диалога. Вот мы заимствовали много слов в русский язык, вся Европа и добрая часть Азии с нами делилась своей лексикой. А русский язык, получается, почти ничего другим языкам не передал из своей сокровищницы? Я вот не знаю таких английских слов, которые бы происходили из русского.

А.М. А как же *vodka* и *balalaika*?

М.К. Ага, а ещё *matryoshka*! И это всё, что мы дали этому миру? Великая русская триада! Браво!

А.М. Русских слов в английском языке больше, чем ты думаешь. Но это очень специфическая лексика. К русизмам в английском языке относятся слова *ataman* – от русского *атаман*, *babushka* – от *бабушка*, *banya* – от *баня*, *bogatyr* – от *богатырь*, *Bolshevism* – от *большевизм*, *burlak* – от *бурлак*, *fortochka* – от *форточка*, *glasnost* – от *гласность*, *gusli* – от *гусли*, *izba* – от *изба*, *kasha* – от *каша*, *kefir* – от *кефир*, *kombinat* – от *комбинат*, *kompromat* – от *компромат*, *kvass* – от *квас*, *lapta* – от *лапта*, *militia* – от *милиция*, *oprichnina* – от *опричнина*, *ostrog* – от *острог*, *perestroika* – от *перестройка*, *pirog* – от *пирог*, *purga* – от *пурга*, *ruble* – от *рубль*, *samogon* – от *самогон*, *samovar* – от *самовар*, *smetana* – от *сметана*, *shchi* – от *щи*, *soviet* – от *совет*, *sputnik* – от *спутник*, *steppe* – от *степь*, *tsar* – от *царь*, *tvorog* – от *творог*, *ushanka* – от *ушанка*, *varenyku* – от *вареники*, *zolotnik* – от *золотник* и др. Но ни англичане, ни американцы, ни другие

англоязычные не станут использовать такие слова в общем контексте. Скорее всего, эти слова используются в речи тогда, когда тема касается русской культуры, истории, кухни. В иных случаях о них никто и не вспомнит.

М.К. В том-то и вся несправедливость. Слов таких может быть в английском много, но ведь их слова у нас гораздо чаще используются. Из всех этих слов, наверное, только слово *sputnik* более или менее известно.

А.М. В значении «спутник» в английском употребляется слово *satellite*. Слово *sputnik* применяется лишь в отношении советских спутников, да и то оно «пошумело» в прошлом веке, когда СССР запустил первый искусственный спутник земли. Тогда это слово было на слуху во всём мире. Мне кажется, сегодня слова *steppe* или *intelligentsia* даже более известны, чем *sputnik*. Но я могу и ошибаться.

М.К. А правда, что во французском есть слово *niet*, которое заимствовано из русского и означает «нет»?

А.М. Да, есть такое словцо во французском. Вряд ли его можно встретить в литературе, но в печатных СМИ и в интернете примеров с этим словом довольно много. Во французском есть и другие русские слова: *barzoï* – от *борзой*, *bitva* – от *битва*, *blini* – от *блины*, *chapka* – от *шапка*, *datcha* – от *дача*, *droug* – от *друг*, *giryа* – от *гиря*, *koulak* – от *кулак* (в значении «зажиточный крестьянин»); отсюда же возникло слово *dékoulakisation* «раскулачивание»), *moijik* – от *мужик*, *okrochka* – от *окрошка*, *oukase*,

ukase – от *указ*, *raskol* – от *раскол*, *tavarich* – от *товарищ*, *tèlègue* – от *телега*, *touloupe* – от *тулуп* и др. Как видишь, всё это тоже культурная лексика, поэтому распространена она в языке не очень широко. Некоторые слова используются в политическом дискурсе.

М.К. И всё же за державу обидно... Ведь Россия была гигантской империей, столько много народов входило в её состав. Неужели не было русского влияния на них? И Советский союз не оказал влияния хотя бы на те же страны социалистического блока?

А.М. Вот это уже правильный вопрос. В основных европейских языках ты, разумеется, не найдёшь такого большого количества русизмов, которые бы использовались повсеместно. Их единицы. Это Европа влияла на Россию, а обратного влияния с нашей стороны почти не испытывала. Зато многие народности, которые проживали в Российской империи (финно-угорские, тюркские народы, многочисленные народы Сибири, Дальнего Востока, Кавказа, Закавказья, Средней Азии), и те народы, которые попали в орбиту политического влияния СССР в XX веке (Восточная Европа), в полной мере испытали на себе и языковое влияние. В их языках ты сможешь найти большое количество заимствований из русского языка.

М.К. Можешь привести примеры? Хочу увидеть хотя бы какие-нибудь заимствования из русского, не связанные с культурой или историей.

А.М. В финском есть слова *arbiuusi* – от русского *арбуз*, *halatti* – от *халат*, *hauki* – от *щука*, *kanava* – от *канавка*, *karakka* – от *кабак*, *karusta* – от *капуста*, *leima* – от *клеймо*, *läävä* – от *хлев*, *majakka* – от *маяк*, *määrä* – от *мера*, *piirakka* – от *пирог*, *prenikka* – от *пряник*, *puteli* – от *бутылка*, *pätsi* – от *печь*, *saapas* – от *сапог*, *sopuli* – от *соболь*, *sääli* – от *жаль*, *tappara* – от *топор*, *tavara* – от *товар*, *tolkku* – от *толк*, *torakka* – от *таракан*, *viesti* – от *весть*, *värttinä* – от *веретено*, *vossikka* – от *извозчик*. Не все они являются исконно русскими, но в финский язык они пришли из русского.

В башкирском языке русскими являются слова *арыш* – от русского *рожь*, *бүрәнә* – от *бревно*, *гәзит* – от *газета*, *йәрминкә* – от *ярмарка*, *күстәнәс* – от *гостинец*, *кәбестә* – от *капуста*, *миндек* – от *веник*, *симешкә* – от *семечки*, *эскәмйә* – от *скамья*, *эшләпә* – от *шляпа*, *үтек* – от *утюг*, *өстәл* – от *стол*.

В армянском языке из русского происходят слова *ավտոբուս* (avtobus) – от русского *автобус*, *դուխ* (dux) – от *духи*, *լամպուշկա* (lampuška) – от *лампочка*, *կարտոֆիլ* (kartofil) – от *картофель*, *կինո* (kino) – от *кино*, *կրիս* (kris) – от *крыса*, *կրեսլո* (kreslo) – от *кресло*, *մաշին* (mašina) – от *машина*, *մարշրուտկա* (maršrutka) – от *маршрутка*, *շոֆեր* (šofer) – от *шофёр*, *պեչենի* (peč'eni) – от *печенье*.

Из грузинского языка могу привести следующие примеры: *აბიტურენტი* (abiturienti) – от русского *абитуриент*, *აზარტი* (azarti) – от *азарт*, *ბლინი* (blini) – от *блин*, *ვედრო* (vedro) – от *ведро*, *კოზირი* (koziri) – от *козырь*, *მამონტი* (mamonti) – от *мамонт*, *ნიშა* (niša) – от *ниша*, *პახმელია* (paxmelia) – от *похмелье*, *პოლკოვნიკი* (polkovniki) – от *полков-*

ник, *პულიმიოტი* (pūlimioti) – от *пулемёт*, *სტაქია* (staṭia) – от *статья*, *შედევერი* (šedevri) – от *шедевр*, *წივნიკი* (činovniki) – от *чиновник*.

М.К. Другое дело! И сразу видно – русское, родное! Только в финском всё так исковеркано, что не сразу догадаешься, что слова заимствованы у нас. В случае с армянским и грузинским ещё и из-за письменности трудно было бы угадать заимствования. Хорошо, что ты даёшь транслитерацию к словам.

Кстати, а может ли письменность повлиять на способность языка заимствовать? Я, к сожалению, не учила такие языки, которые используют непривычное письмо (вроде китайских или японских иероглифов, арабской вязи и т. д.), но мне всегда казалось, что такие языки заимствовать не любят. Или я ошибаюсь?

А.М. Лично я не вижу особого препятствия в письменности. Многие языки с непривычной для нас письменностью активно заимствуют. Я ведь, кажется, уже приводил примеры таких заимствований в ходе нашей с тобой беседы.

М.К. Да, но разве китайскому или японскому заимствовать не сложнее, чем русскому или английскому? Мне кажется, их иероглифы не способны передавать звучание слов из европейских языков.

А.М. Японский язык за свою историю заимствовал очень много иностранных слов и прекрасно адаптировал их под свою фонетику. Значительную часть японской лексики составляют

канго – давние заимствования из китайского. В последние столетия японский активно заимствует слова из английского и других европейских языков – гайрайго. Вот некоторые примеры таких заимствований: アイスクリーム (aisukurīmu) «мороженное», インタビュー (intabyū) «интервью», エスカレーター (esukarētā) «эскалатор», クリスタル (kurisutaru) «кристалл», コーヒー (kōhī) «кофе», システム (shisutemu) «система», チャンス (chansu) «шанс».

Особенности японской фонетики не позволяют передать заимствование без существенных искажений формы слова, но даже с этими искажениями они узнаваемы. К тому же японцы для записи заимствований используют слоговую азбуку катакану, что позволяет их легко распознать в тексте. Реже используются специальные иероглифы, называемые атэдзи. Они применяются для передачи имён собственных и некоторых других слов. Например, слово コーヒー (kōhī) в атэдзи выглядит как 珈琲 (kōhī).

Китайский язык, действительно, с некоторым трудом заимствует слова из других языков, особенно европейских. Но иероглифы тут ни при чём. Всё дело в изолирующем строе китайского языка и его тоновой фонетике. Именно эти факторы определяют сильное искажение заимствований.

Попробуй понять, что означают эти китайские слова: 芭芭雅嘎 (Bābāyǎgā), 喀秋莎 (kāqiūshā), 蘇維埃/苏维埃 (sūwéi'āi), 斯普特尼克 (sīpǔtènikè), 薩摩瓦爾/萨摩瓦尔 (sà mó wǎ'ěr), 泰加林 (tài jiā lín), 伏特加 (fú tè jiā).

М.К. Да это же русские слова: 芭芭雅嘎 (Bābāyǎgā) – это наша *Баба Яга*, 喀秋莎 (kāqiūshā) – *Катюша*, 斯普特尼克 (sīpǔtènikè) – *спутник*, 薩摩瓦爾/萨摩瓦尔 (sà mó wǎ 'ěr) – *самовар*. Слова 蘇維埃/苏维埃 (sūwéi'āi), 泰加林 (tài jiā lín) и 伏特加 (fú tè jiā) я понять не могу.

А.М. Слово 蘇維埃/苏维埃 (sūwéi'āi) – от русского *совет*; 伏特加 (fú tè jiā) – от русского *водка*; 泰加林 (tài jiā lín) – от русского *тайга* с дополнительным иероглифом 林 (lín), который означает «лес». Как видишь, теоретически китайский язык может перенимать слова из других языков, в том числе из русского.

Китайский язык в последнее время стал заимствовать ещё больше, чем раньше. Сейчас даже приветствие и прощание в молодёжной среде происходит не всегда по-китайски, поскольку у молодого поколения китайцев есть заимствованные формулы 哈囉/哈啰 (hā luó) и 拜拜 (bái bái), используемые в разговорной речи или в интернете. Вместо обычных одобрительных слов типа 好 (hǎo) «хорошо» или 行 (xíng) «ладно» китайцы могут использовать заимствованное 歐克/欧克 (ōu kè) или даже ОК (в латинской графике).

В китайском вообще довольно много слов из английского: 巴士 (bā shì) «автобус» – от английского *bus*, 芭蕾 (bā lěi) «балет» – от *ballet*, 迪斯科 (dí sī kē) «дискотека» – от *disco*, 樂透/乐透 (lè tòu) «лото» – от *lotto*, 伊妹兒/伊妹儿 (yī mèi) «электронная почта» – от *e-mail*, 德謨克拉西/德谟克拉西 (dè mó kè lā xī) «демократия» – от *democracy*, 撲克/扑克 (pū kè) «игральные карты» – от *poker*, 派對/派对 (pài duì) «вечеринка» – от *party*, 鐳射/镭射

(léishè) «лазер» – от *laser*. Есть также известное французское слово 模特 (mótè) «модель» – от *modèle*.

М.К. Сегодня я сделала для себя маленькое открытие. Оказывается, и такие языки заимствуют. Только как китайцы отличают свои слова от заимствованных, если заимствования состоят из родных иероглифов со своими значениями?

А.М. Прекрасно отличают. В китайском языке, как ты верно заметила, каждый иероглиф имеет своё значение. Так, китайское слово 迪斯科 (dískē) «дискотека» состоит из трёх иероглифов: 迪 (dí), 斯 (sī) и 科 (kē). Первый иероглиф 迪 (dí) может иметь значение «следовать», иероглиф 斯 (sī) означает «этот, это», иероглиф 科 (kē) означает «раздел, часть; отрасль». Если китаец смотрит на значение всех трёх иероглифов, читая такое слово, то для него это будет бессмыслицей, но он скорее запомнит общий смысл всего слова из трёх иероглифов и привыкнет к тому, что его значение больше не выводится из значений составляющих компонентов.

Мы, имея дело с китайскими заимствованиями в русском языке, тоже не всегда выделяем составные части, а воспринимаем всё слово целиком. Есть довольно интересный пример со словом *тайфун*. О его происхождении спорят уже давно, но мне кажется, что оно имеет китайское происхождение. В пользу этого свидетельствует многое, в том числе запись этого слова в китайском – 大風 (dàfēng), где иероглиф 大 (dà) означает «большой», а иероглиф 風 (fēng) – «ветер». Слово 大風 (daai6 fung1) из кантонского диалекта вполне могло стать источником для

русского *тайфун*, немецкого *Taifun*, польского *tajfun*, литовского *taifūnas*, финского *taifuuni*, турецкого *taufun* и т. д. Ни в одном из этих языков слово уже не делится на составные части, мы понимаем его как нечто неделимое. Почему бы и китайцам не делать так же?

М.К. Интересно. Я так и предполагала, что слово *тайфун* из восточных языков. Оттуда же происходят слова *цунами* и *ураган*?

А.М. Нет, у этих слов иная история. Слово *цунами* происходит от японского 津波 (tsunami), далее от 津 (tsu) «гавань» и 波 (nami) «волна». Слово *ураган* пришло через испанское посредство (*huracán*) из аравакского языка таино.

М.К. Ясненько. Перейдём к другому вопросу о заимствованиях. Когда-то давно я услышала мнение, что есть слова, которые существуют во всех языках мира. Например, названия компьютера или интернета. Это правда? Или какие-то языки называют компьютер и интернет иначе?

А.М. В большинстве языков мы встретим похожие названия компьютера: немецкое *Computer*, нидерландское *computer*, португальское *computador*, болгарское *компютър*, польское *komputer*, литовское *kompiuteris*, албанское *kompjuter*, азербайджанское *kompüter*, персидское کامپیوتر (*kâmpyuter*), арабское كمبيوتر (*kambuyūtar*), японское コンピュータ (*kompyūta*), корейское 컴퓨터 (*keompyuteo*) и т. д. Все эти слова происходят из

английского *computer* «компьютер», от глагола *compute* «вычислять», далее от латинского *computō* «вычислять». Но вот во французском, например, компьютер традиционно называется *ordinateur*. В словенском есть название *računalnik*, в сербском – *рачунар*, в чешском – *počítač*, в исландском – *tölva*, в греческом – *υπολογιστής* (*ypologistís*), в армянском – *համակարգիչ* (*hamakargič*), в венгерском – *számítógép*. Китайцы называют компьютер 電腦/电脑 (*diànnǎo*), от 電/电 (*diàn*) «электричество» и 腦/脑 (*nǎo*) «мозг». То есть, очевидно, есть и свои названия компьютера в ряде языков.

При этом следует признать, что английское *computer* узнаваемо даже в тех языках, где есть свои названия этого технического чуда. Скажем, в греческом языке есть не только слово *υπολογιστής* (*ypologistís*), но и слово *κομπιούτερ* (*kompióúter*). В сербском можно встретить слово *компјутер* (или *компјутор*), а не только *рачунар*. То есть на уровне разговорного языка и частично даже в литературном языке такие слова присутствуют почти везде, в наш «компьютерный век» от них никуда не скроется.

То же можно сказать и об «интернетах». Слова, которые возникли из английского *Internet* «интернет» (от *inter-* «между-» и *network* «сеть»), присутствует даже в самых экзотических языках нашей планеты. Однако тот факт, что в словенском языке интернет называется *medmrežje*, в греческом – *διαδίκτυο* (*diadíktyo*), в ирландском – *Idirlíon*, не даёт нам возможности делать такой решительный вывод о том, что оно является общим для всех без исключения языков мира.

В некоторых языках собственные названия активно конкурируют с заимствованными. Например, в иврите существует

заимствованное слово אינטרנט (*internet*), которое является наиболее употребительным. В то же время в начале нынешнего века израильские лингвисты предложили в качестве альтернативы собственное ивритское слово מרשתת (*mirshétet*), от רשת (*réshet*) «сеть». Точно так же в персидском конкурируют заимствованное слово کامپیوتر (*kâmpyuter*) и родной неологизм رایانه (*râyâne*), в языке хинди конкурируют заимствованное слово कंप्यूटर (*kampyūtar*) и собственный неологизм संगणक (*sāṅgaṅak*).

М.К. Вот оно как! Кстати, в итальянском есть слова *calcolatore* (очевидно, связано со словом *калькулятор*) и *computer*. Даже в английском в качестве синонима слову *computer* существует слово *calculator*.

А.М. Всё верно В итальянском слова *calcolatore* и *computer* также конкурируют. Есть ещё слово *elaboratore*, хотя оно уже сегодня почти не используется.

М.К. Мне стало ясно, что заимствуют практически все языки. Я также готова принять мысль о том, что это явление нормальное, хотя и угрожающее языку в определённых обстоятельствах. А есть ли такие языки, которые по каким-то причинам вообще не заимствуют?

А.М. Скорее всего, таких абсолютно изолированных языков в современном мире просто не существует. Но есть языки, которые предпочитают меньше заимствовать и больше использовать собственные словообразовательные средства для создания новых слов.

Среди европейских языков, избегающих заимствований и использующих материал своего языка, особо выделяют исландский. Исландцы даже в научной терминологии, которая во многих языках представлена ласкающими слух интернационализмами, стремятся избегать чужеродных элементов, предпочитая им свои собственные. Например, слово со значением «кино» в ряде языков имеет сходный вид: английское *cinema*, немецкое *Kino*, французское *cinéma*, польское *kino*, армянское *կինո* (*kino*) – все эти слова происходят от древнегреческого *κίνημα* (*kínēma*) «движение», от *κινέω* (*kinéō*) «двигать». В исландском то же значение имеет слово *kvikmynd*, которое состоит из слов *kvikur* «живой, быстрый» и *mynd* «картинка». Таким образом, исландцы называют кино «живыми/быстрыми картинками». Слово «электричество» в ряде языков также имеет похожий вид: английское *electricity*, немецкое *Elektrizität*, французское *électricité*, польское *elektryczność*, армянское *էլեկտրականություն* (*elektrakanut'iwñ*) – все от древнегреческого *ἤλεκτρον* (*ḗlektron*) «янтарь». В исландском в том же значении используется сложное слово *rafmagn*, которое состоит из слов *raf* «янтарь» и *magn* «сила».

Среди экзотических языков, не любящих заимствований, особо интересен атабаскский язык навахо в Северной Америке. Насколько мне известно, в нём очень мало заимствований, но они всё же имеются. Носители языка навахо сами создают слова так, как им вздумается, получая на выходе «слова-гиганты» – целые предложения. Например, слово *компьютер* на язык навахо можно перевести как *béésh bee ak'e'elchíhi t'áá bí nitsékeesígíi*. Это слово (сочетание слов) можно разделить на ряд составляющих: *béésh* «железо, устройство», *bee* «с (помощью)», *ak'e'elchí*

«пишет», субстантиватор *-i*, *t'áá bí* «сам», *ntsékees* «думает», субстантиватор *-ígíí*. Даже название географических пунктов индейцы навахо часто не заимствуют, а переводят на свой манер. Слово *Россия* на их язык можно перевести как *Bi'éé' Lichíí'í bikéyah*, где *bi'éé'* означает «его одежда», *lichíí'* – «является красным», *bikéyah* – «их страна». Логика их построений порой меня ужасно удивляет.

Процесс вхождения в язык нового слова, собранного из уже имеющихся в языке корней и морфем, но по смыслу связанного с иноязычным словом, называется калькированием, а результат этого процесса называется калькой (от французского *calque* «копия, калька»). Когда мы говорили о словах со значением «компьютер» и «интернет» в разных языках, где слова эти имеют другой вид, то часто сталкивались именно с кальками. Примеры из навахо сюда не относятся, это вообще случай тяжёлый.

М.К. И много ли таких языков, которые создают кальки, избегая заимствований из других языков?

А.М. Калька – это такой же естественный способ пополнения словаря, как и заимствование. Эти два способа существуют параллельно, но какой-то из них может быть более предпочтительным. Русский или японский языки активно заимствуют слова. Исландский язык явно предпочитает калькировать, а не заимствовать (хотя в разговорном исландском языке заимствования есть). Сколько ещё таких же языков, я точно не скажу. Знаю лишь, что калькированием знамениты чешский и хорват-

ский. В разное время калькировали также русский, финский, немецкий и польский.

Например, в заимствующем польском есть слово *pociąg* «поезд» (от *ciągnąć* «тянуть, тащить»), а в калькирующем чешском есть слово *vlak* «поезд» (от *vláčet* «тащить, тянуть»). Оба слова являются калькой от немецкого существительного *Zug* «поезд», которое происходит от глагола *ziehen* «тянуть». Английское *train* «поезд» происходит от латинского глагола *trahō* «тащить, тянуть». В русском языке слово *поезд*, разумеется, имеет совсем другой смысл (оно связано с глаголом *ехать*). Видно, что в случае с этими словами названные языки решили не заимствовать слово, а изобрести своё собственное, но по похожей модели. Аналогично польское слово *czasopismo* «журнал» (от *czas* «время» и *pismo* «письмо») и чешское *časopis* (от *čas* «время» и *pismo* «письмо») являются кальками немецкого слова *Zeitschrift* (от *Zeit* «время» и *Schrift* «письмо»).

М.К. А от чего зависит это предпочтение калькировать, а не заимствовать слова?

А.М. Причин множество. Но одна из самых распространённых – языковой пуризм, то есть стремление очистить язык от заимствований. Это часто конъюнктурное явление, связанное с выделением новых государств, стремлением к самоопределению отдельных народов, иногда также с жёсткой языковой политикой в стране.

Например, среди сербохорватских языков пуризмом отличается хорватский язык, который в своё время националистически настроенные учёные и писатели стремились очистить от

«чужих» слов, в том числе славянских. Я думаю, этот приступ пуризма был попыткой искусственно развести сербский и хорватский языки ещё дальше друг от друга, чтобы нарушить взаимопонятность. Так, сербское *официр* «офицер» противопоставляется хорватскому *časnik*, сербское *историја* «история» – хорватским словам *historija* и *povijest*, сербское *фудбал* «футбол» – хорватскому *nogomet*, сербское *музика* «музыка» – хорватскому *glazba* и т. д. Таких слов накапливается всё больше, и языки расходятся.

М.К. Пример с польским *pociąg*, чешским *vlak*, немецким *Zug* и английским *train* мне показался очень интересным тем, что в основе этих слова заложен почти что один смысл. И я вдруг вспомнила об английском слове *skyscraper* «небоскрёб» (от *sky* «небо» и *scrape* «скрести»). В то же время в итальянском небоскрёб называют *grattacielo* (от *grattare* «чесать» и *cielo* «небо»), а в немецком – *Wolkenkratzer* (от *Wolke* «облако» и *kratzen* «царапать; чесать, скрести»). В русском языке слово *небоскрёб* – это очевидная калька. А я даже никогда не обращала на это внимание. В других языках это слово так же сложено?

А.М. Да, это классический пример кальки. Похожим образом слово со значением «небоскрёб» образовано во многих языках: французское *gratte-ciel* (от *gratter* «скрести, царапать» и *ciel* «небо»), украинское *хмарочос* (от *хмара* «облако» и *чесати* «чесать»), чешское *mrakodrap* (*mrak* «туча» и *drapnout* «цапнуть»), исландское *skýjakljúfur* (от *ský* «облако» и *kljúfa* «раскалывать; разделять»), финское *pilvenpiirtäjä* (от *pilvi* «облако» и

piirtäjä «чертёжник, художник»), турецкое *gökdelen* (от *gök* «небо» и *delmek* «дырявить») и т. д.

Практически все слова, которые я приводил выше, по своему устройству напоминают английское *skyscraper*, хотя есть некоторые отклонения от стандарта. Во французском *gratte-ciel* и итальянском *grattacielo* порядок корней другой. Турецкий язык использует слово *delmek* «дырявить», а финский – *piirtäjä* «чертёжник», тогда как в английском слово *scrape* означает «скрести». Кальки в некоторых языках не всегда точно передают семантику.

М.К. А как это слово передаётся в китайском языке? В нём тоже возможны кальки?

А.М. Китайское слово 摩天大樓/摩天大楼 (*mótiān dàlóu*) «небоскрёб» состоит из иероглифов 摩 (*mó*) «тереть, гладить», 天 (*tiān*) «небо», 大 (*dà*) «большой» и 樓/楼 (*lóu*) «многоэтажное здание». Как видишь, это тоже своеобразная калька.

В китайском языке, разумеется, существуют разные кальки. Мне запомнилось интересное китайское слово 非死不可 (*Fēisǐbùkě*) – заимствованное английское название социальной сети *Facebook* (напомню, что оно состоит из слов *face* «лицо» и *book* «книга»). Другое название этой социальной сети в китайском – 臉書/脸书 (*Liǎnshū*), образованное из иероглифов 臉/脸 (*liǎn*) «лицо» и 書/书 (*shū*) «книга».

М.К. Ты говорил выше, что раньше русский язык в какие-то периоды своей истории тоже был калькирующим. Мо-

жешь вкратце рассказать о кальках в русском языке? С примерами, конечно.

А.М. Ну, русский язык часто прибегал к калькированию, параллельно увлекаясь и заимствованиями.

Ранние кальки проникали из греческого. Например, слово *летописец* возникло при переводе греческого слова *χρονογράφος* (khronográphos), которое состоит из слов *χρόνος* (khrónos) «время» и *γράφω* (gráphō) «писать». Слово *православие* – это дословный перевод греческого слова *ὀρθοδοξία* (orthodoksía), сложенного из *ὀρθός* (orthós) «прямой; верный, правый» и *δόξα* (dóksa) «мнение; слава».

Из немецкого языка в русский язык были калькированы слова *выглядеть* (немецкое *aussehen*, от *aus-* «из-, вы-» и *sehen* «смотреть, глядеть»), *полуостров* (немецкое *Halbinsel*, от *halb* «половина» и *Insel* «остров»), *мероприятие* (немецкое *Maßnahme*, от *Maß* «мера» и *nehmen* «брать, принимать»), *представление* (немецкое *Vorstellung*, от *vor-* «пред-» и *stellen* «ставить») и т. д.

Многие слова из научной терминологии были в своё время были введены в оборот Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Среди них есть и кальки: *равновесие* – от немецкого *Gleichgewicht*, от *gleich* «равный» и *Gewicht* «вес», *предмет* – от латинского *obiectum*, от *ōbiciō* «бросать вперёд», от *ob-* «вперёд» и *iaciō* «бросать», *насекомое* – от французского *insecte*, далее от латинского *īnsectum*, от *īnsecō* «разрезать», от *secō* «резать» (связано с русским *сечь*).

С подачи Николая Михайловича Карамзина в русском языке возникали кальки из французского. Именно он придумал

слова *впечатление* – от французского *impression*, далее от латинского *impressiō* «вдавливание», от *imprimō* «вдавливать», от *in-* «в-» и *premo* «давить», *влияние* – от французского *influence*, далее от латинского *influiō* «втекать, впадать», от *in-* «в-» и *fluō* «течь».

Некоторые кальки и неологизмы изобретались такими языковыми пуристами, как Александр Семёнович Шишков. Поначалу он был человеком военным, затем занялся государственной службой – был государственным секретарём и министром народного просвещения. Но более всего, наверное, он известен как президент Академии Российской, которая занималась вопросами русской словесности. Консерватора и архаиста Шихкова особенно огорчало то, что русский язык «засоряется» европейскими словами, поэтому в качестве альтернативы некоторым заимствованиям он предлагал свои слова: вместо *галoши* (от французского *galoche* «галoша») он предлагал использовать слово *мокроступы*, вместо *фортепиано* (от итальянского *fortepiano*, от *forte* «громкий» и *piano* «тихий») – *тихогромы*. Надо сказать, ни одно его «изобретение» в русском языке не прижилось, но они весьма показательны.

М.К. Никогда бы не подумала, что слова *впечатление* и *влияние* возникли под «влиянием» иностранных языков. Хотя сейчас меня уже сложно чем-то «впечатлитель».

Я, кстати, слышала о «мокроступах» где-то по телевидению, но не думала, что такое слово на самом деле существовало. Шишков был с юморком, наверное.

А.М. По поводу его чувства юмора сказать ничего не могу. Мне кажется, оно у него было не очень развито. Но точно могу сказать, что чувством юмора обладал Александр Сергеевич Пушкин, который, передразнивая Шишкова, писал в «Евгении Онегине» о Татьяне Лариной следующее:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

М.К. Троллинг XIX столетия?

А.М. Не совсем троллинг... Может, это всего лишь шуточный намёк на то, что не следует переводить непере译имое. Шишков иногда перегибал палку, поэтому был объектом справедливой критики не только со стороны карамзинистов, но и со стороны некоторых своих же единомышленников. Пушкин был Шишкову точно не враг и не оппонент, но явно не одобрял его «реформаторства».

М.К. Ладно, будем считать, что с Шишковым разобрались. От литературы снова к лингвистике. Скажи, пожалуйста, а

было так, что одно и то же иностранное слово заимствовалось и калькировалось одновременно?

А.М. Разумеется. Это явление нередкое. Например, слова *созвучие* и *согласие* калькируют греческое слово *συμφωνία* (*sumphōnía*) «созвучие», от *σύμφωνος* (*súmphōnos*) «созвучный», от *σύν* (*sún*) «с» и *φωνή* (*phōnḗ*) «звук, голос». Отсюда же через посредство европейских языков происходит слово *симфония*. Из приведённых мной ранее примеров калек слово *obiectum* было заимствовано в виде *объект*, слово *impression* обнаруживается в слове *импрессионист*, слово *ὀρθοδοξία* (*orthodoksía*) также угадывается в довольно редком у нас слове *ортодоксальный*. Примеров такого рода полным-полно.

М.К. А слово *телевидение* – это тоже калька или всё-таки заимствование? В английском оно имеет вид *television*, а это наталкивает на мысль, что слово заимствовано (если я не ошибаюсь, первая часть *теле-* взята из греческого, откуда происходит также слово *телефон*). Но вот вторая часть этого слова *-видение* скорее говорит о том, что оно переведено, поскольку тут корень как в слове *видеть*. Так что же это за слово?

А.М. Это довольно интересный и нередкий в русском языке случай, когда слово собирается из частей, взятых из разных языков. Многие сложные слова с первыми компонентами (префиксоидами) *анти-*, *аэро-*, *видео-*, *гидро-*, *гипо-*, *радио-*, *теле-*, *супер-*, *фото-* и др. можно считать наполовину заимствованиями, хотя всё зависит от второго компонента. Часто он тоже является заимствованием, но иногда может быть калькой или

родным словом. Пример со словом *телевидение* в этом смысле очень интересен.

Английское слово *television* было заимствовано из французского *télévision*, которое в начале XX века изобрёл русский учёный Константин Дмитриевич Перский. Это слово, по сути, было собрано из двух компонентов: древнегреческого *τῆλε* (*têle*) «далеко» (слово *телефон* также содержит этот компонент, но само оно не могло быть заимствовано из греческого, оно просто собрано из греческих слов) и латинского *vīsiō* «зрение; видение» (от формы *vīsus* «зрение; видение», далее от *videō* «видеть»). Если бы мы просто заимствовали английское слово в русский, то получилось бы, наверное, слово *телевизия* (кстати, в русском языке оно тоже существовало). Но слово *телевидение*, где вторая часть была просто калькирована, а первая – осталась без изменений, нам почему-то больше понравилась. В украинском языке по той же самой модели было образовано слово *телебачення*, в белорусском – *тэлебачанне*. Напротив, немецкое *Fernsehen* и армянское *հեռուստատեսություն* (*heřustatesut'yun*) являются чистыми кальками. А вот болгарское *телевизия* или турецкое *televizyon* уже легко опознать как заимствования.

М.К. Вспомнила тут про «ленинское» слово *архиважный*. Тоже, выходит, «полузаимствование», раз первая часть *архи-* заимствованная (наверное, как в слове *архиепископ*), а вторая – родная?

А.М. Не совсем. В слове *архиважный* первый элемент греческий – из *ἀρχι-* (*arkhi-*) «главный, старший», второй – русское прилагательное *важный*. Но последнее слово пришло из

польского *ważny* «важный», от *waga* «весы», далее связано с немецким *Waage* «весы». Не такое уж оно и родное.

М.К. Заимствования и кальки – жутко интересная тема. Я, наверное, слегка преувеличивала, когда говорила, что у меня будет миллион вопросов по этой теме. В моём списке по данному блоку остался только один последний вопрос. Есть ли слова, время появления которых в русском языке установлено точно?

А.М. Насколько точно?

М.К. Ну, скажем, с точностью до года. Обычно мы сталкивались с веком появления того или иного слова или говорили о некой эпохе, когда оно могло прийти в язык, но ты не называл ни одной точной даты.

А.М. Да, я говорил о периодах заимствования тех или иных слов в русский язык, потому что большинство заимствований датировать точно невозможно. Можно в отдельных случаях установить век, но не год. Теоретически возможно считать условной датой появления слова его первое упоминание в любом письменном источнике, но и тут есть свои трудности. Во-первых, это не гарантирует, что слово действительно появилось в письменном памятнике именно в тот век, когда оно стало известно носителям языка. Во-вторых, бывает так, что слово упоминается в источнике, но носителям языка ещё неизвестно. Такие вот две крайности.

Почему-то в памяти всплыла история со словом *орангутан*. Оно попало в русский язык через французское или англий-

ское посредство, далее происходит из малайского *orang utan* «лесной человек». В том виде, в каком мы его сегодня знаем, слово фиксируется с 1835 года в романе Ивана Ивановича Лажечникова «Ледяной дом». В учебнике естественной истории Алексея Леонтьевича Ловецкого, который вышел на десять лет раньше романа Лажечникова, эти животные названы *орангами*. В оде Гавриила Романовича Державина «На Счастье» от 1789 года мы и вовсе встречаем слово *уранги*. В сущности, всё это разные варианты одного слова, из которых устоялось и вошло в словари самое позднее. Но какую дату мы возьмём как основную? На этот вопрос ответа нет.

Такая ситуация характерна для многих слов, которые проникли в русский язык до XX века. В Историко-этимологическом словаре современного русского языка Павла Яковлевича Черных есть много указаний на годы появления тех или иных слов в различных источниках, но во многих случаях их история будет похожа на то, что было со словом *орангутан*. Некоторую информацию, если тебе интересно, может дать Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). Я часто пользуюсь этим сайтом, если мне нужно проследить историю какого-либо слова по литературным источникам.

Слова, которые пришли в русский язык за последнее столетие, датируются намного лучше, но едва ли с точностью до года. Сложность датировки даже современных заимствований состоит в том, что не всегда первое упоминание о слове является свидетельством заимствования, так как слово ещё долгое время может быть «не в ходу». Например, слово *компьютер* появилось в русском языке уже в конце 1960-х годов, но начинает активно использоваться только в середине 1970-х годов в совет-

ском научно-популярном журнале «Техника – молодёжи». Долгое время оно конкурировало с отечественной аббревиатурой ЭВМ, которая была окончательно вытеснена уже в постсоветскую эпоху. Слово *бизнес* впервые упоминается Владимиром Маяковским в его очерке «Моё открытие Америки» (1925-1926 годы), но вряд ли оно было хорошо известно в СССР. Его распространение (часто с негативной коннотацией) связано с творчеством Ильи Ильфа и Евгения Петрова которые упоминают слово *бизнес* в романе «Золотой телёнок» (1931 год) и путевом очерке «Одноэтажная Америка» (1936 год), но даже они не сделали его популярным в литературе. Можно сказать, что начало его массового употребления приходится на те же 1980-1990-е годы.

Считается, что с ещё большей точностью можно датировать слова, которые обозначают современные изобретения. Но это, наверное, тоже касается не всех слов. Известно, что пенициллин придумал британский микробиолог Александр Флеминг в 1928 году. Тогда же можно говорить о появлении английского слова *penicillin*. Но вряд ли в том же году оно стало известно в русском языке. Прошло немало времени, прежде слово *пенициллин* стало нам известно. В литературе оно начинает встречаться только в 1950-е годы, хотя советские врачи знали о пенициллине намного раньше. Даже современные изобретения, названия которых становятся известны во многих языках уже в год их появления, наверное, не всегда можно датировать точно. Разве что слово *айфон* появилось в том же 2007 году, когда фирма Apple презентовала и запустила в продажу свой первый iPhone? Вероятно, в устном употреблении оно встречалась, но именно в та-

ком «русифицированном» виде оно, мне кажется, стало употребляться позже.

М.К. Что ж, ладно. Будем считать, что тему мы исчерпали. Мне очень понравились твои ответы по заимствованиям. Я многое узнала и многое поняла. Давай двигаться дальше! Что у нас по плану?

А.М. Следующий раздел – семантика.

Глава 6. Семантика

М.К. Итак, семантика. Нам уже доводилось сталкиваться с этим понятием. Насколько я помню, она изучает значения слов. Верно?

А.М. Всё верно. Семантика – это раздел лингвистики, который изучает смысловые значения единиц языка (в нашем случае – слов). Французский лингвист Мишель Бреаль, который в конце XIX века предложил сам термин «семантика», понимал его узко – как анализ изменения значений слов со временем. Сегодня семантика решает более широкий круг вопросов, семантический анализ применяется уже не только к словам, но и к целым текстам.

Семантика играет большую роль в сравнительно-историческом языкознании и этимологии. Без семантической составляющей невозможно обойтись, объясняя происхождение слова. Этимолог стремится выявить так называемую внутреннюю форму слова, то есть его мотивированность, образ или идею, которые были положены в основу номинации.

В предыдущих частях нашей беседы я приводил массу примеров того, как со временем меняются значения слов, какие исконные смыслы (эту самую внутреннюю форму) таят в себе слова. Может быть, ты сама припомнишь какие-нибудь примеры из тех, что я уже называл? Может быть, по каким-то из них у тебя ещё остались вопросы?

М.К. Ну, вопросы есть всегда. Я могу смело задавать любые?

А.М. Абсолютно.

М.К. Хорошо. Я помню, что ты говорил, будто русское слово *корова* происходит из пракеельтского **karwos* «олень». Как так получилось, что название одного животного в кельтских языках превратилось в название совершенно другого животного в русском языке? И как с ними связано слово *серна*?

А.М. Напомню, что это было заимствование не в русский язык, а в праславянский. Русское слово *корова* является полногласной формой, развившейся из праславянского слова **korva* «корова», от которого также происходят украинское *корова*, болгарское *крава*, сербохорватское *крава*, словацкое *krava* чешское *kráva* и польское *krowa*. С праславянским **korva* связаны также литовское *karvė* «корова» и древнепрусское *curwis* «вол». Этимология этих слов не так проста, многие фонетические и семантические особенности развития данных слов пока что остаются без объяснения. Считается, что они в конечном счёте восходят к праиндоевропейскому корню **kerh₂-* «рог». Таким образом, и для праславянского **korva*, и для литовского *karvė* можно было бы восстановить внутреннюю форму «рогатая».

Корень с палатовелярным **k̑* вполне подходит для дальних когнатов: латинское *cervus* «олень», древнегреческое *κέρας* (*kéras*) «рог», санскритское शृङ्ग (śṛṅga) «рог», прагерманские **hurną* «рог» (английское *horn* «рог», немецкое *Horn* «рог») и

**herutaz* «олень» (английское *hart* «олень», немецкое *Hirsch* «олень»). Однако праиндоевропейский **k̑* не мог бы дать **k* в праславянском, так как вместо него должен был появиться са-темный рефлекс **s*, то есть вместо праславянского **korva* должно было получиться **sorva*, а вместо литовского *karvė* – **šarvė*. Есть соблазн списать это на нерегулярность, но многие этимологи склонны полагать, что эти слова являются кельтскими заимствованиями. Из праиндоевропейского **k̑erh₂wós* (или **k̑wh₂ós*) возникло пракеельтское **karwos* «олень» (то есть «рогатый»; ср. валлийское *carw* «олень», корнское *karow* «олень»), которое заимствуется в прабалтославянский, откуда мы имеем такие формы в литовском и славянских языках. Эта версия не лишена изъянов, но я считаю её наиболее оптимальной.

От того же корня **k̑erh₂-* «рог» закономерно происходит праславянское **s̑rna* «косуля; серна», откуда русское *серна*, украинское *серна*, болгарское *сърна*, сербохорватское *срна*, словацкое *srna*, чешское *srna*, польское *sarna*. С ними связаны литовское *stirna* «косуля» и латышское *stirna* «косуля». Общим признаком снова является «рогатость» животных.

К корню **k̑erh₂-* «рог» относят также праславянское слово **s̑ȓšēn̑* «шершень», откуда русское *шершень*, украинское *шершень*, болгарское *стършел*, сербохорватское *стриљен*, словацкое *sršeň*, чешское *sršeň*, польское *szerszeń*; им родственны литовское *širšė* «шершень», латышское *sirsenis* «шершень», а также латинское *crābrō* «шершень», прагерманское **hurznutō* «шершень» (английское *hornet* «шершень», немецкое *Hornisse* «шершень») и албанское *grerë* «оса; шершень». Как видишь, и здесь «рога» имеют место.

М.К. Хмм... Никогда бы в жизни я не подумала, что слова *корова*, *серна* и *шершень* родственные, да ещё и объединены таким признаком, как «рогатость».

Мне припомнился другой странный пример, который я приняла на веру, ничего не уточняя. Теперь, думаю, пришла пора уточнить. Когда мы говорили о метатезе плавных в праславянском языке, ты говорил, что праславянское слово **orbъ* «слуга, раб» даёт в русском языке слова *раб*, *работа* и *ребёнок*. Если слова *раб* и *работа* я ещё легко свяжу по смыслу (раб – это тот, кто работает), то вот отношение к ним слова *ребёнок* я никак не пойму. Как семантически объяснить связь этих слов? Дети были у славян рабами, что ли?

А.М. Прекрасно понимаю твоё замешательство. Начну своё объяснение с когнатов. Праславянское слово **orbъ* связано с латинским *orbis* «осиротевший», древнегреческим *ὄρφανός* (*orphanós*) «осиротевший», санскритским *अर्ध* (*árbha*) «маленький; мальчик» и армянским *որբ* (*orb*) «сирота». В немецком существуют также когнаты *Arbeit* «работа» и *Erbe* «наследник». Все эти слова восходят к праиндоевропейскому слову **h₃orbʰos* «сирота». Именно отсюда следует тянуть все ниточки.

Одна ниточка, которая связывает значения «сирота» и «раб», может быть представлена такой семантической цепочкой: «осиротевший» → «лишённый куска хлеба» → «готовый на тяжёлую работу» → «раб». Это новое значение могло быть известно ещё индоевропейцам. Значения «раб» и «ребёнок» (в диалектах ещё известны слова *робёнок* и *рабёнок*) связать тоже легко. Сиротами становились именно дети, терявшие по разным причинам своих родителей, но никак не взрослые люди. Поэто-

му тут ещё более простая цепочка: «осиротевший» → «потерявший родителей ребёнок» → «ребёнок».

М.К. Мне кажется, что таким образом можно объяснить всё что угодно. Например, легко связать русские слова *катавасия* и *кот Вася* (катавасия – это то, что остаётся после шалостей кота), *окно* и *око* (окно – это око дома), *малина* и *маленький* (малина – маленькая ягода), русское *фамилия* и английское *famous* «известный, знаменитый» (фамилия – это то, что должно быть известно всем), русское *дуэль* и итальянское *due* «два» (в дуэли участвуют два человека). Включай логику и объясняй. Всё просто!

А.М. Именно так и поступают любители и неисправимые лингвофрики. Но ведь ты же теперь знаешь, что для этимолога недостаточно просто сопоставлять похожие слова с похожими значениями. Иногда можно угадать, но в большинстве своём такие сопоставления будут неверными. Важно подключать фонетику, а также реально засвидетельствованную историю слов и их значений.

М.К. Тоже верно. Если честно, я сопоставила данные слова просто шутки ради. Интересно, я хоть где-то угадала?

А.М. Полтора попадания из пяти.

М.К. Ого, уже неплохо. А что именно у меня верно?

А.М. Верно, что слово *окно* связано с *око*. И объяснение твоё близко к истине, хотя не совсем точное. Я бы кое-что добавил.

Русское слово *окно* восходит к праславянскому **окъно* «окно», откуда происходят также украинское *вікно*, болгарское *окно*, сербохорватское *окно*, словацкое *okno*, чешское *okno* и польское *okno*. В ряде славянских языков, однако, в значении «окно» используются и другие слова: в болгарском – *прозорец* (слово *окно* означает «отверстие, дыра»), в сербохорватском – *прозор* (*окно* – это «оконное стекло»). Праславянское **окъно* далее восходит к **око* «глаз» с суффиксом **-ъно*. Вероятно, первоначально оно означало «отверстие в стене для наблюдения» (ср. современное слово *глазок*).

Довольно близки по семантике некоторые германские названия окна. Так, английское слово *window* «окно» происходит из древнескандинавского *vindauga* «окно», в котором хорошо просматриваются составляющие его слова *vindr* «ветер» и *auga* «глаз». Готское *augadaurō* «окно» и исконное древнеанглийское *ēagduri* «окно» тоже имеют «глазную» семантику.

М.К. А почему полтора попадания? Где ещё половина?

А.М. Ещё половина приходится на слово *дуэль*. Оно не происходит от итальянского *due* «два» или латинского *duo* «два», хотя косвенно связано с этими словами. В ряде языков слово со значением «дуэль» дословно переводится как «двоеборье» (ср. немецкое *Zweikampf*, сербохорватское *двобој*, венгерское *пárbaj*), поэтому сложилось представление, что английское *duel*, французское *duel*, испанское *duelo*, итальянское *duello* и немецкое

Duell могут быть как-то связаны с латинским числительным *duo* «два». На самом же деле оно происходит из латинского *duellum* «война», поэтического варианта более известного слова *bellum* «война» (переход *du* в *b* в латыни встречается и в других словах; ср. *duis – bis* «дважды», *duonos – bonus* «хороший», *Duellona – Bellona* «Беллона»).

М.К. Эх, я-то думала, что я со словом *катавасия* угадала! А оно тогда откуда взялось?

А.М. Слово *катавасия* никак не связано с котом. Это заимствование из древнегреческого *καταβασία* (*katabasía*), *κατάβασις* (*katábasis*) «схождение вниз, спуск», далее от *καταβαίνω* (*katabáinō*) «сходить вниз, спускаться», от *ката-* (*kata-*) «вниз, под» и *βαίνω* (*baínō*) «шагать, ходить; идти».

Это церковный термин, обозначающий песнопение на утрене в праздничные или воскресные дни в заключение канона, при котором певчие спускаются с обоих клиросов и сходятся в центре храма, где поют уже вместе. В обиход это слово вошло, как полагают, из жаргона семинаристов, которые считали сложным для восприятия песнопение, происходящее на ходу, да ещё и на много голосов. В общем, настоящая катавасия.

Из жаргона семинаристов происходят и другие известные слова. Например, слово *ерунда* происходит от латинского названия трудной для усвоения грамматической формы *gerundium* «герундий»; слово *куролесить* происходит из молитвенного призывания *Κύριε ἐλέησον* (*Kúrie eléēson*) «Господи, помилуй», используемого в богослужениях; слово *потасовка*, вероятно, происходит из древнегреческого *πατάσσω* (*patássō*) «уда-

рять, поражать» (хотя часто его связывают с глаголом *потасовать*, от *тасовать*).

М.К. Хорошо. А слово *малина* откуда?

А.М. Русское слово *малина* происходит из праславянского **malina* «малина», откуда также украинское *малина*, болгарское *малина*, сербохорватское *малина*, словацкое *malina*, чешское *malina* и польское *malina*. Его внутренняя форма станет ясна, если взглянуть на ближние и дальние когнаты этого слова: литовское *mėlynas* «синий», латышское *melns* «чёрный», латинское *mulleus* «багряный», древнегреческое *μέλας* (*mélas*) «тёмный, чёрный», санскритское *मल* (*mála*) «грязный». Все эти слова происходят из праиндоевропейского **melh₂*- «чёрный, грязный», что наводит на мысль о том, что в основе праславянского слова **malina* лежит идея цвета ягоды (ср. *черника*, *голубика* и т. д.).

М.К. Осталось разобраться со словом *фамилия*. Оно откуда происходит?

А.М. Русское слово *фамилия* в значении «часть личного имени» стало употребляться относительно поздно. Раньше это слово имело значение «род, семья», которое мы обнаруживаем также у английского *family*, немецкого *Familie* или французского *famille*. Названные слова в европейских языках происходят от латинского *familia* в значении «челядь», далее от *famulus* «слуга».

Казалось бы, снова мы наблюдаем семантический сдвиг, который логичным не назовёшь. Всё же и он объясняется такой

вот цепочкой: «слуга» → «челядь, прислуга по дому» → «домочадцы» → «семья, род» → «часть личного имени, признак принадлежности к определённой семье».

Интересная параллель имеется с русским словом *семья*, которое происходит из праславянского **sěmja* «домочадцы», родственного **sěmьnъ* «раб; домочадец».

М.К. Есть какие-то общие механизмы изменения значений слова? Как слова с одним значением приобретают другие значения?

А.М. Механизмы такие есть, их даже пытались классифицировать (одна из классификаций принадлежит лингвисту Леонарду Блумфилду). Я позволю себе привести некоторые такие механизмы, которые встречаются чаще всего.

Один из механизмов – метафоризация, то есть приобретение словом метафорического значения. Например, слово *мышь* мы можем понимать в нескольких смыслах. С одной стороны, это слово имеет значение «грызун», с другой – «устройство ввода компьютера». Данный перенос испытало на себе английское слово *mouse* «мышь», но новое значение быстро распространилось и на другие языки. В данном случае такие разные значения были приписаны одному слову из-за внешней похожести проводной компьютерной мыши на грызуна с хвостом. То же можно сказать о слове *крыло*, которое может означать «конечность птиц или насекомых», «часть самолёта» или «боковая пристройка у здания».

Другой механизм – метонимический перенос. Например, словом *хрусталь* можно означить «стекло особого качества» и

«изделие из стекла»; слово *кость* может означать «часть скелета», но также оно известно нам в значении «материал из кости».

Ещё одной причиной семантического сдвига может быть сужение или расширение значения слова. Например, художником сегодня часто называют человека, который занимается изобразительным искусством, хотя первоначально так называли человека, который занимался любым видом искусства. Значение слова *художник*, таким образом, стало уже. Слово *товар* раньше означало «рогатый скот на продажу», но сегодня это «любые вещи, которые подлежат продаже». Здесь, очевидно, произошло расширение значения.

Частой причиной сдвигов является языковая игра, когда нарочито искажаются не только слова, но и их значения, а также народная этимология, которая стремится объяснить заимствования или малопонятные слова по-своему, по-простому. Например, слово *рубанок* не связано с глаголом *рубить* – это заимствование из немецкого *Raubank* «фуганок, большой рубанок»; слово *изъян* не связано с глаголом *изъять* – это заимствование из персидского *زیان* (*ziyân*) «вред». Если со временем люди начнут забывать, что такое рубанок, то по форме слова смогут предположить, что это «что-то рубящее» (хотя мы-то знаем, что это не так); изъян мы уже понимаем как недостаток, то есть «что-то изъятое».

Эти и некоторые другие незначительные изменения приводят часто к тому, что одно слово просто приобретает новые значения. Но вместе с тем слова могут и утрачивать старые значения. Полный семантический сдвиг происходит, когда новое значение закрепилось, а старое полностью исчезло.

В славянских языках ты часто можешь отыскать слова, которые похожи и, возможно, даже родственны, но имеют совершенно разные значения (такие слова ещё называют «ложными друзьями переводчика»). Например, в русском языке есть слово *гора* и в болгарском есть слово *гора*. Оба слова восходят к праславянскому **gora* со значением «гора». Но болгарское слово *гора* имеет значение «лес». Почему?

М.К. Эмм... Я должна назвать один из тех механизмов, что ты привёл?

А.М. Да.

М.К. Может, это метонимический перенос? В русском слово *гора* сохранило исходное значение, а болгарское *гора* приобрело новое значение, полностью утратив старое.

А.М. Всё верно. Болгары ведь живут на Балканах, в гористой местности. Для них покрытые лесом горы – обыденность. Поэтому так и случилось, что праславянское **gora* «гора» в болгарском дало *гора* в значении «лес». Цепочка в этом случае будет следующая: «гора» → «покрытая лесом гора» → «лес». Аналогичные семантические сдвиги предполагают для армянского слова *տնտիւն* (*antai*) «лес», хотя это слово тёмное в этимологическом отношении.

М.К. Ты часто приводишь в этой части нашей беседы аналогии, параллели с другими похожими случаями. Есть какие-

то семантические закономерности, которые позволяют выводить такие аналогии и параллели?

А.М. Говорить о строгих закономерностях в семантике пока что не приходится, но существуют многочисленные семантические параллели, которые позволяют убедительно продемонстрировать, что те или иные развития значений в языке возможны. Этимологи часто прибегают к этому приёму.

М.К. Да уж, это не фонетические соответствия, где всё можно посмотреть по табличке. Семантика – очень изменчивая штука. Даже корову и шершня можно чем-то объединить. Я уж и не знаю, чему ещё удивляться.

А.М. Многие странности в семантике связаны именно с названиями животных. Например, этимологи легко свяжут верблюда и слона, быка и пчелу...

М.К. Быка и пчелу? Что вообще может их связывать?

А.М. Слова *пчела* и *бык*, скорее всего, родственны. Праславянское **bъčela* «пчела» даёт русское *пчела*, украинское *бджола*, болгарское *пчела*, сербохорватское *пчела*, словацкое *včela*, чешское *včela* и польское *pszczoła*. Праславянскому **bъčela* родственны следующие слова со значением «пчела»: литовское *bitė*, латышское *bite*, ирландское *beach*, английское *bee*, верхненемецкое *Beie* (литературное немецкое *Biene*), нидерландское *bij*, шведское *bi*, норвежское *bie*, исландское *bú*; часто сюда же относят (хотя и более осторожно) латинское

название трутня *fūcus* и древнегреческое название осы *σφήξ* (*sphéx*). Всё это возводят в конечном счёте к праиндоевропейской основе **bʰt̥-*, **bʰeu-* «пчела».

В старославянском языке обнаруживаются два варианта слова – *бъчела* и *бьчела*, для которых, соответственно, можно реконструировать праславянские формы **bьčela* и **bъčela*. Некоторые этимологи считают, что исконной могла быть форма **bьčela*, которую далее легко связать с глаголом **buciati* «бучать, жужжать». С последним связаны такие слова, как **bukati* «реветь», **buxati* «бухать» и **bukъ* «бык». Таким образом, в основе слов *бык* и *пчела* заложена идея звука, который издают бык и пчела.

М.К. Интересно. А как связать слона и верблюда? Слова *слон* и *верблюд* точно родственными быть не могут. Я вот абсолютно уверена, что они никак не связаны.

А.М. Сами слова, конечно, не являются родственными, но кое-что «слоновье» у славянских «верблюдов» обнаруживается.

Лишь в нескольких славянских языках встречается что-то похожее на русское слово *верблюд*: украинское *верблюд*, белорусское *вярблюд*, польское *wielbłąd*, чешское *velbloud* и словенское *velblod*. В древнерусском языке известны слова *вельблудъ*, *вельбудъ*, в старославянском – *вельбждъ*, *вельблждъ*. Такие формы слова недвусмысленно говорят о том, что в слове произошла диссимилиация *л/л* → *л/р*. На праславянском уровне восстанавливается слово **velьbьrdъ*, которое было заимствовано из готского *ulbandus* «верблюд» и слегка переосмыслено на ос-

нове сближения с праславянским прилагательным **velъjъ* «великий, большой». Само же готское слово *ulbandus* далее происходит от древнегреческого *ἐλέφας* (*eléphās*) «слон» (в родительном падеже – *ἐλέφαντος*, *eléphantos*; ср. английское *elephant*, немецкое *Elefant*, французское *éléphant* – все в значении «верблюд»). Таким образом, семантически оказались связанными слон и верблюд.

М.К. А по какому признаку они оказались связаны? Я что-то никак не пойму.

А.М. Когда готы заимствовали название этого животного, они довольно смутно представляли себе, как оно выглядит. Для них было понятно лишь то, что *ulbandus* – это такой мощный зверь, который может переносить на себе грузы. Собственно говоря, по этой функции и были отождествлены эти животные.

М.К. А откуда взялось слово *слон*? Не удивлюсь, если оно связано со страусом или попугаем какаду.

А.М. Могу гарантировать, что с этими птицами оно точно не связано. Русское *слон* происходит из праславянского **slonъ* «слон», откуда украинское *слон*, болгарское *слон*, сербохорватское *слон*, словацкое *slon*, чешское *slon* и польское *ślón*. Это всё, что я могу сказать точно. С глубинной семантикой труднее, так как в других языках аналогов не обнаруживается. Предлагались самые разные версии происхождения этого слова, но из них лишь одну считают наиболее достоверной. Скорее

всего, праславянское **slonъ* происходит от тюркских языков и связано с турецким *aslan (arslan)* «лев».

М.К. Насколько же неразборчивыми были эти древние славяне, что спутали льва и слона! Я что-то едва верю в такую теорию. Есть другие?

А.М. Существует версия, согласно которой слово **slonъ* происходит от глагола **sloniti se* «прислоняться». Объясняют такое сопоставление тем, что якобы слон прислоняется к какому-нибудь дереву, когда отдыхает.

Тюркская версия всё же считается более популярной у нас, в России. Фонетически возможно, чтобы от *aslan* произошло что-то наподобие праславянского **slonъ*. Точно так же, например, слово *лошадь* могло произойти от тюркского слова, родственного чувашскому *лаша* «лошадь» и казахскому *алаша* «лошадь».

М.К. Мне кажется, что версия, которая связывает праславянское **slonъ* с глаголом **sloniti se*, более обоснованная. Ведь есть такие названия животных, которые возникли из-за каких-то характерных особенностей их поведения. Например, слово *медведь* – «ведает, где найти мёд», а *ленивец* – «ленивый». Почему бы тогда и слону не называться так из-за его привычки прислоняться к деревьям?

А.М. А ты видела, как слоны прислоняются к деревьям?

М.К. Нет. Но, наверное, они так делают, раз такая версия возникла. А разве нет?

А.М. Я читал, что слонята прислоняются к ногам матери, когда устают. Про взрослых слонов, увы, знаю не так много, чтобы что-то определённо утверждать.

Кстати, слово *медведь* означает не «ведающий, где мёд», а «поедатель мёда». Праславянское слово **medvěď* «медведь», откуда происходят также украинское *ведмідь* (с метатезой), старославянское *медвьѣдь*, сербохорватское *медвед*, чешское *medvěd*, *nedvěd*, польское *niedźwiedź* (в формах с начальным *n* произошла так называемая дистактная ассимиляция), в раннем праславянском, скорее всего, выглядело как **meduēdis*, где первая часть происходит от праиндоевропейского слова **médʰu* «мёд», вторая – от корня **h₁ed-* «есть».

Слово *медведь* – это к тому же эвфемизм (от древнегреческого *εὐφημισμός*, *euphēmismós* «смягчённое выражение»). Мы, вообще говоря, не знаем, как звучало реальное название этого животного у праславян. В прочих индоевропейских языках используются совершенно другие названия медведя: латинское *ursus*, древнегреческое *ἄρκτος* (*árktos*), санскритское *𑂔𑂗𑂢𑂰* (*ṛkṣa*), персидское *خرس* (*xīrs*), армянское *սյրջ* (*arj*), валлийское *arth* – все происходят от праиндоевропейского **h₂r̥tḱos* «медведь». Вероятно, в праславянском языке также существовало слово того же происхождения, но славяне его заменили на более «благозвучное» **medvěď*.

М.К. А почему вдруг слово стало эвфемизмом? Почему вдруг славяне решили заменить одно слово на другое? Оно им чем-то не нравилось, что ли?

А.М. Мы иногда избегаем употребления тех или иных слов в речи. Скажем, если нам неудобно произносить словосочетание *женская грудь*, то мы скажем *бюст*. Некоторые женщины стесняются слова *муж*, поэтому говорят *мой*. Матерные слова в русском языке также неоднократно заменялись эвфемизмами (например, слова *блин* и *фиг* прекрасно заменяют всем известные «крепкие словечки»). Такие слова-заменители и называются эвфемизмами. Когда целое общество начинает избегать употребления определённых слов (из религиозных соображений, из-за страха, стыда и т. д.), то это уже называется табу.

В славянских языках под табу попал не только мишка, но и, например, змея. От праславянского **zmbja* происходят украинское *змія*, болгарское *змия*, сербохорватское *змија*, чешское *zmije*, польское *żmija*. Само праславянное **zmbja* связано со словом **zemja* «земля», то есть змея – это такой «земной гад». Аналогично албанское слово *vetje* «гусеница», восходящее к ранней форме *dhetje*, связано со словом *dhe* «земля». В других языках свои названия змеи: латинское *anguis* и *serpens*, древнегреческое *ἑρπετόν* (*herpetón*), санскритское सर्प (*sarpa*), नाग (*nāga*), древнеармянское *шл̄* (*awj*), литовское *angis*; им родственно праславянное **ožь* «уж», откуда русское *уж*.

М.К. Я задумалась над словом *белка*. Мне кажется, что оно должно быть как-то связано со словом *белый*, но белки совсем другого цвета. Как это объяснить?

А.М. Слово *белка* действительно связано со словом *белый*. В древнерусском языке существовало слово *въверица* «белка» (ср. украинское *вивірка*, белорусское *вавёрка*, македонское *верверица*, словенское *veverica*, словацкое *veverica*, чешское *veverka*, польское *wiewiórka*, литовское *voverė*, латышское *vāvere* – все в значении «белка»), которое сегодня уже мало кому известно. В летописях встречается словосочетание *бѣла въверица* «белая белка». Вероятно, со временем слово *въверица* выпало из сочетания, а слово *бѣла* стало выполнять номинативную функцию всего сочетания и вскоре превратилось в *бѣлка* (ср. украинские слова *білка*, *білиця* «белка»).

Такой механизм появления новых слов и новых значений в лингвистике называется эллипсис (от древнегреческого *ἔλλειψις*, *éllipsis* «нехватка; опущение»). Аналогичным образом возникло слово *столовка* из *столовая*, далее от сочетания *столовая комната*.

М.К. И всё же, почему именно *бѣла въверица*? Белки имеют тёмный или рыжеватый окрас, но никак не белый.

А.М. На территории Древней Руси вполне могли встречаться белки светлого окраса. В Историко-этимологическом словаре современного русского языка Павла Яковлевича Черных по этому поводу есть интересное свидетельство из «Журнала» путешественника Николая Петровича Рычкова за 1769-1770 годы, где говорится, что «между белками, ловимыми в Камских лесах, изредка попадаются совсем белые, которых ловцы называют князьями беличьего рода».

М.К. Внезапно пришла мысль о том, что и слово *бельё*, явно связанное со словом *белый*, может быть любого цвета, но при этом всё равно называется *бельём*, а не *чёрным*, *синьём*, *зеленьём* или ещё как-нибудь.

А.М. Да, замечание верное. Слово *бельё* мы легко можем связать со словом *белый*, но только если задумаемся об этой связи. Как правило, люди о ней даже не задумываются. Эта утрата связи слова с его этимоном, то есть первоначальными формой и значением, называется деэтимологизацией.

М.К. Между словами *белка* и *белый* разрыв не такой большой. Связь по-прежнему ощущается, поэтому сочетание слов *белая белка* мне ещё кажется немного странным. Но почему-то меня совершенно не коробят словосочетания *чёрные чернила* или *белое бельё*, хотя всё это, по-моему, такая же тавтология.

А.М. У лингвистов это называется этимологической фигурой. Это явление очень похоже на тавтологию, но есть небольшая разница. Она состоит в том, что тавтологию мы всегда легко распознаём, так как понимаем, что перед нами однокоренные слова (*рассказывать сказку*, *спеть песню* и т. д.), а этимологическую фигуру мы можем не осознавать, так как в результате деэтимологизации родство слов перестаёт бросаться в глаза и может быть обнаружено далеко не каждым носителем языка (*умереть своей смертью*, *мазать маслом*, *обстрелять стрелами* и т. д.).

Если ты говоришь, что тебя «совершенно не коробят» сочетания слов *чёрные чернила* или *белое бельё*, то это свидетельствует о том, что перед тобой скорее этимологическая фигура. Вполне нормальными кажутся и сочетания слов *чёрная белка*, *красное бельё* и *синие чернила*. Несоответствие значения слова его этимологической мотивировке, которое просматривается в данных примерах, также говорит о том, что произошла деэтимологизация.

М.К. Через несколько столетий, наверное, без этимологического анализа связь между словами *белый*, *белка* и *бельё* уже нельзя будет определить.

А.М. Вполне возможно. Ведь слово *болото* тоже когда-то было связано со словом *белый*. Сегодня только лингвист сможет увидеть связь между словами.

М.К. А какая связь может быть у значений «болото» и «белый»? Болота разве белые?

А.М. На этот вопрос пока удовлетворительного ответа нет, но известно, что в некоторых языках просматривается связь между этими словами (ср. литовские слова *balas* «белый» и *bala* «болото», польские *biały* «белый» и *biel* «болото»). Есть мнение, что такое отождествление пошло из-за пушицы, которая произрастает на болотах, покрывая их белым ковром.

М.К. Давно хочу спросить тебя о слове *каракатица*. Оно вряд ли заимствованное, но до его внутренней формы я не могу

добраться. Мне кажется, вряд ли оно состоит из слов *кара* (от глагола *каратъ*) и *катиться*, но это первое, что пришло на ум. Какова реальная этимология этого слова?

А.М. Это вообще классический пример того, как может затемняться этимология слова. В ряде случаев мало просто знать фонетические законы и уметь подбирать корни. Важно ещё понимать роль словообразования в этимологии. Мы этому вопросу внимания не уделяли, хотя следовало бы. Пожалуй, покажу на этом примере.

Слово *каракавица* происходит от более ранней формы *корокавица* (точно так же слово *каравай* происходит от *коровай*). Без особого труда мы можем выделить в этом слове суффикс *-иц* и окончание *-а* (как в словах *девица*, *лужица*, *курица* и т. д.). В итоге получаем неясную на первый взгляд форму прилагательного **короката*, в мужском роде – **корокатъ*. Знатоки словообразования смогут разглядеть в этом прилагательном ещё один суффикс *-ат-ъ* (как в словах *полосать* «имеющий много полос», *волосать* «имеющий много волос» и т. д.). Таким образом, слово **короката* должно означать «имеющая много корок». На этом словообразовательная артподготовка заканчивается, начинается фонетический и семантический анализ. Слово **корокъ*, полученное нами в ходе разложения на части, вряд ли тебе о чём-то говорит. Но мы ведь уже знаем, что русские полногласные формы с *оро* имеют в южнославянских языках соответствия с *ра*. В болгарском языке мы обнаруживаем слово *крак* «нога», в сербохорватском – *крак* «продолговатая часть, ответвление, длинная нога», *кракат* «длинноногий», которые вместе с исчезнувшей древнерусской полногласной формой **корокъ* (ср.

русское *окорок*) восходят к праславянскому **korkъ* «нога». Таким образом, с опорой на словообразование, фонетику и семантику мы установили, что слово *каракатица* означает «многоногая». Никакой «катящейся кары» тут нет в помине.

М.К. Размышляя над словом *gora* «лес» в болгарском языке, судьбой готского *ulbandus* «верблюд» и другими подобными случаями, я невольно задумалась о границах семантических сдвигов. Кажется, что их практически нет. Мне кажется, что значения даже могут меняться на нечто абсолютно противоположное.

А.М. Смена значений редко происходит в совершенно противоположных направлениях, хотя и такое, конечно, встречается. Это явление называется энантиосемией (от древнегреческого *ἐναντίος*, *enantíos* «противоположный»).

Обычно под энантиосемией понимают способность слова выражать антонимические значения. Например, слово *прослушать* может означать «выслушать от начала до конца» (*прослушать лекцию*), но также может означать «слушая, не воспринять сказанного» (*прослушать, что только что сказали*). Всё же часто энантиосемию понимают именно в диахроническом аспекте, как противопоставление двух слов, имеющих общее происхождение.

Например, в русском языке имеется слово *урод*, которое, очевидно, вызывает не самые лучшие ассоциации. Но вот польское слово *uroda* имеет значение «красота» (в Польше даже издаётся женский журнал с таким названием). Оба слова происходят из праславянского **rodъ* «род».

Русское слово *чёрствый* (например, о хлебе) как-то не очень хорошо соотносится по смыслу с чешским *čerstvý* «свежий» (*čerstvý chleba* «свежий хлеб»), хотя оба слова происходят от праславянского **čьrstvъ* «крепкий, твёрдый, прочный».

Русское слово *гость* мы обычно понимаем в хорошем смысле (неприятен нам может быть разве что незваный гость), английское *guest* «гость» тоже воспринимается англичанами положительно. Оба слова происходят от праиндоевропейского **gʰóstis* «гость; чужак», откуда в латыни возникло слово *hostis* со значением «враг». Вот такие бывают «семантические перевёртыши».

М.К. Любопытные примеры. Смешные. Эти слова тоже можно назвать «ложными друзьями переводчика»?

А.М. Это самые типичнейшие «ложные друзья».

М.К. Однажды я обратила внимание на то, что английское слово *gift* «подарок» абсолютно идентично немецкому слову *Gift* «яд». Сначала я думала, что такое внешнее сходство случайно. Теперь же мне кажется, что это родственные слова. Просто их значения разошлись и со временем стали почти противоположными. Я права?

А.М. Очень интересный случай. Оба слова происходят от прагерманского **giftiz* «нечто данное; дар, подарок», от **gebaną* «давать» (отсюда немецкое *geben* «давать», нидерландское *geven* «давать», английское *give* «давать»). Английское *gift*, нидерландское *gift*, исландское *gift* сохраняют исконное значе-

ние, которое чаще воспринимается положительно. Но «нечто данное» в реалиях средневековой Европы могло восприниматься и в негативном смысле: можно подарить что-то ценное, но можно и яд поднести. Таким образом, уже древненемецкое слово *gift* приобретает значения «подарок» и «смертельный дар», из которых сохранилось лишь второе. Поэтому немецкое слово *Gift* сегодня имеет значение «яд».

М.К. Когда мы обсуждали заимствования, я обратила внимание на то, что их семантика более узкая, более специфичная, чем у слов в языке-источнике. Например, немецкое слово *Fräulein* означает «девушка», а русское слово *фрейлина* – это «придворная дама»; английское *business* означает «дело», «занятие», «предпринимательство», а русское слово *бизнес* – это только «предпринимательство». Почему остальные значения не переходят в русский язык вслед за заимствуемым словом?

А.М. Заимствуя из другого языка какое-либо слово, мы обычно не знаем всего спектра его значений в языке источнике. Более того, весь спектр значений нам вовсе не нужен, ведь мы заимствуем слово, чтобы с его помощью называть одну единственную конкретную вещь или конкретное явление. Для других вещей и явлений у нас есть свои слова. Зачем нам заимствовать все значения, скажем, немецкого слова *Absatz* «остановка; уступ, ступень; отступ; каблук; сбыт»? Слово *абзац* нам было нужно только для того, чтобы обозначать им часть текста, пишущуюся с красной строки, или саму красную строку. Для чего нам все эти бесчисленные значения английского слова *set*? Русское *сет* было перенято только в спортивный лексикон, чтобы

обозначать им теннисную партию. Мне кажется, это очевидная вещь, если угодно, трюизм.

М.К. Ну да, это логично. Я немного не подумала о том, что заимствование отражает только то, что им хотят обозначить.

Другой вопрос. Я читала, что заимствоваться могут не только слова, но и значения. Например, русское выражение *взять такси* возникло под влиянием английского выражения *get a taxi*, которое дословно так и переводится. То есть, получается, слово *взять*, которое бесспорно русское, заимствовало только значение «вызвать». Это так?

А.М. Это так называемые фразеологические кальки. Но выражение *взять такси* возникло скорее под влиянием французского *prendre un taxi*. Английское выражение *get a taxi* и аналогичное немецкое выражение *ein Taxi nehmen* тоже возникли под влиянием французского.

Некоторые русские фразеологизмы являются дословными переводами иностранных выражений. Например, выражение *быть не в своей тарелке* – это дословный перевод французского *ne pas être dans son assiette*; выражение *целиком и полностью* – почти дословный перевод немецкого *voll und ganz*.

Бывает и такое, что уже существующее в языке слово принимает дополнительное значение, позаимствованное из другого языка. Это уже так называемая семантическая калька. Скажем, слово *трогать* в русском языке означает «прикасаться к чему-либо», а также «эмоционально воздействовать». С последним значением связано слово *трогательный*, возникшее в русском языке лишь в XVIII-XIX веках. Оно пришло к нам от

французского глагола *toucher* «трогать», который уже давно обладал таким значением (ср. французское *touchant* «трогательный»).

М.К. А не могло это новое значение у слова *трогательный* развиться в русском языке само по себе, не от французского влияния? Было бы странно, что русское слово *трогать* просто так переняло какое-то чужое значение. Мне кажется, оно могло его и само развить. В английском слово *touching* тоже может означать «трогательный».

А.М. В некоторых случаях общие переносные значения возникают независимо. Но тут другая история. Слово *трогательный* и новое значение глагола *трогать* возникли в русском как раз во время активного калькирования из французского, в эпоху, когда в литературе господствовал сентиментализм и творил его главный представитель Николай Михайлович Карамзин. Если я не ошибаюсь, как раз он и придумал слово *трогательный*. Что касается английского слова *touching* «трогательный», то оно происходит от глагола *touch* «трогать», который сам заимствован из французского *toucher* «трогать». Значение «эмоционально воздействовать» у английского глагола *touch* при этом отмечается уже с XIV века.

М.К. А можешь назвать примеры тех слов, переносные значения которых возникли независимо? И почему они возникли независимо?

А.М. Независимые совпадения переносных значений слов в разных языках можно объяснить либо случайностью, либо универсальностью человеческого восприятия. Очевидные аналогии часто приводят к возникновению похожих метафор. Рассмотрим несколько примеров.

В русском есть глагол *понимать*, в котором мы обнаруживаем тот же корень, что в словах *отнимать*, *иметь* (близко по смыслу к глаголу *брать*). Очевидно, что схожей семантикой обладают французское *comprendre* «понимать» (ср. французское *prendre* «брать»), итальянское *comprendere* «понимать» (ср. итальянское *prendere* «брать»), испанское *comprender* «понимать» (ср. испанское *prender* «собрать; схватить»). Все эти слова происходят от латинского *comprehendō* «понимать», от *com-* «с-» и *prehendō* «брать, хватать». Аналогичная семантика у итальянского глагола *capire* «понимать» и немецкого *kapieren* «понимать», которые происходят от латинского *capīō* «брать». Немецкое слово *begreifen* «понимать, соображать» состоит из приставки *be-* и глагола *greifen* «хватать». Английское *grasp* означает «хватать» и «понимать». Та же «берущая» семантика у других слов со значением «понимать»: у болгарского *разбирам*, албанского *kuptoj*, греческого *καταλαβαίνω* (*katalavaíno*), финского *käsittää*, венгерского *felfog*. Можно было бы продолжать список таких странных совпадений и дальше, но и без этого видно, что во многих европейских языках значение «понимать» связано со значением «брать», то есть процесс усвоения информации у носителей языка ассоциируется с процессом принятия.

Интересен пример с латинским словом *testa* «горшок; черепица», от которого происходят французское *tête* «голова», итальянское *testa* «голова», испанское *testa* «голова». Очевидно,

что значение слова в период существования вульгарной латыни сдвинулось и затем закрепилось за названными романскими словами, которые потеснили по праву претендующие на то же значение ответвления от латинского *caput* «голова» (ср. французское *chef* «глава, начальник», итальянское *capo* «голова; глава, начальник», испанское *cabeza* «голова»). В немецком языке есть слово *Kopf* «голова», которое восходит к латинскому *cūpa* «бочка, кадка» и родственно английскому *cup* «чашка» (исконным в значении «голова» является слово *Haupt*, которое сегодня означает «глава, начальник»). Аналогичным образом, скажем, и мы в шутку называем голову *котелком*. Правда, у нас дальше шутки дело не пошло, а в романских языках и немецком голову серьёзно (хотя уже и неосознанно) называют «горшком» или «чашей».

Метафорами дело не ограничивается. Общий метонимический перенос можно наблюдать в словах со значением «язык». Само значение требует уточнения, так как под языком можно понимать мышечный орган в полости рта или знаковую систему. Иногда эти значения несут разные слова. Например, в немецком сосуществуют *Zunge* «язык (орган)» и *Sprache* «язык (знаковая система)», в латышском – *mēle* «язык (орган)» и *valoda* «язык (знаковая система)», в хинди – जीभ (*jībh*) «язык (орган)» и भ्रष्ट (*bhāṣā*) «язык (знаковая система)», в японском – 舌 (*shita*) «язык (орган)» и 言語 (*gengo*) «язык (знаковая система)», во вьетнамском – *lưỡi* «язык (орган)» и *tiếng* «язык (знаковая система)». Эти слова чётко различаются по значениям. Но французское *langue*, чешское *jazyk*, греческое γλώσσα (*glóssa*), персидское زبان (*zabân*), армянское լիզու (*lezu*), грузинское ზბ (*eba*), финское

kieli, венгерское *nyelv*, турецкое *dil*, чеченское *мотт*, монгольское *хэл* и т. д. имеют оба значения одновременно, причём первичное значение во всех этих языках – «мышечный орган».

М.К. Хочется спросить тебя ещё о семантике имён людей. В одном справочнике имён я прочитала, что имя *Марина* означает «морская». Каждое ли имя имеет своё «значение»?

А.М. Имена собственные (в том числе имена людей и названия географических объектов) тоже происходят от обычных слов языка. Поэтому, разумеется, можно найти внутреннюю форму и у имён. Историей имён собственных занимается наука ономастика (от древнегреческого *ὀνομαστική*, *onomastikḗ* «искусство давать имена»).

Имя *Марина* – женский вариант римского имени *Марин*, которое происходит от латинского *marīnus* «морской», далее от *mare* «море». Имя *Александр* происходит от древнегреческого *Ἀλέξανδρος* (*Aléksandros*), что можно перевести как «защитник людей». В составе этого имени хорошо выделяются греческие слова *ἀλέξω* (*aléksō*) «защищать» и *ἀνήρ* (*anḗr*) «человек». Имя *Михаил* к нам пришло из древнегреческого *Μιχαήλ* (*Michail*), а в нём уже возникло из древнееврейского *מִיכָאֵל* (*mikha'él*), включающем компоненты *מִ* (*mí*) «кто», *כֹּ* (*ka-*) «подобен» и *אֵל* (*él*) «Бог». Таким образом, имя *Михаил* означает «кто подобен Богу».

М.К. Русские имена в основном заимствованные, насколько я понимаю? Я редко встречаю такие имена, которые можно было бы назвать славянскими.

А.М. Разные у нас имена. Славянские, латинские, греческие, еврейские... Большая часть активно используемых сегодня имён относится к календарным, то есть к таким, которые давались людям до начала XX века по православному церковному календарю. Естественно, что они большей частью заимствованы.

В дохристианскую эпоху использовались прозвища, которые фактически выполняли функцию имени. Среди простых людей чаще всего встречались имена типа *Голова, Кошка, Малюта, Мороз, Черный, Забава, Любава* и т. д. Эти имена, как ты видишь, славянские. У людей, принадлежащих к княжескому роду или высшей боярской аристократии, были, как правило, двухосновные имена вроде *Владимир, Всеволод, Вячеслав, Святослав, Ярослав* и т. д. Некоторые из них вошли в именослов, поэтому сохранились.

В древнерусскую эпоху вместе с варягами пришли в русский язык имена *Олег, Игорь, Ольга* и др. Имена *Олег* и *Ольга* восходят к древнескандинавским именам *Helgi* и *Helga*, образованным от древнескандинавского *heilagr* «святой» (родственно английскому *holy* «святой» и немецкому *heilig* «святой»). Имя *Игорь* и его вариант *Ин(ъ)гварь* связаны с древнескандинавским *Yngvarr*, от имени бога *Yngvi* «Ингви» (более известен как *Freyr* «Фрейр»).

Христианские имена, которые давались по церковным календарям, обычно имеют греческое (*Александр, Андрей, Василий, Пётр, Филипп, Анастасия, Варвара*), латинское (*Валерий, Максим, Павел, Роман, Валентина*) или древнееврейское происхождение (*Иоанн, Михаил, Анна, Мария*). Многие из этих имён приживались долго, со временем искажались, давая разные варианты одного имени. Например, в именах *Иоанн, Феодор, Да-*

нили сочетания гласных (зияния), не свойственные русскому языку, были устранены, поэтому сегодня мы чаще используем имена *Иван, Фёдор и Данил*. В именах *Екатерина, Елизавета, Анастасия* со временем исчезал начальный гласный, и в результате получились имена *Катерина, Лизавета, Настасья*. Появились неформальные варианты имён: *Ваня, Федя, Даня, Катя, Лиза, Настя*. Некоторые имена как бы «разделились» и сегодня нами воспринимаются как независимые. Например, имя *Елена* превратилось в самостоятельное имя *Алёна (Олёна)*, а имя *Ирина* – в *Арина (Орина)*.

В XVIII веке при дворе стали появляться всякие *Мари, Пьеры, Сержи, Жоржи* – всё это наши *Марии, Петры, Сергеи и Георгии*. Просто модно было в светском обществе величать друг друга на иностранный манер. Многие имена уже в XX веке заимствовались под влиянием западноевропейской литературы. Отсюда имена *Альфред, Артур, Эдуард, Ада, Алиса, Анжелика, Жанна, Нелли, Эмма* и т. д.

М.К. А в советскую эпоху разве не появлялось новых имён? Я вот слышала, что имя *Нинель* – это обратное прочтение фамилии *Ленин*. Хотя мне кажется, что оно больше связано с именем *Нина*.

А.М. Имя *Нина*, вероятнее всего, грузинского происхождения. *Нинель* – это на самом деле обратное прочтение фамилии *Ленин*. Просто в нашем сознании они стали отождествляться из-за похожести.

В советский период создавалось много имён-неологизмов, некоторые из которых сегодня могут просто шо-

кировать: *Авангард, Энергий, Георгина, Идея, Ноябрьрина, Правда, Радиана, Тайна* и т. д. Они в основном ушли из употребления, да и в советские времена встречались крайне редко.

М.К. Никогда не задумывалась над тем, что имена происходят из обычных слов. Но при этом давно обращала внимание на то, что некоторые слова происходят от имён людей. Я вот знаю слова *объегорить* и *подкузьмить*, которые явно происходят от имён *Егор* и *Кузьма*. Также мне известно, что с именем Юлия Цезаря связано название месяца *июль*. Наверное, существует ещё целая куча слов со своими значениями, которые восходят к какому-нибудь имени. Я права?

А.М. Слова *объегорить* и *подкузьмить* довольно редкие и, можно сказать, забытые. Удивительно, что ты о них знаешь. Слово *объегорить* связано с днём памяти святого Георгия (с именем *Георгий* связаны также имена *Егор* и *Юрий*), когда истекали сроки несения сельскохозяйственных повинностей. Таким образом, *объегорить* означало «обмануть к Юрьеву дню». Слово *подкузьмить*, в свою очередь, связано с днём святых Козьмы и Демьяна, который считался днём окончания сельскохозяйственных сделок, и означало «расстроить надежды, связанные с Кузьминым днём». Оба слова, как ты можешь видеть, имеют негативный смысл.

Вспомнилось ещё слово *простофиля*. Оно связано с именем *Филя*, вариантом имени *Филипп* (от древнегреческого *Φίλιππος*, *Philippos* «любящий коней»). Вероятно, негативная коннотация возникла потому, что носителей этого имени считали простаками (ср. имя героя русских сказок *Иван-дурак*).

Не только название месяца *июнь* связано с именем. Название месяца *август* связано с именем преемника Цезаря Октавиана Августа. Название месяца *январь* связано с именем бога Януса, название месяца *март* – с именем Марса. В европейских языках ты можешь встретить названия дней недели, которые происходят от имён различных богов. Например, английское *Tuesday* «вторник» – это день бога Тюра, *Wednesday* «среда» – день бога Одина (Вотана), *Thursday* «четверг» – день Тора, *Friday* «пятница» – день Фрейи.

Названия некоторым изобретениям также иногда даются по фамилиям их изобретателей. Например, название оружия *наган* происходит от фамилии братьев Эмиля и Леона Наганов, слово *кольт* происходит фамилии оружейника Сэмюэла Кольта, название винтовки *винчестер* происходит от фамилии предпринимателя Оливера Фишера Винчестера, который владел оружейной фирмой. Слово *гильотина* происходит от фамилии врача Жозефа Игнаса Гильотена, который предложил использовать отсечение головы с помощью специальной машины вместо четвертования, повешения или сожжения. Слово *дрезина* – от фамилии немецкого барона Карла Дреза, который изобрёл прототип велосипеда (велодрезина). Слово *лабутены* (или *лубутены*) – от фамилии французского дизайнера Кристиана Лубутена, который изготавливал туфли с красной подошвой. Слово *сэндвич* связано с именем Джона Монтегю, 4-го графа Сэндвичского, который придумал этот бутерброд; граф был заядлым картёжником и мог играть в карты сутками напролёт, поэтому и вынужден был придумать способ питаться быстро, не прерывая самой игры.

Названия единиц измерения *ом*, *ампер*, *ньютон*, *фарад*, *вольт* и т. д. происходят от фамилий известных учёных (Георг Ом, Андре-Мари Ампер, Исаак Ньютон, Майкл Фарадей, Алессандро Вольты).

Слова типа *сталинизм*, *маоизм*, *марксизм*, *ленинизм*, *голизм*, *франкизм*, *гандизм* также происходят от фамилий людей (Иосиф Сталин, Мао Цзэдун, Карл Маркс, Владимир Ленин, Шарль де Голль, Франсиско Франко, Махатма Ганди).

Особенно интересна история слова *бойкот*, известного во многих языках. Английское *boycott* возникло в 1880 году от фамилии английского управляющего Чарльза Бойкотта, который нанимал рабочих для своего хозяина в Ирландии. В злополучном для него 1880 году в Ирландии проходила крупная забастовка рабочих, против которой выступил Бойкотт. Земельная Лига Ирландии тут же призвала всех местных жителей игнорировать управляющего, не обслуживать его в магазинах, не разговаривать на улицах, даже не садиться рядом в церкви. Этот случай быстро стал известен в британской прессе и приобрёл гигантский резонанс в английском и ирландском обществе, а фамилия Бойкотта вдруг стала именем нарицательным.

Более интересными, как мне кажется, являются те слова, которые происходят от имён, но их связь с именем уже стёрлась из нашей памяти. Так, с именем Юлия Цезаря связано русское слово *царь*. Латинское *Caesar* было заимствовано готами и адаптировано в готском языке в виде *kaisar* (ср. немецкое *Kaiser* «император», откуда русское *кайзер*). Далее оно пришло в праславянский и приняло вид **cěsarjь*. От последнего происходят русское *царь*, сербохорватское *цесар*, чешское *císař* и польское *cesarz*. От греческой передачи имени *Καῖσαρ* (Kaïsar) про-

исходит ещё один дублет *кесарь*. Также известно, что с именем франкского императора Карла Великого связано русское слово *король*, болгарское *крал*, сербохорватское *краль*, чешское *král*, словацкое *kráľ*, польское *król*.

Примеры, которые я привёл, составляют лишь малую часть списка слов, произошедших от имён и фамилий. Конечно, таких слов на самом деле очень много.

М.К. Ты сказал, что и географические названия тоже происходят от обычных слов, поэтому что-то значат. Я могу вполне понять, какова семантика названий *Пятигорск* или *Красноярск*, но мне совершенно неясно, что означает *Москва* или *Дон*. Насколько я понимаю, это связано с древностью самих названий?

А.М. Да, чем древнее название, тем труднее, понять, откуда оно взялось. Многие топонимы, то есть названия местностей, населённых пунктов, рек, озёр, гор, имеют очень древнюю историю, поэтому их бывает трудно этимологизировать.

Часто названия переходят от коренного населения к пришлому, иногда при этом искажаясь. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на карту обеих Америк, где множество индейских названий, некоторые из которых были искажены и даже переосмыслены пришлыми европейцами. Поскольку индейские языки активно изучаются сегодня в Западном полушарии, многие из таких названий этимологизируются. Но бывают более трудные случаи.

Как известно, в Европе ещё до нашей эры господствовали кельты, которые оставили после себя множество названий

как рек, так и целых местностей, которыми мы пользуемся до сих пор (*Бельгия, Богемия, Британия, Галисия, Дублин, Лион, Париж, Пуатье, Сена, Труа* и др.). Многие из таких названий были унаследованы кельтами от какого-то доиндоевропейского населения, языков которых мы не знаем, а потому ничего конкретного сказать об этом не можем. Например, английское название *London* «Лондон» возникло из латинской формы *Londinium*, но римляне позаимствовали его у кельтов, а те – у народов, которые жили в Британии до их прихода. Название *Thames* «Темза» тоже является кельтским, его даже пытаются возвести к праиндоевропейскому корню **temH-* «тёмный» (отсюда же русские слова *тьма, тёмный*), но это версия, которую трудно сейчас проверить. Кельты вполне могли и переосмыслить заимствованное у аборигенов название.

Чуть проще этимологизировать те европейские топонимы, которые возникли уже в период «индоевропейского владычества». Хотя и тут не обойтись без массы версий. Название *Волга* можно легко связать с русским *влага, влажный*, диалектным *волглый*. Из множества версий происхождения гидронима *Москва* (город получил своё название по реке, на которой стоит), вероятно, наиболее достоверными являются славянская и балтийская гипотезы; если опустить некоторые детали, обе гипотезы возводят это название к праиндоевропейскому корню **mesg-* «макать, погружать» (сюда же латинское *mergō* «погружать», латышское *mazgāt* «мыть, купать, стирать»).

Внутренняя форма таких топонимов может показаться странной, но, если приглядеться к другим географическим названиям на карте мира, то можно увидеть, что на самом деле ничего странного в этом нет, так как в разных частях света ме-

ханизмы номинации зачастую одни и те же. Города часто получают своё название по рекам, озёрам, особенностям рельефа местности, занятиям населения, залежам полезных ископаемых и т. д. Реки часто названы по цвету воды, особенностям дна и течения. Например, название китайской реки *Хуанхэ* (по-китайски – 黄河/黄河, *Huáng Hé*) дословно переводится как «жёлтая река»; название реки *Колорадо* (по-английски – *Colorado*) происходит от испанского *colorado* «окрашенный; цветной», далее от *color* «цвет». Река *Неглинная* в Москве, как может показаться, получила своё название по особенностям неглинистого дна, но существует гипотеза, что это переосмысление более древнего балтийского названия, которое означало «неглубокая река» (ср. литовские слова *gilmė*, *gelmė*, *giluma* «глубь, глубина»).

Интересны названия рек *Дон* и *Дунай*. Гидроним *Дон*, известный грекам под названием *Tánaï̄s* (*Tánaïs*), берёт свои истоки из праиндоиранского **dāni* «река», от которого происходит также осетинское *дон* «вода». Название *Дунай* (в латинском – *Dānubius*) пришло из кельтского **Dānouyos*. Оба слова в конечном счёте восходят к праиндоевропейскому корню **d^henh₂-* «бежать, течь». Сюда же, вероятно, следует относить названия *Днепр* и *Днестр*.

Многие названия рек дословно означают «река», «вода», «ручей». Такова внутренняя форма названий *Инд* (ср. санскритское सिन्धु, *sīndhu* «река»), *Кама* (ср. удмуртское *кам* «река»), *Енисей* (ср. эвенкийское название *Ионесси* «большая вода»).

В общем, как ты можешь видеть, внутренняя форма некоторых топонимов может быть обнаружена с той или иной степенью достоверности. Но эта область по-прежнему полна зага-

док. Именно поэтому она так привлекательна для лингвофриков, которые спешат создать свою «самую правильную» версию происхождения того или иного топонима, не считаясь ни с накопленным лингвистическим опытом, ни с реальной историей, ни даже с логикой.

М.К. Мы в одной из прошлых бесед говорили о том, что есть праязыки разных уровней. Глубже праиндоевропейского мы пока не копали, когда затрагивали фонетические переходы и заимствования, но из нашей беседы о языковом родстве я поняла, что всё это прекрасно изучается и исследуется. Хотелось бы знать, а можно ли и в семантике проникнуть до «глубокой воды», до ностратического праязыка?

А.М. Если честно, я очень надеялся, что ты уже никогда не вернёшься к теме ностратики, но, очевидно, под конец ты решила устроить мне сюрприз.

М.К. Люблю устраивать сюрпризы. Каков будет твой развёрнутый ответ?

А.М. Мой развёрнутый ответ будет уклончивым. Ностратика – это такая «глубокая вода», которая не просматривается практически никак. Даже на праиндоевропейском уровне далеко не всё ясно, что уж говорить о таких древностях.

М.К. Ну, хотя бы одно слово...

А.М. У меня нет уверенности в правильности большинства семантических сопоставлений, которые предлагают современные авторы, работающие в области ностратики. Даже в базе данных Старостина можно найти много ответов на запрос, казалось бы, по простым словам. Например, корень со значением «солнце» в праностратическом мог выглядеть как **sjaχu*, **dilV* или **nVзV*. Данные различных ностратических языков весьма противоречивы, поэтому нам предлагается сразу несколько реконструкций. Но есть одно слово, которое я бы мог привести в качестве образца – это слово со значением «борода».

Русское слово *борода* является полногласной формой от праславянского **borda* «борода», от которого происходят также украинское *борода*, болгарское *брада*, сербохорватское *брада*, словацкое *brada*, чешское *brada* и польское *broda*. Балтийские когнаты: литовское *barzda* «борода», латышское *bārda* «борода» и древнепрусское *bordus* «борода». Для балтославянского праязыка можно реконструировать слово **bardā* «борода». За пределами балтославянского ареала в Европе обнаруживаются похожие слова со значением «борода» в западногерманских языках: английское *beard*, немецкое *Bart*, нидерландское *baard*. Для этих слов реконструируется слово **bardaz* «борода». В латыни находим слово *barba* «борода» (из ранней формы **farba*). На основе этих слов реконструируется праиндоевропейское **b^hard^heh₂* «борода».

Вопрос о внутренней форме слова **b^hard^heh₂* и его происхождении дискусионен. Существуют версии о заимствовании славянских и балтийских когнатов из германских языков, а также о его происхождении от корня **b^har-* «выдаваться вперед». Предпринимались попытки связать слово с английским *bristle*

«щетина», немецким *Borste* «щетина», латинским *fastigium* «вершина». Примечательно и то, что слово распространено не во всех индоевропейских языках, а только в ряде языков Европы, что наводит на мысль о том, что это всего лишь регионализм. Албанское *tjekër* «борода; подбородок», армянское *մորուկ* (*moruk'*) «борода; подбородок», санскритское *शमस्रु* (*śmāsru*) «борода», хеттское *zama(n)kur* «борода», ирландское *smech* «подбородок», литовское *smakras* «подбородок» происходят из праиндоевропейского **smókwr̥* «борода; подбородок».

В базе данных Старостина встречается одно ностратическое слово со значением «борода» – **bVrdV*. Очевидно, что праиндоевропейское **b^hard^heh₂* хорошо соответствует этой реконструкции. Для пратюркского реконструируется слово **burut* (ср. узбекское *murt*, туркменское *murt*, казахское *мұрт*, киргизское *мурут* – в значении «усы»), для прамонгольского **burži-* (ср. бурятское *буржагар* «кучерявый»), для пракартвельского – **burɟa* (ср. грузинское *ბურჯაღა*, *burɟa* «оперение»). Все упомянутые выше значения сравниваемых гипотетических когнатов («борода», «усы», «кучерявый», «оперение») попадают в семантическое поле «растительность (человека или животного)». Фонетические соответствия также соблюдены. Собственно говоря, это пока всё, что может служить основанием для того, чтобы считать данные слова родственными.

М.К. Знаешь, это всё же производит сильное впечатление, когда ты видишь, что на таких больших глубинах можно отыскать что-то похожее по виду и по смыслу. Даже если примеры такие очень спорны, факт их наличия уже говорит о том,

что что-то есть на этих глубинах, наука ещё дойдёт до них. Я в это верю.

А.М. Я тоже верю в это. Семантика ещё плохо изучена, но у неё большие перспективы. Я думаю, что именно новые открытия в области семантики позволят нам продвинуться дальше в области сравнительно-исторического языкознания.

М.К. Кажется, на этом вопросы исчерпаны. У нас по курсу есть ещё темы для обсуждения?

А.М. Самое главное мы с тобой уже обсудили. Хотя не обо всём я рассказал так подробно, как хотелось бы, в целом, думаю, мы своих целей достигли. Предлагаю на этом наше путешествие в этимологию закончить.

М.К. Эх, так не хочется останавливаться. Хочется идти дальше, менять тему за темой, расспрашивать о том, откуда какие слова происходят.

А.М. Я тебя прекрасно понимаю, Марин. Но наш диалог невозможно вести бесконечно долго. Неправильно превращать книгу в справочник по происхождению всех подряд слов различных языков мира. Для этих целей существуют этимологические словари. В ходе нашей беседы я привёл достаточное количество дополнительной литературы для более глубокого погружения в тему лингвистики, сравнительно-исторического языкознания и этимологии.

М.К. Я обязательно ознакомлюсь с этой литературой. Знаешь, наше общение серьезно обогатило меня, дало мне много новых знаний. Я стала лучше понимать язык, начала обращать внимание на слова и задумываться об их происхождении. Спасибо, Александр, что поделился своими знаниями и идеями.

А.М. Тебе спасибо, Марина, за это интересное интервью и за хорошие вопросы.

Вместо заключения

М.К. Вот, уважаемый читатель, и подошло к концу наше путешествие в мир языкознания и этимологии. Мы рады, что вы проделали этот путь вместе с нами, читая наше интервью. Я очень надеюсь, что вы узнали много нового и интересного из этой книги.

Из нашего диалога лично я вынесла очень многое. Я поняла, насколько сложен язык – учёные до сих пор не могут понять его сущности! Вечные вопросы о том, как и где он появился, ещё ждут разгадки. Может быть, вы сумеете на них ответить?

Языки очень разные. Одни языки состоят из коротеньких словечек (например, изолирующий китайский язык), другие – из гигантских слов-предложений (вспомните примеры полисинтетических языков). Одни языки богаты самыми разнообразными звуками, в то время как другие настолько бедны фонетически, что все гласные и согласные звуки можно по пальцам пересчитать. Языки кряхтящие, гнусавые, шипящие, щёлкающие, музыкальные – чего только не встретишь на лингвистической карте мира. Сам этот мир языков во всём их многообразии открылся мне только в ходе интервью.

Судьба многих языков, как я выяснила, находится под вопросом. Что станет со многими языками мира через сто или двести лет? Сколько их останется на планете, когда будут жить мои внуки и правнуки? Будет ли один единственный язык для всех или же нам удастся сохранить языковое разнообразие? Над такими вопросами многие даже не задумываются, а ведь это очень важные вопросы.

Очень трудна этимология. Ей любят «заниматься» все кому не лень, но немногие знают, как на самом деле нужно сравнивать слова. Взять любые два похожих слова из разных

языков и объявить их родственными может любой, но только настоящий лингвист способен доказать дальнейшее родство или опровергнуть его. Только зная сложные методы, о которых мы говорили в книге, возможно прийти к достоверному результату.

Лингвофричество – это явление, которое на первый взгляд может показаться безобидным, однако следует помнить, что в нём кроются и опасные зёрна. Ложные этимологии позволяют так же ложно толковать историю целых стран и народов. Этим пользуются псевдоучёные, которые дурят головы миллионам людей в нашей стране и за рубежом. Это ещё один важный вывод, который я сделала для себя в ходе беседы с Александром.

Я уверена, что вы тоже сделали для себя кое-какие выводы, прочитав нашу книгу. Если это так, то целей мы своих достигли.

А.М. Этимология – это всего лишь одна «звезда» на «небосводе» лингвистики. Мы приблизились к ней, полюбовались на неё издали, получили о ней самое общее представление. Путь к этой звезде лежал через «туманности» общего языкознания и «чёрные дыры» компаративистики. Их мы тоже пролетели быстро, успев разглядеть одни очертания. Увидеть всю красоту этого «космоса» вы сможете только тогда, когда отправитесь в путешествие сами. Для этого вам понадобятся более серьёзные «проводники». Читайте труды настоящих учёных и избегайте «астероидов» – воинствующих лингвофриков, которые часто пытаются подделаться под серьёзную науку. Только так вы сможете углубить и расширить ваши знания.

М.К. Эх, Александр, было бы здорово «слетать» ещё куда-нибудь, облететь весь этот «космос». И «пилот» ты, вроде, хороший. Как думаешь, осилим мы ещё одну книгу?

А.М. Время покажет. Может быть, «слетаем» ещё куда-нибудь. Есть и другие интересные «места», которые стоило бы посетить.

М.К. Ну что ж, тогда, думаю, мы не прощаемся навсегда. Всего хорошего, Александр! До новых встреч, уважаемый читатель!

А.М. До новых встреч!

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Книга «Диалог о словах и языке» представляет собой интервью с известным в интернет-среде популяризатором научной этимологии, создателем интернет-сообщества «Интересная этимология» в социальной сети ВКонтакте Александром Михаленко. В ней раскрываются многие сложнейшие вопросы общей лингвистики, сравнительно-исторического языкознания и этимологии. Книга будет полезна и интересна как специалистам в области лингвистики, так и любителям.

АДРЕС ГРУППЫ В VK

<https://vk.com/etimvk>

E-MAIL АВТОРОВ КНИГИ

defe24@ya.ru